ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
СТРАЖ

Annotation

Там, где со злом не могут справиться князья и клирики, инквизиторы и колдуны, — на помощь зовут воспитанников Братства стражей. Людей с даром, способных видеть незримое и остановить тёмных сущностей.

Людвиг ван Нормайенн — один из них. Вольный охотник за порождениями тьмы, он путешествует из княжества в княжество, избавляя мир от злобных душ. Его ждёт работа везде, где происходят необъяснимые события, жестокий мор и странные, неожиданные смерти.

- Содержание
  -
  - История первая
  - История вторая
  - История третья
  - История четвёртая
  - История пятая
  - История шестая
  - Глоссарий
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54

Содержание

Алексей Пехов
Страж

Ш
В
Ю
НЬЮГОРТ
ВОЛЧЬИ ОСТРОВА
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
АЛЬБЕРЛАНД
Лоденау
ТЕМНОЛЕСЬЕ
Руне
Оксеци
Богенхафен
БЬЮРГОН
ГЕСТАНСКИЕ КНЯЖЕСТВА
ШОССИЯ
ЧЕРТИЙСКИЙ ЗАЛИВ
ЗОЛЯН
ЧЕРТИЙ
Ольское королевство
ФИРВАЛЬДЕН
БРОБЕРГЕР
Айзенгау
ПРОГАНСУ
Мальм
ВИТИЛЬСКА
ГЕРЦОГСТВО УДАЛЬН
ЛЕЗЕРБЕРГ
ПРИ
Лонн
ФРИНГЕБОУ
Пулу
ХУНГА
РОВАЛИЯ
Лагонем
Барбург
Котерн
ДЛИННОЕ МОРЕ
КАНТОНСКИЕ ЗЕМЛИ
СВИРЕПЫЙ ОКЕАН
МАРАРА
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
Иретта
Солеймо
ФЛОТОЛИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ЗОЛОТОЕ МОРЕ
ИЛИАТА
ОТТУЗИЯ
ЛИТАВИЯ
КАВАРЗЕРЕ
КОРОЛЕВСТВО ВЕТЕЦИЯ
САРОН
ДИСКУЛЬТЕ
ЮЖНЫЙ ОКЕАН

История первая
Ведьмин яр

Ворон на ржаном поле не было, что и неудивительно при таком пугале. Будь я мало-мальски разумной вороной — встретив подобную страхолюдину, летел бы до княжества Лезерберг, вопя во всю глотку от ужаса.

Пугало было неприятным.

Недобрым.

Злым.

Оно торчало на палке, затянутое в дырявый солдатский мундир времён князя Георга, в широкополой, надвинутой на глаза соломенной шляпе с растрёпанными полями. Голова — мешок, сшитый из рубища и набитый непонятно какой дрянью, казалась одутловатой и непомерно большой. Нарисованная чёрной краской линия рта — зловещая ухмылочка на все лицо — заставляла задуматься о психическом состоянии пугала.

— Улыбка, что называется, мороз по коже, — отметил Проповедник.

Я не ответил, лишь раздражённо дёрнул плечом, и он замолчал. Меня больше заинтересовал серп в правой руке страшилы. Он был покрыт странным буроватым налётом. Возможно, ржавчина, а может, и нет. Я не настолько любопытен, чтобы проверять. Но, судя по улыбке пугала, не удивлюсь, если где-нибудь в меже лежат чьи-то кости. Кто знает, что делает оно ночью, когда вокруг залитые лунным светом поля и на просёлочной дороге появляется одинокий путник?

Я бросил на пугало ещё один оценивающий взгляд и сказал:

— Наверное, ты свирепеешь оттого, что изо дня в день приходится стоять в этом забытом богом месте под ветром, дождём и снегом. И надо думать, тебя порядком допекло гонять ворон. Если хочешь, можешь присоединиться к нашей маленькой компании. Не обещаю, что будет интересно, но всяко лучше, чем торчать на ржаном поле.

Услышав мои слова, Проповедник расхохотался и вытер кровь, текущую из проломленного виска:

— Зачем тебе этот страшила, Людвиг?

— Мне так хочется.

Он фыркнул, слишком громко и театрально, поправил окровавленный, давно уже не белый воротничок своей сутаны, но не стал меня убеждать

оставить затею, за что я был ему безмерно благодарен.

— Что скажешь? — обратился я к пугалу.

Оно ничем не показало, что услышало меня. Лишь ветер трепал торчащую из-под соломенной шляпы паклю волос и пригибал ржаные колосья.

— Ну, как знаешь, — равнодушно сказал я ему, поднимая с земли свой дорожный саквояж, — Если надумаешь, догоняй.

Я пошёл прочь, и Проповедник пристроился в шаге за мной, напевая «Anima Christi» [1], на этот раз переложив её на мотив одной золянской песни. Проповедник у нас ещё тот безбожник и богохульник. Такого, как он, даже среди кацеров [2] Витильского княжества не сыщешь. В былые годы Псы Господни с радостью отволокли бы его на костёр, но теперь времена уже не те, и Проповедник частенько глумится над обряженными в чёрные сутаны братьями по вере. Ему всё сходит с рук.

Перед поворотом я оглянулся. Пугало стояло там же, где и раньше.

— Может, ему нравится гонять ворон? — пробормотал мой спутник.

— Не исключаю такой возможности. В любом случае — стоило попытаться.

Просёлочная дорога виляла среди неубранных полей и казалась давно заброшенной. Никаких следов. Впрочем, впечатление было обманчивым. Люди здесь появлялись, о чём свидетельствовала хотя бы свежесколоченная изгородь. Мы дошли до перекрёстка, где основной тракт вёл к Виону, третьему по размеру городу княжества Фирвальден.

В воздухе пахло жарким летом и грозой, собирающейся на востоке. Неугомонные ласточки носились над самой землёй, кузнечики стрекотали, как угорелые. В общем, ничего интересного. К сельским пейзажам я равнодушен. И если бы мой конь не захромал и его не пришлось продать какому-то жуликоватому типу, стал бы я рассматривать окрестные пасторали столь придирчиво.

Возле дорожного столба, отмечавшего мили, я остановился, мельком взглянул на сухую фигуру Проповедника, подумал наточить кинжал, но на дороге показался регулярный дилижанс, за что я тут же возблагодарил свою удачу.

Кучер остановил громыхающую на ухабах карету, я заплатил ему за проезд, радуясь, что до города ехать меньше часа и мои кости не успеют превратиться в порошок от тряски. Я забрался в экипаж, сел на едко пахнущее кожей сиденье, поприветствовав пассажиров. Их было всего

трое, так что внутри оказалось просторно. Проповедник куда-то делся. Или поехал вместе с кучером, или решил прогуляться пешком. Я не беспокоился о нём. Вот уж кто-кто, а этот зануда от меня никуда не денется, проверено опытным путём.

Я сунул саквояж под сиденье, запихнув его ногой поглубже. Сидевшая рядом со мной пожилая дама крайне кислой наружности и в чёрном чепце подарила мне не слишком восхищённый взгляд и сжала черепаховую ручку сумки, словно опасаясь, что её ограбят. Я мило ей улыбнулся, но должного эффекта не произвёл. Для неё я был слишком странным господином, который путешествует пешком по просёлочным дорогам.

Напротив меня вольготно расположился молодой человек в чёрном бархатном берете с вышитой эмблемой Савранского университета, заведения уважаемого и престижного. Судя по всему, господин студент возвращался в родные края на каникулы. Глаза у него были проворными, так что он почти сразу же заметил кинжал, показавший рукоять из-под моей расстёгнутой вельветовой куртки. Безошибочно определив род моей деятельности, он нахмурился, и следующие двадцать минут я находился под расстрелом его взгляда, полного праведного молчаливого возмущения.

Мне было ровным счётом всё равно, и его назойливое внимание меня ничуть не раздражало. Наконец студент прокашлялся и сказал запальчиво:

— Таким, как вы, не место в свободном княжестве!

— Спасибо за информацию, — вежливо поблагодарил я его, поглядывая на третьего пассажира.

Кажется, он улыбался, во всяком случае, глаза у него были весёлые.

— Я презираю вашу работу!

Вот ведь повезло оказаться рядом с наслушавшимся прогрессивных вольнодумцев дураком. Другой бы на моём месте уже выбросил юного борца за справедливость из дилижанса, но я как человек миролюбивый лишь пожал плечами:

— Поэтому, чтобы вас не раздражать, я не стану её делать прямо сейчас.

Он нахмурился, не понимая, и я спросил:

— Как вы считаете, сколько в дилижансе пассажиров?

— Разумеется, нас только двое!

Сосед студента, действительно, веселился. Плечи его тряслись от смеха.

— Спешу вас огорчить, молодой человек. Нас здесь четверо.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего — с большой опаской, словно я вот-вот на него кинусь, но я как ни в чём не бывало продолжил,

ткнув пальцем в даму в чепце:

— Здесь едет женщина. Судя по одежде, едет уже не первый год.

Она посмотрела на меня с обидой и отвернулась к окну, произнеся губами какое-то ругательство.

— А рядом с вами сидит очень интересный персонаж. Как я понимаю, военный. Во всяком случае, на нём порядком испачканный мундир артиллериста княжества Лезерберг с нашивками уорэнт-офицера второго класса. Помните тот трёхлетний конфликт, когда Фирвальдену показалось, что ущемляют его территориальную целостность? Кажется, парень оттуда. Пулей ему оторвало нижнюю челюсть, так что зрелище, я бы сказал, не очень аппетитное. В данный момент этот бравый вояка дышит вам в ухо, а кровь из его раны капает вам на плечо.

Студент дёрнулся, машинально посмотрел на свою чистую одежду, хотел что-то мне сказать, но, увидев по глазам, что я не лгу и не смеюсь над ним, побледнел.

— Вы шутите? — прохрипел он осипшим голосом.

— С такими вещами я никогда не шучу, уж можете мне поверить.

Он почувствовал себя очень неуютно со мной. Стал бросать взгляды на пустые сиденья, пытаясь увидеть то, что ему видеть не суждено.

— И вы… не собираетесь ничего делать? — нервно спросил студент.

— Нет. Не собираюсь. Во-первых, у меня выходной. Во-вторых, вы этого не одобряете.

Было ещё и «в-третьих» — не все души опасны для человека. Далеко не все. А я не убиваю тех, кто просто хочет жить. Даже если их жизнь мало чем похожа на человеческую. Но я не стал говорить об этом вслух. Идейный молодой человек совершенно не заслуживал подобных откровений.

Он сидел, напрягшись, косил глазами по сторонам, облизывал языком пересохшие губы. Несколько раз студент почти убедил себя в том, что я лгу ему, но первобытный страх перед неведомым оказался сильнее. Он заколотил по стенке дилижанса, заставив кучера остановить его, и с круглыми от страха глазами вывалился на улицу.

Что характерно, даже не попрощавшись. Вместе с ним покинул карету и уорэнт-офицер. Его вся эта ситуация развлекла.

— Зачем вы так с бедным мальчиком? — не выдержала дама, когда дилижанс набрал скорость, и я стал подпрыгивать на сиденье.

— Бедный мальчик любит судить людей и презирать то, чего он не слишком понимает. Пусть ему будет это уроком.

Она покачала начинающей седеть головой:

— Это очень жестоко.

— Отнюдь. Жестоко было бы сказать, что за ним сошёл ещё один пассажир.

— Зря вы едете в Вион, — вдруг сказала она.

— Я должен о чём-то знать? — резко спросил я, поворачиваясь к ней.

Женщина не ответила, и всю оставшуюся дорогу мы провели в молчании. Когда дилижанс остановился на центральной городской площади, аккурат напротив ратуши, я вышел на улицу.

Гроза приближалась. Я чувствовал это. Не пройдёт и часа, как она меня нагонит, накроет город.

Стихийный овощной рынок возле начала узкой улицы, ступеньками поднимающейся на парковые террасы, спешно закрывался. Продавцы собирали прилавки, убирали товар в корзины, грузили на телеги. Городские законы позволяли торговать приезжим в пределах стен лишь до трёх часов дня. Звонница собора Святого Николая — серо-чёрной громадины, возвышающейся над Вионом, — как раз призывала на нону [3]. Двое стражников с арбалетами и при пистолетах за поясами, обязанные следить за тем, чтобы закон соблюдался, то и дело посматривали на пока ещё ясное небо, а не на торговцев.

Я покачался на каблуках, думая, что делать дальше. Заключив, что неплохо бы для начала оставить вещи, а затем заняться делом, направился по Глотской, подальше от южных ворот, через которые приехал. Я знал отличный постоялый двор всего лишь в пяти минутах от центра.

Дома в Вионе были большими, светлыми, покрытыми ярко-красной шестиугольной черепицей, придававшей им немного сказочный вид. Мне нравилось здесь бывать гораздо больше, чем в столице княжества, где растянутый вдоль озёрных берегов город походил на какую-то жалкую лягушку, которую переехало тележное колесо. Фирвальден — огромное княжество, затерявшееся среди дремучих лесов и бескрайних полей, — место много лучшее, чем думают его жители. И душ здесь встречается гораздо меньше, чем в других областях.

За всю дорогу до постоялого двора я увидел лишь одну — бледный мальчишка лет десяти, раскинув руки, бродил по коньку крыши пекарни. Заметив мой взгляд, он помахал рукой. Я, сам не знаю почему, улыбнулся.

Проповедник появился внезапно, как это обычно и бывает, вытер кровь, стекающую по щеке.

— Жители напуганы, — сказал он мне, наблюдая за прохожими.

— Я уже заметил.

В воздухе пахло едва сдерживаемым страхом, и этот запах, едкий,

словно лошадиный пот, и опасный, как бешеный волк, постепенно захватывал мысли горожан.

Владельцем постоялого двора оказалась женщина. Она без проблем нашла мне комнату в мансарде, под самой крышей, где из высоких треугольных окон прекрасно было видно улицу, соседние дома с ажурными занавесками за стёклами и множеством цветочных горшков на подоконниках. Все цветы были яркими, весёлыми и милыми, но из-за витавшего в городе страха казались попавшими сюда из какого-то другого мира.

Я бросил саквояж на стол, открыл его, задумчиво посмотрел на содержимое.

— Как думаешь, что здесь происходит? — Проповедник расположился на стуле.

Я глянул на его желтоватое, покрытое морщинами лицо.

Вместе мы уже девять лет. Я нашёл душу под Мальмом, когда наёмники его величества Александра-Августа сожгли несколько деревень. Проповеднику не повезло. Какой-то урод раздробил ему висок ударом рукоятки палаша.

— Скоро узнаю. Пойдёшь со мной?

— Не хочу, — мотнул он головой.

Ну и отлично. Во всяком случае, хоть немного отдохну от его назойливого общества.

Во дворе стало заметно, что небо сильно потемнело. Ветер, налетевший на город, бился лбом в изящные флюгера, заставляя те крутиться, словно механические волчки.

Гремело почти каждую минуту, улицы опустели, а запах страха стал ещё более едким, чем прежде. Разумно было бы спросить, что случилось, у первого же встречного, но по своему опыту я знаю — требуется опросить как минимум десять человек, чтобы хоть один из них рассказал хотя бы половину истины, а не сказки и досужие домыслы.

Так что я решил потерзать своё любопытство ещё совсем немного и узнать всё от авторитетных людей. Такие, на мой взгляд, должны пребывать в ратуше. Сегодня была пятница, последняя неделя месяца, а значит, в государственном учреждении будут те, кому можно задать нужные вопросы.

Когда я пересекал площадь, начался дождь. Тяжеленные капли с громкими шлепками падали на мостовую, разлетались мелкими брызгами на мои сапоги. Их ленивое падение позволило мне дойти до дверей

практически сухим и спрятаться под козырёк в тот момент, когда небеса лопнули и столбы воды обрушились на Вион, словно во время великого потопа.

Двое стражников, которых я уже видел возле овощного рынка, удивились моему визиту.

— Куда? — спросил седовласый ветеран с лихо закрученными усами.

Я молча откинул куртку, показывая висящий на поясе кинжал.

— Покажи. — Он и бровью не повёл.

Я вытащил оружие из ножен, протянул ему. Стражник изучил чёрное, обоюдоострое, узкое, хищное лезвие, в толще стали которого бушевал целый океан тьмы, посмотрел на рукоять, набалдашник которой был из настоящего звёздчатого сапфира, вернул мне.

— Вы очень вовремя. Я провожу.

Он плечом толкнул дверь, придержал её для меня, провёл пустыми, полутёмными коридорами на второй этаж.

— Подождите, я скажу, что вы пришли.

Провожатый оставил меня в одиночестве, и я смотрел, как по стеклу текут реки воды, а противоположная сторона площади превращается в серое, размытое пятно. Ну и хорошо. Жара последней недели была порядком утомительна. Особенно если находишься в дороге. Надеюсь, что хоть теперь станет немного прохладнее и рубашки перестанут липнуть к телу.

Дверь распахнулась, и ветеран пригласил меня войти. Сам он остался снаружи.

В большом зале с широченными окнами стоял длинный стол. За ним восседали пятеро мужчин.

Двое были благородными, это видно и по одежде, и по их хмурым лицам. Ещё один — лысый старик с сильными, крепкими руками, судя по муцету [4], каноник, член местного соборного капитула. Рядом с ним — тучный мужчина с эмблемой торговой гильдии на парадной ленте, вряд ли уроженец этого княжества, скорее всего, сигизец или илиатец. И последним, во главе стола, восседал широкоплечий господин с густой бородой ржавого цвета и тяжёлой парадной цепью мэра на шее. Он сразу взял быка за рога:

— Вы позволите увидеть ваш кинжал, господин..?

— Господин Людвиг. Людвиг ван Нормайенн. — Я вытащил оружие, положил на полированный стол, толкнул его вперёд.

Человек с цепью поймал клинок, изучил с разных сторон, взглядом спросил, хотят ли все убедиться в том, что я действительно тот, за кого себя

выдаю. Лёгкие отрицательные покачивания головами были ему ответом. Что же, тем лучше. Кинжал вернулся ко мне, скользя по столу, точно по льду. Я ловко убрал его обратно в ножны.

— Присаживайтесь. Желаете вина?

— Благодарю.

Мэр самолично встал из-за стола, взял кувшин, чистый бокал, налил мне красного терпкого:

— Вы из Альбаланда?

— Верно.

— Довольно далеко от нашего княжества. Что вас привело сюда?

— Интуиция.

Он хмыкнул:

— Тогда нам повезло, что Бог направил вас сюда. Я — господин Отто Майер, мэр Виона. Это члены магистрата, благородные господа Вольфганг Шрейберг и Хайн Хоффман. Каноник Карл Вернер и представитель Лавендуззского союза господин Гельмут Подольски. Сегодня в городе случилось немыслимое. На старом кладбище, что возле часовни Святой Маргариты, произошла пляска смерти.

Его тяжёлый взгляд упёрся в меня, но я лишь осторожно ответил:

— Такое случается. Кто-то пострадал?

— Нет. Но страху натерпелись. Город в ужасе. Многие боятся выходить за пределы стен.

Особого ужаса я не заметил, но мэру виднее.

— Что-то заставило мёртвых подняться, господин ван Нормайенн. И городской управе очень бы хотелось, чтобы в Вионе всё стало тихо. Как прежде.

На улице грохотал гром. Сухо, с надрывом, словно пушки на поле боя. Я отпил вина, исключительно в порядке вежливости, и поднял взгляд на напряжённые лица:

— У вас происходит пляска смерти. На кладбище со святой землёй. А что же Псы Господни? Это их работа. Не моя.

— Городской инквизитор сейчас в отъезде. А вы — страж душ.

— Это немного разные вещи, — с сожалением покачал я головой. — Но я посмотрю, что можно сделать, и попробую вам помочь.

— Замечательно. Город в долгу не останется.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

Ещё бы они мне не заплатили, когда скелеты пляшут возле изгороди «Две коробочки» или «Пастуший танец».

— В последнее время в городе происходило ещё что-нибудь

необычное?

— Необычнее totentanz? — невесело усмехнулся Отто Майер. — Не думаю.

— Крысы покинули город, — неожиданно сказал купец Подольски. — На моих торговых складах вот уже две недели ни одной серой твари, а раньше — кишели. И у конкурентов та же история.

— Уже что-то.

Хайн Хоффман, тонкогубый субъект в дорогой одежде, при шпаге и рубиновых пряжках ветерана Лезербергской кампании, перестал изучать свой бокал с вином и произнёс:

— Не только крысы ушли, почтенный Подольски. Не только… Душ тоже почти не стало. Вы должны это были заметить, господин ван Нормайенн.

Я помедлил, стараясь скрыть удивление:

— Видящие — большая редкость.

— Я не Видящий. — Он тоже помолчал. — Но вот моя жена обладает толикой такого дара. Конечно, не столь сильного, как у вас, стражей душ, но достаточного, чтобы иногда замечать тени, которые обитают рядом с живыми. Она мне рассказала об изменениях в городе.

Я сделал себе заметку поговорить с какой-нибудь душой. В первую очередь с Проповедником. Он-то должен был хоть что-то почувствовать. По одному эти события выглядят не так, чтобы важно, но все вместе, одновременно, заставляют задуматься.

Нечто происходит. Нечто непонятное и странное. Я чувствовал, как у меня сосёт под ложечкой. Обычное состояние перед тем, как мне на голову рушатся неприятности. Стоило послать всех к чёрту и отправиться своей дорогой, благо я здесь проездом, но не по-людски это, бросать целый город. К тому же Проповедник мне потом плешь проест. Он, несмотря на свой гнусный характер (из-за которого, кстати говоря, больше не жилец), — добрая душа и моя ходячая совесть, которую крайне тяжело заткнуть.

— Нужен ли вам аванс? — спросил мэр.

— Нет. Я не смогу назвать вам цену, пока не определю, в чём проблема. Когда понадобятся деньги, я сообщу.

— Какая-нибудь помощь?

— Если потребуется, дам знать. — Я встал. — Спасибо за вино. Доброго вечера.

Они попрощались. В глазах троих была надежда. Купец смотрел с сомнением. Каноник мрачно. Он бы предпочёл, чтобы с этим разбирались Псы Господни.

Представьте себе, я тоже.

Дождь лил, не переставая, вода текла по сточным канавам, пенилась в них, забирала с собой всю грязь с мостовых. Улицы были пустыми и пахли, несмотря на свежесть, всё так же едко и неприятно. Страх никуда не исчез. Лишь спрятался в закоулках, пережидая ненастье. Пока я добрался до постоялого двора, из меня можно было выжать пару морей, и ещё останется на несколько больших озёр.

Когда я вошёл внутрь и колокольчик звенькнул, привлекая внимание хозяйки, я сказал ей:

— Горячей воды, горячего вина, сухих полотенец и какой-нибудь еды. Всё принесите в комнату.

Она наконец-то увидела звёздчатый сапфир на рукояти кинжала, её глаза округлились, и женщина разом повеселела:

— Сейчас всё будет готово, господин Людвиг.

Вот так всегда. Часть людей боится таких, как я, из-за нашего дара видеть и уничтожать вольные души. Часть ненавидит. Но когда какая-нибудь озверевшая душа начнёт вредить живым или ещё что-то случается — я сразу становлюсь желанным гостем. Впрочем, чести ради, надо сказать, что большинство разумных людей относится к стражам душ вполне спокойно. В отличие от тех же Псов Господних, мы стараемся приносить как можно меньше проблем.

Оставляя за собой огромные лужи, я вошёл в комнату. Здесь кое-что изменилось. Проповедник валялся на моей кровати и слушал, как дождь барабанит по подоконнику. А за столом сидело Пугало. Оно подняло на меня взгляд, кивнуло и не проронило ни слова. Быть может, не хотело разговаривать. А может, не умело. С одушевлёнными никогда ни в чём нельзя быть уверенным.

Хозяйка вместе с юной дочкой принесла мне полотенца и воду, конечно же не заметив других своих «постояльцев». Пугало тут же заинтересовалось девчонкой и не спускало с неё взгляда, пока та не ушла.

— Даже не думай, — сказал я ему ровным тоном.

Оно помедлило, опустило плечи, признавая моё право давать ему такие приказания, достало серп и начало очищать его от ржавчины. Я был рад, что мы решили кое-какие вопросы сразу.

Пока я менял одежду, вытирался и приводил себя в порядок, принесли еду.

— Почки, — сказал Проповедник мечтательно. — И фасоль с томатами.

Я отстегнул пояс с тяжёлой пряжкой, бросил его вместе с кинжалом на кровать и пересказал им разговор в ратуше.

— Я ничего не чувствую, если ты к этому, — поднял руки в обезоруживающем жесте Проповедник. — Видит Бог уже девять лет, совсем ничего.

Он рассмеялся, довольный собственной, неказистой шуткой, затем стал более серьёзным и, размышляя, протянул:

— Всё это, конечно, странно, Людвиг, но души могли уйти по множеству причин.

— Угу, — мрачно сказал я, орудуя вилкой и ножом. — Отправиться в паломничество к святым мощам. Куда-нибудь в Дискульте. Не мели чушь. Что-то произошло, и они сочли нужным убраться как можно дальше и быстрее. Город пуст — я чувствую это.

— Ну, не так уж он и пуст. Помнишь того мальчишку на крыше?

— Предлагаешь мне в такую погоду лазать на уровне четвёртого этажа?

— Упаси боже, сын мой. Чего доброго, ты свернёшь себе шею, и тогда я точно помру со скуки.

Пугало в разговоре не участвовало. Оно точило серп.

К утру гроза закончилась, уползла на запад, уже не в силах даже ворчать. Выглянувшее из-за облаков солнце озарило мокрые алые крыши, приведя в восторг уличных голубей.

Проповедник и Пугало отсутствовали. Я быстро оделся, спустился вниз, отказался от завтрака и поспешил к западным воротам через толчею, которая здесь образовалась из-за субботнего рынка, заполонившего весь городской центр. Запах страха был тут же, но гораздо более слабый, чем вчера. Он сменился тревожным ожиданием. Я видел и слышал, как люди обсуждают произошедшее накануне событие, поминутно крестясь и призывая святых заступников.

Они искренне полагали, будто это защитит их от зла. Не буду преуменьшать силу божественной молитвы, даже если её читает не клирик, а обычный человек, но у меня большие сомнения, что подобное средство поможет остановить следующую пляску смерти. Как говорится, раз уж начались танцы, то продолжаться они будут до бесконечности.

С праздничной гулянкой мертвецов в последний раз я встречался в кантоне Люс, когда в одной деревеньке скелеты ни с того ни с сего решили сплясать на Сретение, да ещё затащить в свою пляску забаррикадировавшегося в церкви священника. Чем он им насолил, вот уж не знаю, но Псы Господни в два счёта уложили «клиентов» в могилы. Сам я

в подобном усмирении участия не принимал, хотя и имел необходимый опыт. Весёлые скелеты — не моя основная работа. Я страж душ. Ловлю и уничтожаю тех, кто причиняет зло людям.

— Тебе следует расширить список своей охоты, — заявил появившийся рядом Проповедник. — Души — божьи агнцы по сравнению с живыми. Вот уж кто причиняет зло друг другу в неисчислимых количествах.

— Если я иногда позволяю слушать мои мысли, то это не значит, что ты должен каждую из них комментировать.

— Ну, комментарий всяко верный, Людвиг, — усмехнулся он, затем участливо спросил: — Ты завтракал?

— Нет.

— Вот именно поэтому ты поутру такой злой. Идём, тебе следует поесть.

Я заворчал, но зная, что он прав, зашёл в неплохой трактир, замеченный мной во время прошлого приезда в Вион. Здесь готовили отличную яичницу с белыми грибами и сыром. Да и пиво, тёмный июльский лежак, было выше всяких похвал.

Пока несли еду, Проповедник расправил сутану, на которой и так не было никаких складок, по-птичьи склонил голову набок и, хлопая глазами, начал рассказывать:

— Душ, действительно, немного. Я спозаранку обежал город, за что можешь сказать мне спасибо… — Он сделал паузу.

— Спасибо.

— Но встретил лишь троих. Все пришлые, появились или вчера, или сегодня. Одна, достаточно аппетитная дамочка, если бы её двести лет назад не переехала телега, даже видела totentanz собственными глазами. В общем, из наших никто ничего не знает. Впрочем, двое, проведав, что здесь страж душ, решили убраться, пока целы.

— Ты явно расписал меня как чудовище.

Проповедник состроил грустную мину, дождался, пока передо мной поставят тарелку, и заметил:

— Тебе прекрасно известно, что некоторые из вас уничтожают каждого, кого увидят. Слишком велик куш, для того чтобы пройти мимо. Ты — большое исключение из правил.

— Если ты думаешь, что заставишь меня краснеть, то глубоко ошибаешься. Тебе случайно не попадался мальчишка?

— Видел. На звоннице. На самой вершине шпиля. И он не планировал спускаться вниз.

— Что мешало тебе подняться наверх? Судя по всему, эта душа из местных.

— Я боюсь высоты с тех пор, когда был ребёнком.

— Ты не можешь умереть, упав сверху.

Он скорчил мину и промолчал. Я понимал, что от некоторых старых привычек нельзя избавиться даже после смерти. Знавал я одну даму, которая при виде мышей падала в обморок, хотя уже лет восемьдесят как была мертва.

— А что Пугало? — Я глотнул пива.

— Ушагало ещё до рассвета. Куда — не ведаю. Оно, знаешь ли, не слишком разговорчивое. Лучше б ты пригласил какую-нибудь девицу. Хотя бы глаза радовались.

— Мне нужна была не душа, а одушевлённый.

— Кстати, в колокол на соборе Святого Николая вселилась какая-то, прости Господи, паскуда. Кто-то из тёмных. Очень нехороший.

Я кивнул, отмечая для себя, что надо сказать об этом мэру. А там уж пусть каноник ладаном машет или инквизиция свои фокусы устраивает. Злой одушевлённый в соборном колоколе — крайне неприятное соседство. Подобный звон настраивает людей отнюдь не на божественный лад. Скорее наоборот. Горожане становятся жестокими и раздражительными. И начинают болеть. Конечно, не сразу. Для этого должны пройти годы, но чем быстрее избавиться от подобного одушевлённого предмета, тем лучше для всех.

— Что мы имеем, — сказал я, вытирая рот салфеткой. — Из города ушли крысы, словно корабль собирается пойти ко дну.

— Очень образное сравнение, сын мой. Очень образное. Крысы — тёмные существа, и в них есть частичка души, хотя светлой назвать её язык не повернётся. Когда случаются беды, крысы, наоборот, приходят, но не уходят. Во время чумы сорокалетней давности, говорят, они текли по улицам, словно река.

— Крысы уходят, только если им грозит опасность. Что их могло напугать — вот в чём вопрос.

— Что-то достаточно серьёзное, чтобы я начал чувствовать себя неуютно, Людвиг. Раз другие души разъехались, значит, и для нас здесь небезопасно.

— Итого мы имеем бегство крыс, душ и пляску смерти. Великолепный наборчик, ничего не скажешь.

— У тебя хоть какие-то догадки есть? — грустно вопросил он.

— Я простой страж, Проповедник, а не теоретик магии или

религиозный теолог. С подобным я никогда не сталкивался, и точка. Клянусь моим кинжалом, давно я так не жаждал, чтобы поблизости оказался какой-нибудь инквизитор.

— Всё как обычно — инквизитор за порог, чёрт в дом.

— Не накликай.

— Его уже накликали и без нас, — возразил он мне.

— Людвиг ван Нормайенн?

Мужчина, подошедший к моему столу, был одет как законченный модник. Думаю, его костюм обошёлся в целое состояние, на которое я мог бы кутить бесконечно долгое время. Одни алые лакированные башмаки чего стоили! А если говорить о серебряных пуговицах на сюртуке отличнейшего качества и бриллиантовых запонках на рубашке из настоящего саронского шёлка… М-да. Этот господин умел привлечь к себе внимание. Моим он завладел безраздельно.

— Не имею чести быть знакомым.

— Называйте меня Александром.

Судя по его холёному лицу и шляпе с пером, за Александром тянулось ещё, по меньшей мере, три-четыре имени и длинная родовая фамилия, включающая какой-нибудь титул.

— Могу я присесть?

Я пожал плечами. В последнее время этот жест входит у меня в привычку. Насмотрелся на Проповедника.

Незваный гость легонько стукнул короткой тростью по стулу, где всё ещё сидел мой невидимый спутник, и холодно спросил:

— Вы позволите?

Когда стул освободился, визитёр с удовольствием сел, а я заинтересовался им чуть больше, чем раньше. Человек видит души, и он не страж. Взгляд совсем другой… Да нас не так и много, чтобы позволить себе не знать друг друга. Следовательно, выходит, что он либо от инквизиции, из Видящих (хотя для клирика наряд у него довольно странный), либо из Носителей Чистоты…

Я ошибся. К Носителям — этим сумасшедшим идиотам, которых давно следовало удавить из-за того, что они обожали убивать всех, кто может общаться с душами, считая, что таким образом люди набираются грехов — он тоже не относился.

На серебряном жетоне, порядком затёртом и потемневшем, который он протянул мне, были выбиты цифры и фраза «Lex prioria» [5].

— Это, так сказать, чтобы не ходить вокруг да около, — улыбнулся он.

Мне этот господин не понравился сразу, в первую очередь

исключительно из-за близко посаженных маслянистых глаз. Я ждал подвоха и дождался его.

— Чем я заинтересовал «Lex talionis»? [6]

— Простые формальности.

— Настолько простые, что, судя по номеру на вашем жетоне, со мной ведёт беседу один из высших жрецов Ордена Праведности?

Он тонко улыбнулся, и его улыбка говорила, что особых объяснений я не дождусь. Положив трость на стол, мужчина спросил:

— Вы вчера приехали в наш замечательный город?

— Верно.

Думаю, он и так это прекрасно знал.

— Позволите дать вам полезный совет?

Я почему-то подумал, что его совет мне понравится куда меньше самого советчика. Так и случилось.

— Уезжайте из города, господин Людвиг. Сейчас вы здесь совершенно ни к чему. Оставьте это дело Псам Господним. Ваша работа — ловить опасные души. А здесь, кроме этого унылого священника, я уже неделю не видел ни одной.

— У меня возникает вопрос, почему Орден Праведности столь обеспокоен какой-то банальной пляской мертвецов?

Александр рассмеялся, но веселья в его смехе было немного:

— Вы чужеземец. И не слишком хорошо понимаете местные законы. Возможно, у вас, в Альбаланде, всё как-то иначе, и рядовой страж может полезть, как это говорят местные, собирать хмель в чужой огород, но мы следим за выполнением закона. А наш закон гласит, что не дело стража заниматься пляской смерти. Это не ваша область. Оставьте её тем, кто в ней понимает. Инквизитор прибудет завтра.

— А до тех пор вы будете просто сидеть и смотреть, пальцем о палец не ударите?

— Орден надзирает за тем, чтобы стражи не злоупотребляли своей властью и не добирались до дармовой силы. Чтобы Носители Чистоты не покидали своей страны, а если покинули, то не входили в просвещённые города. И чтобы Видящие не чесали языками направо и налево о том, кто иногда живёт среди нас. Но мы не занимаемся магией и… скажем так, странными божественными проявлениями.

Ага. Вот как это теперь называется — божественные проявления. Господь Бог щёлкнул пальцами, и скелеты пустились в пляс во славу нашего Иисуса. Притом что подобные танцы на могилах — тёмные проявления. Стоило бы натравить на Орден церковников. За богохульство.

Просто так. В качестве небольшой встряски.

— Слышали великолепный лозунг: «Ne noceas, si juvare non potes»? Не навреди, если не можешь помочь. А в этой истории вы совершенно бессильны. Сделаете только хуже. Так что послушайте мой дружеский совет. Уезжайте. С проблемой справятся и без вас.

— Очень ценю ваше дружеское расположение, господин Александр, — с иронией сказал я. — Но я обожаю Вион и мечтал здесь пожить недельку.

Он усмехнулся, встал из-за стола:

— Что же — живите. Но это дело оставьте.

Я вернул ему усмешку.

Мы друг друга отлично понимали.

— Сколько вы набрали лет жизни, господин Людвиг? — участливо спросил он.

— Боюсь показаться невежливым, но это не ваше дело. — Мой голос стал холоден.

— Разумный человек должен уметь использовать отпущенные ему дни, страж. Иногда, даже накопив большие деньги, ростовщик забывает, что он смертен. Мы ведь понимаем друг друга?

Очень хотелось воткнуть кинжал ему под подбородок и посмотреть в его глаза, но я лишь счастливо улыбнулся:

— Конечно. Я серьёзно подумаю над вашими словами. Мне начинает казаться, что в них есть глубочайший смысл.

— Отрадно видеть разумного человека. Позвольте оплатить ваш завтрак. Всего доброго.

Он бросил на стол несколько монет, довольно крупных для того, чтобы покрыть ещё обед и ужин, и ушёл, поскрипывая своими чудесными алыми ботинками.

Можно сказать, что я клокотал от ярости. Этот разряженный хлыщ посмел мне угрожать, и это несмотря на то что Орден Праведности имеет право лезть в мои дела, только если я нарушу законы государства и стражей.

От них всегда несло падалью. Законники никогда никому не помогали, считая себя выше этого, словно стояли над всеми нами, людьми со способностями… Жрецы из Lex prioria живут и варятся в собственном соку, сидя на деньгах княжеств и королевств. Корольки платят им, потому что боятся таких, как мы, и считают, будто подданные с особым даром, служащие государству за деньги и власть, смогут контролировать природу

магии.

Стражи вынуждены соблюдать законы государства, в котором находятся. В большинстве своём — это достаточно легко, особенно если правительство не лезет в наши дела и не требует от нас невозможного. Мы миримся с социальными и политическими обстоятельствами. Лишь иногда они — досадная помеха в нашей работе. Но когда рядом появляется кто-то из Ордена Праведности, день, можно сказать, испорчен. Потому что слово «помеха» здесь совершенно не подходит. Эти ленивые ублюдки иногда готовы сесть тебе на шею и оттуда высказывать «бесценные» распоряжения и руководства, прикрываясь правилами и законами.

Стражи душ стараются как можно дольше избегать внимания Lex talionis. И не злить этих господ. Чаще всего они знают и умеют гораздо меньше нас, но за ними государство, а этот зверь, даже если он всего лишь мелкое герцогство на задворках обитаемых земель, разорвёт любого.

У Ордена есть силы, возможности и средства ловить тех, кого они считают преступниками. Деньги, людские ресурсы стражи и тайной полиции. Армия, наконец. Я помню, как в Южной Дискульте охотились на одного из нас, нарушившего негласные правила. Его обложили, словно волка, гнали к горам, а затем убили, и Орден повесил его голову на шест в самом центре столицы, чтобы все знали, что происходит с теми, кто идёт против него.

— Ты намерен отступить? — прервал молчание Проповедник.

Я посмотрел на него с сомнением:

— Вроде ты уже давно ходишь за мной. Когда это я отступал без особой нужды?

— Думаешь, он спустит тебе неповиновение?

— Номинально я ничего не нарушаю. Как ты помнишь, городской совет сам нанял меня. Никаких преступлений. Он не может привлечь власти.

— Не будь наивным, Людвиг. Этот господин, дай ему волю, сам что-нибудь нарушит, а обвинит тебя.

— Я буду осторожен, — сказал я и поднял правую руку вверх ладонью, словно давал клятву. — Обещаю.

Мне следовало задуматься, почему Орден так всполошился лишь из-за появления стража в Вионе? Они настолько разнервничались, что снизошли до угроз — это дорогого стоит. Мне стало любопытно, какой у них интерес в этом деле? Неужели, действительно, боятся, что я напортачу и здесь станет ещё хуже? Вряд ли. Очень вряд ли. Господин Александр знает моё имя, а значит, должен знать и репутацию.

Тогда что им нужно? Почему Ордену так важно убрать стража душ из города, раз они решили его припугнуть и даже не опасаются, что я доложу об этом своим?

Я не знал ответов на эти вопросы. Мне следовало быть поосмотрительнее и помнить о господине с жетоном высшего жреца.

Сенные ворота были заперты, что неудивительно. Кладбище возле часовни Святой Маргариты находилось за городской стеной, и стражники не желали, чтобы хоть что-то проникло оттуда сюда. Кроме засова какие-то ретивые люди додумались завалить врата бочками и перегородить телегами. Как будто это могло спасти их от мертвецов.

Воины сидели возле караулки и выглядели не слишком радостными оттого, что сегодня их направили торчать возле Сенных.

— Закрыто! — крикнул мне один из них, возившийся со смешным лохматым щенком.

Я показал ему кинжал:

— Открывайте.

Он крикнул начальника, уже немолодого сержанта с пропитым лицом. Тот лишь бросил взгляд на звёздчатый сапфир, пожал плечами:

— Калитку откроем. Но возвращаться вам придётся через другие ворота. Я не буду ломать голову, кто рвётся с той стороны.

На том и договорились.

Стоило мне и Проповеднику выйти на дорогу, как стальная калитка за нами захлопнулась.

Чуть дальше, за большим мельничьим хозяйством, работающим даже сейчас, несмотря на близкое соседство с кладбищем, из-за берёзовой рощи, находящейся возле речного рукава, торчали башни Вионского монастыря малиссок.

Монастырь был богатый и известный. Не только в Вионе. И не только в этом княжестве. Поговаривали, что церковь ссылает в него прогрессивно настроенных женщин из других церковных орденов. Но с учётом того, что женщины эти обычно из очень обеспеченных семей, средств белым стенам не занимать.

Кладбище находилось по дороге к монастырю. Здесь уже лет двадцать никого не хоронили, и оно пришло в некоторое запустение. Заросло бурьяном, подорожником, крапивой и шиповником. Старая часовня с посеревшими от времени стенами и давно уже не отпираемой дверью смотрелась тут совершенно уместно. Такое же забытое богом место, как и всё, что находится вокруг.

Кладбищенскую ограду красили, наверное, во времена, когда людей на

земле ещё не было, настолько ржавой и убогой она была. За оградой торчало Пугало, рассматривающее могильные кресты.

— Ну надо же! — удивился Проповедник. — Кто бы мог подумать. Привет, соломенная голова!

Пугало его проигнорировало. Повернулось к нам сутулой спиной и пошло бродить между могилами, пока не скрылось за серым склепом, накрытым сверху плющом, словно снегом.

Погост был разорён, могильные плиты расколоты, комья земли разбросаны. Часть крестов и памятников покосились, а то и вовсе упали. Я остановился возле куста шиповника, на колючей ветке которого висел жёлто-коричневый обрывок ткани — всё, что осталось от погребального савана. Множество следов костлявых ног на сырой после дождя земле говорили о том, что веселье здесь разыгралось не на шутку.

— Никогда не видел пляску смерти, — сказал Проповедник, с некоторой осторожностью взглянув в ближайшую от него разверзнутую яму.

— Значит, тебе повезло. Радость на подобном празднике напускная. Кости веселятся до той лишь поры, пока поблизости нет живых. Они утягивают прохожих в танец, а затем уводят за собой в могилу.

— Разумеется, кроме таких, как ты.

— Стражи им не по зубам. Плясать мы не слишком горазды.

Проповедник понимающе усмехнулся, провёл сухим пальцем по своей окровавленной щеке.

— Впрочем, всё, что я сказал выше о плясунах, относится лишь к стихийным порождениям силы. Когда она не направлена.

— Например, на город, — понял он.

— Ну, тут, скорее, всё было наоборот, — подумав, произнёс я, поглядывая на дыру в заборе и протоптанную через кустарник тропу. — Но в прошлом, когда Псы Господни ещё не везде протянули свою длань, ведьмы натравливали пляшущие кости на неугодных.

— Прекрасно помню гравюры, где скелеты уводят епископа, девушку, короля и нищего за собой.

Между могилами снова появилось Пугало. Оно шло медленно, всё так же сутулясь, и остановилось недалеко, прислушиваясь к нашему разговору. До моих ушей долетел отдалённый колокольный звон. Били полдень в центральном городском соборе. Клич его громкого, тяжеловесного колокола подхватили другие церкви, а затем, почти с минутным опозданием, загудели колокола в монастыре церковного ордена малиссок.

Пугало поёжилось, ему было не слишком приятно ощущать этот звон,

но, как я и думал, оно оказалось куда сильнее многих встреченных мною одушевлённых. Впрочем, ничего удивительного, раз оно шастает по святой земле и не тает от этого.

Проповедник затянул «Oratio ad Sanctum Michael» [7], взяв за основу популярную в моём княжестве пастушью песню, но изменил свой голос на пару октав, отчего тот зазвучал очень жалобно и дребезжаще. Он смог завладеть вниманием Пугала, которое не ожидало такого поворота событий и теперь таращилось на горе-певца из-под надвинутой на «лицо» шляпы.

Я с сомнением покачал головой:

— Гореть тебе в аду, приятель.

Проповедник даже не думал прерываться. Он любил петь и занимался этим, как только ему приспичивало прочитать молитву. На мой взгляд, по нему плакали все балаганы. Они потеряли потрясающего клоуна. Впрочем, боюсь, что долго Проповедник выступать бы не смог. За такие выкрутасы его б точно упекли в сумасшедший дом. Или сразу отправили к отцам-дознавателям.

Я внимательно изучил кладбище, обошёл его по периметру, убедился, что все до одной могилы пусты. По сути дела, с места снялась и куда-то упёрлась целая прорва мертвецов, никого не предупредив.

Одно я мог сказать точно, душами здесь и не пахло. А вот тёмной магией — сколько угодно. Это был аромат сырой дубовой коры и дёгтя, едва ощутимый даже для меня, но, наверное, любой представитель инквизиции почувствовал бы его, не дойдя до ограды ста шагов.

Пугало зачем-то залезло в одну из могил, потопталось в ней, с шумом выбросило оттуда разваленные, гнилые доски и комья земли. Проповедник пожал плечами. Он не понимал, что происходит.

Я ещё немного побродил по кладбищу, отмечая, что сторожка смотрителя выглядит столь же запущенной, как и весь погост. Затем нарисовал несколько *фигур,* орудуя мелом по уцелевшим поверхностям могильных плит, и смог выяснить, где использовали магию подъёма.

Нигде.

Судя по *фигурам,* никакого ритуала здесь не проводили, и стихийный всплеск произошёл по совершенно неясной для меня причине.

— Вид у тебя такой, словно ты обнаружил в карманах пропажу денег.

— Что-то в этом роде. При подобных всплесках totentanz не выходит за пределы погоста. Но, как видишь, мертвецы ушли. Такое бывает только во время ритуалов или если ограда не освящена.

— Она освящена.

— Знаю. Уже проверил. Что заставило уйти кости — смогут понять

только слуги Церкви. Они большие специалисты в делах борьбы с колдовством и чертовщиной.

Подошло Пугало, поманило меня за собой с загадочным видом, скалясь своей застывшей, жутковатой улыбочкой.

— Не слишком разумно, Людвиг! — предупредил Проповедник. — Я бы сказал, даже опрометчиво. Разумеется, для тебя.

— Пугало право. Следует прогуляться по лесу.

— Не желаю видеть мёртвых в таком ничтожном и несчастном виде. Не по-божески это, зреть детей Господа в столь жалком состоянии.

— Считаешь, что, когда придёт Судный день и наступит Всеобщее воскрешение, они будут выглядеть лучше? — с иронией спросил я.

Вместо ответа он пропел, кстати говоря, достаточно мелодично:

— Lacrimosa dies illa qua resurget ex favilla judicandus homo reus… [8]

— Ну, так оставайся здесь или иди на постоялый двор, — не выдержал я.

— Учти! Помрёшь, останутся твои кости среди берёз и осин! — кричал он мне уже в спину.

Я махнул ему рукой, и он, повысив голос, начал петь гимн с самого начала. Странное зрелище для тех, кто *видит*. Душа священника с окровавленным лицом бродит по разорённому кладбищу и вдохновенно поёт о Дне Гнева. Хочешь не хочешь, а поверишь во Второе пришествие.

Лес жил своей жизнью. Шелестели старые берёзы, журчал чистый, начинающийся с ключа на заливном лугу ручей, полз мимо корневищ рогатый жук с лаковым панцирем, слышался отдалённый крик кукушки.

Вот уж кто — пророчица смерти. Плохая птица. Тёмная. Куда хуже тех же самых ворон, которых принято ругать и относить к слугам Дьявола. По мне, так кукушка может принести бед гораздо больше, чем целая стая чёрных птиц. Надо всего лишь задать неправильный вопрос, а потом расхлёбывать последствия. Если, конечно, успеешь их расхлебать, прежде чем на тебя обрушатся глад, мор, саранча и какая-нибудь озверевшая душа в придачу.

Тропа от сотен прошедших ног никуда не делась. Петляла в подлеске, уводя меня в самую чащобу. Был яркий день, так что я не слишком опасался каких-нибудь неприятностей, лесных духов или иных существ, планируя выбраться отсюда ещё задолго до заката.

Пугало тащилось следом за мной, шагах в двадцати, то появляясь из-за деревьев, то отставая. Странное оно всё-таки. Пользы от него, скорее всего, ни на грош, но я был рад его компании и тому, что здесь не один.

Из-под ног выскочила серая крыса, вильнула голым розовым хвостом и скрылась в траве. Было видно, как пригибаются травинки там, где она бежит. Что же. Значит, не одни мёртвые подались в леса. Крысы из Виона тоже решили немного побыть в единении с природой.

Лес стал гуще, пропали залитые солнечным светом полянки и просеки. Перестали встречаться вырубки. В большом количестве появились звериные тропы и следы. Местность постепенно менялась, начались осины, я стал спускаться в низину, как раз вдоль ручья. В некоторых местах она оказалась заболоченной, пришлось искать обходной путь.

Первое бело-жёлтое пятно я увидел совершенно случайно, когда повернул голову направо. Присмотрелся, прищурив глаза, и разглядел сидевший на пеньке скелет. Тот не двигался. Поправив пояс, чтобы кинжал был под рукой, я поспешил в эту сторону и был вознаграждён нелепой картиной.

Лес был запружён мёртвыми. Старые кости, непонятно как соединяющиеся друг с другом, находись везде, куда ни кинь взгляд. Некоторые лежали, словно спали, — часть из них оказалась присыпана серыми, прошлогодними листьями. Другие стояли, третьи сидели, а четвёртые даже висели, зацепившись руками или ногами за нижние ветви деревьев, словно постиранное, а теперь сушащееся бельё. Где-то поодиночке, а где-то и группами, мёртвые захватили этот участок леса, не желая спокойно лежать в могилах.

Никто из них не шевелился, хотя мой дар позволял чувствовать, что они не совсем мертвы. Я шёл, поглядывая по сторонам, скорее с любопытством, чем с опаской или отвращением. Некоторые скелеты оказались большими оригиналами и застыли в величественных позах, или совершенно смешных, или гротескных.

Вот мыслитель сидит на камне, подперев костяным кулаком жёлтую скулу. Здесь — юноша фехтует невидимым клинком, застыв в Bedrohe mit Zornort [9]. А эта парочка самозабвенно целуется, слившись в костлявых объятиях и соприкоснувшись друг с другом оскаленными улыбками. Там, дальше, поэт декламирует свои вирши на радость десятку восхищённых слушателей. А возле кособокой осины беседуют о чём-то два почтенных мужа. И рядом с ними, упав крестом, замаливает грехи какой-то монах. Чуть дальше — пахарь с невидимым плугом, сразу за ним, рядом с покрытыми мхом камнями, женщина баюкает несуществующего младенца.

Их было чертовски много, этих мертвецов.

Когда я проходил мимо, несколько черепов повернулись в мою сторону, и теперь я шагал, провожаемый взглядами пустых глазниц.

Пожелтевший скелет, где-то потерявший левую руку и большую часть рёбер, увязался следом за мной, привлёк внимание ещё двоих, судя по позам, резавшихся в кости, но эта троица довольно быстро отстала, отвлёкшись на порхающую между деревьями бабочку-капустницу.

Некоторые из «лесных гостей» были обряжены в остатки погребальных саванов, но большинство скелетов оказались просто голыми. На них не было видно даже малейших признаков плоти.

Достаточно далеко от того места, где я находился, между деревьями я заметил женщину. Она была невысокой, крепко сбитой, в сером жилете и длинной юбке. У неё были грязные, немытые, растрёпанные седые волосы, крепкие руки с облупленными ногтями и творожисто-белое, рыхлое лицо, на котором не оказалось ни глаз, ни носа, лишь обрюзгший рот — на гладкой, словно коленка, коже.

Я цокнул языком. Убавляющая мясо. Экая неприятность. Вот уж кого не думал здесь встретить. В любом другом случае я не оставил бы её у себя за спиной и исполнил бы свою работу, но сейчас, уничтожая душу, я рискую взбаламутить это тихое царство. Неизвестно, сколько придётся успокаивать пляски и хватит ли у меня на это сил.

Поэтому я прошёл мимо, дав себе слово вернуться и прикончить мечущуюся душу прежде, чем она кого-нибудь убьёт. Но, к большому удивлению, впереди, прямо на своём пути, я увидел ещё двух убавляющих мясо. Они играли в чехарду, с каким-то остервенением прыгая через спины целой вереницы скелетов. Пугало ими нисколько не заинтересовалось, прошло мимо, направляясь в самую густую часть чащобы. Туда, где мёртвых было особенно много.

Заметив меня, души перестали развлекаться, переглянулись и сделали шаг в мою сторону. Я без суеты достал кинжал. Увидев чёрное лезвие, они остановились, ещё раз посмотрели друг на друга. Было понятно, что между ними происходит какой-то разговор.

Наконец, они отошли в сторону, уступая мне дорогу, и вновь занялись своими странными играми. Я чувствовал их голод и желание убить меня, но также — их страх. Убавляющие не слишком разумны, в том смысле, что некоторые другие злые сущности предпочитают убраться как можно дальше, если я оказываюсь рядом. У этих же тварей чувство самосохранения почти отсутствует.

Я помянул Дьявола, когда увидел сидящую в траве четвёртую убавляющую. Эта полировала снятый с ближайшего скелета череп, нежно протирая его краем подола своей изодранной юбки. Четыре души вместе, когда их и по одной-то редко встретишь. Что могло заставить подобных

созданий собраться?

Я резко обернулся и увидел, что к тем, что играли в чехарду, присоединилась первая, и теперь все трое смотрят на меня. Впервые я почувствовал себя несколько неуютно.

— «Уходи, пока цел», — прозвучал у меня в голове голос Проповедника.

Разумеется, никакого Проповедника и близко не было, он остался далеко на кладбище, а всё это — лишь моё разыгравшееся воображение, но я решил принять превентивные меры. Достал из кармана мелочь, не глядя, бросил её себе за плечо, скороговоркой пробормотав нужные слова. Теперь, если они пойдут за мной, монеты их остановят.

Полировавшая череп оторвалась от своего занятия, её безликое лицо оказалось покрыто отвратительными язвами. Меня так и подмывало прикончить убавляющих, но и эта агрессии не проявила, поэтому я, повернувшись к ним лицом, отступал спиной, пока все четверо не скрылись из виду.

Чёрт знает что происходит! Столько тварей раньше я видел только на полях сражений. Им здесь нечего делать. Ни плоти на мёртвых, ни беззащитных живых. Впрочем, вполне возможно, что они обитали на старом кладбище, и пляска смогла закружить и их, притащив в лес.

Кажется, я пришёл в самый центр сборища мёртвых, потому что количество черепов на поляне превышало все возможные пределы. Словно грибы после дождя. Затхлый запах костей заглушал другие ароматы. Пугало, не шевелясь, торчало у кромки леса, отвернувшись от меня и склонив голову набок, словно к чему-то прислушивалось.

Понимая, что ходить мимо костяков можно довольно долго, я спросил у первого же скелета:

— Я ищу вашего короля. Где он?

Тот щёлкнул челюстью, даже не повернувшись в мою сторону. Зато его сосед поднял руку, указав мне нужное направление.

Король totentanz при жизни, наверное, был рыцарем. Во всяком случае, в руке он держал ржавый фламберг, а на голове его торчал помятый хундсгугель с поднятым забралом. Да и осанка у его величества была прямой, словно в позвоночный столб вбили кол.

— И что вам в земле не лежится, как всем приличным мертвецам? — спросил я у него. — Город перепугали, кладбище стоит пустое. Нехорошо.

— Не стражу нас учить, что делать и как спасать себя, — прозвучал у меня в голове шелестящий шёпот короля. — Мы не вернёмся, пока это не кончится.

— Не кончится что? — не понял я.

— Не кончится то, зачем они это делают.

Добиться вразумительных ответов у меня не получилось. Точнее, король не собирался их давать. Я поборол раздражение, подбирая в голове подходящие слова. С подобным явлением я мог только разговаривать, как какой-нибудь обычный человек. Оно не обязано мне подчиняться или отвечать на вопросы. Я не Пёс Господень, чтобы кости при моём приближении прыгали как шёлковые и выполняли любой приказ, в том числе и «марш обратно в могилу».

Но спросить я ничего не успел, потому как из-за деревьев появились четверо убавляющих плоть. Ещё три, те самые, которых я видел раньше, вышли с другого конца леса. Одна отсутствовала, моя мелочь её всё-таки задела.

— Беги, — равнодушно сказал король мертвецов.

Я, оскалившись, ничуть не хуже, чем он, крутанул кинжал меж пальцев.

Семеро! Развелось рядом с Вионом гадин! От них уже не скроешься. Догонят, выпьют жизнь, и поминай как звали.

Одним движением руки в воздухе я расчертил на земле широкого «осьминога». Король, кажется, усмехнулся, но говорить ничего не стал. Пугало как назло куда-то делось, впрочем, помочь бы оно мне не смогло при всём своём желании. Очень немногие одушевлённые умеют причинять вред душам. Да ещё таким сильным и злобным.

Они уже неслись на меня, выставив руки со скрюченными, грязными пальцами. Я хлестанул по воздуху кинжалом, начертил спираль, и передо мной появился длинный золотой шнур. Схватив его, я что есть сил дёрнул на себя, и пространство с одного бока собралось складками, выпятилось пузырём, искажая вид всего, попадающего в него. Я тянул и тянул, напрягая мышцы, а затем, когда троица почти добежала до останавливающей *фигуры,* отпустил шнур.

Пространство распрямилось с потрясающей скоростью, разгладилось и тут же громко хлопнуло. Оно стало тетивой, а злобные души арбалетными болтами. Им хорошенько врезало, и они полетели в обратном от меня направлении. Что с ними стало дальше, я не смотрел, потому что четвёрка с другой стороны уже достигла нарисованного «осьминога».

Как только первая из них пересекла границу, так сразу начала «дымиться». Фигура пила из души её силу, то, что сдерживает убавляющую в нашем мире. Но слишком медленно. Чтобы исчезнуть, призрачной женщине требуется находиться на этом месте больше двух минут, а у меня

нет столько времени.

Я с разбегу ударил её плечом, а затем локтём, и взятый обратным хватом кинжал вошёл в её тело. Она взвыла и *перетекла* в клинок.

Мгновенная дрожь в руках, лёгкий приступ тошноты, звон в ушах. Некогда обращать внимание на такие мелочи.

Три её товарки уже были в круге. Резко подняв руку, я направил на них открытую ладонь, и ближайшая ко мне убавляющая тут же упала на землю, дёргаясь и пытаясь встать. Из-под неё вверх уходил пар, словно она была рыбиной, попавшей на раскалённую сковороду.

Вторая бросилась мне в ноги, и я ударил её в лицо сапогом, одновременно воткнув кинжал в шею третьей.

«Остались пятеро!» — промелькнуло у меня в голове.

На плечи рухнула тяжесть, я почувствовал, как ломит виски, как двоится зрение, скороговоркой произнёс фразу, взмахнул руками, плеснув невидимым для человеческого глаза пламенем на тех, кого отправил с помощью золотого шнура прочь и кто слишком быстро успел вернуться. Кинжалом резанул повисшую у меня на плечах, что есть сил крутанулся, освобождаясь от хвата, перекатился по земле и вбил своё оружие в сердце той, что была пригвождена к земле.

Сверху на меня упала ещё одна тварь, обхватила руками шею, пытаясь задушить. Я взревел, видя, как к ней спешит подмога. Ситуация складывалась — хуже не придумаешь. Я терял силы, словно пробитый пулей бурдюк с водой, а их всё ещё было много. Чертовски много.

На пределе своих возможностей, встав на ноги, я тут же рухнул на спину, придавливая душу к земле, заставляя её всем телом ощутить начертанную *фигуру.* Помутневшее зрение отметило прыгнувшую тень. Машинально я выставил кинжал, позволив ей напороться на него, ощущая, как клинок трясётся от переполнившей его силы. Кто-то вцепился мне в ноги и я, теряя сознание, активировал *фигуру,* созданную мной ещё накануне вечером.

Земля просела от удара, взвыло, в воздухе закружились *знаки,* каждый из которых падал на души, впивался в их плоть, ослаблял. Ту, что сидела на моей груди, снесло. Я почувствовал, как захват на шее ослаб, саданул назад локтём, поднялся и, развернувшись, опустил кинжал на гадину.

Это потребовало от меня, порядком выпитого душами, просто нереальных сил. Так что я почти сразу упал опять, уже зная, что уцелевшая меня точно прикончит. Надвинулась чернильная тьма, с воем, криком, диким хохотом и громом барабанов. А затем мрак рассеялся, пришли серые сумерки, и я, всё ещё удерживая кинжал влажной ладонью, попытался

разглядеть, что происходит.

Быстро начало светлеть, колдовство, упавшее на лес, стремительно рассеивалось.

И я увидел девушку.

Её одежда была ослепительно-белой. Белый берет, короткий мужской камзол, рубашка с кружевным воротником и рукавами, штаны для верховой езды и даже сапожки. Тем более впечатляюще смотрелись красные вкрапления, словно кровь, пролившаяся на нетронутый снег. Алое фазанье перо в берете, алая рубиновая брошка на горле, алая строчка по воротнику, рукавам камзола и сапогам.

Она шла по дымящейся земле, держа в руках, затянутых в белые перчатки, чёрный кинжал с сапфировым набалдашником. Остановившись рядом с последней, почти развоплотившейся душой, девушка подняла на меня светло-карие глаза и спросила:

— Не возражаешь?

Я покачал головой и вытер кровь, текущую из невесть каким образом разбитой губы. Кинжал спасительницы добил последнюю из убавляющих.

— Привет, Синеглазый, — сказала девушка.

— Здравствуй, Гера, — поприветствовал я её. — Вот уж кого не ожидал встретить, так это тебя.

— Признаться, и я не думала, что мы столкнёмся. Извини, надо успокоить их. — Она убрала кинжал в ножны.

Скелеты, которых встряхнула магия и схватка, бушевали, щёлкали челюстями, стучали костями, собирались в круг для танца. Король, положив фламберг на плечо и опустив забрало шлема, готовился отдать приказ начинать пляску. Не знаю, что делала Гертруда, но получалось у неё хорошо. Уже через минуту костяки вновь начали расползаться по лесу, застывать в самых нелепых позах, впадать в спячку.

Эта девушка не только страж душ, но и колдунья. Ведьма, если хотите. В классическом смысле этого слова. То есть при нужде может и метлу оседлать, и проклятие наслать.

Король вернулся на своё место, демонстративно отвернувшись от меня, и забрало поднимать не спешил. Бой на поляне и мои *фигуры* основательно повредили множество скелетов. Часть костей рассыпалась без всякой надежды быть собранными вновь.

Я уже поднялся, хотя меня всё ещё мутило и в ногах была гадкая слабость. Гера, ни слова не говоря, протянула мне маленькую фляжку.

— Только не алкоголь.

— Это молоко, Людвиг. Пей.

Сразу же стало легче.

— Подумать только, Синеглазый совершил ещё одно чудо — расправился за один раз с толпой убавляющих плоть? Сколько их было всего? Шестеро?

— Семь. Если считать и ту, что ты прикончила.

В её глазах что-то сверкнуло, но я не был готов поручиться, что угадал эмоцию.

— Такие подвиги только магистрам совершать.

— Ну, я не магистр, — проворчал я. — И без тебя я бы не выжил. Ты здесь какими судьбами?

— Если честно, то совершенно случайно. Ехала в столицу, но почувствовала этих, — последовал кивок в сторону скелетов. — Решила посмотреть, что такое. А нашла тебя. Насмешка судьбы.

— Да уж… — Вот и всё, что я мог сказать.

— Идти можешь? — спросила она.

— Конечно. Ты пешком?

— Оставила лошадь на дороге. Я их усыпила ненадолго. Потом начнут буянить. Не отставай.

Она пошла вперёд, а я поплёлся за ней, любуясь её гибкой фигурой. За то время, что мы не виделись, Гера отрастила короткую косу, вплела в белые волосы алую ленту. Во всём остальном она ничуть не изменилась с момента нашей последней встречи. Точнее расставания. И надо сказать, расстались мы не в самых лучших отношениях. На самом деле я чудесным образом избежал превращения в жалкую гусеницу. До сих пор не знаю, что остановило вспыльчивую колдунью.

С того времени я не видел Гертруду, хотя пытался отыскать её, но каждый раз мы оказывались в разных странах, занятые собственными делами. И вот теперь встретились.

Она обернулась и с подозрением поинтересовалась:

— Чему ты улыбаешься?

— Рад тебя видеть.

Она фыркнула, но комментировать это не стала. Сказала лишь:

— Поначалу я тебя даже не узнала. Раньше ты бороду не носил. Похож на пса. Смешного. И лохматого.

Я машинально потрогал недельную «щетину». Росла она совершенно бесконтрольно, да ещё отчего-то разных цветов. От светло-песочного до тёмно-русого, цвета моих волос. Действительно, словно пятнистая дворняга.

— Вернусь в Вион, побреюсь.

— Не надо. Мне нравится. Ты забавный.

Я озадаченно промолчал.

— Признала только по кольцу. Польщена, что ты всё ещё его носишь.

Кольцо сделала мне она. Я носил его на безымянном пальце левой руки — три плоских полоски из белого, красного и жёлтого золота, завитые несложной спиралью. На каждой полоске выбиты руны крапивы, руты и толокнянки. Ведьма говорила, что когда-нибудь это кольцо спасёт мне жизнь. Я и верил и не верил. Вот уже второй год оно у меня на пальце, но пока ещё ни разу не помогло. Впрочем, и не помешало тоже.

— Мне нравится.

Она резко остановилась, потянулась к кинжалу, но я поспешно сказал:

— Не тронь его. Это мой.

Пугало появилось из-за мшистых камней, подозрительно посмотрело на Геру и уже не спускало с неё глаз.

— А где Проповедник? — Она тоже наблюдала за одушевлённым, и её глаза нехорошо щурились.

Было видно, что сдерживает Геру от действий только моя просьба.

— Решил меня не сопровождать.

— Как всегда струсил. Ты хотя бы знаешь, что *это* такое?

— Он одушевлённый. И хватит о нём.

Гертруда сокрушённо вздохнула:

— Иногда я поражаюсь твоему безрассудству, Синеглазый. Ну, смотри. Как знаешь. Но я бы не очень-то доверяла этому.

— У нас с ним негласное соглашение.

— Любишь ты окружать себя странными душами, — сказала она, видя, как Пугало присоединилось к нам. — Кстати говоря, что ты здесь делаешь? Ведь не за убавляющими же плоть ты пошёл в одиночку?

Я пересказал ей случившиеся события, и рассказ длился как раз до той поры, пока мы не оказались на дороге. Её лошадь, каурая красавица, стояла не привязанная совсем недалеко от кладбища.

— Меня ждут дела в столице, но твоя история заинтересовала, Людвиг. Если позволишь, я остановлюсь на ночь в Вионе. Хочу сама посмотреть, что к чему.

— Святые угодники! — подскочил Проповедник, когда я вошёл в комнату. — Во что ты, чёрт тебя побери, ввязался?! Иисусе Христе! А она тут откуда?!

— Привет, Проповедник, — сказала Гера, равнодушно скользнув по нему глазами. — Всё ещё торчишь здесь, вместо того чтобы вкушать

благодать в раю?

— Не тебе говорить со мной о рае, ведьма! — возмутился тот.

— Между прочим, официально зарегистрированная ведьма. — Она села на стул, сняла перчатки, бросила их на стол. — Грамота с печатью Псов Господних прилагается.

Проповедник терпеть её не может. Гертруда уроженка карманного герцогства Барбург, где взгляды на колдовство куда более терпимые, чем в других странах. Проповедник родом из Лезерберга, самого консервативного княжества в этом регионе. Он не может понять, почему Церковь не оттащила колдунью на костёр, а стражи приняли её к себе.

По мне, так всё просто. Двоюродный дядя Геры — кардинал Барбуга. У Церкви, вопреки мнению обывателей, свой взгляд на людей, владеющих запретными чарами. Если такие люди признают власть папы, распятие, причастие и Святую Троицу, то есть шанс, что их существование одобрят. Хотя бы потому, что ведьмы на службе у Церкви гораздо лучше знают собственную магию, а значит, могут помочь справиться с теми, кто несёт в мир зло и анархию. Разумеется, инквизиция накладывает на лояльных тёмных некоторые ограничения и обеты, да и следит за их поступками с большой тщательностью, во всяком случае, первое время.

Именно по этой причине её взяли к нам. Гера обладает не только даром, но и магией, которая недоступна никому из нас.

— Хватит стенать, Проповедник, — сказал я, доставая бутылку вина.

Пугало село во главе стола и начало точить серп. Хотя, по мне, это являлось бесполезным занятием. Им и так уже можно было бриться.

— Касательно твоего рассказа, на мой взгляд, так нет ничего загадочного. — Гера ловко швырнула свой берет на мою кровать. — Во всяком случае, в поведении крыс и пляске мёртвых.

— С интересом выслушаю.

Проповедник хмыкнул с явным пренебрежением, но на него никто не обратил внимания.

— Крыс принято считать слугами тьмы. Многие называют их тотемными зверьми мелких бесов.

— Ну, с учётом того, что они разносят чуму и губят зерно, в этом нет ничего удивительного.

— Обычное заблуждение, Людвиг, — сказала Гертруда. — Крысы пользуются бедствиями, но тьму, настоящую тьму, не переносят. Поэтому стараются держаться от неё как можно дальше.

— Считаешь, что в Вионе тьма?

— Или скоро будет. Нечто готовится, я это чувствую, но что именно —

сказать тебе не могу. Послезавтра я буду в столице и сразу же пойду к Псам, сообщу им, что дело серьёзное.

— Думаю, им уже доложили, — резонно заметил я. — Ты всё ещё оказываешь услуги клирикам?

— А разве у приличной колдуньи есть другой выбор? — усмехнулась она. — Скрываться от инквизиторов весь остаток жизни не по мне. Что касается пляски смерти, то ты ошибаешься — с кладбища их подняли.

— Но никакого ритуала там не проводили! Я уверен!

— Верно. На погосте никто ничего не делал. Смею предположить, что колдун не хотел, чтобы его волшебство обнаружили так быстро. К тому же всегда есть шанс, что делом займётся кто-нибудь не слишком опытный в делах тёмной магии, даже если это люди инквизиции. Уже бывали случаи, когда то или иное явление списывали на стихийное проявление дьявольских козней. Но поверь мне, Синеглазый, это дело рук колдуна. Или ведьмы. Будь у меня время, я бы осталась с тобой и поискала то место, где он проводил ритуал. Следы, как их ни прячь, остаются. Главное знать, что искать.

— Я не знаю, — хмуро пробурчал я.

— А тебе это и не нужно. — Она примиряюще улыбнулась. — Ты ценишься совсем за другую работу. Оставь это дело на инквизицию. Они умеют справляться с подобным.

— Псы Господни, как видишь, не здесь. Я обещал помочь.

— Твои обещания сведут тебя в могилу, — подал голос Проповедник.

— На этот раз соглашусь с ним, — кивнула Гертруда. — Но, зная тебя, понимаю, что ты не отступишься. Ты думал, почему ушли души?

— Причин может быть тысяча. — Я пожал плечами.

— Разберись с этой причиной, и поймёшь, что случилось. Удивляюсь тебе — полез к скелетам, вместо того чтобы найти того мальчишку. Он может многое знать.

— Я планировал этим заняться после обеда.

— Уже ужин. И через час начнутся сумерки. Не думаю, что разумно лезть наверх в темноте.

В её словах был серьёзный резон, так что мне пришлось согласиться и отложить поиски.

Гертруда уехала перед рассветом, даже меня не разбудив. Я просто почувствовал, что постель рядом со мной пуста, но не стал просыпаться, пока небо не посветлело. На столе лежала записка, написанная знакомым мне аккуратным почерком.

Всего лишь два слова: «Будь осторожен».

— Она что-нибудь сказала? — спросил я у Проповедника.

Тот сидел в глубокой тени, там, куда не попадал свет ещё бледного утреннего солнца, и я видел лишь силуэт.

— Сказала, что оторвёт мне голову, если я тебя оставлю как в прошлый раз, — недовольно ответил он.

Пугало выглядело задумчивым и смотрело в окно.

— Нам всю ночь пришлось проторчать в общем зале, пока вы тут развлекались, умники.

— Ах, прости, — сказал я, не чувствуя никакого раскаяния.

Я думал о Гере. Она была похожа на кровавый буран, что иногда несётся по пустым дорогам. Прилетела и исчезла, оставив после себя одни лишь воспоминания. Наша личная жизнь с ней — настоящая катастрофа, в которой мы оба мало что понимаем.

Хозяйка внизу была наряжена в выходное платье. На улице тоже почти все люди оказались в новой, чистой одежде. Я удивлённо пересчитал дни, но не смог вспомнить ни одного праздника, который могли бы отмечать в городе. Взяв проходящего мимо шорника за плечо, я спросил:

— Какой сегодня день, приятель?

— Что? — не понял он.

— Сегодня праздник? Почему улицы чистые, а одежда на всех новая?

— С луны ты, что ли, свалился? Епископ Урбан приезжает в Вион.

— Сегодня?

— Ну! Прослышал в пути, что на нас беды тёмные падают, мертвецы из земли встают, и свернул с дороги к Папе, чтобы быть с нами. Службу будет проводить в соборе Святого Николая. Может, хоть одним глазком увижу.

Озадаченный, я пошёл дальше по улице, то и дело поглядывая на крыши.

Я много слышал про епископа Урбана. Он — достаточно серьёзная фигура среди святош. Собственно говоря, старикан является наместником Папы в Фирвальдене, и его власть ничуть не меньше, чем у князя. Урбана называют святым человеком и истинным защитником Церкви. Праведные поступки и никаких грехов. В последнее время жена князя сильно к нему прислушивается, и оттого его светлость, чтобы порадовать супругу, перестал уж слишком грешить. Да к тому же выпустил несколько законов, кои были удивительно неудобны для некоторых господ. Например, для Ордена Праведности, который в последнее время начал раздражать клириков в этом княжестве. И говорили, что Урбан прижмёт их к стенке,

вообще выпроводив из страны.

Впрочем, и благородным от святоши тоже попало. Он не одобрял пьянства, лжи, взяток и прелюбодейства. Точно так же, как и игнорирование исповеди. А то, чего не одобрял епископ, в последнее время не одобрял и князь.

— Но если князь всегда остаётся князем, и его власть считается бесспорной, то епископ — пришлый чужак, назначенный Папой, — прочитал мои мысли Проповедник.

На этот раз я не стал ему пенять, что он лезет в мою голову:

— Да. Такие приходят и уходят. И когда уйдут, всё обычно возвращается на круги своя.

— Но Урбан уходить не спешит, — усмехнулся Проповедник. — Я слышал, ему предлагали внеочередное право получить белую лошадь с красным покрывалом и золотыми поводьями [10], но он отказался уезжать из Фирвальдена.

— На него покушались уже восемь раз. Дважды никого не нашли, хотя Псы Господни носом рыли землю. Один раз убийцу разорвала толпа верующих. Ну а остальных ждал костёр.

— Это говорит лишь о том, что у епископа хорошая охрана.

— Не думаю, что его молитва поможет Виону. Хотя люди немного успокоятся.

— Да они особо не нервничают, — хмыкнул мой спутник. — Всегда знал, что в Фирвальдене живут какие-то тугодумы.

— Запах страха витает повсюду, хотя граждане и выглядят спокойными. Если пляска повторится или случится что-то ещё, город взорвётся. Так что епископ приехал вовремя. К тому же с ним будут Псы Господни. Не едиными молитвами сильна Церковь.

Усмешка Проповедника показалась мне не слишком весёлой:

— Ты собираешься посетить мероприятие?

— Нет. Мне следует найти мальчишку.

Следующие три часа я ходил, задрав голову к крышам, и поэтому у меня чертовски затекла шея. Кроме того, один раз я едва не попал под почтовую карету, что нисколько не улучшило моего настроения. Проповедник начал ныть, как ему это всё уже надоело и пора бросить заниматься чепухой, но я был достаточно упрям, чтобы не сдаваться.

Душу я увидел случайно, решив свернуть в узкий переулок, чтобы избежать толчеи на одной из центральных улиц Виона. Паренёк сидел на высоком коньке, выступающем над крышей, и беспечно болтал ногами. Я помахал ему рукой, он помахал в ответ.

— Могу я к тебе подняться? — крикнул я, чем сильно перепугал прохожего.

Он счёл меня ненормальным, который разговаривает с самим Господом, раз орёт, обращаясь к безоблачному небу. Мальчишка кивнул, Проповедник застонал и сказал:

— Мне, конечно, жутко любопытно, но я не полезу.

— Не возражаю, — сказал я. — Ты только перепугаешь ребёнка своим видом.

— Он и сам выглядит не очень. Свалился с крыши, вот теперь там и будет лазать до Второго пришествия Господа.

Я отмахнулся, пытаясь понять, как можно забраться наверх. Не обращая внимания на гавкающего на заднем дворе пса, нашёл приставную лестницу, ведущую на сарай, а с него — на кровлю. Хозяин, коловший дрова вместе с сыном, завидев бесцеремонного незнакомца, поудобнее перехватил топор, но я, не вдаваясь в подробности, показал ему сапфир на кинжале.

Он побледнел, явно считая, что рядом с его жилищем поселилась злобная душа, кивнул и, сцапав сына за воротник, втащил того в дом, захлопнув за собой дверь.

На крыше произошли некоторые изменения. Рядом с мальчишкой сидело Пугало и кидалось набранными камушками в ругающегося внизу Проповедника.

— Не учи ребёнка дурному, — попросил я того.

— Это я учу?! Господи Иисусе! Ты посмотри, чему его учит этот страшила! — завопил Проповедник, потрясая кулаками.

— Привет, — сказал я ребёнку. — Не обращай на него внимания. Он не так плох, как кажется.

Вблизи мальчик выглядел ещё более бледным и худеньким. Вокруг голубых глаз залегли синие круги, рубашка с одного бока намокла от крови, и было видно, как под ней выпирает сломанное ребро. Мне стало ужасно жаль его. Порой я начинаю сокрушаться, что могу лишь забирать неприкаянные души, но не могу возвратить им полноценную жизнь. Не уверен, что даже Бог на такое способен.

— Я знаю, кто вы, — произнёс он. — Светлый страж.

— Кто? — опешил я.

— Светлый страж, — решительно повторил он. — Мне про вас рассказывали. Те. Другие. Которые сейчас ушли. Вы убиваете лишь злых из нас. Остальным не стоит бояться вашего кинжала. Если только они не попросят вас об этом сами.

Пугало одарило меня заинтересованным взглядом, а я пытался прийти в себя. Не знал, что я настолько прославлен среди душ.

— Хочешь попросить? — осторожно спросил я у него.

Он поёжился, словно от сквозняка, потом сказал:

— Я заблудился. Говорят, там хорошо. Лучше, чем здесь. И не так больно по ночам.

Я никогда не слышал, чтобы им было больно. Это что-то новенькое.

— Я не знаю, как там, приятель.

Он вздохнул и перестал об этом говорить.

— Мне нужна помощь, — сказал я. — Расскажешь, куда ушли другие?

— Их прогнали. Меня тоже хотели прогнать, но я быстро бегаю. — Его синие губы улыбнулись.

— Как прогнали? — не понял я.

Он нарисовал в воздухе нечто похожее на морского конька. *Фигуру.* Общее изгнание из места. Я знал, что это такое.

— Большой был рисунок? — быстро спросил я.

— Ага.

— Ты видел, кто его рисовал?

— Человек в красных туфлях.

Одного такого я знал. Выходит, у господина Александра есть таланты и опыт настоящего стража.

— Потом ты его встречал?

— Ага. Встречал. — Мальчишка болтал ногами, поглядывая по сторонам, и было видно, что разговор ему не слишком интересен. — Позавчера. Он рисовал другие знаки.

— Какие?

— На месяц похож. Узкий. Вот такой. — Движением тонкого пальца он попытался воспроизвести изображение. — Только здесь словно вырез. А тут вот такая вот штука.

Внутренне я похолодел. *Фигурой* эта «штука» не была. Я видел её в университетских книгах во время обучения своему ремеслу. И однажды мы обсуждали её с Герой. Всё гораздо серьёзнее, чем можно было предположить.

Пугало, увидев контур рисунка, едва не сверзилось вниз, на Проповедника, околачивающегося на улице.

— Где он её рисовал? — стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, спросил я.

— Вон там. — Мальчишка показал пальцем на восток. — Прямо на крыше. Он меня не заметил.

— Спасибо, — поблагодарил я его.

Крыша была очень приметная. Да и само здание тоже. Собор Святого Николая.

Судя по часам на Цветочной площади, было без четверти двенадцать. Всего пятнадцать минут оставалось жить епископу Урбану, а так же всем, кто слушает его в соборе. Я не был уверен, что успею хоть что-то сделать, но попытаться стоило.

Мне пришлось мчаться сквозь толпу, запрудившую улицы, распихивая всех локтями. В спину неслись ругательства и проклятия. Поняв, что этой дорогой я успею только для того, чтобы увидеть, как из церкви выносят погибших, я бросился в узкое переплетение улиц, переулков и задворков старого города. Я худо-бедно помнил путь и знал, что, если свернуть на приметном перекрёстке, возле угловатого дома, в котором скрывалась аптека, можно выскочить к стене северного нефа огромного собора.

Шум центральных улиц на какое-то время стих, я слышал лишь своё тяжёлое дыхание. Проповедник и Пугало давно отстали. Людей становилось всё меньше и меньше, зато, свернув за аптекой с запылённой витриной и подняв голову вверх, я увидел звонницу на фоне неба, зажатого с двух сторон высокими стенами домов, жмущихся друг к другу в узком переулке.

Бегущих следом за мной я услышал, только когда остановился, чтобы перевести дух. Двое господ в шапках зажиточных горожан без всяких экивоков обнажили стилеты и бросились на меня. Это была очень досадная задержка.

Я поднырнул под руку со стилетом, разворачиваясь, полоснул нападавшего кинжалом по рёбрам, разрывая его подбитую ватой щегольскую куртку. Второй господин ткнул меня обратным хватом, я ответил ложным ударом с финтом, и он, закрывая шею и надключичную ямку, открыл подмышку, чем я и воспользовался.

Раненый тонко взвизгнул, отскочил к стене и сполз по ней, зажимая рукой хлещущую кровь. Его товарищ, несмотря на глубокий порез на правом боку, атаковал меня снова. Я блокировал его локоть предплечьем и, используя вражескую руку, как рычаг, отправил противника в полёт к стене, затем припечатав лицом к ней же. Кинжал мелькнул у него под коленом, и больше я мог не думать о том, что эта парочка станет для меня помехой.

Вот только появилась другая препона. Господин Александр, на этот раз одетый просто и неброско, закрывал мне дорогу к церкви. С ним были ещё четверо. У всех в руках арбалеты. Я, сам того не желая, быстро оглянулся

назад, но переулок был слишком длинный, чтобы они в меня не попали.

Магистр Ордена, заметив моё движение, дружелюбно улыбнулся:

— Вы ведь не думали, что мы не будем за вами следить, господин Нормайенн? Право, мне кажется, я зря говорил вам о ростовщике, который копит, но не может потратить. Memento mori [11].

— Очень ловкой была идея поднять кладбище, — сказал я. — Епископ не мог мимо такого проехать и оказался в ловушке, которую вы для него устроили. И души вы прогнали тоже ловко. На тот случай, если какой-нибудь страж что-нибудь от них узнает.

— Ну у нас получилось не со всеми. Но это уже неважно. — Он дал знак арбалетчикам выйти вперёд. — Последнее слово.

— Вселить тварь в колокол тоже было прекрасной идеей, но Церковь вам этого не простит.

— Нам? — делано удивился он. — А при чём здесь мы? Это всё колдуны и ведьмы. А быть может, благородные, не слишком довольные епископом? Пусть Церковь и князь спрашивают с них. Хотя… Вы знаете, Людвиг, я начинаю думать, что здесь замешаны стражи душ. Одного как раз подстрелят сегодня.

В этот момент на них сверху упало Пугало. Эффект был почище появления Дьявола во плоти в благочестивом монастыре непорочных малиссок. Правда, отсутствовали гром, молнии, адское пламя и вонь серы. Но всё равно впечатляюще.

Страшный серп рассёк господину Александру, единственному из тех, кто мог его видеть, левую ногу от бедра до стопы. Я прыгнул в сторону и перекатился по грязной мостовой, и два болта с шелестом пролетели мимо. Больше не стреляли, потому что старина Пугало устроил кровавую жатву. Ничего не понимающие люди падали на алую от крови мостовую с рассечёнными шеями и распоротыми животами.

Александр, приподнявшись на локте, ударил в одушевлённого серым облаком, тот пошатнулся, несколько соломинок в его шляпе закрутились, словно от сильной жары. Потом Пугало подошло к раненому и одним широким движением острого серпа отрубило тому голову. А затем с удовольствием улеглось в кровь.

Я ему не мешал, потому что уже нёсся по переулку. Выскочил к церкви, бросился вдоль её стены к центральной площади. Впереди было настоящее столпотворение. Стражники и люди в приметных рясах Псов Господних.

— Остановите молитву! — заорал я. — Остановите молитву!

Не заметить и не услышать меня было довольно сложно. Двое крепких

парней с бритыми затылками, по недоразумению обряженных в рясы, обернулись. Один попытался схватить меня своей похожей на лопату лапищей за шиворот, но я увернулся от него, врезался в корпус другого, да так, что тот охнул и отступил на шаг. Но свой успех я развить не успел. В моей голове зазвучала церковная музыка, ноги стали ватными, и я рухнул на колени, словно собирался прочесть молитву.

Мне тут же скрутил руки один из монахов, я открыл рот, но пудовый кулак второго врезался мне в живот. Совершенно ненужная мера. Я и так лишился возможности говорить. Язык просто прилип к моему небу. Быстро подошёл человек в тёмно-коричневой рясе старшего инквизитора, тот самый, что ударил по мне своей благочестивой магией, процедил сквозь зубы:

— Утащите смутьяна подальше.

— Эй, глядите-ка! — сказал тот, что двинул меня, прекратив свой оперативный обыск.

Он протянул мой кинжал старшему инквизитору:

— Кажись, страж.

Колокол пробил двенадцать, и я застонал от отчаянья. Инквизитор, совсем ещё молодой парень, наклонился ко мне и сказал быстро, чётко, не спуская с меня взгляда:

— Говори, страж. Но если закричишь…

— Остановите молитву. На крыше собора символ Ведьминого яра, а в колоколе — тёмная тварь.

Надо отдать должное этому священнику. Он не сомневался, не медлил, не расспрашивал подробности. Бросился к центральным воротам, где всё было запружено народом, но я уже понимал, что поздно. Он не успеет. Один из монахов побежал вместе с ним, другой остался со мной, всё ещё стальной хваткой держа меня под локоть, на хитром болевом.

— Пусти! — сказал я, видя, как из-за угла появляется окровавленное и очень довольное собой Пугало. — Это надо остановить прежде, чем сюда налетят души со всего княжества.

Он заворчал, но, слыша, как дружно, в один голос, ахнула толпа у входа в собор, понял, что там всё же что-то происходит, и отпустил меня. Я бы мог ему сказать, что ворота собора, скорее всего, стремительно зарастают кирпичом, но он уже и сам видел, как это происходит с витражными окнами и маленькими калитками.

Я вырвал из его рук свой кинжал и кинулся туда, где из стены торчали вбитые стальные скобы. Лез я как заправский матрос, и Пугало, следившее за мной снизу, становилось всё меньше и меньше. Колокол бил, не

переставая, и было понятно, что подчиняется он отнюдь не воле звонаря. Его громкий гул разносился по всему Виону, и мне казалось, что с каждым ударом я рассыпаюсь, словно песочный домик.

Ведьмин яр — высшая магия колдунов. Огромный, требующий колоссальных сил, времени и точности написания символ, созданный лишь для того, чтобы призвать к тому месту, где он нарисован, как можно больше злобных душ. Колокол, в который вселили нечисть (и глупости то, что действительно крупная нечисть боится колокольного звона), служит в данном случае призывом.

Идеальное убийство. И страшное. Все, кто сейчас находится в соборе, обречены. Потому что церковная магия слишком медлительна, чтобы справиться с душами, которые хлынут из мрака. Именно поэтому подобными сущностями занимаемся мы, стражи.

Набат грохнул над головой так, что я оглох. На кураже я забрался выше всех городских зданий, исключая шпили соборов и церквей. В отличие от Проповедника, я не боялся высоты, а то бы уже давно грохнулся вниз. Опоры здесь почти никакой не было, а скобы успели проржаветь. Я бы с радостью поменял этот путь на тот, что должен проходить внутри собора, по спиральной лестнице, ведущей прямо на звонницу. Но выбирать не приходилось.

Когда я перевалил через высокие каменные перила, оказавшись рядом с гудящим колоколом, то, кажется, оглох второй раз, и теперь навсегда. Его мерные, ритмичные удары лишили меня слуха. Звонари были мертвы, и колоссальный предмет раскачивался сам по себе. С двух сторон ко мне потекли два худых, тонких, словно истаявших, существа. В них с трудом можно было узнать человеческий облик, который они когда-то носили.

Я выкрикнул слова, не слыша себя, махнул рукой, и первый худяга споткнулся и упал. Второй едва не сцапал меня, но мне удалось воткнуть в душу кинжал и выпить её прежде, чем он смог меня коснуться. Однако первый уже ловко, точно пружина, вскочил — лишь для того, чтобы на его плечи обрушилась тяжеленная молитва того самого молодого инквизитора, который задавал мне вопросы.

Пёс Господень последовал за мной, бледный и взмокший, едва-едва перебрался через преграду, мешком упал на пол. Он, как и я, знал — колокол первопричина всех бед. Если его уничтожить, Ведьмин яр потеряет большую часть своей силы, души исчезнут, а с остальным можно будет справиться без особых проблем.

С тех пор как начался звон, прошло, наверное, минуты четыре. Вокруг звонницы уже вились первые души — серые размытые пятна, постепенно

собирающиеся в воронку, которая вот-вот должна была прорваться и уйти сквозь крышу вниз. Туда, где находились люди. У меня никогда не хватило бы сил уничтожить всех тех, кто пришёл на зов.

Я бросился вперёд, в воздухе рисуя кинжалом *фигуру* за *фигурой*. Но чёрный ореол вокруг потемневших бронзовых стенок не рассеялся, а, казалось, наоборот, сгустился. В отчаянье я ударил по нему кинжалом, но не тут-то было. Сильный толчок в грудь был таким, что не поймай меня инквизитор, лететь бы мне до брусчатки всю высоту звонницы.

Он что-то мне прокричал, но, разумеется, я не услышал. Священник отстранил меня, опасно близко подошёл к гигантскому колоколу, молитвенно сложил руки и, закрыв глаза, опустил голову. Я увидел, как нечто зашевелилось в глубине бронзы, словно в ней ему стало тесно. Мелькнул лохматый локоть, появились и исчезли наполненные ненавистью и злобой алые глаза. А затем чёрная пелена, окружающая бронзовый монолит, пошла трещинами и лопнула, словно яичная скорлупа.

В чём Святой курии не откажешь, так это в том, что она знает, как поступать с бесовским отродьем. Мы ударили одновременно. Я — кинжалом, инквизитор — размашисто перекрестив и щедро облив текущей из распятия лучистой божественной благодатью.

Клинок вошёл в бронзу, словно та была живой плотью. Такой же мягкой и податливой. Колокол содрогнулся и выплюнул из себя тёмно-коричневое, лохматое, дурно пахнущее, похожее на паука и одновременно на собаку существо. Оно щёлкнуло страшенной пастью возле моих ног, едва не откусив голень, и взвыло так, что даже я, будучи совершенно оглохшим, его услышал.

Демон ревел и бился в судорогах, обливая площадку звонницы чёрной кровью, хлещущей из раны, оставленной моим кинжалом. Кровь на солнечном свету бурлила, шипела и испарялась. Инквизитор отодвинул меня, указав кивком головы в сторону лестницы, и, не дрогнув, возложил руку на голову адова отродья. Его длинные, тонкие пальцы впились в жёсткую шерсть подобно клещам. На этот раз силу молитвы священника почувствовал даже я.

Впрочем, я не стал наблюдать за результатом. Инквизитор прав, каждая секунда на счету. Уничтоженный демон умолк, но тех, что он успел созвать, вполне хватит для того, чтобы причинить массу неприятностей людям.

Витая узкая лестница, поворот за поворотом, вела вниз. Перил не было, лишь толстая верёвка в центре, за которую следовало держаться, чтобы не покатиться по ступеням и не превратить все свои кости в мелкие

осколки. Я пренебрёг этой мерой безопасности, прыгая сразу через несколько ступеней, и достиг дверцы, выводящей на крышу, в предельно сжатые сроки. Замка не было, зато камень, зарастивший проём, задержал меня почти на минуту, прежде чем я смог выскочить под открытое небо, задрать голову и увидеть над собой снижающееся бледно-серое облако.

Несколько отдельных душ уже умудрились проникнуть под крышу собора. Я чувствовал их метания, их ненависть и ярость. А также слышал непередаваемый крик запертых внутри сотен людей. Растерянных, испуганных, мало что понимающих. В этих криках, стенаниях и обжигающей человеческой панике призванные твари купались, как акулы в кровавой воде. Иногда в темноте били яркие вспышки молитв инквизиторской магии клириков, которые не потеряли контроль над собой и пытались бороться со случившимся. Но нарисованный над ними Ведьмин яр сводил их попытки на нет.

На площади, которая прекрасно была видна мне с такой высоты, тоже царило безумие. Кто-то в панике бежал прочь, кто-то, наоборот, наседал вперёд, вытягивая шею, чтобы понять, что происходит. Стражники старались управлять толпой, священники — выбить запертые врата. Пока безуспешно.

Черканув по воздуху кинжалом крест накрест, я создал *фигуру*, способную удержать этот вал несколько секунд, и начал закрашивать Ведьмин яр, рисуя поверх него *фигуру* за *фигурой*, поступая точно так же, как ныне покойный господин Александр. Морские коньки — общее изгнание из места всех неприкаянных душ.

Надо мной трещали и рвались узы, но, несмотря на то что в глазах то и дело темнело, я завершил рисунок, затем начал произносить слова, и когда контуры на покорябанной черепице стали наливаться светом и пульсировать, откатился в сторону, оказавшись в опасной близости от края крыши.

Серое облако начало рассеиваться. Вначале медленно и неохотно, а затем всё быстрее и быстрее, пока в чистом, прозрачном небе не осталось ни намёка на угрозу. А потом сверху ливанул дождь, стеной обрушившись на собор, и яркая радуга, распустившаяся над звонницей, была мне самой лучшей наградой.

Дилижанс задерживался, как это частенько с ним бывало, и Проповедник ходил по площади с недовольным и надутым видом, словно все ему здесь были обязаны. Я сидел на дорожном саквояже, несколько потяжелевшем после того, как городской совет Виона выдал мне мою

награду, и рассеянно поглядывал по сторонам. Люблю этот город, но сейчас следует от него немного отдохнуть и отправиться куда-нибудь на запад, где нет танцев скелетов и жизнь немного спокойнее.

Во внутреннем кармане моей куртки лежало тяжёлое золотое кольцо, украшенное крупным тёмным рубином — подарок от епископа Урбана. Разумеется, у него не нашлось времени встретиться с каким-то стражем, но он, стоит отдать ему должное, хоть как-то смог показать, что благодарен.

По площади прошёл очередной молельный ход. Весь город захлестнуло религиозное рвение, и на то была масса причин. Все молились Господу, благодарили его за спасение и разве что не устраивали пляски. Случившееся в соборе очень быстро обросло слухами и превратилось в чудо. Епископ тут же стал ещё более святым, чем он был, раз смог прогнать самого Диавола. Бесспорная победа Церкви.

Проповедник вчера сказал, что он возмущён, как вся слава досталась кому-то другому, и теперь об этом растрезвонят не только на это княжество, но и на весь цивилизованный мир. Иногда он говорит сущие глупости. Я рад, что всё внимание приковано к епископу, а не ко мне. Братство стражей не слишком ценит дешёвую популярность, и этому есть множество причин. Одна из них — работать становиться крайне тяжело.

— Мертвецы позавчера ночью вернулись на кладбище, — сказал Проповедник, присаживаясь рядом.

— Знаю.

— Но, наверное, не знаешь, что маршировали они, как солдаты его величества Луи.

— Шутка в стиле их короля. Будь у них барабаны, думаю, эффект был бы ещё сильнее.

Он понял, что мне совершенно неинтересна тема пляски смерти, буркнул ругательство.

— Не богохульствуй, — попросил я его.

— Бог простит.

— Бог только и делает, что всех прощает. Не думаешь, что рано или поздно ему это надоест?

— Меня это заботит гораздо меньше, чем то, что теперь сделают с Орденом Праведности.

— Думаю, ничего. Орден уже объявил Александра отступником, преступником, проклятым и самим чёртом. Они найдут десятки свидетелей и сотни свитков, где будет сказано, что этот человек давно не имеет с ними ничего общего и прочее, прочее, прочее. Большие игры, в которые я не собираюсь не только играть, но даже ими интересоваться. У меня другая

забота — души.

Пугало, сидевшее рядом, не обращало на наш разговор никакого внимания. Оно наблюдало за смазливой молоденькой продавщицей булочек. Девчонка, что тут скрывать, была очень хороша. Жаль, что умерла.

— Они начали возвращаться в Вион. — Проповедник улыбнулся.

Через несколько минут появился дилижанс.

На противоположной стороне площади показался мой старый знакомый — господин студент. Пройдя половину пути, молодой человек заметил меня, остановился как вкопанный, несколько секунд колебался, затем презрительно скривился, сплюнул на брусчатку и направился прочь.

Воистину некоторых людей жизнь ничему не учит.

Я обменялся вежливым кивком с уорэнт-офицером второго класса, который всё также сопровождал студента, встал, поднял дорожный саквояж и вместе с Проповедником и Пугалом направился к дорожной карете.

История вторая
Ключ от рая

Дом эпохи Клемента Вседержателя находился на узкой, увитой диким виноградом улице, в самом центре Старого города. Вывеска «Фабьен Клеменз и сыновья» была неброской и маленькой, но знающим людям говорила о многом. Я переложил саквояж в другую руку и толкнул дверь. Колокольчик над моей головой звякнул хрустально и нежно, и почти тут же рядом оказался привратник в тёмно-бордовой ливрее, которая едва не лопалась на его плечах. По плоскому лицу, переломанному носу и ссадинам на огромных кулаках сразу угадывался род занятий этого человека — вышибала. На его поясе висел корд в дорогих ножнах. Не удивлюсь, если за стойкой лежит шестопёр или какая-нибудь дубинка. Впрочем, для костолома у него были изысканные манеры и умение вести себя вежливо, что для компании, где он работал, совершенно неудивительно.

— Вы в первый раз у нас, господин? — спросил он, ощупывая глазами мою одежду на предмет спрятанного оружия.

— Нет, — ответил я и, чтобы избежать лишних вопросов, расстегнул куртку, показывая кинжал.

Привратник кивнул, приглашая меня к стойке. Там, закатав рукав, я протянул правое запястье, охранник провёл над ним ивовым прутиком, и веточка дёрнулась в его руках. Мужчина довольно улыбнулся, взялся за новенькое перо, окунул в чернила и со скрипом написал на бумаге ряд только ему понятных закорючек.

— Будьте любезны следовать за мной, господин.

Громила провёл меня в прекрасно обставленную комнату.

— У нас есть превосходное нарарское бренди из герцогских виноградников. Или желаете чего-нибудь другого?

— Благодарю, не стоит.

Он поклонился и вышел, оставив меня в одиночестве. Я повертел головой, с интересом разглядывая комнату. В этом представительстве «Фабьен Клеменз и сыновья» я не был, потому что город Тринс никогда не лежал в сфере моих интересов. Работы всегда немного, душ мало, а те, что есть, редко причиняют вред людям. Здесь кругом сплошные святые места, тёмным мятежным созданиям слишком плохо, чтобы просто существовать, не то что устраивать пакости местным жителям.

Появившийся на пороге господин в корне отличался от встретившего меня привратника. Невысок ростом, сутул, обычен лицом, неприметен одеждой и скуп на жесты. Подобные люди никогда надолго не задерживаются в памяти. Их и описать-то сложно, а запомнить — подавно. Все клерки этой компании внешне похожи друг на друга, словно родственники. Остаётся только догадываться, где месье Клеменз набирает столь непримечательных персонажей.

— Господин ван Нормайенн, — прошелестел сотрудник, — прошу вас сюда.

На маленьком прилавке стояла ажурная клетка с механическим скворцом. Птичка склонила голову, придирчиво изучила меня чёрными бусинками хрустальных глаз. Скворец был необычным. Я узнал в нём одушевлённого.

— У нас есть на него лицензия. — Клерк заметил мой интерес. — Хотите посмотреть, страж?

— Я здесь не за этим. Предпочитаю решать деловые вопросы.

— Замечательно. — Бледные губы неприметного господина тронула улыбка. — Желаете внести деньги на депозит?

Я вытащил из дорожного саквояжа тяжёлый кошелёк:

— Да. На мой счёт. Двадцать процентов от суммы переведите, пожалуйста, на счета Братства стражей.

Стандартная процедура. Братство находит, воспитывает и готовит нас, а мы отдаём ему часть заработанного. Ради всеобщего блага.

Клерк высыпал золотые монеты на прилавок, быстро сложил их в три ровных столбика. Сделал отметку в бухгалтерской книге:

— Двадцать литавских флоринов, или сорок дукатов, или тридцать два чергийских гроша.

Я кивнул, подтверждая верность его слов. Он жестом попросил показать запястье, коснулся его ивовым прутиком, внося новые, видимые только ему цифры.

— Вас ожидает корреспонденция. Если вы подождёте минуту, я принесу её.

Я нахмурился. Никто не должен был знать, что я появлюсь здесь. Я направлялся в столицу княжества Фирвальден, чтобы повидаться с Гертрудой, которая собиралась быть там до конца лета, и заехал в Тринс исключительно ради одной ночёвки. Но, как оказалось, для кого-то мой путь секретом не был, и они обратились в «Фабьен Клеменз и сыновья».

Эта компания надёжна, как мой кинжал, и множество её филиалов, разбросанных по всем цивилизованным странам, дают некоторым людям

возможность пользоваться их услугами, а также не опасаться за свои вклады, поскольку при всей своей внешней незаметности они отличаются от других одной очень характерной чертой — независимостью.

«Клеменз» не зависят ни от Лавендуззского торгового союза, ни от местных городских правителей, ни от бригад наёмников, ни от нас, ни от князей, ни даже от Церкви. Во всяком случае, пока ещё ни у кого не получилось заставить компанию раскрыть конфиденциальные данные о клиентах. Хотя бы потому, что все — торговые союзы, мэры и ландграфы, герцоги и князья, наёмники и маги, кардиналы и епископы — являются клиентами этой фирмы. Они берут у неё в долг, они хранят в её надёжных недрах свои средства и тайны. И никто не желает, чтобы их маленькие секреты стали достоянием гласности.

Вернувшийся клерк протянул мне узкий конверт. Перламутровая печать Братства выглядела достаточно свежей и яркой, чтобы я спросил:

— Когда пришло письмо?

— Час назад.

— Могу я узнать, кто его принёс?

— Нам не разрешено открывать информацию такого рода. Извините.

Я кивнул, ничуть не удивившись, вскрыл магическую печать, приложив к ней палец, и она превратилась в дым, пахнущий сожжёнными травами. На плотном листе был записан код — сложный набор цифр и букв. Пришлось повторить его дважды для того, чтобы запомнить.

— Огня, пожалуйста, — попросил я.

Клерк принёс свечу, и я сжёг конверт вместе с посланием, наблюдая за тем, как они превращаются в пепел. Настроение испортилось. Кажется, мне придётся забыть о том, чтобы встретиться с Гертрудой. Во всяком случае, на какое-то время.

Возле Девы Марии Снежной — величественной и совсем ещё не старой церкви, построенной дедом нынешнего князя, сидели пятеро просящих подаяние. Дело у них шло не шатко ни валко. Во вторник, да ещё и поздним утром, прихожан было мало, и скупы они оказались безмерно. Несколько стёртых медяков, лежащих на дне кружек для милостыни, казались сущей насмешкой над заработком.

Поэтому язык не повернулся бы назвать нищих благостными. Скорее уж наоборот. Они то и дело цапались друг с другом, словно шелудивые дворняги. Их ругань разносилась по площади, но никто не обращал на неё внимания, хотя страсти медленно, но верно накалялись. Одинокий стражник, появившийся с Наклонной, со скукой на лице поглядел на

разрастающийся скандал, прислонил тяжеленную аркебузу к стене и занялся заточкой корда. Его совершенно не волновало, что скоро кроме ругательств нищие начнут применять более весомые аргументы — костыли и клюки. При том, что выглядели господа просящие отнюдь не калеками. Крепкие и здоровые, на радость всем армейским вербовщикам.

К вящему разочарованию Проповедника, который с подчёркнуто презрительной миной наблюдал за спором нищих, драка всё-таки не началась. Исключительно из-за моей скромной персоны. Точнее оттого, что в моей руке появилась четверть литавского дуката. Серьёзная монета, особенно для таких плутов, как они.

— Что нужно сделать, добрый господин? — тут же спросил один, самый жуликоватый.

Спросил без заискивания, с профессиональным интересом наёмника и голосом, ничуть не похожим на жалостливое нытьё попрошайки, которым он говорил совсем недавно, протягивая кружку в сторону одной из прихожанок.

— Меня интересуют новости. Правдивые и проверенные. Насчёт Каменной пустоши. Нужно знать, кого упекли туда за последние четыре дня. Поимённо. За что взяли, кто арестовывал, кто подписывал приговор, на сколько осудили и самое главное — где содержат.

Его дружки переглянулись, а он прищурился и посмотрел на меня оценивающе:

— Хитрое задание.

— Но и плата более чем щедрая.

Проповедник вздохнул так, словно я отдаю его, а не свои деньги. Глаза жуликов вновь обратились на четверть дуката. Крайний слева облизнул губы и сказал:

— Мы постараемся, господин.

— Получите ещё четверть дуката, если к вечеру я узнаю то, о чём прошу.

Это их очень воодушевило. Я кинул монету главному:

— Имеет смысл говорить, что я пойму, если вы поёте мне песни?

Ещё один оценивающий взгляд.

— Не будет песен, господин. Не за такие деньги. Если что-то разнюхаем, то вы это узнаете. Если нет — не обессудьте. Аванс назад не вернём.

— Я в курсе, как заключаются сделки в Тринсе.

— Как мы вас найдём?

— Встретимся «Под русалкой», сразу после звона на комплету [12].

Они, похватав кружки и костыли, бесшумно растворились в толпе.

— Вечно ты пользуешься услугами всякого сброда, — презрительно произнёс Проповедник, когда я направился прочь от церкви. — Такие ножом пырнут не дорого возьмут.

— Меня радует, что ты печёшься о моём здоровье, — пробормотал я так, чтобы не привлекать внимание окружающих, которые не слишком нормально относятся к людям, разговаривающим с невидимым собеседником.

— У меня в этом деле свой интерес. Без тебя обязательно найдётся какой-нибудь страж, который отправит меня в рай. Рядом с тобой я как за каменной стеной.

— Спасибо за откровенность.

Он пожал плечами, немного похожий на старого, надутого пеликана, которого зачем-то обрядили в сутану:

— Наше существование — вопрос некоторого везения. Рано или поздно мы попадаемся на глаза тем стражам, которые гораздо менее щепетильны, чем ты. А таких достаточно много. Правилами вашего Ордена не запрещается отправлять встреченную на пути душу на Божий суд, хотя «Кодекс теней» [13] это и не приветствует.

— Жёсткие правила уничтожения касаются только тех, кто вредит людям. С остальными следует поступать по мере разумения, — возразил я. — Лично я считаю, что если душа желает задержаться в нашем мире и ведёт себя тихо и мирно, ради бога. Когда настанет её час, уйдёт сама.

— Ты в меньшинстве. Слишком это лакомый кусок — свободные души. Некоторые из вас пытаются собрать их как можно больше, не отличаясь особой деликатностью.

— Не всем это нравится. И речь идёт отнюдь не обо всём Арденау [14]. Среди наших магистров тоже нет единения в вопросах собирания душ. Слишком велик соблазн, слишком значительна награда.

— Ходят слухи, что у некоторых из вас есть запасные кинжалы, хотя это строжайше запрещено. Такое оружие не попадает под проверки вашего Братства, а также Ордена Праведности и церковников, а значит, можно не бояться, что тебя поймают за тем, против чего резко выступает Святой Престол.

— Ерунда. Каждый кинжал уникален. Оружейников, способных создавать их, слишком мало. Всего две семьи, занимающиеся этим из поколения в поколение. И если ты думаешь, что они не под пристальным наблюдением, то ошибаешься.

Проповедник пожевал губами и промолвил:

— Люди всегда найдут способ обмануть других людей. Ты ведь не будешь отрицать, что души, благодаря стражам, покидают этот мир? И необязательно злые сущности.

— Не буду.

Знавал я таких ребят. Их не пугал даже церковный гнев и пристальное внимание Ордена Праведности. Кстати, почти все они плохо кончили.

Ещё несколько столетий назад Папа Иоанн Шестой скрепил золотой буллой [15] документ «De animis existentiis et legibus ad eas res pertinentibus» [16], где было сказано, что Церковь резко против, чтобы кто бы то ни было из рабов божьих вмешивался в вопрос существования невинных душ без персонального одобрения и письменного разрешения священников. Святой Престол искренне считает, что души «в руках Божьих, и негоже людям лезть в дела Его». По разумению Церкви, раз души не спешат к воротам в рай, значит, их время не пришло. Разумеется, подобный церковный закон не касался злых душ, так сказать «вредящих людям по Дьявольскому наущению».

— Не все соблюдают правила, Людвиг. — Проповедник смотрел, как детвора пускает в луже кораблики.

— Это в природе человеческой. Вот уж чему я никогда не буду удивляться.

— Пойду прогуляюсь. Давно здесь не был.

— Увидишь Пугало, скажи ему, где мы остановились.

Он не ответил мне ни да ни нет и свернул за угол. Порой старый брюзга становится невыносим, и я начинаю удивляться, почему терплю его рядом с собой.

Я пошёл вниз по Колбасной, чувствуя, как начинает припекать солнце. В княжестве царила настоящая жара, и поговаривали о скорой засухе. Судя по реке, протекающей под городскими стенами, если не будет дождей ещё недели две, — наступят не самые лучшие времена.

Трактир «Под русалкой» находился недалеко от Замшелых ворот, возле которых начинался оживлённый фирвальденский тракт. Но из-за высокой цены на проживание, еду и вино здесь было удивительно свободно, чего не скажешь о соседних заведениях. Народу туда набивалось, как альбаландских селёдок в тесную бочку — дверь не закроешь. Лично я в подобных местах стараюсь бывать как можно реже и предпочитаю возможность сидеть за столом в одиночестве, а не в окружении сомнительных личностей.

Впрочем, от недостатка клиентов трактир «Под русалкой» никогда не страдал. Здесь останавливались те, кто ценил тишину, комфорт и хорошую кухню и готов был платить за это гораздо большие суммы, чем принято в придорожных заведениях в этой части города.

Сейчас кроме меня в зале было совсем немного посетителей. Никто друг другу не мешал, все были заняты едой и беседой. Я сел за свободный стол, махнул хозяину, чтобы принесли холодного пива.

— И что теперь? — Проповедник — моя головная боль. Как и она, он любит появляться неожиданно. — В чём смысл очередного дурацкого поручения Братства?

— Я так надеялся, что ты отправился гулять надолго, — вздохнул я.

— А я так надеялся, что у тебя хватит ума отказаться.

— От некоторых вещей отказываться себе дороже.

— Так что они хотят?

— Просят помощи в поисках одного человека. Хартвига Нитца. Уроженца Тринса. Его поймали на мошенничестве два дня назад, отправили в Каменную пустошь, а затем куда-то перевели. Куда — никто не знает.

— И зачем, скажи мне, грешному, этот проходимец нужен стражам? И на кой, прости господи, чёрт, ты занимаешься тем, что ведёшь розыски пропавшего?

— Насчёт первого ничего не скажу, насчёт второго — потому, что меня попросили люди, гораздо более влиятельные, чем я. Я не могу игнорировать приказы, даже если ты продолжаешь считать, что каждый из стражей — вольная пташка, которая себе на уме.

Мне принесли пива, и Проповедник, скривившись ещё больше, чем обычно, отвернулся, не желая продолжать беседу.

Пугало так и не появилось, что меня, в отличие от вновь разговорившегося Проповедника, совсем не беспокоило. Он же, не переставая, ныл, что чёрт знает, чем оно может заниматься, когда остаётся без моего присмотра.

— Ты видел его серп? А его улыбку? Это же форменное сумасшествие! Да по сравнению с ним наёмные солдаты — агнцы Божьи, поющие «Господи, да будет воля твоя».

— На всякий случай напомню тебе, что один из этих агнцев лишил тебя жизни.

Проповедник скрипнул зубами, явно от досады, и сказал:

— Ты понимаешь, что если оно окончательно сбрендит и накромсает

кого-нибудь на кусочки, а об этом узнают власти, у тебя будет куча неприятностей? Ты ответственен за то, что стянул его с ржаного поля.

— Пугало не так плохо, как ты думаешь, — беспечно отозвался я, слыша, как городские церкви начинают звон на комплету.

— Возможно, мы говорим о разных Пугалах? — ехидненько поинтересовался Проповедник, вытирая кровь со щеки. — Я о том, что похоже на оживший кошмар. Такое, знаешь ли, молчаливое, с изогнутым ножом для кровавой жатвы, порубившее в Вионе несколько человек.

— Если Пугало зарвётся без всякой на то причины, я это узнаю. И его ждут неприятности. Оно об этом, представь себе, тоже знает и будет следовать правилам. Но если тебя беспокоит одушевлённый, то терзай не меня, а его. Найди и приглядывай.

— Я что, похож на няньку? К тому же оно меня игнорирует.

— Тебя все игнорируют, кроме меня, — «утешил» я его. — Потому что у тебя невыносимый характер.

— Ага. Вон у тех типов он конечно же несравнимо лучше.

Я оглянулся.

В дверях стояли двое из попрошаек, что я нанял. Правда, нищими они уже не выглядели. Никакого рванья, никакой грязи. Горожане мелкой руки, живущие явно неправедным трудом. Хозяин и его прислужники закрыли им дорогу, полагая, что подобным людям здесь делать нечего, но я показал, что они пришли ко мне, и их с явной неохотой пропустили.

Первый был тот самый заводила, игравший роль главного. Второй, судя по лицу и повадкам, любил выбивать из людей деньги кулаками. Желательно в тёмном переулке.

— Угостите пивом? — бесцеремонно спросил глава маленькой шайки. — Говорят, здесь оно отличное.

Я усмехнулся, но попросил для них кувшин нефильтрованного. Они расценили мою добрую волю как проявление слабости, и громила, хрустнув костяшками пальцев, проронил:

— Надо бы добавить за дельце, добрый господин.

Проповедник зло сплюнул на пол, но, кроме меня, к сожалению, этого никто не видел.

— Цена уже обговорена. Я заплачу деньги, если ваши новости будут мне интересны. Если ты чем-то недоволен, можешь проваливать прямо сейчас, — негромко и вполне дружелюбно ответил я ему.

Он нахмурился, собрался было обидеться, но получил пинок под столом от своего товарища и занялся пивной кружкой, предоставив спутнику вести переговоры.

— Это было непросто, добрый господин. Пришлось попотеть, чтобы хоть одним глазком заглянуть в тюремные книги.

— Уверен, что в итоге ни ты, ни тюремщики внакладе не останутся. Переходи к делу.

«Нищий» ухмыльнулся, понимая, что не сможет выжать из меня даже медяка, отхлебнул пива, вытер рукавом пену над верхней губой и сказал:

— За четыре дня к ним поступило двенадцать человек. В тюряге осталось только шестеро. Про них рассказывать?

— Нет. Кого выпустили?

— Купца из Ровалии, попавшегося на неуплате пошлины городской управе. Точнее, он забыл дать взятку нужным людям, провёл в тюрьме день, вчера за него выплатили деньги, и он был отпущен. Сразу же покинул город. Одного забрала инквизиция. Аптекарь с Подвижнической, что у церкви Ангела. Вышел в срамном виде на улицу, это сочли бесовскими проявлениями. Сейчас его, наверное, уже поджаривают на решётке. Потом был мошенник, совсем недолго дурил местных, обещая даровать им чистоту для их грешных душ. Вчера его забрали из камеры и вывезли.

— Куда? — не показывая эмоций, лениво поинтересовался я.

— Никто не знает. Даже солдаты. Приехали какие-то люди и забрали, показав печать мэра.

Плохие новости.

— Продолжайте.

— Ещё одного отправили на кладбище из-за тюремной драки. И двое согласились встретиться с армейским вербовщиком. Их несколько часов назад перевели в полк, на северную границу. Это всё.

Я задумчиво постучал пальцем по столу, переглянулся с Проповедником. Нужной информации мне не предоставили, но зажимать монету я не стал и вручил им причитающуюся плату.

— Если вам что-нибудь ещё понадобится, добрый господин, только дайте нам знать. Всегда рады услужить, — сказал плут.

Их как ветром сдуло, и Проповедник с ехидцей спросил:

— И что ты будешь делать теперь?

— Постараюсь не обращать на тебя внимания, — буркнул я, вставая.

Мой собеседник не обиделся и остался сидеть на лавке, решив больше меня не раздражать. Во всяком случае, хоть какое-то время я смогу побыть в одиночестве.

В самом дурном из своих настроений я поднялся в комнату, отпер дверь и не слишком удивился, когда увидел сидевшего за столом высоченного плечистого детину с аккуратной смоляной бородой,

пушистыми ресницами и пронзительными карими глазами. Кожаная рубаха на нём едва не трещала по швам, стоило гостю только пошевелиться и немного напрячь мышцы.

— Привет, Карл. Будь как дома, не стесняйся.

— Здравствуй, Людвиг, — любезно ответил страж, сверкнув белыми зубами. — Извини, что без приглашения. Это Гансик, можете быть знакомы.

Возле окна стоял ещё один гость — худой, белобрысый, с уставшими, покрасневшими глазами. Гансик, по первому впечатлению, умер собственной смертью, и лишь хорошенько приглядевшись, я увидел тёмное пятно на его правом боку. Душа кивнула мне без всякого интереса и энтузиазма.

— Ты надумал поиграть в шпионов? — Я снял куртку, бросил её на кровать. — Честное слово, к чему письма?

— Скажи это Братству. Я получил точно такое же.

— Интересно, — сказал я без всякого интереса.

— Ага. — Карл повозился, поудобнее устраиваясь на скрипнувшем под ним стуле. — Ещё как. Так что обратиться за помощью в «Клеменз и сыновья» было самой лучшей возможностью. Они не сдают своих клиентов.

— Как ты узнал, что я в городе?

— Увидел тебя утром, когда ты проходил в ворота. Братству подумалось, что ты по старой привычке заглянешь решить финансовые вопросы, как это сделал я. Мы с тобой не любим таскать с собой лишнюю наличность.

— Пора менять свои привычки, — пробормотал я. — Мне тебя нечем порадовать. Я не знаю, куда делся этот тип.

— Зато я знаю, — широко улыбнулся Карл. — Гансик, в отличие от нас с тобой, смог сесть чёрту на хвост.

— Надеюсь, это образное выражение, — кисло ответил я ему.

Когда я встречаюсь с Карлом, мой энтузиазм очень быстро пропадает, и порой я даже перестаю любить свою работу. Потому что обычно такие встречи ничем хорошим не заканчиваются.

— Разумеется. Парня упекли в монастырь иеравитов. Святого Августина, если быть точным.

— Это ведь конгрегация [17], да? Непорочное Сердце Девы Марии, если не ошибаюсь.

— Угу. Братья-затворники. Большие молчуны.

— Он политический заключённый?

— Людвиг, тебе ли не знать, что политических упекают не в монастыри, а под землю. И выбраться они оттуда смогут лишь во время Второго пришествия Спасителя.

— И зачем понадобился этот человек?

— Братство свалило на меня это дело так же неожиданно, как и на тебя. Буквально вчера я получил послание. Нашим старикам понадобился парень, но к тому времени, как я об этом узнал, его уже повязали на торговой площади, сочли преступником и отправили в тюрягу для дальнейшей экзекуции с помощью розг. Пока я пытался его вытащить, он внезапно исчез. Словно Дьявол, на которого побрызгали святой водой.

— Но теперь ты его нашёл и можешь продолжить то, что тебе поручили. А я с чистой совестью отправлюсь по своим делам, — пожал я плечами, садясь напротив него.

— Не всё так просто, — пожевав губами, сказал Карл. — У меня для тебя не слишком приятные новости.

— Почему я не удивлён? Стоит нам только встретиться, как сразу возникают неприятности. Помнишь лисецкий бунт, когда толпа едва не насадила нас на пики? А старые медные шахты и встречу с окуллом? Я уже не говорю о том, что нам едва не оторвали головы, когда мы с тобой сунулись в Прогансу, и Носители Чистоты опознали в нас стражей. И, несмотря на все эти события, ты хочешь ещё раз меня втравить в какую-то дурно пахнущую аферу?

— Не я, — тут же сказал он, подняв на меня карие глаза. — Это приказ сверху, от которого не отобьёшься.

Я прищурился, посмотрел на Карла. Мы были знакомы больше десяти лет, несколько раз вместе работали. Карл — обстоятельный и опытный страж, но ему не везло с напарниками. Они достаточно быстро отправлялись на божий суд, и я пока был единственным исключением.

— Хорошо. Выкладывай, — вздохнул я. — По крайней мере, вначале выслушаю, а затем уже тебя отправлю.

— Замётано. Хочешь вина?

— Чувствую, сегодня оно мне не повредит. — Я потёр виски, которые жутко ломило.

Проповедник, старая дохлая образина, оказался прав, нечего было заезжать в Тринс.

Гансик, сложив руки на груди, отвернулся к окну. Карл, обрадованный, что я временно не мечу громы и молнии, достал из своей сумки пузатую бутыль, сбил сургуч с пробки, подцепил её черным зазубренным кинжалом. Пробка чпокнула, выскочила, и он наполнил глиняные кружки, которые

были слишком неказистыми для столь хорошего белого вина.

— Меня в городе уже знают, и моя персона ни для кого не является загадкой. А вот ты — тёмная лошадка, Людвиг. До поры до времени. Пока Тринс знает только об одном страже. Поэтому если ты согласишься помочь и мы будем действовать быстро, все останутся с носом.

— Пожалуйста, поподробнее про этих «всех».

— Все это все. Церковники, городские власти и Орден Праведности.

— Твою мать! — с чувством сказал я, услышав о последних. — А эти уроды каким боком влезли в твою историю? Во что тебя, а теперь и меня хотят впутать, Карл?

Он помолчал и осторожно ответил:

— Дело странное, если честно. Этот парень, Хартвиг Нитц, внезапно заинтересовал очень многих людей. Крайне популярная фигура в Тринсе последние несколько дней.

— Что он совершил? Превратил воду в городском фонтане в вино или взглядом лечит прокажённых?

— Парень, судя по всему, внезапно стал Видящим. Твердил что-то про души и прочее.

— Этого слишком мало, чтобы его упекли в монастырь или им заинтересовался Орден.

— Но он заинтересовался. И начал поиски. А городские власти спрятали Хартвига за святым забором, ожидая отмашки из столицы или пока страсти не поутихнут. Представь, что будет, если Орден найдёт его быстрее, чем Братство. Ты ведь знаешь, как наши магистры свирепеют, когда их обыгрывают. Никому из них это не понравится. А значит, с меня живьём снимут шкуру, потому что я провалил щекотливое задание. Мне надо доставить парня в Богежом.

— Это почти сто миль на северо-запад. Самая граница с Бьюргоном.

— Да. Но ближе никого из стражей нет. Вот дело и взвалили на мои плечи.

— Пока не появился я. И теперь ты перекладываешь его на мои.

— Верно мыслишь. — Карл не отвёл взгляда. — Магистры написали мне, когда ты заглянешь в город, и обязали передать тебе их приказы. Люди Ордена дышат мне в затылок. Они либо докопаются до кого-то из городского совета, либо понадеются, что я наведу их на парня. Получается — у меня есть реальный шанс водить их за нос, а ты в это время скроешься вместе с Хартвигом.

— Чтобы скрыться, надо сперва вытащить его из монастыря. Ты, видно, с ума сошёл, если хочешь привлечь внимание церковников.

Он запустил пятерню в бороду, рассеянно «расчесал» её и сказал:

— Я не могу тебя заставлять, Людвиг. Если ты откажешься — пойму. Но подумай, раз Орден проявляет такую активность, да не где-нибудь, а в Фирвальдене, где после истории с епископом Урбаном он на плохом счету, значит, всё серьёзно. Не знаю, зачем им этот парень, но он достаточно важен, коль уж они так суетятся.

— Да. Это очень подозрительно. Не случись истории с Урбаном, городские власти не смогли бы скрыть от Ордена правду. Но долго они всё равно не продержатся и рано или поздно выдадут нужную информацию.

В любом случае трактир придётся сменить. Если всё так нешуточно, умные люди достаточно быстро смекнут, куда ходил Карл, и проведут ниточку ко мне.

— Это нужно Братству.

— Вот только не надо про Братство и его нужду, Карл! — тут же окрысился я. — Всю патетику и «надо» ради «надо», без всяких объяснений, оставь для зелёных юнцов. Меня давно уже не поймать на подобную удочку. Мы с тобой работаем, чтобы избавлять мир от тёмных сущностей, а не играть в политику и лезть туда, где оторвут голову из-за какой-нибудь никому не нужной глупости!

Гансик разглядывал меня так, словно видел впервые. С уважением, хотя я ничего особенного не сказал.

— Но ты поможешь? — спросил Карл почти что жалобно.

— Помогу. Тебе. За мной долг после того февральского брода, когда ты меня вытащил из воды.

— Спасибо, — проникновенно произнёс он и тут же перешёл на деловой тон: — Всё надо сделать быстро. Желательно сегодня ночью. Я отвлеку всех, кого смогу, а ты довезёшь парня до Богежома.

— Угу. Всего лишь пара пустяков. Понадобятся лошади. И деньги. И кое-какие вещи.

— Я подготовлю. Ты не пожалеешь.

Я не стал криво усмехаться, но представил, что скажет на всё это старина Проповедник.

Проповедник не сказал ничего. Даже идиотом не стал называть. Лишь покрутил пальцем у проломленного виска и вздохнул, как лекарь над постелью безнадёжного больного, которому не помогло кровопускание. А вот когда узнал, как я планирую оказаться в монастыре, произнёс с горечью, что до таких преступлений он, человек церковный, никогда не опускался и участвовать в подобном мероприятии не планирует.

Мораль у старины Проповедника такая же гибкая, как фаледская сталь. Гнётся туда, куда прикажут. С одной стороны, ему ничего не стоит осквернить причастие, с другой, проникнуть в обитель монахов, обрядившись в их одежду, — преступление против веры. Впрочем, я даже был рад, что его со мной не будет. Опять бы стал путаться под ногами.

Был поздний вечер, солнце закатилось, но небо оставалось светлым по горизонту, вспыхнув ало-оранжевой пеленой. Полотняные ворота у же закрывались, но я успел покинуть город, выйдя из него вместе с шестью пилигримами, отправляющимися в Нарару, чтобы поклониться мощам святого Луки. Правда, на паломников они были похожи лишь благодаря серым плащам. Во всём остальном — настоящие наёмники. Под плащами бряцала целая гора оружия, что, впрочем, и неудивительно в связи с ночной прогулкой. Я бы, на их месте, поостерёгся путешествовать по пустым полуночным дорогам. Мало ли кого на них можно встретить.

Я оставил путников сразу после моста через обмелевшую реку, свернув на дорогу к монастырю, находившемуся меньше чем в четверти мили от городских стен. В воздухе висел густой запах остывающей земли, душистого клевера и тёплого летнего ветра, весь день носившегося где-то над бескрайними пастбищами. Я шёл вдоль реки, в зеркальной воде которой теперь отражались лиловые облака. Их животы скрывшееся солнце окрасило тёмно-бордовым.

Под берегом, в густых камышах, несколько раз что-то гулко плеснуло. Возможно, это рыба ударила хвостом, а быть может, кто-то иной. В любом случае я не собирался туда лезть, чтобы проверить. Кто бы там ни прятался, пусть даже тинник или топлун, меня это не слишком сейчас заботило. Уверен, если речные жители начнут докучать наземным, те найдут способ с ними справиться. Сетью, порохом или отравой. Люди всегда придумают способ, с помощью которого можно избавиться от неугодных соседей.

Дорожный саквояж пришлось заменить старой торбой, так как она привлекала гораздо меньше внимания. Бело-чёрное монашеское одеяние с широкими рукавами и глубоким капюшоном оказалось мне вполне впору. Вместо пояса я повязал пурпурную верёвку, говорящую о том, что я принял обет молчания. Карл позаботился о моём маскараде и легенде. Последняя была неказиста и проста: мне рекомендовалось помалкивать и побольше мотать головой, благо верёвка должна была избавить меня от большинства глупых вопросов.

Я немного волновался оттого, что мог попасть впросак с монастырским укладом, которого я ни черта не знал. Спасало лишь то, что

я удачно умел корчить из себя идиота. Главное, держаться как можно более уверенно и нагло. Тогда половину твоих ошибок спишут на дурной характер.

Когда до монастырских стен оставалось всего ничего, я увидел на дороге Гансика. Он свернул в рощу, и я последовал за ним через лопухи и крапиву.

Две лошади стояли привязанные к деревьям, прикреплённые к их сёдлам дорожные сумки оказались пузатыми. Гансик ткнул в одну из них пальцем:

— Здесь Карл приготовил для тебя подарки.

Я расстегнул застёжку, запустил руку внутрь и нащупал гладкую деревянную рукоять небольшого пистолета. А затем ещё одну.

— Фербергские [18]. Хорошо, — сказал я, извлекая оружие на свет.

Подобные игрушки появились лет десять назад, серьёзно потеснив арбалеты. Впрочем, я всё же предпочитаю пользоваться последними. Шумят меньше и не надо постоянно следить за зажжённым фитилём. Арбалет, кстати говоря, тоже был приторочен к луке седла. Но его, в отличие от пистолетов, я трогать не стал. Такую штуку под монашеской одеждой не спрячешь.

— Что с Карлом?

— За ним ходят двое законников, — сказал Гансик. — Час назад они заглядывали в «Под русалкой», пытались узнать, что он там забыл.

— Значит, времени ещё меньше, чем мы думали. Кстати, ты не видел в Тринсе кого-нибудь из одушевлённых?

— Нет. Внутри тебя ждут наши старые друзья. Вот здесь лежит кошелёк. Отдай его им. Карл передаёт пожелания удачи.

Не ответив ни слова, я отправился обратно на дорогу. Отсюда до монастыря идти было не больше трёх минут спокойным шагом. Возле запертых ворот, небольших, но на первый взгляд очень надёжных, горели факелы.

На моё счастье, у аскетичных иеравитов принято вести себя замкнуто, потому как я не собирался выбривать на голове тонзуру — но никого из них не смущало, что человек прячет лицо под капюшоном, а руки — в рукавах. А уж обеты молчания здесь и вовсе встречались на каждом шагу, что мне было абсолютно на руку. Пару часов мой спектакль не вызовет ни у кого подозрений, а большего и не надо.

Я взялся за тяжёлое кольцо калитки, несколько раз бухнул им о металлическую пластину и принялся ждать. Что хорошо в монашеских орденах — они всегда пускают на постой своих братьев, не оставляя их

ночевать на пороге. Очень по-христиански, на мой взгляд.

Окошко в калитке распахнулось, на меня глянула злобная пропитая рожа. Увидев мою одежду, она буркнула:

— Из какого монастыря, брат?

Я с сожалением покачал головой. Он наконец-то разглядел в сгущающихся сумерках мой пояс-верёвку, ругнулся и тут же получил затрещину от кого-то невидимого. Скривился, захлопнул окошко, загремел засовом, отпер калитку, держа в руках фонарь:

— Заходи.

Я сделал шаг и оказался в монастыре, очень надеясь, что выйти отсюда будет столь же просто, как войти.

Кроме привратника здесь были ещё двое. Пожилой монах, с лицом очень похожим на помятую сливу, который и отвесил подзатыльник товарищу за то, что тот выругался, и верзила, возвышавшийся над нами на две головы. По мне, драться с таким — очень близко к самоубийству. Справиться с подобной тушей можно, только если уронить на неё мельничный жёрнов.

— Ты из богомольцев? — спросил пожилой.

Я кивнул.

— Давно дал обет?

Я покачал головой.

— С каждым, кто приходит к нам, знакомится отец-настоятель. Но сейчас он спит, так что придётся ему увидеть тебя утром. Мы дадим тебе приют, хлеб и воду, брат. И присмотрим, чтобы ничего с тобой не случилось. Иди за мной.

Так просто?! Впрочем, чего им меня расспрашивать? Всё равно не отвечу.

Мы пошли по дорожке, мимо зелёных лужаек и цветочных клумб. Старик вёл, здоровяк сопел в спину, словно живая гора.

Наконец, мы прошли мимо колодца возле наземного павильона и остановились.

— Там мастерская и библиотека. Базилика прямо. Направо трапезная, за ней зал капитула и монашеские кельи. — Старый монах посмотрел в глубину моего капюшона и закончил: — Тот, кого ты ищешь, находится за трапезной.

Я кивнул. Теперь понятно, что за люди в монастыре должны были мне помочь.

— Пройдёшь мимо кухни, потом по тропе, огородом. Там найдёшь одежду для него. Затем свернёшь направо и ещё раз направо. Войдёшь в

малую часовню, минуешь главный неф, выйдешь через калитку. Перед тобой будет здание. Его охраняют двое, из городских. Твоё появление их не удивит, они ждут еду, постарайся оставить их в живых.

— Хорошо, — сказал я, делая шаг вперёд, но он остановил меня едва заметным движением.

— Это не всё, что ты должен знать. Настоятель попросил ещё кое-кого охранять пленника. Брат Парвус умер несколько лет назад, но остался в монастыре. Я слышал, что сейчас он в подвале. Мы будем ждать у ворот. Иди с Богом.

Я ещё раз кивнул, передал им кошелёк, который старикан проворно спрятал в широком рукаве, и быстро направился по тропе, провожаемый их взглядами. Монахи ложатся рано, а пробуждаются, когда ещё не рассвело, так что сейчас монастырь спал. Меня видели лишь ночные бабочки с бледно-серыми крыльями, вьющиеся вокруг висящих вдоль стен масляных фонарей.

Возле кухни, свернувшись клубочком у поленницы, дрыхла маленькая лохматая псина. Она дёргала во сне лапами и видела свой десятый собачий сон. Монастырский сад, совсем небольшой и подсвеченный лунным светом, встретил меня вязкой тишиной. Здесь росли несколько фруктовых деревьев, но основное пространство было занято грядками с капустой, репой и луком.

Одежда для узника лежала в корзине, рядом с продуктами и бутылкой вина. Взяв плетёную ручку, я ощутил достаточно большой вес и вошёл в малую часовню через распахнутые двери. Внутри пахло свечами, плавленым пчелиным воском, ладаном и едва ощутимо — жжёным сахаром.

Сквозь окна на пол нефа, ограниченного с двух сторон грубоватыми каменными колоннами трёхсотлетней давности, падали серебристые лунные лучи, и тени, лежащие на моём пути, были тёмно-синими и непередаваемо густыми. Эхо от шагов летело к покатому своду, отражалось от него и растворялось в ночи. Миновав часовню, я вновь оказался на улице, в дальней части монастыря, недалеко от монастырских складов и стены, за которой темнел лес.

Прямо напротив находилось одноэтажное здание с частично разобранной крышей. Внутри оказалась старая конюшня, с устланным сеном полом и пустыми стойлами. У самых дальних от меня, над выходом, горел фонарь, и сидели двое мужчин.

Они услышали мои шаги и повернулись в мою сторону. Один, загорелый и жилистый, встал. Второй даже не оглянулся — смёл с бочки

игральные карты и начал вновь тасовать колоду.

— Наконец-то, брат, — сказал загорелый. — Мы уже умираем с голо…

Я без расшаркиваний швырнул в него тяжеленную корзину. Он упал вместе с ней на землю, я оказался рядом, подхватил выпавшую бутылку и саданул по голове картёжника. Голова выдержала, впрочем, как и бутылка. Но человек свалился без сознания, а я добавил первому, уже взявшемуся за стилет, и отбросил ногой оружие в сторону. Склонившись, приложил пальцы к его шее, почувствовал биение пульса и довольно кивнул. Всё прошло как нельзя лучше.

Брат Парвус появился внезапно. Он полностью оправдывал своё имя [19] — маленький, невзрачный человечек в монашеской рясе. Вот только руки его были чёрными и обугленными до костей. Душа двинулась на меня, и я извлёк кинжал из ножен. Он остановился, не донеся ногу до пола. Прищурился.

— Ты не связан приказом и можешь отступить, — тихо сказал ему я. — Я не вижу в тебе зла, а значит, необходимости в моей работе нет. Если, конечно, ты не станешь мне мешать.

— Я пообещал настоятелю, что пригляжу за этим человеком, — негромко возразила душа, бывшая ранее монахом. — Ты пришёл убить его, страж?

— Спасти. Им интересуются разные люди, и я не уверен, что он протянет долго.

— Ваше Братство ничуть не лучше остальных… — Парвус сделал шаг назад. — Хорошо, я поверю твоему слову.

— Почему?

— Настоятель связался со светскими властями. Это не слишком хорошо для обители и несёт неприятности. В любом случае я не желаю умирать во второй раз из-за незнакомого мне человека.

Он пошёл прочь, и я, подняв засов, оказался в маленькой подсобке конюха. Хартвиг Нитц не спал, и в полутьме я увидел, как блестят его глаза.

— Ты не похож на монаха и священника, — негромко сказал он мне. — И вряд ли пришёл в такой час, чтобы меня исповедать.

Я оглянулся, убедился, что брат Парвус исчез, убрал кинжал.

— Если тебе нужна исповедь, я готов это сделать, но только быстро.

— К чёрту исповедь, страж. — Он встал на ноги и вышел на свет.

Хартвиг оказался моим ровесником, но на голову ниже меня и гораздо уже в плечах. У него было живое лицо, быстрые глаза и великолепный кровоподтёк на правой скуле. Губы тоже были разбиты, а когда он улыбнулся, я увидел, что одного зуба у него как не бывало.

— Ты не тронул монаха, хотя он может быть опасным для людей, — задумчиво сказал пленник, испытующе глядя на меня.

— Может и хочет — вещи разные. Душа не желает зла другим, а потому мне она не интересна. Ты обладаешь даром Видящих?

— Я вижу тех, кто живёт по соседству с нами, — ровно ответил он. — Для чего ты здесь?

— Хочу вытащить тебя из той ямы, в которую ты угодил.

Он прищурился:

— А дальше?

— Планирую доставить в Братство.

— Да ну? — Он неприятно улыбнулся. — Зачем мне это? Чем ваша «свобода» лучше той, что у меня уже есть?

— По крайней мере, там никто не будет тебя бить.

— Весомый аргумент, — серьёзно кивнул Хартвиг, но я видел, что он всё ещё колеблется.

— Послушай, приятель, — сказал я ему. — Я слышал, что ты наворотил дел и привлёк к себе ненужное внимание. Не знаю, что ты натворил, но теперь от тебя не отстанут. Ни Братство стражей, ни Орден Праведности. Думаю, через несколько дней присоединится и Церковь, узнав о нашем интересе. Так что выбор, с кем быть, у тебя небольшой.

— Предпочитаю оставаться одиночкой.

Один из двух оглушённых стражников тихо застонал.

— Не в этом мире. — Я протянул ему одежду монаха.

Хартвиг вздохнул и принял её.

— От городских властей я ничего не жду. Они себя уже показали с «лучшей» стороны. Орден упечёт меня в яму какого-нибудь спрятанного в горах замка. А церковники законопатят в монастырь, где охрана будет посерьёзнее, чем у этих аскетов. Так что я предпочту стражей. Во всяком случае, пока у меня не появится возможность от вас отделаться.

— И чем ты будешь заниматься, когда убежишь? — поинтересовался я, делая для себя заметку внимательнее за парнем приглядывать.

— Спасу этот мир от самого себя. Как тебе такое?

Я лишь усмехнулся.

Когда мы достигли центрального двора монастыря, здесь произошли кое-какие изменения. Я увидел их сразу, стоило мне выйти из-за угла кухни. Ворота были распахнуты настежь, и внутри монастырского двора торчали пятеро незнакомцев. Двое из них сидели в сёдлах, а трое беседовали с той парочкой монахов, что совсем недавно указали мне путь.

Я разумно шагнул назад, в тень, и Хартвиг чуть в меня не врезался.

— Кто это? — прошипел он мне на ухо.

— Так сразу не разберёшь. Но в том, что они пришли за тобой, не возникает сомнений.

«Проклятье! Неужели монахи настолько продажные сволочи?» — спросил я у звёзд на небе, но те и не думали отвечать.

Старикан во дворе между тем получил увесистый кошелёк, гораздо более внушительный, чем тот, что дал мне Карл, и указал новоприбывшим дорогу. Грубо говоря, он ткнул пальцем прямо в меня, но, благодаря тому, что ночь была тёмная, мы остались невидимы. Не желая искушать судьбу, я развернулся и велел Хартвигу:

— Живо, за мной.

Мы обогнули угол кухни, пересекли крыльцо и ввалились в большой пустынный холл с погашенным очагом. Хартвиг не стал прикрывать дверь, оставив небольшую щель, так что мы оба видели, как три вооружённые фигуры протопали по огороду в сторону часовни.

— Так кто они? — вновь спросил мой спутник.

— Повторяю. Мне это неизвестно. Я знаю лишь одно: ждать от них чего-то хорошего — глупо.

— Что ты делаешь?

— Зажигаю фитили. Слушай внимательно, если начнётся переполох, держись у меня за спиной.

Сжав в каждой руке по пистолету с тлеющими фитилями, я отправился в обратном направлении. Во дворе произошли очередные изменения — монахи лежали порубленными, а один из «гостей» как раз вытирал клинок, испачканный в крови привратника. Другой обыскивал труп старика, чтобы забрать кошель.

Смелые ребята, раз они решились совершить убийство в монастыре. И глупые, если считают, что князья Церкви так просто это оставят. Некоторых людей события, подобные истории Белой стены [20] ничему не учат.

Они увидели нас, когда мы подошли к колодцу. Я без всяких расшаркиваний вскинул руки и нажал на спусковые крючки. Фитили чиркнули в воздухе, пистолеты грохнули огнём и едким дымом. Одному пуля раздробила колено, другому попала чуть выше, в бедро. Я отбросил бесполезное оружие, достал кинжал, подошёл к лошадям, перерезал подпруги, чтобы хоть как-то задержать возможную погоню, а затем склонился над одним из раненых.

Он стонал, зажимая руками простреленную ногу. Проверив его карманы, я забрал деньги, считая, что они будут нелишними, и показал

спутнику добытый серебряный жетон:

— Знаешь, что это такое?

— Да, — кивнул он. — Орден Праведности такие носит.

Дорога перед монастырём расцвела грохотом и огнём. Находившийся там человек, как видно, торопился, поэтому пуля, вместо того, чтобы оторвать мне голову, прошла рядом. На пару секунд я ослеп от вспышки и едва не получил тяжёлой аркебузой по лицу, но Хартвиг ловко подставил нападающему подножку. Тот упал, я ударил его ногой, схватил замешкавшегося помощника и потащил к лесу, где были спрятаны наши лошади.

— Доброе утро, Людвиг, — услышал я над ухом голос Проповедника.

Открыв глаза, я увидел его «светлый» лик на фоне сосен, залитых солнечными лучами.

— Ты нашёл Пугало?

— Нашёл. — Душа посмотрела по сторонам. — Оно где-то здесь. Наверное, опять ушло бродить по полям. Кстати говоря, если тебе интересно, то твой спутник намеревается сбежать. Прямо сейчас.

Эти слова заставили меня подскочить и сбросить одеяло. Босиком я направился по влажной траве к лошадям, возле которых возился Хартвиг.

— Думаешь, сможешь удержать меня силой? — с вызовом спросил он.

— Думаю, что смогу, — миролюбиво ответил я ему. — Но не буду.

Мне показалось, он давно так не удивлялся. Даже про лошадь забыл.

— В смысле? — нахмурился беглец, подозревая подвох.

— Путь до Богежома не близкий, и я не смогу денно и нощно не спускать с тебя глаз. Если ты захочешь убежать — значит, убежишь. Так что все мои потуги задержать тебя против твоей воли — бесполезны.

— В принципе его можно связать, — подсказал Проповедник.

— Какая злобная душа у тебя в друзьях! — ещё сильнее нахмурился Хартвиг и заработал от Проповедника, действительно, недружелюбный взгляд:

— Чего мне с тобой быть добрым?! Он шеей рисковал, чтобы тебя вытащить, а ты убегаешь, словно неблагодарная свинья! Отказ от благодарности является грехом.

— Успокойся, — попросил я Проповедника, видя, как лицо человека краснеет не то от гнева, не то от смущения. — Хочешь уезжать, Хартвиг, скатертью дорога. Я посижу здесь, в лесу, на травке, и дождусь, когда ты вернёшься. Если за три часа не появишься, отправлюсь тебя спасать.

— Спасать? — озадаченно повторил тот.

— Хватит придуриваться, — попросил я, старательно скрывая раздражение. — Мы полночи неслись полями и огородами, а погоня дышала нам в спину. Если ты считаешь, что о тебе забыли, то глубоко заблуждаешься. Нас будут искать. На дорогах и в городах. Конечно, небольшая фора есть, потому что они не знают, в каком направлении мы движемся. Но это лишь до той поры, пока нас не увидят. Дальше в том, куда мы едем, не разберётся только идиот. Исходя из всего вышесказанного, раз ты оказался такой нужной всем фигурой, тебя сцапают достаточно быстро. Или соглядатаи на дорогах, или возле городских ворот, или в какой-нибудь таверне.

— Ты преувеличиваешь, не так ли?

— Просто я знаю, как умеет охотиться Орден. Можешь мне поверить, они не любят выпускать добычу из зубов…

— Как и Братство стражей, — перебил меня Хартвиг, но я продолжил тем же ровным тоном:

— Ты заблуждаешься насчёт Братства, потому что нас мало. Организовать грамотную облаву на большой территории не в наших силах. Стражи действуют в одиночку и лишь иногда парами. Но не Орден. У законников полно наёмников и тех, кто у них в долгу, в том числе я говорю и о власти. Разумеется, не всегда и не везде. К примеру, здесь, в Фирвальдене, у особого закона в последнее время множество проблем, поэтому, скорее всего, им придётся справляться своими силами.

— Каких проблем? — заинтересовался он.

— Сейчас это совершенно неважно. Но даже без поддержки солдат, курьерской почты и правительственных постоялых дворов они — серьёзная угроза. Тебя найдут и загонят, как зайца. На этой многообещающей ноте позволь нам расстаться. Забирай лошадь и проваливай. Если тебе повезёт, вернёшься в ближайшее время. Если нет — вини только себя.

Я повернулся к нему спиной и потопал обратно к своей лежанке, уже зная, что он никуда не денется.

Так и случилось. Когда я обувался, он сел рядом:

— Как твоё имя, страж?

— Людвиг.

— А его? — Хартвиг ткнул пальцем в Проповедника.

Я помедлил:

— Называй его Проповедником. Он не любит, когда к нему обращаются по его настоящему имени.

Старый пеликан поджал губы, но от комментариев воздержался.

— В чём выгода Братства? Зачем я им? — Хартвиг в упор посмотрел

на меня.

— Ты ждёшь честного ответа? — вопросом на вопрос ответил я. — Совершенно без понятия. До вчерашнего дня я не знал о твоём существовании и, думаю, ничего бы не потерял, если бы не узнал. Может быть, ты мне поведаешь, какие тайны скрываешь, раз вызвал такой неожиданный ажиотаж среди совершенно разных людей?

Он, несмотря на мой крайне ироничный тон, внезапно опустил взгляд и закусил губу:

— Не думаю, что это так уж важно.

— Ну, только в том случае, если ты хочешь понять, зачем ты Братству, — невинно пожал я плечами. — Я всего лишь оказываю услугу коллеге, который не смог тебя сопровождать. Довезу до Богежома и сдам в руки тех, кто в курсе. Если тебе любопытно — лично у меня никакой выгоды нет, хотя ты меня заинтересовал.

— Да неужели? — Он глянул на лошадей, явно раздумывая, не отправиться ли ему в дорогу одному.

— Ты нужен Ордену, а я не слишком люблю Lex talionis, точнее, я его совсем не люблю и с огромной радостью не дам им заполучить тебя. Цеховые противоречия, знаешь ли.

— Скорее политика.

— Я страж. Политикой пусть занимаются магистры и те, кому это нравится.

Он рассмеялся:

— У меня создаётся такое впечатление, что ты живёшь в несколько ином мире. Политикой занимаются все, хотят они этого или нет.

— А он тебя уел, — неожиданно влез в разговор Проповедник.

— Заткнись, — попросил я. — Возможно, ты и прав, Хартвиг. Хотя бы потому, что ты, судя по всему, увяз в этой политике, как в болоте. Так что тебе предстоит решить, и решить быстро, от кого принять помощь, иначе ты уйдёшь в трясину с головой.

Он цокнул языком, посмотрел не на меня, а на Проповедника и глухо сказал:

— Всё решено. Я уже говорил, что менять Братство на Орден, Церковь или княжескую милость не буду. Из двух зол, как говорится, выбирать приходится меньшее.

— Приятно слышать, — сказал я, вставая с земли. — Рад, что ты мыслишь позитивно и понимаешь — в одиночку тебе будет хуже, чем со мной. Пора в дорогу. Позавтракаем в сёдлах.

Мы ехали до полудня, через поля, на которых уже собрали рожь, под

ясным, готовящимся к скорой осени небом и палящим солнцем. Проповедник восседал на крупе моей лошади, хотя не нуждался в подобном способе передвижения. Он всё утро молчал, и его молчание выражало высочайшую степень неодобрения. Я подозревал, что всё дело в этой авантюре, поэтому в какой-то момент не выдержал и произнёс:

— Давай, мой друг. Скажи, что я неправ.

— Ты неправ, — тут же откликнулся он. — Карла ты выручал гораздо чаще, чем он тебя. Долгов на тебе нет.

— Это ты так считаешь. Впрочем, меня интересовало несколько иное. Что ты узнал о Хартвиге?

Последний тут же повернул голову в мою сторону и напрягся. Проповедник молчал так долго, что я уже начал думать, что он меня игнорирует. Но он всё-таки ответил. Осторожно, словно ходил по тончайшему льду:

— Людвиг, я искренне считаю, что тебе некоторых вещей лучше не знать.

— Это почему же?! — тут же откликнулся Хартвиг.

— Он, знаешь ли, крайне совестливая натура, хотя на первый взгляд так не кажется, — откликнулся Проповедник. — Тут же пожалеет, что связался с тобой.

— Я ничего дурного не сделал!

— Болтай дальше, — попросил я старого пеликана.

Тот вздохнул и нехотя ответил:

— Твой спутник, Людвиг, до последнего месяца работал картографом при городском земельном совете. Но, как оказалось, у него есть маленькая слабость: по всем христианским законам он с чего-то решил, что за помощь ближнему своему ему воздастся.

— И в чём выражалась эта помощь? — Я посмотрел на Хартвига.

— Я умею снимать с людей тёмные грехи, — ответил тот.

— Свершилось чудо, — пробормотал я. — Очень большое преступление. Обычно прощением грехов занимаются исповедники.

— Ты не слушаешь, — поморщился тот. — Не прощение грехов, а полное снятие. Исповедники облегчают совесть, но не стирают с души тёмные пятна. А я это делаю. Что?

Он увидел, как моё лицо окаменело, а губы Проповедника скривились, словно ему предложили съесть какую-то падаль.

— И давно у тебя… такие способности? — мягко поинтересовался я.

— Я стал видеть души и уметь их исцелять на это Благовещение, после того как меня ударило молнией. — Он расстегнул ворот своей чёрной

рубахи, и я увидел след от страшного ожога.

— Лучше бы она тебя убила, приятель, — посмотрел я на него с сочувствием.

— Даже не буду спрашивать, почему ты это сказал.

— А я всё же отвечу. Ты представляешь угрозу для этого мира, и я не слишком понимаю, почему тебя не прикончили сразу.

— Его взяли люди маркграфа Валентина Красивого, — обмолвился Проповедник. — Ходят слухи, что его милость ещё тот грешник, и сковородка в аду для него не только приготовлена, но смазана маслом и хорошенько подогрета. Как говорится, скворчит и ждёт.

— Понимаю, — протянул я. — Его милость решил облегчить свою страдающую душу от пары-тройки грехов, чтобы его пропустили через райские врата. Что же. Очень разумно с его стороны позаботиться об этом, но крайне глупо выбрать исполнителей-идиотов, которые перепугались собственной тени настолько, что вытащили тебя из надёжной камеры и перепрятали в монастырь.

— Что ты делаешь? — Хартвиг увидел, как я разворачиваю лошадь.

— Спасаю твою шкуру. Забудь о Богежоме.

— А я ведь говорил, что тебе лучше не знать! — ехидно произнёс Проповедник, обращаясь ко мне. — Ты разве не слышал, Хартвиг, что у Людвига есть столь интересное свойство души, как совесть? Он не собирается везти тебя на жертвенное заклание.

— Да почему, чёрт вас подери?! — вскричал тот.

Я направил лошадь к нему, подъехал практически вплотную и сказал:

— Потому что ты опасен. Для Братства, для Церкви, для всех, кто получает власть с помощью душ и чудес. Да о чём я с тобой разговариваю! Ты, как видно, полный идиот, не видавший в своей жизни ничего, кроме карт Фирвальдена, раз решил рассказать людям о своих способностях!

Он не сопротивлялся и не спорил. Кажется, до Хартвига начало доходить, что ситуация гораздо более серьёзная, чем ему представлялось. Он хмурился, молчал, но мне не перечил и с разговорами в дороге не лез, за что я был ему очень благодарен.

Нам пришлось выбраться на лесную дорогу, окружённую клёнами, ветви которых были переплетены друг с другом, образуя тенистый купол, пропускавший через себя тёмно-зелёный свет. В другое время я обязательно полюбовался бы подобным великолепием природы, но не теперь.

Я был достаточно зол, в первую очередь на себя, что поддался на

уговоры Карла. Уверен, он в курсе всего, но утаил это от меня, иначе я бы и пальцем не пошевелил ради его авантюры. Теперь же есть три варианта — привезти Хартвига в Богежом и надеяться на милость магистров, а следовательно, собственноручно убить человека, который мне доверился, потому что милости перед такой угрозой от Братства не будет. Отпустить его на все четыре стороны и знать, что его поймают достаточно быстро и опять же убьют. Или же довести до границы княжества и рассчитывать, что дальше он сможет о себе позаботиться.

Я хотел поделиться своими размышлениями с Проповедником, но не успел. Впереди, на дикой лесной дороге, появились всадники. Они выезжали из-за поворота один за другим, неспешно, медленно и неумолимо, словно смерть, шествующая во время чумы от города к городу.

Наездники были удивлены встрече не меньше моего и не проявили никакой агрессии, просто чуть-чуть подогнали лошадей с явным желанием узнать, кто мы такие. Проповедник, как и я, увидел ало-золотые мундиры солдат маркграфа и помянул Сатану и весь сонм его многочисленных бесов.

— Что мне делать? — Хартвиг тоже достаточно быстро сообразил, чего ждать от этой встречи.

— Разворачивай! — гаркнул я.

Наши внезапные действия не укрылись от солдат. Подул влажный, горячий ветер, и лошадь подо мной обмякла, словно из неё в одно мгновение вытащили все кости.

— Прочь! С дороги! Прочь! — крикнул я, неловко спрыгивая вниз.

Всадники уже неслись к нам со скоростью ветра. Проповедник молился и ругался одновременно, бормоча слова на корявой латыни. Плоть лошади таяла на глазах, я схватил арбалет, сумку с болтами и, словно ныряльщик за устрицами, головой вперёд, прыгнул в придорожные кусты.

Спина удиравшего Хартвига то и дело мелькала между деревьями. Я припустил за ним, через густой, мешающий бегу подлесок, слыша, как на дороге раздаются крики и резкие команды.

На бегу я забросил арбалет за спину, догнал Хартвига, дёрнул его за плечо:

— Не туда. Вдоль дороги. Быстро!

Мы неслись через кустарник, мимо молодых клёнов, уже зная, что преследователи рассредоточиваются по лесу. Затем я вновь изменил направление, двигаясь в самую чащу. Хартвиг, не привыкший к таким стремительным броскам по пересечённой местности, дышал тяжело, вытирал текущий со лба пот.

— Передохни минуту, — сжалился я, снял арбалет и начал крутить ворот.

Крики, приглушённые расстоянием, раздавались в противоположной стороне.

— Это ведь люди маркграфа.

— Верно, — сказал я, наблюдая за тем, как зубцы подтягивают тетиву. — Здесь недалеко замок Латка. Они, как видно, направлялись туда.

— Но теперь ищут нас.

— Угу. — Я положил болт в ложе, думая, куда подевался Проповедник. — Готов?

— Да. — Руки у него немного дрожали.

— Бежать не будем, но пойдём быстро. Как только устанешь, сразу скажи мне.

— А что случилось с твоей лошадью?

— Надо полагать, среди них оказался колдун, потому что на церковную магию это совсем не похоже.

— Колдун?! Но разве их не принято сжигать?

— Только тех, кто плохо себя ведёт, не чтит церковных законов или не служит богатому покровителю. Вроде маркграфа Валентина. Маркграфство в княжестве всё равно что государство в государстве, так что ему позволено иметь собственного… скажем так, волшебника. Всё, двинулись.

Троп не было, идти приходилось «как повезёт», и достаточно быстро кленовый лес превратился в смешанный. Гораздо более густой, влажный и тёмный. Меж корней текли узкие ручьи, по берегам которых росли густые папоротники. Голоса преследователей окончательно затихли, но я не обольщался.

С ними колдун. А для нас этот факт означает лишь одно — большие неприятности. Поэтому я сохранял осторожность, жалея, что на влажной земле прекрасно видны наши следы. Хартвиг зазевался, споткнулся о выступающий корень, с грохотом хлопнулся в ручей, подняв в воздух кучу брызг.

Ругаясь, встал, весь мокрый и грязный. Я смотрел на зелёную безмятежную стену за своей спиной.

— Нам повезло, что у них не было с собой собак. — Хартвиг отжимал стянутую через голову рубаху.

Я не стал с ним спорить. Он и так слишком нервничал.

Ещё минут через двадцать мы оказались среди замшелых деревьев с грубой, потрескавшейся корой, хвощей, ежевичных кустов и тенистых полян. На одной из таких, заросшей ядовитыми грибами и бледно-

голубыми незабудками проплешине я сел меж бугристых, похожих на руки великана, корней, пристроил арбалет на колени. Хартвиг повалился рядом, отдуваясь и смешно шмыгая носом.

— Ты знаешь куда идти, Людвиг?

— Вон там замок Латка, значит — в этом направлении Тринский тракт, а там, если я всё правильно понимаю, течёт Грейн. Надо перебраться на другую сторону реки, так мы окажемся на землях, не принадлежащих маркграфу.

Я заметил, как сойка с бледно-голубыми полосками на крыльях сорвалась с ветки дальней осины, и взял Хартвига за плечо:

— Тихо. Они здесь.

Он быстро кивнул и вжался в развилку между стволами, надеясь таким образом спрятаться. Как и я, Хартвиг вглядывался в заросли и слушал лесные шорохи. Наконец я увидел, как между двумя старыми клёнами мелькнуло красно-золотое одеяние.

Первый из преследователей, в лихом чёрном берете, положил на плечо аркебузу, покрутил головой. До него от меня было шагов сорок. Его товарищ что-то негромко сказал и пошёл прочь, в противоположную от нас сторону. Я видел, как аркебузер поправил сбившуюся перевязь. Стоит ему всего лишь повернуть голову в нашу сторону — и игра в прятки закончится.

Я несколько раз глубоко вздохнул, поднял арбалет, прицелился в ярко-красную полосу на его груди, очень надеясь, что мне не придётся стрелять. Хартвиг рядом со мной втянул в себя воздух, потому что солдат маркграфа обернулся и посмотрел мне прямо в глаза. В то же мгновение мой напряжённый палец нажал на крючок, освобождающий тетиву.

Болт вжикнул и по самые летки вошёл в шею человека, пробив ему гортань. Тот упал в густой хвощ, и я не сомневался в итоге своего попадания.

— О чёрт! — поражённо сказал Хартвиг. — Ты его убил!

Я, не слушая картографа, напряг мышцы, взводя арбалет. У меня это получилось, я даже успел зарядить его, когда совершенно неожиданно появился приятель убитого, выскочив оттуда, откуда я совсем не ждал. Я развернулся целясь в него, но он вскинул руку, и мой арбалет завязался узлом, превратившись в бесформенное нечто. Человек прыгнул, замахиваясь на меня раскрытой, горящей бирюзой ладонью, за которой в воздухе оставался огненный шлейф, а я в ответ швырнул ему в лицо сломанное оружие.

Он этого не ожидал, не смог закрыться от удара и грохнулся на землю

с разбитыми губами и распоротой щекой. Упал сильно, но попытался встать, чтобы швырнуть что-то в меня, однако Хартвиг, подскочив ближе, саданул его ногой в живот, и я, оказавшись рядом, прижал коленом плечо противника к земле, а затем приставил кинжал к его адамову яблоку:

— Даже не думай, колдун!

Он ожёг меня взглядом и расслабил мышцы, показывая мне открытые ладони. По его лицу и губам текла кровь, щека опухала, но в целом он был в порядке, если не считать некоторой потрёпанности.

— Я тебя знаю, — сказал он. — Ты страж и сопровождал Гертруду на балу летнего солнцестояния полтора года назад.

— Я тоже тебя помню. Поэтому ты ещё жив, — негромко ответил я ему.

— Да славится твоя память в веках, — произнёс он. — Глупо было нападать на людей маркграфа. Такое он не простит. Даже стражу.

— Об этом у меня голова как раз не болит. — Я был напряжён, он видел это и поэтому не совершал никаких магических глупостей. Понимал, что даже если и наложит на меня какое-нибудь проклятие, кинжал под моим весом всё равно успеет войти в его шею, как в мягкое масло.

— Не глупи, — осторожно сказал колдун, чувствуя на натянувшейся коже опасное остриё. — Нам нужен только твой спутник, и с ним будут хорошо обращаться. А ты можешь идти на все четыре стороны. Я замолвлю за тебя словечко перед его милостью.

— Что скажешь, Хартвиг? — спросил я, прекрасно зная ответ.

— Спасибо, но как-то не хочется.

Колдун не успел заметить, как кинжал исчез от его шеи, и я взял её в сложный удушающий «замок». Он дёрнулся, забил ногами.

— Пожалуйста, не сопротивляйся, — попросил я, ещё сильнее сжимая руки.

Он ожёг меня яростным взглядом, затем его глаза задёрнулись поволокой, и колдун потерял сознание. На всякий случай я подержал его ещё несколько секунд и только после этого отпустил.

— Он жив? — с тревогой спросил Хартвиг.

— Разумеется. Не собираюсь убивать без нужды. Особенно колдуна, иначе всё сообщество ведьм на меня взъестся. Он полежит какое-то время, как раз достаточное для того, чтобы мы ушли отсюда.

Придорожный трактир «Ездовая корова» с огромной вывеской, изображавшей очень довольную жизнью пегую бурёнку под рыцарским седлом позапрошлого века, стоял в некотором отдалении от деревни, у

большого капустного поля и совсем рядом с берегом широкого, медленно текущего Грейна.

Из постояльцев в нижнем зале находились два купца с цепями Лавендуззского союза. Оба важные, в дорогой одежде из лучшего сигизского бархата, с многочисленными перстнями на пальцах. Их слуги и охрана остались на улице, рядом с телегами, а господа неспешно поглощали каплунов и дорогое ветецкое вино из личных запасов трактирщика.

Ещё одним, ставшим на постой, был господин в приметных красных чулках странствующего маэстро фехтования. Я не видел застёжки на его поясе, так что ничего не мог сказать о том, к какой школе он принадлежит, но, судя по берету с шашечками, она находилась в Южном Огерландере. Рядом с мастером, возвышаясь над столом, торчала рукоять двуручного меча с необычайно сложной гардой.

Кроме постояльцев были и просто посетители, в основном местные, пришедшие из деревни. Ремесленники и крестьяне — всего пятнадцать человек — пили пиво, не обращая на нас никакого внимания.

Мы решили остановиться здесь на ночлег. Хартвиг, отказавшись от еды, ушёл в комнату, я же сидел за столом, решая, что делать дальше и где добыть лошадей. Когда в трактире появился Проповедник, я ничуть не удивился:

— Ты никогда не можешь потеряться насовсем, — вместо приветствия сказал я ему.

— Я заблудился, как овца потерянная [21], — процитировал он. — Ты бегаешь так быстро, что за тобой не успеть.

— Скажи уж честно, что ты терпеть не можешь стычек и драк.

— В отличие от Пугала, я не кровожаден, — заявил Проповедник, усаживаясь напротив. — Кстати говоря, оно пришло со мной, сейчас сидит в курятнике. Мне кажется, несушки со страху забыли, что такое нести яйца. Хотел с тобой поговорить. Не то чтобы я волновался… Грубо говоря, мне плевать на твои поступки, но ты слишком рискуешь. Магистры могут разозлиться.

— Магистры в любом случае разозлятся, — не согласился я с ним. — Это их обычное состояние.

— Ты нарушаешь приказ.

— Ты ведь знаешь, что я не могу поступить иначе. Везти Хартвига, словно овцу на закла…

Я не договорил, потому что предмет нашего разговора спустился в зал, подошёл к стойке, взял две кружки с пивом и направился к столу.

— Его жизнь стоит таких неприятностей?

Я посмотрел Проповеднику в глаза, сказал негромко:

— Любая жизнь стоит неприятностей. Особенно, если из-за тебя она может прерваться.

— Надо поговорить. — Хартвиг поставил передо мной одну из кружек. — Если не в Богежом, то куда мы едем? Я помню местность, сам составлял карты, это другое направление, земли При под боком. И почему ты вдруг поменял решение?

— Если говорить о первом вопросе, то сейчас наша цель как раз При. До него всего три дня пути. Это морское государство не любит Фирвальден почти так же, как его не любит Лезерберг. Старые территориальные споры, ещё со времён Крестовых походов на хагжитов, сыграют нам на руку. Я доведу тебя до границы, а ты уже самостоятельно доберёшься до Пулу. Там, в порту, сядешь на первый же корабль и уплывёшь. Если поступишь по уму — когда прибудешь на место, сядешь на ещё один, который будет плыть ещё дальше. А там тебе придётся затеряться и сидеть тихо, точно мышка.

— Уплыть? Покинуть княжество? Ты с ума сошёл?! У меня здесь семья!

— Жена? Дети? Родители?

— Нет. Дядюшка.

— Думаю, ему не очень приятно будет хоронить племянника. Давай я тебе очень доступно объясню, какой ты дурак. О, я верю, что у тебя есть способности. Не сомневайся. Если бы их не было, никто бы за тобой так не бегал. Скольких ты успел избавить от грехов, прежде чем тебя сцапали?

— Ну, двоих, — нахмурился Хартвиг.

— Не так уж и плохо.

— Но слишком мало. Людей с мраком в сердцах очень много. Я хочу спасти как можно больше.

— Думаешь, за твои заслуги Папа подарит тебе свои алые башмаки, а ангелы проводят в рай с трубами и пением? — ехидно спросил я.

— Было бы неплохо, — нагло ответил он.

Я стал серьёзным и, наклонившись к нему, сказал:

— Не будет ангелов, Хартвиг. И папских башмаков. И людской благодарности тоже. Последняя — гораздо большая редкость, чем первое и второе. И мир тебе не спасти.

— Отчего же? — Он отхлебнул пива, посмотрев на меня из-за кружки. — Если я пойму, как управлять моим даром и как этому можно научить других людей…

— Придурок, прости господи, — обречённо вздохнул Проповедник, слушавший наш разговор. — Или опасный идеалист, что, впрочем, одно и то же. Послушай Людвига, сиди, как мышка. И тогда, возможно, ты проживёшь достаточно долго для того, чтобы увидеть райские кущи.

— Он хочет сказать, что как только ты начнёшь применять свой дар — сразу быстро умрёшь, — пояснил я. — Ты умеешь очищать души. Понимаешь это?

— Конечно, — с достоинством ответил он. — Но можно подумать, я такой первый.

— Нет, не первый, — усмехнулся я, не чувствуя никакой радости. — Был ещё один человек. Кажется, его звали Иисусом.

Хартвиг поперхнулся пивом и закашлялся.

— Честное слово, я не могу понять, почему ты не видишь всей опасности твоей ситуации, — устало сказал я. — Ты умеешь делать то, что не делает никто другой. Картограф Хартвиг, по сути дела, является гарантированным пропуском в рай. Как ты думаешь, сколько власть имущих вцепятся из-за тебя друг другу в глотки? Каждый хочет оказаться в райских кущах, а не в чистилище. И он ради этого пойдёт на всё, на любые преступления, потому что ты снимешь пятна с его души за эти поступки. Ты станешь очень ценным приобретением. Тебя запрут в золотой клетке, а может, в каменном мешке, и будешь спасать не мир, а одного князя, или герцога, или короля, или кардинала. Представь себе, князья Церкви рвутся попасть в рай не меньше простолюдинов, и у некоторых за душой достаточно много грехов, чтобы опасаться будущего. Даже наместник бога на земле не снимает пятна, а всего лишь отпускает грехи.

— Пока я слышу только о клетке, но не о смерти, — напомнил мне Хартвиг.

— Изволь услышать и о ней. Есть люди, которые убьют тебя за твои способности. Кто-то из зависти, кто-то из страха, кто-то из религиозного рвения, а кто-то из личной выгоды. Потому что ты представляешь угрозу. Для Церкви, к примеру. Они вряд ли готовы к тому, чтобы появился новый Сын Божий.

— Я не Сын Божий, — возразил он.

— Что с того? Найдутся люди, которые сделают тебя им. Поставят под своё знамя, повёрнут против Святой курии. В мире полно еретических учений. А если с ними будет Христос, способный на такие чудеса, не значит ли это, что правда на их стороне?

Хартвиг прикусил губу, задумался.

— Скажи, какому клирику понравится, что ты делаешь то, что не

умеют они? Из-за еретических государств Церковь теряет стабильную власть, ты — тот, кто может пошатнуть её ещё сильнее, а потому солдаты Христовы постараются уничтожить тебя. Монахи из ордена святого Каликвия занимаются этим с зари христианства, и я бы не рискнул вставать на их пути. А если ты попадёшь в руки Ордена Праведности, они вытрясут из тебя всё, что ты знаешь, в надежде на то, что твоим способностям, действительно, можно научиться. Ну и потом закопают тебя в каком-нибудь безымянном овраге, чтобы ты не научил ещё кого-нибудь.

— А Братство? Что сделают стражи?

Я вздохнул, опёрся локтями о стол, поглядел по сторонам, но никто не интересовался нашей беседой.

— Братство, мой друг, убьёт тебя довольно быстро и без всяких колебаний. Мне кажется, ты жив лишь потому, что они не уверены, не научил ли ты ещё кого-то тому, что умеешь сам. Когда магистры убедятся, что ты такой — единственный и уникальный, — ты умрёшь. Видишь ли, для многих из нас ты представляешь весьма серьёзную опасность. Тёмные души остаются в этом мире лишь потому, что боятся ада. Грязные и злые, изменённые, они живут среди людей, и такие, как я, охотятся на них и уничтожают. Ты же — хочешь очистить людей, из которых появляются объекты моей охоты.

— Разве это плохо, избавить мир от тёмных чудовищ?

— Хорошо. В твоём понимании. Но вот только стражи останутся без работы. Потому что если появятся те, кто чистит пятна, и их будет много, Братство станет историей. Никто из нас этого не хочет.

— Речь ведь идёт не о том, что я берусь за чужую работу, — сказал Хартвиг, и взгляд его стал пристальным и понимающим. — Я знаю, *что* стражи получают, уничтожая души. От этого тяжело отказаться.

— Я бы сказал, невозможно, — тихо ответил я ему. — Именно поэтому тебя убьют. Чтобы не отказываться, и чтобы ты не попал в руки нашим врагам — Ордену, который бы обратил твои умения против нас. Твоя жизнь висит на волоске. Как только мой друг Карл поймёт, что в Богежоме нас ждать не стоит, магистры перестанут выжидать.

Хартвиг провёл пальцем по краю кружки:

— Но ты, несмотря на всё сказанное, меня спасаешь.

— Пытаюсь спасти.

— Это неважно.

Я переглянулся с Проповедником и сказал:

— Я тоже идеалист. Мне претит мысль, что я везу тебя на заклание, ибо мне не нравится библейская история про отца, решившего отдать

своего сына в жертву Богу. Есть в этом что-то противоестественное тому, чему учит Всевышний. Что до угрозы от тебя — на мой век душ хватит. Если ты и изменишь мир, то очень нескоро. Стражи не всегда справляются с тёмными сущностями, потому что их слишком много, и поэтому люди гибнут. Я не вижу беды, если всем станет чуточку легче, и они перестанут бояться тех, кто живёт рядом с нами.

— А что Братство?

— Я скажу, что ты сбежал. Несколько наивно, но пусть они попробуют проверить.

— Тебе так просто этого не спустят, — скривился Проповедник.

Я знал это, но не хотел обсуждать. Ни к чему. И так каждому понятно, что я идиот, рискующий всем ради незнакомого человека. Впрочем, у меня была в этом своя цель — я искренне верил, что живой Хартвиг для будущего гораздо важнее, чем мёртвый. А тот, кто так не считает, пусть посмотрит на останки людей после того, как на них напала одна из тёмных душ.

Лично я хотел бы надеяться, что в будущем тёмных сущностей среди нас не будет.

Лошадей удалось купить только за Вертенштайном, после того как мы полдня топали на своих двоих. Мечтать о такой роскоши, как дилижанс, не приходилось.

Мне не понравился человек, крутившийся недалеко от нас, пока я торговался с продавцом. Поймав мой взгляд, незнакомец поспешно растворился в толпе. Оставалось лишь гадать, кто это был — карманник, которого я спугнул, или соглядатай. В любом случае я решил не искушать судьбу и свернул на дикие лесные дороги, подальше от основных трактов. В одной из таких рощ Хартвиг и познакомился с Пугалом.

Оно неподвижно стояло возле рябины, надвинув соломенную шляпу на глаза, и казалось форменным разбойником, поджидающим одинокого путника. Увидев его, мой спутник чуть не свалился с лошади.

— Господи, что это?! — вскричал он. — Ты его видишь, Людвиг?!

— Вижу. Знакомься, это Пугало. Оно иногда путешествует со мной.

Оно выдержало мой взгляд. Я удовлетворённо вздохнул — никаких жертв во время своего отсутствия страшилище не нашло. Оно соблюдало наши негласные договорённости.

— Оно тёмное. Чернее ночи. Там, внутри, — сказал Хартвиг.

— Никогда не встречался с одушевлёнными? — негромко спросил я.

— Одушевлённый? Он? Не знал, что они так же, как души, могут быть

невидимы для обычных людей.

— У некоторых одушевлённых есть такая способность, — подтвердил я, глядя, как Пугало вышло на дорогу и поплелось следом за нашими лошадьми. — Если, конечно, у них достаточно сил для этого. Тогда они могут покидать предмет, в котором зародились, и гулять где пожелают. Но время от времени им следует возвращаться в свою оболочку, чтобы отдохнуть. Так что иногда Пугало отправляется на своё ненавистное ржаное поле.

— Всегда хотел узнать, как в предмете зарождается душа.

— Никто не знает. Теологи, учёные, клирики и профессора просвещённых университетов спорят до сих пор. В Библии об этом ни слова, но, как ты знаешь, Святое Писание трактуют кто во что горазд. — Я с намёком посмотрел на Проповедника. Он любитель искажать содержимое молитв и библейских цитат. — Иногда предметы становятся одушевлёнными, и их сущность либо светла, либо темна. В большинстве своём им нет дела до людей, но порой случаются и исключения. Как с Пугалом.

— Я мог бы попытаться очистить его от тьмы, — предложил Хартвиг.

Услышав это, Проповедник расхохотался, а страшило взялось за серп. Я успокоил его жестом, сказав спутнику:

— Не думаю, чтобы ему было интересно потерять свою сущность.

— Ты ведь страж, что тебя может связывать с таким тёмным существом?

— Моё мировоззрение говорит мне, что ни одно зарождение души не происходит без причины, какой бы та ни была. И не всегда тёмная сущность, даже такая опасная, как наш общий друг, причиняет вред людям.

— Он — причиняет.

— В прошлом — да. Но теперь у него есть шанс исправиться и направить свою кровожадность на добрые дела.

Хартвиг посмотрел на меня так, словно я его разыгрываю. Впрочем, он близок к истине. Пугало опасно, я сознаю это. И, на мой взгляд, лучше, чтобы оно было со мной, чем осталось на том поле, совершенно без присмотра. Я в состоянии сделать так, что оно пожалеет, если его серп коснётся невинных жертв. А убивать… Я уверен, что выйду из поединка победителем, но не уверен, насколько целым, чтобы насладиться победой.

Убийство — не выход, а всего лишь следствие наших поступков. Если его можно избежать, я только «за».

— Я слышал разговоры о том, что, если в зародившейся душе царит тьма, винить за это следует бесов. Вроде как они вселяются в предметы,

точно в людей.

— Ну, тогда в Пугале сидит что-то покрупнее рядового беса, — осклабился Проповедник. — Какой-нибудь Бегемот или Асмодей, никак не меньше.

— Заткнись! — прорычал я. — Скоро ночь. Накликаешь на наши головы, старая ворона!

Он обиделся, но чушь пороть перестал. Мы с Хартвигом выехали из рощи, остановившись на границе большого необработанного поля. Далеко-далеко впереди, в лучах вечернего солнца сверкала гладь Етлацких озёр. Мы медленно направились в их сторону, не желая подгонять уставших лошадей.

Несмотря на ранний вечер, всё ещё припекало, и горячий, густой, точно патока, воздух сильно пах разнотравьем. Хартвиг закатал рукава рубахи и невинно поинтересовался:

— Могу я задать вопрос?

— Попробуй.

— Сколько душ ты уничтожил?

— Знаешь, я не имею такой привычки считать сделанную мною работу. Много.

— Достаточно много для того, чтобы прожить лишний год? Или два?

Я небрежно пожал плечами. И вправду не знаю, сколько из них забрал мой кинжал.

— Многие стражей не любят. — Хартвиг говорил небрежно, но от меня не укрылось, что его интересует этот вопрос. — Считают, что вы получаете незаслуженно дополнительные дни жизни.

— Всё верно. В Ровалии, Витильска и Прогансу мы вне закона. Да и в некоторых других местах тоже. Поэтому я не спешу носить кинжал на всеобщее обозрение.

— Каково это — иметь такой дар, Людвиг?

— Я могу то же самое спросить тебя о твоём. Иногда от этого устаёшь, иногда нет. Многие умирают от зависти из-за того, что мы способны немного продлить свою жизнь.

Хартвиг рассмеялся:

— Извини, страж, но смерть одной души от твоего кинжала добавляет половину дня к жизни, дарованной тебе Создателем, — это не немного. Чем больше душ уничтожишь, тем дольше проживёшь. Я слышал, некоторым из ваших магистров давно перевалило за сотню лет, притом что стариками они отнюдь не выглядят.

— Можно накопить сколько угодно дней жизни, но в итоге умереть из-

за того, что упал с лошади. Или в тебя воткнули стилет. Или ты просто-напросто простыл и помер от горячки. Так что всякое накопление может закончиться ничем.

— Но ведь если повезёт — это шанс прожить гораздо дольше, чем тебе отпущено при рождении, к тому же не слишком-то старея.

— Не спорю, — дипломатично ответил я.

— Знаешь, когда я был маленьким, то мечтал стать таким, как ты. Всё время ждал, что в дверь постучит страж и заберёт меня в свою школу. Но он не пришёл, и сейчас я начинаю понимать — хорошо, что так получилось. Я желал лишь жить долго, а не помогать другим.

— Жить долго — естественное желание любого разумного человека. Поверь мертвецу, — скрипучим голосом сказал Проповедник.

— Скажи, Хартвиг, что с моей душой? — спросил я. — Много ли на ней пятен?

— Я думал, ты никогда не спросишь, — улыбнулся он. — Они есть, впрочем, как и у всех людей. Кто из нас безгрешен? Но ничего такого, чего тебе стоило бы бояться. Хочешь, я очищу её в два счёта?

— Благодарю, но не стоит.

— Интересно почему? — Он склонил голову набок.

— Мои грехи — только мои. Мне за них и отвечать. Не желаю, чтобы кто-то вмешивался в мою душу. Извини, если обидел.

— Да нет. Не обидел. Я прекрасно тебя понимаю.

— Я считаю, то, что ты делаешь — жульничество, — безапелляционно заявил Проповедник. — Это всё равно что держать в рукаве несколько фараонов [22] во время карточной игры. Конечно, неплохо прийти к святому Петру чистеньким и уверенным в том, что он распахнёт перед тобой райские врата. Но это…

Они начали диспут и спорили до тех пор, пока мы не подъехали к озёрам. За ними начинались бесконечные деревушки, растянутые вдоль границы княжества.

Приличный трактир с минимальным количеством клопов мы нашли не сразу и, поставив лошадей под навесом во внутреннем дворе, остановились на ночлег.

Ложась спать, я думал о том, что ещё один день прошёл, и до цели осталось совсем немного.

Последнюю ночёвку перед При мы провели в открытом поле. Я не желал рисковать, даже несмотря на то, что дороги оставались спокойны. То ли нас потеряли, то ли, действительно, у страха глаза велики, и Хартвига

искали куда меньше, чем я думал. Лично меня такое спокойствие вполне устраивало. Оставалось только радоваться, что у кого-то не хватило сил и умения на облаву.

Проповедник высказал идею, что, если бы все желающие добраться до картографа действовали вместе, нас бы давно уже нашли. Я был склонен с ним согласиться. Поодиночке им просто не хватает ресурсов, чтобы быть вездесущими и перекрыть все дороги.

Край, по которому мы ехали, был глубокой провинцией, находящейся на самом юго-востоке Фирвальдена. Аграрная область, где практически не встречалось крупных городов, но зато было полно деревушек, не отличалась большим количеством населения и путников, несмотря на близость При. Торговые тракты лежали западнее, а здесь была тишь да гладь, именно поэтому я и выбрал это место.

Не могу сказать, что мы с Хартвигом сдружились, слишком мало времени друг друга знали. Картограф оказался неплохим человеком, пускай и с несколько идеалистическими взглядами, из-за чего постоянно вступал в прения с желчным Проповедником.

Мы остановились на границе, отмеченной всего лишь старым каменным столбом.

— Здесь мы простимся, — сказал я. — Мне придётся вернуться назад, в Тринс, и сказать своим, что я тебя упустил. Постарайся нигде не задерживаться и поскорее добраться до Пулу. Держи, здесь пятнадцать дукатов. Этого тебе должно хватить и на плавание, и на то время, пока не обустроишься на новом месте.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил он меня, протягивая руку.

Я пожал её, искренне пожелав:

— Удачи.

Он улыбнулся и поскакал прочь. Я смотрел ему вслед, пока Хартвиг не пересёк деревянный мост через небольшую речку и не скрылся за мельницей. После этого развернул лошадь и неспешно направился назад.

В единственном постоялом дворе, большом и светлом, с цветочными горшками на окнах, утопающих в герани и фиалках, я встретил Карла. Высокий страж сидел за столом, не притрагиваясь к вину, и ждал меня. Улыбка, адресованная мне, вышла у него виноватой и сочувственной.

Я нахмурился, подошёл, сел.

— Здравствуй, Людвиг, — сказал он. — Извини, что всё… так получилось с этим парнем. Это не в моей власти…

— Ты следил за мной? — прищурился я.

— Нет. Не было нужды. Сам ведь сказал, привычки пора менять. Было

понятно, как только ты узнаешь, что к чему, — в Богежоме ждать тебя не имеет смысла. При — единственное и самое близкое место, куда ты мог направиться.

— Ты сумел меня удивить, — сухо ответил я.

— Я здесь ни при чём. Тебе письмо от магистров со следующим приказом.

Он положил конверт на стол, и я, не глядя, спрятал его в карман.

— Они решили, что будут делать с этой проблемой?

Карл вздохнул, посмотрел на меня виновато и с сочувствием сказал:

— Всё было решено изначально. Я сделал свою работу. Ты сделал свою работу. Другие сделают свою. Извини.

Я вскочил, с грохотом опрокинув стул.

— Не надо, — сказал он мне тихо. — Всё равно уже поздно.

Я оскалился, точно зверь, и, не сказав ему ни слова, выскочил на улицу.

…Лошадь неслась галопом, и дорога мелькала передо мной со скоростью мысли. Горячий, пряный ветер бил в лицо. Деревья, мост, мелководная река, мельница, и снова деревья уходили за спину, терялись в облаке поднявшейся пыли.

Я нашёл его в придорожной канаве, среди больших лопухов, на листьях которых, словно смола, блестели тёмно-красные капли. Хартвиг лежал на спине, глядя незрячими глазами в бездонное, ожидающее осени небо. Я не стал считать оставленные кинжалами раны на его теле. Их было много.

Слишком много, чтобы я смог об этом когда-нибудь забыть.

В последние дни я часто думал о последствиях моего поступка. О том, к чему это могло привести не только Братство, где магистры слишком дорожат своей властью, но и весь мир. Каков был шанс, что Хартвиг поймёт и научит других? Ничтожный, но его нельзя было исключать.

Что бы произошло? Изменилось ли всё, что окружает нас? Стали ли люди другими? Лучше и чище, чем сейчас? Достойнее и честнее? Или же, наоборот, всё стало бы только хуже, и мир погряз в войнах и тьме?

Я никогда этого не узнаю.

Знаю лишь, что поступил так, как считал правильным. Прежде всего, для себя. Но сделал слишком мало для того, чтобы спать спокойно.

История третья
Ангел смерти

Ущербная луна, старая и больная, плыла сквозь сапфировую ночь без всякой цели. Её давно ничто не интересовало и не тревожило, тоска, овладевшая ею, проникала в сердца тех, кто смотрел на неё слишком долго. Волки, в этот сезон покинувшие леса и пришедшие в долину полноводной Месолы, выли протяжную песнь смерти, и не было тех, кто мог бы их прогнать.

Ранняя осень на севере прибрежных областей Каварзере была тёплой и душистой, наполненной ароматами бесконечного летнего солнца, пронзавшего землю жаркими лучами с самого начала весны, а также ласковых дождей, приползающих от Аческих гор и щедро орошающих знаменитые виноградники этой страны.

С далёкого моря дул лёгкий бриз, принося в окружённую холмами долину запах соли и высоких хагжитских кедров, чья древесина славилась на весь мир. Молочная дорога, сотканная из сотен звёзд, спиралью рассекала небо, сверкая и искрясь, точно драгоценные камни в свете тысяч свечей.

Прекрасная ночь, если разобраться, жаль, что у меня не получится вкусить все её прелести.

Я, не щадя, гнал коня, используя шпоры и яростно прижимаясь к влажной гриве. Стук копыт сливался с симфонией звенящих в холмах цикад, и я летел по ночному Солезинскому тракту, непривычно пустому, а оттого зловещему, молясь, чтобы животное выдержало, не подвело. Мимо кипарисовых рощ, мимо маленьких сказочных ферм, в окнах которых не горело ни единого огонька, я всё ближе и ближе был к своей цели.

Конь едва не споткнулся, и я, не желая рисковать, сбавил темп, даря ему небольшую возможность для отдыха. Животное было третьим за последние сутки. Первое пало вчера, под замком Кастель-дель-Эльмо, второе — сегодня после обеда, возле оцепления, где нёс стражу смешанный полк гвардейских стрелков, усиленный отрядами кондотьеров южных провинций. Мне дали этого, я берёг его, сколько мог, но становилось понятно, что к утру от него будет мало пользы, потому что жеребец уже шёл неровным шагом, тяжело дышал, фыркал, разбрасывая с морды пену.

Дорога петляла меж виноградников. Пурпурные и тёмно-лиловые

грозди давно созрели, но собирать их было некому. В этом году вина можно не ждать. Не будет молодого «Бароло» с лёгкой горчинкой, не будет ни терпкого и пряного «Барбареско», ни миндального «Вальполичелло», ни лёгкого «Монтачино». Вина, которыми всегда славилась страна, так и останутся здесь, на виноградных ветках.

На одном из поворотов я ощутил тяжёлый смрад разложения, сочащийся из зарослей дрока. Это уже не первый раз, когда я «нырял» в вонь, окутывающую тракт. Говорят, дальше всё ещё хуже.

Впрочем, куда уж хуже — я не знал. Деревни, через которые я проезжал, практически вымерли. Что происходит в самом Солезино, можно только догадываться. Но, как сказал мне Проповедник, когда я показывал подорожные усатому лейтенанту, чья рота перекрывала дорогу:

— Готовься к самому скверному.

Я был готов, потому что однажды уже видел нечто подобное. Пусть мне тогда было всего лишь пять лет, но я прекрасно помнил липкий ужас тех дней, приправленный сладковатым запахом мёртвой плоти.

Стук копыт я услышал задолго до появления всадников. Когда шестеро мужчин в тёмных плащах, низко надвинутых на глаза шляпах и закрывающих лицо повязках вылетели из-за поворота, они увидели меня, резко осадили взмыленных лошадей, и двое, с короткими копьями-флагами выехали вперёд, угрожающе опустив оружие.

— Вы больны? — Голос у говорившего из-за повязки звучал приглушённо, но я расслышал усталость и страх.

— Я страж. Мы не болеем.

Из-за их спин выехал всадник в богатой одежде. Его небрежный жест дал слугам понять, что угрозы нет, и они подняли копья, продолжая зорко следить за мной.

— В Солезино эпидемия, — сказал он.

— Я знаю, ваша светлость. Поэтому и спешу туда по просьбе, отправленной в Братство кардиналом Бонифацио Амманати.

Мужчина не стал удивляться, откуда я узнал, кто передо мной. По флагам всё и так понятно: белый конь на голубом поле, вставший на дыбы и давящий копытами виноградные гроздья. Герцог ди Сорца, собственной персоной. И, судя по юному голосу и тому, что прежний герцог был гораздо старше и толще, когда я его видел, — передо мной один из его отпрысков.

— Кардинал мёртв. Как и епископ вместе со всем соборным капитулом. Он успел освятить большую территорию на пустыре, чтобы туда свозили трупы, но и только.

Я остался невозмутим. Моих целей это никак не нарушало.

— Вы из областей? Как обстоят дела в других частях страны? — спросил герцог.

— В деревнях вот уже вторую неделю свирепствует болезнь, ваша светлость. Вилоццо заперся от мира, в церквях истово молятся, но вряд ли мор обойдёт их стороной.

— А Ровиго?

— В Ровиго болезнь пришла пять дней назад. Бегущих из города расстреливают солдаты, и жгут огнём колдуны на холмах. Легнаго превратился в кладбище. Уцелевших там нет.

Новоявленный герцог выругался.

— А что с трактами?

— Все перекрыты по приказу короля. Ветеция и Литавия предоставили Каварзере поддержку армией. Чтобы никто не проник за пределы карантина. Покинуть территорию не удастся даже вам, ваша светлость.

Он невесело рассмеялся:

— Я знаю, что перед мором все равны, страж. Кроме тебя. Впрочем, и тебе стоит опасаться за свою жизнь. Быть может, благодаря собранным душам к вам не липнет никакая зараза, но люди завистливы и могут убить за такой дар, особенно когда в городе царит безумие.

— Я запомню предупреждение, ваша светлость, — поблагодарил я его. — Не приближайтесь к границам карантина. Это опасно.

— Я отправляюсь в свой охотничий дом, в холмах. Чтобы пережить болезнь. Или умереть. Как рассудит Бог. Прощай, страж.

— Прощайте, ваша светлость.

Маленький отряд растворился в бархатной ночи, среди стрекота цикад и далёкого волчьего воя. Я подождал ещё минуту и направился своей дорогой. Впереди, над холмами, было видно далёкое зарево — в Солезино бушевали пожары.

Я миновал несколько деревень-пепелищ, а затем оказался возле разрушенного моста через Лукарво — приток Месолы. По счастью, брод был всего лишь в нескольких десятках ярдов выше по течению, и конь без труда его миновал, перевезя меня на противоположный берег. Здесь, на камне, восседал Проповедник. В кустах бродило Пугало.

— Вы, ребята, просто скороходы. — Я был рад их видеть. — Думал нагнать вас гораздо раньше.

— Тебе, в отличие от нас, требуется сон, — ворчливо сказал Проповедник. — Пока твоя телесная оболочка отдыхала, я сходил в город.

Его мина говорила сама за себя:

— «И раздражали Бога делами своими, и вторглась к ним язва» [23]. В восторге только Пугало.

— По нему незаметно. — Я бросил взгляд на тёмный силуэт, остервенело срезающий серпом верхние ветви кустарника.

— Я напомнил ему, что ты расстроишься, если оно не будет паинькой.

— Правильно сделал. Вы идёте со мной?

Он крутанул головой так, словно у него судороги:

— Нет уж! Уволь! Мне противен один вид такого количества трупов. Если ты не возражаешь, я подожду тебя здесь.

— Прямо здесь? На камушке? — на всякий случай уточнил я.

— Тут гораздо лучше, чем там. Точнее там настолько всё плохо, что, умей я спать, меня бы мучили кошмары.

— Возможно, я задержусь надолго, — предупредил я его.

— Что с того? Ты же знаешь, я умею быть терпеливым. Если соскучусь, найду тебя в городе. Береги свою шею. Там чёрт-те что творится. Мародёры, сумасшедшие, святые, умирающие и мёртвые носятся по улицам, выпучив глаза от ужаса, а за ними по пятам ходит смерть.

— Я удивлён. В проповеднике из деревушки под Мальмом умер настоящий поэт.

— Во мне много кто умер, Людвиг, — горько ответил тот. — Но мои мучения позади. А тех, кто сейчас гибнет из-за эпидемии, действительно, жаль. И я не хочу это видеть, потому что слишком слаб.

Он запел один из пасхальных гимнов, давая мне понять, что разговор окончен.

— А ты идёшь со мной? — обратился я к Пугалу.

Оно тут же кивнуло.

— Как я мог в тебе сомневаться, — пробормотал я, стукнув коня каблуками. — Ну, не отставай.

И Пугало не отставало. Когда было надо, оно двигалось удивительно быстро, словно туман, стелющийся над землёй. Впрочем, вскоре я забыл о его молчаливом присутствии — с одушевлённым тяжело вести беседу, потому что говорить приходится только мне одному.

Теперь трупы стали появляться на дороге. Кого-то смерть застала, когда он шёл пешком, кто-то ехал на телегах со своим скарбом, а кто-то навсегда остался в золочёной карете, из которой были выпряжены лошади. Некоторые умерли совсем недавно, другие очень давно. Но мёртвых оказалось гораздо меньше, чем я ожидал. Беглецы, желающие покинуть город, прошли здесь в первые дни эпидемии, почти месяц назад, разнося мор по стране и умирая уже в окрестностях Легнаго, окружающих его

деревень и монастырей.

Конь нервничал, ему не нравилось то, что лежало на дороге, и я его вполне понимал. Зрелище было крайне отталкивающим. А вот Пугало несколько раз останавливалось, склоняясь над мертвецами и продолжая, как и прежде, беспрерывно скалиться улыбочкой идиота. В отличие от меня, чувствовало оно себя превосходно.

Вереницу душ я встретил перед огромнейшим дубом, в лучшие времена росшим рядом с маленьким дорожным трактиром, служившим хорошим приютом, а сейчас пустым, с выбитыми окнами и сгоревшим сараем. Во дворе, в свете умирающей луны, белели тела в исподнем, лежащие на пожухлой траве. Этих убил не мор, а арбалетные болты. Скорее всего, сюда нагрянул кто-то из мародёров.

Души шли от города бесконечно длинной цепочкой. Мужчины, женщины, старики и дети. У всех было одно и то же выражение на лицах. Смерть от юстирского пота [24] — не самая приятная доля. Она искажает черты в немом, бесконечном крике ужаса, заставляя мышцы застыть и окаменеть, а кожу стать тёмно-синей, почти чёрной.

Я натянул поводья и остановился. Душ было больше двух десятков, колоссальная цифра для одного города за столь короткое время.

Тот, кто шёл первым, поднял на меня взгляд поражённых бельмами болезни глаз.

— Есть ли среди вас те, кто желает уйти? — спросил я у них. — Я готов избавить вас от такой не жизни. Тот, кто не хочет, может двигаться дальше.

Страшные лица, одно за одним, обращались ко мне.

— Мы все хотим уйти, — прошелестел у меня в голове голос самого первого.

Кинжал в ножнах до сих пор вибрировал. С тех пор как оружие выковал кузнец, ему ещё ни разу не приходилось пить так много за один раз. Меня тоже немного трясло, горло саднило, а в пальцах ощущалось сильное онемение. Сбор вышел щедрым, но я был ему не рад.

Пока я работал, избавляя их от страданий подобного существования, Пугало пристально наблюдало за каждым моим жестом, за каждой фигурой, которую я создавал. Оно всегда питало какой-то нездоровый интерес к моему дару и тому, что я делал. Впрочем, судя по ощущениям, которые от него исходили в такие моменты, смотрело оно на меня, точно на горную гадюку, с выражением одновременного интереса, отвращения и священного ужаса. Моя работа и привлекала его, и отталкивала

одновременно.

Теперь же оно выглядело несколько задумчивым для того, чтобы обращать внимание на мёртвых, и отстало от коня шагов на пятьдесят, то и дело скрываясь за поворотами дороги. Я услышал стук копыт за спиной и увидел всадника в тёмном плаще и одеждах цветов герцога ди Сорца.

На этот раз у мужчины не было на лице повязки. Он был старше меня лет на десять, на висках уже появилась седина, тёмные волосы на лбу начали редеть, но его взгляд был ясным, а движения точными и уверенными.

— Не возражаете, если я составлю вам компанию до города, страж? — спросил он.

— Присоединяйтесь, — сказал я, ничего не имея против, хотя и удивляясь. — Вы сняли повязку, это необдуманно. Как говорят врачи, загнивший воздух и миазмы способствуют распространению болезни.

— От повязки всё равно не было никакого толку, — отмахнулся он. — Я болен.

Похоже, этот дворянин покинул своего герцога, заметив у себя первые признаки недуга.

Я посмотрел ему в глаза и проронил:

— Мне жаль.

— А мне — нет. За этот месяц я повидал столько мертвецов, что они трогают меня столь же сильно, как останки какой-нибудь козы или кошки. А с учётом того, что я тоже уже мертвец…

Он не закончил.

— Не все умирают от юстирского пота. — Я попытался вселить в него надежду.

— Конечно, — равнодушно ответил он. — Один из двухсот или трёхсот заболевших выздоравливает. Но надо быть очень везучим сукиным сыном, чтобы так посчастливилось. А я, представьте себе, невезуч. Никогда не выигрывал в азартные игры, ни на скачках, ни на львиных боях, чего уж говорить об игре со Смертью? Впрочем, не думайте, что я опустил руки. У меня ещё есть как минимум несколько чудесных часов в вашей компании. А если фортуна улыбнётся, я протяну пару дней.

— Вы уверены, что больны?

Он закатал рукав, показав лёгкую сыпь на тыльной стороне предплечья. Я с сожалением цокнул языком.

— Меня зовут Людвиг ван Нормайенн, — сказал я, протянув ему руку.

Он пожал её, улыбнулся:

— Ланцо ди Трабиа, кавальери герцога ди Сорца, к вашим услугам,

страж.

С каждой минутой пути зарево впереди разрасталось.

— Пожары бушуют уже третий день, — ответил на мой невысказанный вопрос ди Трабиа. — Горит юго-западная часть города и пригороды.

— Кварталы бедняков?

— Не только. Герцог, прежде чем уехать, приказал поджечь два уцелевших корабля в порту, чтобы зараза не распространялась дальше. Его отец не желал этого делать, думал, что сможет уйти, если ветер переменится.

— Не ушёл бы. В море дрейфовало несколько кораблей, под завязку набитых мертвецами. Они пытались изолировать себя от болезни, но пот их настиг. Возле Дикой косы стоит флот. Он расстреливает чумные суда и сжигает их брандерами. Новый герцог поступил правильно. Вы знаете, с чего начался мор?

— С детей, — с горечью сказал солезинец. — Они полезли под Кавильский холм. Там проходила старая городская клоака, засыпанная после землетрясения тысяча сотого года. Из неё были входы в старые гроты христиан. До того памятного землетрясения была вспышка болезни, которую привёз корабль с Востока. Когда все кладбища оказались забиты трупами, заболевших стали относить в святые гроты. Считалось, что это должно спасти их от мора.

— Как я понимаю, вышло наоборот, — мрачно ответил я.

— Никто этого не знает. Произошло землетрясение. Входы вниз оказались засыпаны, и тысячи больных остались заживо погребёнными. Со временем, когда наш город отстроили вновь, а о болезни вспоминали, как о страшном сне, про гроты особо не говорили. И отрыть не пытались, понимали, что себе дороже. Если и живёт опасность где-то под землёй, то под толщей камня. Мало кого она беспокоила.

— И что же произошло?

— Во второй месяц весны жители Солезино ощутили лёгкие толчки. Потом всё стихло, а в конце лета, в воскресенье, тряхнуло так, что восточная часть стены Перской башни рухнула прямо на рыбный рынок, убив несколько десятков человек. Говорили, что это недоброе предзнаменование. Так и случилось. Через неделю в городе началась вспышка юстирского пота.

Пугало прислушивалось к этой истории с не меньшим вниманием, чем я. Ланцо потрогал свой лоб, поморщился и продолжил:

— Как видно, эти земные сотрясения, названные соборным капитулом не иначе, как попыткой Дьявола вырваться из ада в наш мир, вскрыли надёжно запечатанные гроты со старыми костями. Детвора обнаружила трещину в земле, сунулась туда из-за какой-то своей игры, и Дьявол выбрался наружу. Остальное вы знаете.

Это точно. Меньше чем за две недели эпидемия расползлась по всему полуострову. Перепуганные люди бежали прочь из Солезино, унося с собой болезнь и распространяя её по всем областям.

Впереди, из кустов на дорогу выбрались две тени. Они кряхтели, грубо ругались и тянули следом за собой упирающуюся исхудавшую корову. Заметив нас, люди бросили своё имущество и снова скрылись в зарослях. Лишь качающиеся ветви указывали на то, что они только что находились здесь, и это было не наваждением.

— Проклятые мародёры. — Кавальери ди Трабиа убрал руку с эфеса шпаги. — Люди от мора как с ума посходили. Одни ждут смерти, другие — пришествия, третьи пытаются разбогатеть и дохнут на ворованном. В первое время, когда началась болезнь, стража ещё держала город в узде, но затем начались грабежи, убийства и насилие.

— Представляю, о чём вы говорите. В Альбаланде произошла незначительная вспышка пота, когда я был ещё ребёнком.

— У вас тоже грабили склады, богатые дома и насиловали женщин?

— Не в той степени, что в Солезино. Наша стража сразу перебила всех, кого смогла поймать. Без суда и следствия. Здесь, как я понимаю, этого не случилось.

— Иногда мне кажется, что мы оказались в аду, — с тоской сказал мой случайный спутник. — То безумие, что творилось на улицах Солезино, похоже на чистилище или его преддверие.

— Так и есть. К сожалению, — проронил я, через несколько минут молчания. — Вы подобрали отличное слово — чистилище. Весь вопрос лишь в том, как люди станут вести себя перед лицом неминуемой и страшной смерти.

— В основном как звери, — усмехнулся он. — В природе человеческой превращаться в диких собак во времена, когда следует становиться праведником. Ожидание смерти хуже самой смерти. Люди искушаются соблазнами, страхом, Дьяволом и совершают безумства, за которые им придётся расплачиваться на божественном суде.

Я внимательно посмотрел на него и сказал:

— Вы весь дрожите. У вас жар?

— Немного, — кивнул Ланцо.

Его лицо, только что розовое, побелело, осунулось, на лбу появились капли пота.

— Здесь есть, где остановиться? Постоялый двор?

— Нет! — решительно отрезал он. — Моей выносливости вполне хватит для того, чтобы дотянуть до города.

— Тогда поспешим.

Мы летели сквозь густую ночь, навстречу зареву пожара. Пугало порядком отстало, но я не беспокоился о нём. Оно, как верная собака, всегда будет следовать за тобой и найдёт, если вдруг потеряется.

Колокольный звон, монотонный, унылый, беспрерывный, мы услышали, когда холмы с виноградниками остались далеко позади, а на фоне медленно светлеющего неба показались далёкие стены Солезино.

— Они когда-нибудь прерывались? — спросил я у Ланцо.

Он понял, что я говорю о колоколах, и отрицательно покачал головой:

— Нет, страж. Кардинал перед смертью дал распоряжение бить в набат, пока в городе есть хоть один живой христианин. Но это нам не слишком помогает, как вы видите.

Церковь считала любую болезнь дьявольскими проявлениями и дыханием демонов, а колокольный звон, как известно, пугает большинство нечисти. Во всяком случае, так думают священники, хотя у нас, стражей, несколько иное мнение. Церковный набат может отогнать мелочь, но для серьёзных существ он не более чем досадная помеха. А уж о том, чтобы таким способом уничтожить мор, и речи не идёт. Это ни разу не помогло во время предыдущих эпидемий пота, Чёрной смерти, а также таких «лёгких» недугов, как лепра или брюшной тиф. Собственно говоря, болезням было начхать на молитву, распятие, святую воду и все колокола мировых соборов. Хотя я нисколько не умаляю силу этих вещей и самой Церкви, но их мощь лежит в несколько иных областях.

Дубовая роща рядом с дорогой смердела смертью. Воду из вытекающего из-под деревьев ручейка я бы не осмелился пить даже под угрозой расстрела. Судя по множеству белых тряпочек, накрученных на нижние ветви деревьев, это место являлось объектом паломничества.

— Кто из святых был здесь? — поинтересовался я.

— Пётр, — неохотно ответил Кавальери. — Но это не спасает от болезни. Здесь я вас оставлю.

— Это неразумно, синьор, — возразил я. — Я не вижу тех, кто там лежит, но прекрасно их чувствую. Им святость места не помогла. Да оно теперь и не похоже на святыню.

— Я задержусь ненадолго. Где-то здесь остался мой брат. Раньше я

был связан клятвой герцогу, теперь же ничто не мешает мне найти его тело.

— Сейчас ночь, вам ничего не разглядеть.

— Боюсь, что до утра я ждать не могу. До города осталось недалеко, вам лучше всего въезжать через Розовые ворота. Это прямо, мимо старых чумных ям, а за сгоревшей мельницей поверните налево.

— Благодарю вас за помощь и компанию, — искренне сказал я. — Надеюсь, что вы сумеете преодолеть болезнь, и очень сожалею, что ничем не могу вам помочь.

Он вежливо улыбнулся:

— Прощайте и берегите себя, синьор Людвиг, — а затем, натянув повязку на нос, направил лошадь к дубам.

Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что набаты бьют лишь в двух церквях из тех двадцати девяти, что располагались в городской черте. На Санта-Марии-сопра-Авене и Санта-Марии-делла-Налетте, в юго-восточной, самой богатой части города, вытянувшейся вдоль правого рукава Месолы, гремела бронза, а во всех остальных районах стояла гнетущая тишина. То ли звонарям не было никакого дела до приказа кардинала, то ли они давно умерли или бежали из города.

Конь шёл с большой неохотой, упрямился, косился на тянущуюся справа от меня городскую стену. Его пугали тяжёлый запах мертвечины и гул колоколов. Вокруг витали такие миазмы, что даже в середине лета, в самую жару, на поле боя через неделю после сражения, я не ощущал ничего похожего. Глаза слезились, желудок, несмотря на то что я всегда считал его железным, бунтовал, и к горлу то и дело подкатывал липкий комок тошноты. Солезино превратился в разверзнутый склеп, и я бы многое дал, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Уже достаточно давно я снял шейный платок, повязал его на лицо, закрывая нос и рот, но стало не намного легче.

В отличие от меня, Пугалу здесь явно нравилось. Оно приободрилось и ковыляло впереди, вот-вот собираясь пуститься в пляс. Я знал, что оно чувствует и какие желания его обуревают. Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза, затем я негромко сказал:

— Сейчас многие умирают, но это не значит, что тебе есть до них дело. Они не твоя забава, и я бы расстроился, если бы ты решил питаться их болью.

Оно тут же помрачнело, словно солнце во время затмения, хотя лыбиться не перестало. Улыбка у Пугала столь же опасная штука, как его серп. Некоторых она должна была пугать до потери пульса. Я немного

прикинул и нашёл компромисс:

— Синьор Ланцо сказал, что ещё не всех убийц, насильников и мародёров забрала болезнь. Я знаю, тебе нужна свежая кровь, иначе рано или поздно ты сорвёшься, и от этого всем нам будет только хуже. Так что не вижу причин сдерживать твой серп в тех случаях, если ты встретишь настоящих шакалов и гиен. Но пообещай мне, что будешь умерен и не станешь рубить всех жителей направо и налево.

Оно поспешно кивнуло, опасаясь, что я передумаю.

Имею ли я право спускать его с поводка? Проповедник сказал бы, что нет. Но он пока далеко, так что некому бередить мою совесть. К тому же я не видел трагедии в смерти существ, которых по ошибке сочли людьми.

— Я направляюсь в палаццо кардинала, и, если ничего не изменилось, там будут другие стражи. Постарайся не попадаться им на глаза. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь из вас пострадал.

Пугало выслушало, снова кивнуло, и наши дороги разошлись. Оно потопало в сторону догорающих развалин пригорода и кварталов бедняков. Ветер сейчас как раздул оттуда, пролетая над левым рукавом Месолы, узким и порожистым, вливающимся в морской залив с юго-запада, и приносил запах гари, золы и едкого дыма, которые хоть немного сглаживали смрад смерти.

Поле, находящееся за городскими стенами, превратилось в огромное кладбище. В первые дни эпидемии жители копали братские могилы, теперь же, когда стало не до этого, трупы сваливали в небольшие ямы или просто-напросто в кучу, у леса, как можно дальше от стен.

Здесь в предрассветном свете каркало вороньё, и бродили жалкие тени — те, кто выжил и пытался похоронить своих родственников. Впрочем, кроме них, я уверен, были и иные существа, ничуть не напоминающие людей и приползшие из леса полакомиться мертвечиной. Я объехал это место стороной, глядя, как на берегу реки горят несколько погребальных костров для тех, кому не хватило места в могилах.

Когда я въезжал в настежь распахнутые ворота, мимо проехал воз, гружённый мёртвыми. Лишь малая их часть была облачена в саваны, остальных болезнь изуродовала до неузнаваемости, во все стороны торчало смешение рук и ног — тёмно-синих, высохших, покрытых коркой запёкшейся крови. Двое мужчин, правящих возом, в разорванных на груди рубахах и колпаках, скрывающих лица, вели под уздцы уставшую лошадь. На меня они даже не посмотрели.

Узкая улица, поднимающаяся в горку, была пуста, если не считать нескольких трупов тех, кто умер этой ночью. Их ещё не успели убрать, и

ворон, сидевший на карнизе трактира, как раз собирался отзавтракать. До улицы Обезьян отсюда было кварталов семь, и я предполагал, что зрелище меня ждёт не из приятных. Во всяком случае, не такое, с которого стоило бы начинать новый день. Но я ошибся. Мёртвых было гораздо меньше, чем я думал. В этих районах всё ещё ходили уборщики, кричали, надрывая голос, что собирают трупы.

При мне двое молодцов выволокли из дома целую семью и стали бросать умерших на мостовую. В доме, надрываясь, плакал ребёнок. Его вынесла какая-то старуха и понесла прочь, подальше от мёртвых родственников.

Я проехал мимо Санта-Мария-делла-Налетте — красивой церкви, сложенной из розоватого камня, на колокольне которой не смолкал набат. Здесь оказалось довольно много людей, свято молившихся о прощении. Где-то четверть из них выглядела больными. Измождённый священник помогал прихожанам, чем только мог.

Повсюду царили смерть, отчаяние и страх. Люди уже не сражались за свои жизни. Они просто ждали решения высших сил, кому из них жить, а кому умереть. Эта овечья покорность, отупляющая сознание, была не менее страшна, чем сама болезнь.

Я пересёк горбатый мост через узкий речной канал, мельком взглянув на раздувшиеся трупы, плавающие в воде, и оказался в богатых кварталах, где меня ждали разорённые дома и палаццо с выбитыми окнами и дверями. Многие особняки сожрало пламя недавнего стихийного пожара, но большинство из них уцелело. Фонари, подвешенные на стальные крюки, горели лишь в редких местах, отчего здесь было темно и мрачно.

Одиночные горожане, изредка попадавшиеся мне на пути, сами казались сотканными из тьмы, призраками, жизнь которых уже завершена. Мимо прошла заплаканная женщина, баюкая на руках узелок. Она плакала столь жалобно, что я окликнул её, желая помочь, но несчастная покачала головой в тёмном кружевном платке и даже не остановилась.

Из-под опрокинутого стола, выброшенного со второго этажа зажиточного дома, метнулась крыса. Впереди улицу пересекла лёгкая невысокая тень. Кажется, ребёнок, но я не был готов за это поручиться. Вполне возможно, что это кто-нибудь из иных существ, умудрившихся пробраться в город. Сейчас для них наступила настоящая вольница, ведь люди вокруг дохнут как мухи.

Тяжёлые волны смерти густой рекой вытекали из молчаливых домов и из-за заборов, из парков, церквей и разорённых лавок, смешиваясь с липким страхом, убивающим тех, кто ещё держался на ногах, точно так же,

как убивал их мор.

Возле старых платанов три упитанные собаки рвали лежащий на животе, порядком разложившийся труп. Рядом с этой ужасной картиной сидела женщина в дорогом бордовом бархатном платье. У неё были прекрасные золотистые волосы, которые не мог затемнить даже властвующий на улице мрак. Она ещё была жива и тихо стонала, но её окровавленная кожа уже приобрела бледно-голубой оттенок. Было понятно, что этот час она не переживёт.

Юстирский пот — страшная штука. Он начинается совершенно невинно — с лёгкой сыпи на незначительном участке кожи, обычно на тыльных сторонах запястий или предплечьях. Затем сыпь разрастается, превращается в тёмно-синие волдыри, которые лопаются кровавой пеной, с ознобом, жаром, потливостью, болью в костях и суставах, сухостью во рту. После приступа лихорадки начинается сильная рвота, резкая боль в животе, судороги. Это может чередоваться с новыми волнами лихорадки, а может сразу привести к последнему этапу.

Сквозь кожные поры, словно пот, начинает сочиться кровь. Многие из заболевших бредят, многие впадают в агрессивное безумство, бешенство, остановить которое можно лишь клинком или пулей, и это милость для тех, кто встал на дорогу такой смерти. Потому что утром ты можешь быть здоров, а к ночи уже стать посиневшим, скрюченным трупом, который зароют в землю, разумеется, если будет кому этим заниматься.

На воротах большой усадьбы висело прибитое гвоздями изуродованное тело. Его ноги были обглоданы до костей. Слишком рано для людоедства, до голода ещё далеко, люди гибнут быстрее, чем кончаются продукты на складах и в лавках, а значит, здесь погулял кто-то из тёмных душ, потому что на собак это никак не похоже — слишком большие зубы.

Страх притягивает тёмные души. Они безумеют от его едкой вони и приходят к живым лишь для того, чтобы сделать их мёртвыми.

— Пейте! Веселитесь! Радуйтесь! — высокий, срывающийся женский голос раздался справа.

Полуобнажённая девица, в одной лишь юбке, с розовым венком на голове, облитая вином и всё ещё сжимающая кубок в руке, пьяно хохоча, выскочила из дома, развернулась и угодила в объятия мужчины-преследователя. Он обнял её, бережно и осторожно, потянул за собой, что-то шепча на ухо.

— Радуйтесь! — громко крикнула она, всхлипнула и разрыдалась.

Мужчина отвёл её к стене, пропуская мула, тянувшего за собой телегу

с трупами. «Дон-дон-дон» пел колокольчик, оповещая всех, что можно отдать сборщику тех, кто умер. Женщина плакала, не переставая. Когда я уже покидал улицу, до меня донёсся приглушённый, отчаянный крик:

— Радуйтесь!

Но радости в Солезино не чувствовалось.

«Кра-кра-кра!» — гортанно кричали вороны на покатых городских крышах. Для них настало настоящее раздолье.

Кто-то красной краской написал на белоснежной стене старой церквушки: «Господи, спаси всех нас!» Не знаю, услышали ли его на небесах, но в маленьком парке, сразу за церковью, был настоящий ад. Количество мертвецов на земле не поддавалось исчислению. Три, может быть, четыре сотни одетых, раздетых, богатых, бедных, мужчин, женщин, детей, стариков, благородных синьоров, торговцев и священников. Несмотря на рассвет, здесь было полно мух, а ветви всех окрестных деревьев были заняты обожравшимися воронами.

Среди нагромождения синекожих людей с изуродованными, застывшими в немом крике лицами танцевал старик со всклоченной, неопрятной бородой. Он вопил что-то нечленораздельное, подкидывал ноги, приседал, размахивал руками и двигался боком, словно старый краб, исполняющий пляску святого Витта. Вместо одежды на нём были какие-то лохмотья и совершенно новый меховой колпак, слишком дорогой для такого оборванца.

Судя по виду танцора, ему нравилось сходить с ума на кладбище под открытым небом, среди разлагающихся трупов. Я бы проехал мимо, если бы за этим безумием не наблюдала душа.

Она была тёмной, несмотря на то, что её тело мягко светилось перламутровым блеском. Высокая, выше любого человека, с узкими кошачьими глазами, длинными, похожими на паучьи лапы, пальцами и улыбкой на зависть моему Пугалу. Она скалилась ровными, блестящими, человеческими зубами, покачивая массивной головой в такт движениям старика. Тварь точно так же, как и человек, наслаждалась нелепым танцем.

Я натянул поводья, думая, что это может быть — потому что ни о чём подобном раньше никогда не слышал. Душа заметила меня и усмехнулась мерзко, с чувством собственного превосходства. В один удар сердца оказалась рядом с не видящим её стариком, наклонилась, вцепилась челюстями сзади в его шею, мотнула головой, словно пёс, вырывая большой кусок окровавленной плоти.

— А-а-а-а! — заорал старик, выпучив глаза. — Меня поцеловал Дьявол! Меня поцеловал Дьявол!

Из его шеи бил фонтан крови, он бросился прочь, но споткнулся о мёртвое тело, упал и больше уже не поднялся. Я создал *фигуру,* обрушив на перламутровую гадину невидимое пламя, но она ловко уклонилась, перепрыгнула через ограду, вскарабкалась по стене, оказалась на крыше и, послав в мою сторону зловещий и многообещающий взгляд, сгинула.

Я чертыхнулся, бросился наперерез, надеясь, что долго по крышам она не пробежит, так как квартал заканчивался. Нырнул в узкий смрадный проулок, где кто-то стонущий схватил меня за край штанины. Я вырвался, ударил ногой, она угодила во что-то тошнотворно-мягкое, кто-то всхлипнул, закричал, заголосил, я нырнул в дверной проём, пролетел через комнату, едва не опрокинув стол с грязной посудой, выпрыгнул в разбитое окно, сорвав плечом тонкую занавеску. Оказавшись на улице, я задрал голову вверх, удерживая наготове *знак.*

Прошла минута, за ней другая, но тварь так и не появилась.

Лишь очередной собиратель трупов посмотрел на меня и сказал из-под плотной повязки:

— Чего зря бегаешь? Покойников выноси, парень.

Я выругался и пошёл обратно, решив больше не лезть в переулки. Когда я вернулся к коню, которого (какое чудо!) никто не украл, мёртвого старика среди трупов не было. Душа умудрилась меня надуть. Пока я бегал, словно дурак, она вернулась и забрала свою добычу.

Палаццо кардинала Амманати фасадом выходил на площадь Трёх фонтанов. Для того чтобы попасть на неё, мне пришлось бы проехать по Сальной, извилистой и сейчас неспокойной. Я услышал, как оттуда раздаются одиночные выстрелы, решил не рисковать по-пустому, свернул возле позорного столба налево и переулком добрался до ограды палаццо с противоположной от площади стороны. Ворота были заперты, пришлось повозиться, подбирая *фигуру,* способную справиться со сталью. После наложения чар, я сунул кинжал в замочную скважину, и когда раздался хруст, взял коня под уздцы, толкая решётчатые створки плечом.

Раньше здесь стояла охрана, но теперь никому не было дела до тех, кто приходит. Меня никто не остановил и не спросил, что я тут забыл. Я закрыл ворота, накинул на них цепь, создавая иллюзию того, что их не трогали.

За время моего блуждания по городу уже достаточно рассвело, чтобы можно было рассмотреть большой инжировый сад и широкую дорожку, ведущую к идеально круглому пруду с кувшинками и неподвижной водой.

Под дальними деревьями с низкими ветвями и широкими листьями находилось несколько свежих могил. Аккуратных и ухоженных, разительно

отличающихся от того кошмара, что я видел в других частях Солезино.

Со стороны палаццо появился большой чёрный мастино. Он остановился в десяти шагах от меня, мощный и мускулистый, со вздыбленной шерстью на толстом загривке, понюхал воздух, узнал меня, вильнул некупированным хвостом.

— Здравствуй, Тигр, — сказал я.

Пёс смело подошёл, позволил потрепать себя по голове и лёгкой трусцой направился к зданию, в котором светилось несколько окон на втором этаже. Пожилой человек в повязке и парадной ливрее ждал меня на крыльце:

— Вы страж, синьор?

— Да, — ответил я.

— Ваши друзья наверху. Я позабочусь о лошади.

— Вы один из слуг кардинала?

— Последний из них, синьор.

Тигр взбежал по широкой мраморной лестнице, и я последовал за ним. Мои шаги и цоканье его когтей гулким эхом отражались от пола и неслись к высоким расписным сводам. В зале, куда привёл меня пёс, тотчас же улёгшийся на бок возле потухшего камина, всё ещё горело множество свечей.

За столом сидели трое стражей.

— А вот и провинившийся, — сказал русоволосый, уже немолодой мужчина с глазами цвета стали и приятным, открытым лицом. — Ты сильно разозлил магистров, парень, раз тебя прислали ко мне, в эту выгребную яму, будь она проклята во веки веков.

— А что сделал ты, Пауль, чтобы сюда загреметь? — спросил я, бросая на пол свою сумку.

Он усмехнулся и разгладил пышные усы:

— Я был здесь с самого начала эпидемии. А вот Шуко [25] и Розалинда привлекли к себе внимание законников, за что их отправили подальше с глаз Ордена.

— Наши неприятности — это ерунда, — сочным баритоном произнёс мускулистый чернявый цыган с рубиновой серьгой в ухе. — Мы с Рози, по сравнению с тобой, Синеглазый, всего лишь провинившиеся младенцы. А ты наворотил серьёзных дел, и если бы не Карл, прикрывший тебя, всё могло закончиться гораздо более плачевно. Магистры в этом месяце явно не в духе.

— Что может быть хуже города, подыхающего от юстирского пота?

— Твоя смерть, — негромко проговорил Пауль. — До меня дошли кое-

какие слухи. Ты нарушил прямой приказ и попытался спрятать какого-то парня. В Братстве на ушах стояли. Так что тебе повезло. Очень сильно. Можешь мне поверить.

Я вспомнил Хартвига, лежащего в окровавленных лопухах, не стал ничего объяснять, сел на свободный стул и сказал:

— Привет, Рози. Извини мои дурные манеры сегодняшней ночью. Я рад тебя видеть. С каждым днём ты становишься всё красивее и красивее.

— Спасибо, дорогой. Ты, в отличие от этих мужланов, умеешь говорить комплименты, — сверкнула девушка улыбкой.

Рози прекрасна, как только могут быть прекрасны уроженки Тивиты, самой солнечной провинции Нарары. Миндалевидные глаза, оливковая кожа, красивый рот, тонкие брови и чудесная фигура. В последнее время Розалинда предпочитает носить шляпы-треуголки и стрижётся коротко, так, что на голове остаётся лишь колючий острый ёжик, но её это нисколько не портит.

— Я говорю тебе комплименты все пятнадцать лет, что мы женаты, — хмыкнул Шуко и налил мне граппы. — Выпьем за встречу.

Я слишком устал в дороге, так что от граппы сразу же зашумело в голове, хотя вкус изюма был очень приятен.

— Мы говорили о душах. — Живой, подвижный Шуко подмигнул мне. — О том, когда мы их увидели впервые. Когда ты встретил свою первую душу, Людвиг?

— Чёрта с два я тебе скажу об этом, — ответил я ему.

— Это такая тайна? — полюбопытствовала Розалинда.

— Нет. Скорее неприятные детские воспоминания.

— Они у всех неприятные, — согласился Пауль. — Моя первая душа была тёмной, и, признаюсь, я перепугался до чёртиков. Мне было восемь лет, и ползун выглядел крайне отталкивающе.

Я усмехнулся и вопреки собственному желанию сказал:

— Мне было шесть, и на центральной городской площади только что сварили в кипятке королевского повара-отравителя. Зрители были довольны до писка. Варили парня долго и со вкусом, а я вместе с уличными мальчишками залез повыше, чтобы видеть эшафот. Так что когда рядом со мной появился сваренный вкрутую преступник, я едва не умер от страха. На следующий день меня забрали из приюта в Братство. Твоё любопытство удовлетворено, Шуко?

— Вполне. А ещё хотелось бы знать…

— Отстань от него, — перебил Пауль, вставая из-за стола. — Не видишь разве, что Людвиг не в духе? Завтра пойдём с тобой в госпиталь,

Синеглазый. Там полно мертвечины, и тёмные сползаются со всех частей города, словно крысы к зернохранилищу. Пойду, обойду территорию. Тигр, за мной!

Мастино тут же вскочил и последовал за хозяином.

— Старый дурак, — проворчал Шуко, опрокинув в глотку ещё одну рюмку.

— Полегче, милый, — попросила Рози. — Он всё-таки мой учитель.

Страж скривился и тут же пояснил:

— Прости, если обидел тебя, но Солезино не то место, где ты должна быть. Пауль знал, что нас посылают сюда, половина совета числится у него в друзьях. Он мог замолвить за тебя словечко перед магистрами.

— Мог бы, — согласилась она, наблюдая за тем, как я подвинул к себе блюдо с инжиром, виноградом, хлебом и сыром. — Но тогда бы ты отправился один, а я, как ты знаешь, не осталась бы в стороне.

Шуко и Рози закончили учёбу на два года раньше меня, и сколько я себя помню, всегда были не разлей вода, хотя многие не понимали, что может связывать цыгана, пускай и крещёного, и женщину из вполне уважаемого в Тивите рода. Они были странной, привлекающей к себе внимание парой, но благодаря тому, что являлись стражами, плевали на законы и те предрассудки, что были против цыган во многих странах.

— Если тебе интересно моё мнение, Людвиг, то мы занимаемся бесполезным делом, — сказал Шуко после недолгого молчания. — Мы спасаем людей от злобных душ, но горожане всё равно гибнут сотнями. Двадцать пять тысяч умерло за неполный месяц. Почти восемь тысяч в неделю. И это только в Солезино.

— У меня для тебя нет слов утешения, — ответил я.

— А у Пауля они есть. Он говорит, разумно думать, что мы уничтожаем души для собственного благополучия, продлевая свои годы. Клянусь Богом, Солезино великолепная кормушка для нас. Ничуть не хуже, чем для других падальщиков! Мы жируем, словно гиены, потому что ни одна душа не желает существовать в таком виде и после таких мучений. Они все приходят к нам и умоляют о милосердии.

— Не заводись, Шуко, — сказала Рози. — Мы ничего не можем сделать, кроме того, что умеем. Мне так же обидно, как и тебе, что, спасая людей от душ, мы не можем спасти их от болезни, и они погибают.

— Не удивлюсь, если Пауль притащил тебя и меня заодно, чтобы мы подкопили пару лишних лет.

— Я не исключаю такой возможности, — дипломатично ответила Розалинда. — Но не думаю, что это причина, по которой мы сюда попали.

Орден начали раздражать наши лица, и Братство поспешило сменить для нас обстановку.

Она встала со своего места, гибко потянулась:

— Идём, Синеглазый, я покажу тебе твою комнату.

— Мы решили её выбрать для тебя, благо в последнее время в палаццо они все очень быстро освободились, — невесело усмехнулся цыган.

— Откуда вы знали, что я здесь появлюсь?

Я поплёлся за ними, уже мечтая, как грохнусь в постель и забудусь сном.

— Гертруда сказала.

— Вы видели её?! — удивился я.

— Мельком. Тебе письмо от неё.

Она протянула мне совсем небольшой конверт, запечатанный *знаком* — стилизованным цветком эдельвейса. Я поблагодарил, убрал его во внутренний карман и спросил:

— В городе я наткнулся на странную тёмную душу, и мне не удалось её прикончить. Она словно бы облита жидким перламутром. Вы с таким в Солезино не сталкивались?

— Нет, — тут же ответил Шуко.

— А вот я помню, что один из Видящих, прежде чем умереть, говорил о демоне из перламутра, — задумчиво заметила Розалинда, — но я не придала этому никакого значения. Поинтересуюсь у Пауля, когда он вернётся, если тебя это беспокоит. Вот твоя комната. Постарайся выспаться, времени у тебя не так уж много.

Они ушли, я запер дверь, исключительно по старой привычке, сел на кровать и вскрыл письмо от Гертруды. На бумаге была всего лишь одна строчка:

> Я попытаюсь всё уладить. Пожалуйста, будь очень осторожен.

Возможно, последняя фраза всего лишь простое беспокойство. Но с учётом того, что я знаю о Хартвиге, и что магистры на меня крайне злы, она приобретает несколько иной оттенок.

Очень для меня неприятный.

Всю ночь мне снилась перламутровая тварь, заглядывающая в моё окно. Она беззвучно скалилась, но даже её зловещая ухмылка не заставила меня проснуться. Я слишком устал для того, чтобы охотиться за душами.

После того как я нашёл тело Хартвига и вернулся в деревушку, Карла на постоялом дворе уже и след простыл. Много позже я был рад этому обстоятельству, потому что наша встреча могла закончиться очень скверно для нас обоих. Старина Карл это прекрасно понимал, потому и исчез.

В письме, которое он передал, магистры предлагали нехитрый выбор: или немедленно вернуться в Арденау, где мне придётся предстать перед судом, обвиняющим меня в несоблюдении интересов Братства и попытке нарушить его благополучие, или отправиться в Солезино и подчиняться приказам Пауля. Разумеется, я выбрал меньшее из зол, пожелав нашим магистрам всего самого наилучшего.

У меня и раньше были трения с частью совета по простой причине — они чванливые ублюдки, слишком зажравшиеся и не желающие входить в положение тех, кто носится по странам и рискует своей шкурой.

— Не спи и займись завтраком. — Шуко, болтавший ложкой в тарелке улиточного супа, отвлёк меня от тяжёлых мыслей. — Наслаждайся едой, пока есть такая возможность. Скоро запасов в городе не останется, и будем готовить ворон.

— Я надеюсь убраться из Солезино гораздо раньше. — К еде я приступать не спешил.

Цыган разочарованно вздохнул, откусил порядком чёрствого хлеба и сказал с набитым ртом:

— Всё в руках Пауля. А зная учителя Рози, могу сказать, что он и с места не сдвинется, пока поблизости есть хоть одна тёмная душа. Так что скорее Солезино вымрет, чем мы отсюда уберёмся.

Я взял кусок сахара, отправил его за щеку.

— К середине дня ты пожалеешь, что голоден, — посулил мне страж.

— К середине дня я пожалею, что сыт, — возразил я.

Он рассмеялся и отстал от меня.

— Что будете делать?

— Мы с Рози проверим кафедральный собор. На хорах появилась какая-то дрянь. Надо разобраться с ней, пока не пострадали последние из священников.

— Кто у них теперь за главного?

— Капеллан из соборного пареклесия [26]. Самая высшая должность из всех оставшихся, — сказал Пауль, входя в залу. — Ты готов, Людвиг?

— Вполне.

— Тогда бери Шуко и отправляйтесь в госпиталь. Узнайте, чем можете помочь лекарям.

— Что?! — вскричал цыган, поднимаясь со стула и разом забыв о

супе. — Я никуда не пойду без Розалинды!

— По счастью, не ты здесь командуешь, — равнодушно ответил Пауль. — Рози сегодня идёт со мной.

— А что она думает об этом?

— В отличие от тебя — не спорит. Послушай, — смягчился он, — я говорил с капелланом. То, что поселилось в Санта-Мария-дель-Фиоре, не по зубам одному. Здесь нужна крепкая пара. Ты часто неуправляем, а с Людвигом я раньше никогда не работал. Он известный одиночка. Я знаю, как действует Розалинда, потому что сам её обучал. Поэтому сегодня она идёт со мной, а вы с Людвигом отправляетесь в госпиталь.

— Если ты считаешь, что дело серьёзное, не лучше ли нам всем отправиться в собор? — спросил я.

Он задумался на мгновение и с видимым сожалением покачал головой:

— Я обещал лекарям помочь. Им и так тяжело, откладывать больше нельзя. Не беспокойся, мы справимся. А вы вычистите госпиталь.

Пауль свистнул Тигра и ушёл. Шуко, не сдерживаясь, начал ругаться. Я не знал цыганского, но, судя по выражению его лица, сейчас звучали сплошные проклятия. Когда проклятия закончились, он швырнул полупустую тарелку с супом в стену.

Я ему не мешал. Пусть выпустит пар прежде, чем начнётся работа. Наконец, Шуко немного пришёл в себя и, всё ещё злобно ругаясь, подхватил со стола фальчион.

— У тебя есть оружие? — хмуро спросил он у меня. — В городе небезопасно.

— Рейтарский палаш на седельной сумке. Пойду схожу за ним.

— Я сейчас спущусь, только поговорю с Розой.

Я прошёл по пустому дому, слыша, как единственный из оставшихся слуг гремит посудой. Пауль сидел на крыльце, курил трубку, рассеянно поглаживая Тигра по голове.

— Он перестал кипеть? — спросил у меня страж.

— Да.

— Шуко слишком вспыльчив.

— Ты всегда относился к нему с предубеждением.

Он затянулся, выпустил дым:

— Да. Этот парень — несдержанный дурак, которому случайно достался дар, иначе он бы давно уже угодил на костёр во время очередного погрома. Цыгане притягивают тьму, тебе ли этого не знать.

— Любой притягивает тьму, если совершает зло. Так учат нас на проповедях.

Пауль внимательно посмотрел на меня, хмыкнул:

— Ты несколько изменился за те четыре года, что мы не виделись.

— В чём же?

— У тебя появились весомые аргументы в спорах.

Я рассмеялся, пожал плечами и направился в конюшню. Палаш лежал на сумках, я взял его, пристегнул к поясу. Прямой клинок с односторонней заточкой был средней длины. Мастером в фехтовании меня не назовёшь, шпагу и рапиру терпеть не могу и вряд ли выстою против настоящего маэстро, но в уличной рубке смогу себя защитить. Участие в нескольких военных кампаниях во времена моей молодости преподало мне пару неплохих уроков боя.

Когда я вернулся к крыльцу, Пауль и Розалинда уже уходили, а Шуко, напряжённый и взъерошенный, провожал их злым взглядом.

— С ней всё будет в порядке, — успокоил я его.

— Конечно, будет. Потому что иначе я его убью.

— Надеюсь, ты этого ему не сказал.

— А стоило бы. Ладно. Пошли в госпиталь.

Госпиталь находился за Кериниским холмом, там, где Месола расширялась перед самым впадением в море. Он прятался среди кипарисов и платанов, в старом квартале, совсем недалеко от полуразрушенного стадиона, помнившего другие народы, населявшие эти земли задолго до того, как появился современный Солезино. Госпиталь организовали монашки из ордена урсулинок ещё в те благословенные и светлые времена, когда орден был влиятелен, и никто не помышлял о том, что его уничтожат за пару дней, обвинив женщин в плотских утехах с Дьяволом и отправив на костёр несколько тысяч несчастных.

Монашки исчезли, а госпиталь остался. Это было четырёхэтажное здание с собственной часовней, одним концом примыкавшей к развалинам монастыря, куда оттаскивали мёртвых. Мы подошли с Серпантинной крайне неудачно, на мой взгляд, так что пришлось пройти через монастырь, чтобы не делать круг вокруг лесистого холма.

На людях, что работали во дворе, я увидел тюремные робы.

— Каторжники? — спросил я у Шуко.

— С галер. Они сами вызвались искупить свои грехи.

— Интересная форма покаяния. Мне кажется, что сбежало больше половины.

— Так и есть. — Цыган говорил глухо из-за плотной повязки на лице. — Многие сбежали, но есть и те, что остались. Самое удивительное, что заболевают они гораздо реже, чем остальные. Хочешь не хочешь, а в

Бога поверишь.

Я хмыкнул, не желая продолжать дискуссию из-за смрада. Открытые могилы и большой двор были заполнены трупами, вид которых оказался ужасен. Я был рад, что не стал завтракать. Мор не ведал жалости, и невидимая смерть, должно быть, устала работать жнецом, слишком многих ей пришлось забрать с собой.

Одни погибшие посинели, другие почернели и распухли. Сотни тысяч мух гудели в воздухе, ползали по гниющим, обливаемым раскалёнными солнечными лучами телам.

Два священника поливали их слабенькими заклинаниями, но этого было недостаточно для того, чтобы уничтожить всех насекомых. Церковники опасались, что такое количество мух может привлечь сюда своего повелителя — Вельзевула [27]. Разумная предосторожность, хотя, на мой взгляд, несколько запоздалая. Демон, распространяющий болезни, уже успел побывать в Солезино, и никакие молитвы святому Франциску — его главному противнику — не помогут.

Каторжники копали могилы, крюками стаскивали трупы в канавы, засыпали негашёной известью и землёй.

— Будем надеяться, что покойникам отпустили грехи, а то тёмных прибавится.

Шуко достал из кармана пузырёк, вылил половину себе на повязку, оставшееся отдал мне. Я смочил духами тряпку, закрывающую мой нос, и вошёл следом за напарником в двери госпиталя.

Здесь кроме смрада, уже привычного для города, пахло целебными снадобьями, камфарой и целым букетом пряных трав. Несмотря на середину дня, окна оказались закрыты, отчего воздух был густым, раскалённым и убийственным по количеству едких ароматов, способных уничтожить даже здорового человека, не говоря уже о больном. К тому же почти все окна затянули плотной тканью, отчего здесь царил полумрак.

— Да тут половина помещений отравлены, — сказал я.

Шуко подошёл к душе, сидевшей на пороге. Ещё не старая женщина, в лохмотьях и со сбитыми в кровь ногами, умерла отнюдь не от пота. Судя по всему, это было достаточно давно, так что её внешний вид сильно отличался от тех, кого застала эпидемия.

— Здесь есть тёмные?

Она подняла глаза от пола, увидела нас, вздрогнула, отшатнулась.

— Мы не причиним тебе вреда, — попытался успокоить я её. — Ты нам не нужна.

Женщина облизнула сухие губы, прошептала:

— Они там, в залах. Мне пришлось уйти.

— Скольких ты видела? — Цыган, прищурившись, вглядывался в полумрак.

— Троих, на нижнем этаже, но их больше. Ночью они расходятся по городу. Не трогайте меня. Пожалуйста.

— Не тронем, — пообещал я ей и последовал за Шуко.

Огромные, широкие залы были завалены людьми. Мёртвые лежали в лазарете рядом с живыми, в духоте, тесноте и смраде. Те, кто ещё дышал, метались на соломенных матрацах, кричали, стонали, звали врачей и бога. Впавших в безумие связывали.

Судя по всему, люди умирали так быстро и так часто, что покойников просто не успевали выносить. Зато каторжники, облачённые в плотные фартуки, постоянно приносили новых заболевших.

Среди больных ходило довольно много людей из числа монашеских орденов, богомольцев и обычных добровольцев.

— Сколько среди них врачей? — поинтересовался я.

— Не так много, как раньше. Ни одного магистра не осталось. Несколько лиценциатов [28] и бакалавров, а также хирургическое братство. Во всяком случае, так было несколько дней назад, что сейчас — не знаю. Ну что? Расходимся?

— Давай. Так будет быстрее. На тебе этот и второй этаж. Я возьму третий, четвёртый и чердак.

— Угу. А я ещё проверю подвал.

Он со щелчком раскрыл бритву. Шуко предпочитал её стандартному кинжалу стража. Надо сказать, что действовал этой штукой цыган очень умело и быстро.

Я пожелал ему удачи и быстро поднялся по грязной лестнице, на которой лежало несколько трупов разной степени разложения. Мимо меня с воем пролетел какой-то доходяга и с противным хрустом врезался головой в каменный пол.

Шуко внизу выругался.

— Займись делом, прежде чем очередной самоубийца не упадёт тебе на голову! — крикнул я ему, перегнувшись через перила.

— Этот урод испачкал кровью мои сапоги!

— Замечательно! Половина душ не устоит перед ней и передумает бежать!

Он выругался повторно, и я, покачав головой, вернулся на свой этаж. Возможно, я слишком чёрств, потому что не испытываю жалости, ужаса или отвращения перед всем этим разверзнувшимся безумием, но когда ты

видишь только трупы, одни трупы и ничего, кроме трупов, в какой-то момент тупеешь от этого кошмара.

Я медленно шёл по третьему этажу, перешагивая через лежащих людей. Мёртвых и живых, стонущих, требующих воды, причастия, свободы, смерти, еды, света, воздуха и избавления от мучений. Я старался дышать ртом и посматривал по сторонам.

— Кто вы? — Ко мне подошёл мужчина в маске в виде птичьего клюва, внутрь которого была забита ароматическая соль, чтобы спасать от запаха и болезни.

На человеке была шапка гильдии лекарей, так что я просто показал ему кинжал с сапфировой рукоятью.

— А… страж. Если вы о душах — я никого не видел. Люди умирают и без их присутствия.

— Я осмотрюсь.

— Пожалуйста. Если это поможет хоть кому-то, буду только рад. — Он повернулся к слуге: — Ромео, дай пациенту толчёного митридата [29] с оливковым маслом.

— Это помогает? — удивился я.

— Маэстро Ги де Шолиак из Руже считает это идеальным средством от восьмидесяти четырёх недугов. Лишним оно всяко не будет.

— Это убьёт пациента, — сказал пожилой мужчина, промокающий губкой лоб больному.

Губка была мокрой от крови.

— Откуда хирургу [30] быть в курсе фармакологии? — с нескрываемым презрением заявил лекарь. — Вы даже латынь не знаете, а потому никого не спасёте.

— Не спорю, — согласился мужчина. — Я, в отличие от вас, рассуждающего о Галене с кафедры университета, являюсь практиком и признаю, что против мора я бессилен. Поэтому говорю вам — дадите ему митридат, он умрёт через полчаса.

— Не мелите чушь! — взорвался врач.

— Вам когда-нибудь стоит побывать на поле боя, где ваша академическая медицина с её схоластическим методом лечения становится совершенно никчёмной, а пила, ланцет, крючки для разведения ран, игла и нить творят гораздо большие чудеса, чем все бездарные теории Ги де Шолиака, вместе взятые.

Я оставил их, так и не узнав, чем кончился спор, и двинулся дальше. Душ не было, лишь больные, мёртвые и те, кто их лечил. Последние делали

это кто во что горазд. К нарывам прикладывали пиявок, ящериц и высушенных жаб. Закидывали ложками толчёные порошки, заливали тинктуры, втыкали иголки, читали по-латыни откровения святых, вливали в открытые раны оливковое масло и святую воду, прижигали сыпь раскалённой кочергой, вчетвером удерживая воющего больного, кровью зарезанных голубей окропляли горящие в лихорадке тела. Все эти действия мало чем помогали, а на мой взгляд, лишь вредили, и я рад был, что никогда не нуждался во врачах.

Стражи, благодаря душам, которых они уничтожили, никогда не болели, а хорошего лекаря найти в нашем мире очень непросто. Слишком много вокруг шарлатанов, над которыми нет никакого контроля.

Я прошёл весь зал насквозь, но так и не увидел ни одной души, зато почувствовал несколько *фигур* — Шуко повезло больше, чем мне. Я вернулся обратно и начал подниматься по лестнице, когда меня окликнул давешний врач с «клювом»:

— Эй! Наверху ничего нет. Туда уносят умирающих и делают им последнее кровопускание.

Я поблагодарил его и конечно же проигнорировал совет, кляня этих коновалов за глупость. Никогда не верил, что кровопускание может кому-то помочь, иначе на войне от этого бы никто не умирал. Потеря крови ослабляет человека, но никак не ставит его на ноги, что бы там ни говорили учёные мужи.

И ещё я точно знаю одно — свежая кровь и приближающаяся агония для многих тёмных душ это всё равно что корень валерианы для кота. За уши не оттащишь.

Так и случилось.

Первую тварь в образе немытой, крылатой старухи я увидел, стоило мне войти в тёмный, смрадный зал. Она сидела на едва вздымающейся груди немолодой женщины и слилась с ней в невидимом поцелуе, собираясь вытянуть последние капли жизни. Увидев меня, старуха распростёрла крылья и, забыв о добыче, ринулась прочь.

Я швырнул ей вслед призрачным пламенем, превратил в комок огня, и она дымящейся, но всё ещё существующей в этой реальности грудой упала на мертвецов. В дальнем углу что-то завыло, зачавкало… я, не глядя, кинул туда две *фигуры*, подбежал к бабке, опрокинув таз с несвежей кровью, и воткнул в неё кинжал.

В висках заломило, зрение раздвоилось, но я тут же взял себя в руки. Главную тварь я убил, теперь осталась мелочь. Впрочем, «мелочи» оказалось немало. Мои чары высветили их из мрака, и я увидел бледные

фосфоресцирующие тела. Трое походили на больших собак с львиными пастями, и две оказались стройными девушками с крюками вместо рук и тёмно-жёлтыми лицами. Ниляды и лакальщицы.

Первые, перестав поглощать мёртвую плоть, дурно воя, бросились на меня. Две другие, словно туман, подхваченный ветром, полетели к лестнице, ведущей на чердак.

Я ругнулся, чиркнул кинжалом по спине распростёртого под ногами трупа, рисуя *фигуру* «северного камня».

— Убирайтесь отсюда! — успел я крикнуть мало что понимающим лекарям.

Первая из ниляд, вытянувшись в прыжке, бросилась на меня. Я отскочил назад, и труп, над которым пролетела душа, оглушительно лопнул, разбрызгивая во все стороны бирюзовые ошмётки, оставляющие за собой синие полосы в воздухе. Большинство из них врезались в душу, и её тяжеленное, одеревеневшее тело перекувыркнулось через голову, грохнувшись на бок. Я добил её кинжалом.

Люди с воплями бросились прочь, но я был слишком занят, чтобы обращать на них внимание. Следующая душа получила в бок призрачным пламенем и, воя, начала носиться по помещению, пока не растаяла окончательно.

Третья, оказавшаяся самой проворной, клацнула страшными челюстями рядом с моим коленом. Я едва не задел её кинжалом, но она по-тигриному развернулась, прижалась к земле перед прыжком, и мне пришлось пнуть очередной тазик с кровью. Тот влетел ей аккурат в тупоносую морду. Душа ошалела от дармового угощения, замедлилась, потеряв всякую ориентацию, и я вогнал лезвие ей под загривок.

Кинжал задрожал, меня замутило, какой-то больной в ужасе попытался отползти в сторону, призывая святых. Я бросился вперёд, перепрыгивая через лежащие тела. Следовало поспешить, прежде чем лакальщицы совьют кокон, в котором сольются в единое целое и станут гораздо опаснее, чем каждая из них по отдельности.

Сверху, с лестницы, ведущей на чердак, в меня швырнули трупом. Я едва успел уклониться от этого зловонного снаряда. И тут же прилетевшая человеческая голова со всей силы ударила меня в грудь, я не удержался, упал, сложил пальцы, не глядя, отправил вверх *фигуру.* Она ударилась в потолок, совсем недалеко от чердачной дверцы и вниз полетели щепки и густая пыль. Оранжевые линии побежали над моей головой, закрутились водоворотом и выплюнули человекоподобного карлика.

Он зашипел, оскалив тонкие иглы зубов, я выхватил из воздуха

золотой шнур, хлестнул им, словно кнутом, захватывая ноги души, дёрнул на себя, стал подтаскивать метателя тухлятины, пытавшегося задержать меня.

Душа растеклась, превратилась в плачущего ребёнка, пытаясь смутить меня, словно какого-то новичка. Но я был безжалостен, и противник *перетёк* в мой клинок.

Хитрая гадина пряталась до последнего. Рёбра от удара ныли, но я, стараясь не обращать внимания на боль, начал подниматься по лестнице.

Чердак оказался заваленным рухлядью пространством, где сквозь не слишком целую с западной стороны крышу били солнечные лучи, и в их свете плавал целый сонм потревоженных пылинок. Я остановился, пытаясь разглядеть, куда подевались лакальщицы. Под потолком шли тяжеленные дубовые балки, на которых держалась крыша. На них легко можно было спрятаться и более крупным сущностям.

Бледный, едва различимый даже для моего глаза, росчерк вылетел из-за груды дурно пахнущего тряпья с такой скоростью, что, если бы стрелок взял чуть ниже, он бы попал мне в лицо. Мой кинжал вспорол воздух и врезался в плотную, невидимую стену. Рукоять стала ледяной, однако я приложил вторую руку, с усилием прочертил горизонтальную линию. С клинка сыпались искры, но следующие три плевка поглотил щит.

Фигура, отправленная в сторону невидимого стрелка, прошла сквозь тряпьё, ухнула, но никакого особого эффекта не произвела. Следующий росчерк, столь же быстрый, как и прежние, заставил мою защиту задрожать.

Кинжалом я срезал у себя прядь волос, бросил на пол, плюнул, швырнул на эту примитивную обманку заговор, который так долго берёг. По залу остался суетиться мой призрачный двойник, каждая секунда существования которого жрала мои и без того не великие магические силы.

Лакальщицам, а точнее тому, чем они стали, теперь пришлось охотиться сразу за двумя зайцами. Это дало мне время подготовиться и создать мелом нужную *фигуру* в тот самый момент, когда щит растворился и плевок ударил мне в правую руку. Она тут же потеряла всякую чувствительность, повисла плетью, и я выронил кинжал.

Приехали!

Впрочем, душа тоже получила на орехи. Две лакальщицы слились, спиной к спине, в двуликое существо с четырьмя руками и ногами, которое очень напоминало какого-то паука, сбежавшего из ада. Сейчас оно пыталось сбросить с себя серебристые нити, прожигающие его плоть, и поэтому плюнуло в меня лишь раз, но промазало. Я поднял кинжал левой

рукой, бросился к «пауку», он встал на дыбы, словно медведь, и взвыл, когда клинок погрузился в его живот.

После того как от души не осталось ничего, кроме сильного запаха озона, я сел прямо на пол, воткнув кинжал в растрескавшиеся доски. Следовало перевести дух. Сняв с пояса флягу, я напился молока. Шум в ушах немного стих, зрению вернулась обычная острота, но правая рука так и осталась онемевшей.

Я посидел ещё немного, пытаясь заставить себя встать, спуститься на зловонный четвёртый этаж и найти Шуко, когда шорох над головой заставил меня поднять взгляд к потолку. Морда перламутровой твари находилась так близко от моего лица, что будь она живой, я мог бы почувствовать её дыхание.

Я остался спокоен, видя, как её губы складываются в ухмылку. Вне всякого сомнения, она меня узнала так же, как и я её.

Упав на спину, я схватился за воткнутый в пол кинжал, гадина протянула ко мне жилистые руки и тут же проворно отпрыгнула в сторону, избежав струи призрачного пламени.

Появившийся на чердаке Шуко ударил ещё раз, и ещё, и ещё, кидая *знаки*. Но попасть в неё так и не смог. Душа с грохотом пробила в крыше дыру и была такова.

— Ты появился вовремя, — переведя дух, сказал я, все ещё лёжа на спине. — Очень вовремя.

— Твоему хладнокровию можно только позавидовать, — произнёс цыган, разглядывая место моего сражения с лакальщицами. — Ты был на волосок, Синеглазый.

— Скажи мне то, чего я не знаю, — проворчал я, убирая оружие в ножны. — Помоги.

Он протянул руку и помог мне встать.

— Лакальщица в трансформации? — Шуко глянул на мою безжизненную руку. — Тебя сильно зацепило?

— Ерунда. Через полчаса всё пройдёт.

— Об этой гадине ты говорил нам с Рози?

— Угу. — Я посмотрел на дыру в крыше. Преследовать её всё равно поздно. Бегает она гораздо быстрее нас.

— Кажется, она тебя преследует.

— Это могло быть и совпадением, — заметил я и сменил тему: — Ты закончил с делами?

— Нашёл троих. Судя по всему, какое-то время госпиталь останется чистым, я поставил останавливающие *фигуры*. Давай возвращаться в

палаццо. Пауль и Рози должны уже быть там. Следует рассказать им о том, что произошло.

Я не возражал.

Мы возвращались через руины Апельсиновых кварталов — той части Солезино, которую сильнее всего разрушило недавнее землетрясение. Дома новых застроек все до одного превратились в обломки, а здания прошлых веков и те, что возвели на старых фундаментах, находились в разной степени поврежденности: от сетки трещин на жёлтых фасадах до едва держащихся стен, в любую секунду способных рухнуть на дорогу. Самым монолитным оказался старый дворцовый комплекс императоров прошлого, расположенный на каменистом, пребывающем в сильном запустении и поросшим лесом холме — длинная колоннада рядов и большой куполообразный храм, отстроенный последним императором в честь богов и превращённый в церковь в эпоху расцвета христианства.

Район был совершенно вымершим, он опустел ещё до начала мора, поэтому за всю дорогу мы встретили лишь стаю одичавших собак, облаявших нас издали. Шуко швырнул в них камень, и этого оказалось достаточно для того, чтобы свора убралась куда подальше.

— Зачем мы пошли здесь? — недовольно спросил я у него, с трудом перебираясь через колонну, рухнувшую поперёк дороги.

— Во-первых, я устал от трупов на каждом углу. Во-вторых, хочу тебе кое-что показать.

— Надеюсь, это того стоит.

— Уверен, что ты оценишь.

Я недоверчиво хмыкнул, но решил не торопить события. Спустя десять минут он привёл меня к огромной груде камней, в которой с трудом можно было опознать некогда величественное здание.

— И что это? — равнодушно спросил я, оглядывая развалины.

— Логово Ордена Праведности, — осклабился цыган. — Им крепко досталось.

— Неужели никто не выжил? — изумился я.

— Верно. Достаточно серьёзный удар по Ордену в этом регионе. Чтобы восстановиться, им потребуется несколько лет.

— Всему краю потребуется несколько лет, чтобы прийти в себя. И лет двадцать, чтобы восполнить население. Скоро начнётся голод, затем полное безвластие, отсутствие товаров и прочие беды. Солезино придётся постараться, чтобы стать таким, как прежде.

— Ну, до этого дня мы точно не доживём, если только не соберём всех

существующих тёмных душ, — рассмеялся цыган. — Я не вижу на твоём лице особой радости.

Я пожал плечами:

— В Ордене полно гнид, всё время вставляющих нам палки в колёса, но случившееся здесь меня не радует, впрочем, как и не печалит. Мне глубоко плевать на Орден, и я предпочитаю вспоминать о нём пореже. А пинать мертвецов… не по мне.

Он хмыкнул и решил ничего не отвечать.

Мы шли в молчании, и постепенно разрушенные кварталы остались позади, вновь начались улицы с трупами и немногочисленными прохожими, и я опять натянул маску. Шуко двигался чуть впереди. Он прекрасно знал город, вёл меня какими-то проулками, сквозь арки внутренних дворов, где царили траур и тихий плач, мимо заколоченных лавок, через вымершие улицы. Трижды мы встречали души погибших, просивших нас о милосердии.

Продвигаясь к палаццо кардинала, я думал о странной перламутровой твари. Она была необычной, я бы даже сказал парадоксальной, и явно имела на меня зуб. Так некстати вспомнился ночной сон и эта тварь под окном. Если бы сон был реальностью, то меня бы уже не было в живых.

Я дал себе слово — прежде чем лечь спать, поставить под окном ловушку.

Какой-то пьяница прицепился к нам на перекрёстке, увязался следом, вопя, что мы должны разделить с ним выпивку, прежде чем сдохнем и мухи залезут к нам в глазницы. Шуко послал его куда подальше, но выпивоха, разумеется, не отстал, лишь обиделся, полез в драку, схватил меня за куртку, за что тут же получил в зубы.

Тёмную душу мы встретили возле городской ратуши, среди распластавшихся мёртвых и умирающих. Она сидела, поджав под себя ноги, и впихивала в немаленькую пасть оторванную человеческую руку, хрустя костями и противно чавкая. Мы разобрались с ней довольно быстро, хотя и привлекли внимание местных. Вместо благодарности в нашу сторону понеслись проклятия, так что пришлось уходить довольно быстро. Завернув за угол, мы со спокойного шага перешли на бег и пронеслись несколько кварталов, путая следы.

Сейчас многие готовы убить стражей хотя бы за то, что нам не надо бояться мора. А драться с горожанами, даже если это человек пятнадцать — двадцать и половина из них уже болеют, — глупейший и ненужный риск. Лучше убраться подобру-поздорову. Мы поступили совершенно верно, так как, свернув на поднимающуюся наверх, увитую виноградными

лозами улочку, услышали в отдалении гневные крики преследователей.

Они не нашли нас, побежав в совершенно ином направлении, и Шуко послал им вслед несколько ругательств, а затем сказал мне:

— Неблагодарные ублюдки! Мы спасаем их от порождений мрака, а они в ответ только и ждут, как бы нас прибить.

— Не могу их винить. Людей очень гневит, когда рядом не такие, как они, — ответил я ему. — А уж когда человеку не надо бояться мора, который в любой момент может отправить тебя к праотцам… Но да, неблагодарные ублюдки. Согласен.

— Чёртовы идиоты! — сплюнул Шуко.

Мы двинулись через квартал Весёлых ночей, местечко, всегда славившееся лучшими девочками со смуглой кожей и блестящими чёрными волосами. Женщины Каварзере известны своей красотой и любвеобильностью. Проповедник частенько называл таких блудницами, впрочем, сам был не прочь на них поглазеть при случае.

Квартал Весёлых ночей — известная улица Солезино, но сейчас она находилась не в самом лучшем виде. Кроме наших шагов здесь раздавалось лишь карканье сытого воронья да тихие стоны умирающего за оградой ближайшего дома. Воздух был густым и прогорклым — тянуло мертвечиной и горелым мясом. Люди лежали на мостовой и в сточных канавах. В основном женщины, жившие и работавшие здесь.

Шуко склонился над одной из них, с разорванной одеждой, полуголой и уже с неделю как мёртвой, сокрушённо покачал головой:

— Когда мор только начался, квартал не трогали. Здесь было много крепких ребят, защищавших своих девочек. Но неделю назад грабежи докатились и сюда. Половина сутенёров к тому времени передохла, у уцелевшей стражи и так забот полон рот, так что насильникам и убийцам было где порезвиться.

— И этих людей мы ещё пытаемся спасать, — с отвращением сказал я. — Мне кажется, им это совершенно не нуж…

У Шуко была крайне неприятная особенность — он вначале атаковал, а потом разбирался, что к чему. Так что когда на вымершей улочке появилось задумчивое Пугало, цыган долбанул по нему изгоняющей *фигурой.*

— Берегись! — оглушительно заорал я.

Пугало, несмотря на то что выглядело как полнейший идиот, соображало быстрее молнии. Оно услышало мой крик, пригнулось, *фигура* прошла над его соломенной шляпой.

— Ты что?! — крикнул мне цыган, яростно сверкнув глазами.

— Стоять! Я сказал — стоять! — рыкнул я, закрывая собой Шуко и показывая тому рукой, чтобы он не лез вперёд.

Пугало уже было рядом, занося серп для удара. Оно было в ярости и жаждало крови цыгана. Я не знаю, как мне удалось сказать ему спокойно:

— Найди Проповедника и будь с ним. С тебя достаточно Солезино.

Всего лишь на секунду мне показалось, что оно ослушается, но Пугало только недовольно тряхнуло плечами, запахнуло расстегнувшийся солдатский мундир, отвернулось, с досадой черкануло серпом по стене здания, оставив на ней длинный след. Хромая, оно отправилось прочь.

— Чёрт побери, Людвиг! Ты знаком с этим?! — Шуко тоже был на взводе.

— Да. Можно сказать и так, — произнёс я. — Это мой… спутник.

— Одушевлённый?! Тёмный одушевлённый с силой как у десяти окуллов?! А то и двадцати! Да он же ходячая смерть! Ты, часом, не чокнулся?!

— Прекрати орать.

Цыган задохнулся от возмущения, щёлкнул бритвой, закрыв её, убрал в карман.

— Вот что я тебе скажу, Синеглазый. Ты играешь даже не с огнём — с тьмой. Таких тварей надо сразу же убивать.

— Эта тварь намного опасней, когда за ней не приглядывают, и убить её не так-то просто.

— Я не знаю, какая душа зародилась в огородном пугале, но в ней нет ничего чистого.

— Да в половине из нас этого нет! — рассмеялся я. — Если ты беспокоишься обо мне — не стоит. У нас с Пугалом деловые отношения — оно не мается от скуки, а я терплю его компанию.

— Можешь говорить что угодно, но если я встречу его ещё раз, то убью.

— Дело твоё, — тут же сменил тон я. — Только если меня не окажется рядом, и оно выпустит тебе кишки, Розалинда вряд ли этому обрадуется.

Он вздохнул и сказал:

— Ты дурак, ван Нормайенн, и эта дурость когда-нибудь тебя убьёт. Вечно ты заигрываешь с тем, к чему не стоит приближаться.

Шуко о Пугале больше не разговаривал, и за полчаса мы добрались до палаццо. Вошли так же, как и я вчера, через инжировый сад.

Слуга открыл нам дверь.

— Господин Пауль и госпожа Розалинда уже вернулись? — спросил я у него.

— Никак нет, синьоры. Их ещё не было.

Мы с Шуко переглянулись.

— Что-то они долго, — с тревогой произнёс цыган. — Отсюда до Санта-Мария-дель-Фиоре гораздо ближе, чем до госпиталя. А ведь мы провозились половину дня, да и шли обратно кружным путём.

Я задумчиво почесал бровь:

— Ты прав. До городского собора двенадцать кварталов. В принципе они должны бы уже вернуться.

— Я иду туда! — решительно сказал цыган. — Ты со мной?

— Конечно.

Мы стали спускаться по лестнице, кода дверь отворилась, и в палаццо ввалились стражи.

Розалинда была бледна и не скрывала своего испуга. Куртка Пауля оказалась разодрана на плечах, сам он — весь в пыли, а на лице кровоточили свежие ссадины.

— С тобой всё в порядке? — Шуко бросился к жене.

Губы у неё затряслись, но она сдержала эмоции и закатала рукав.

— Твою мать! — потрясённо сказал я, разом забыв все другие слова.

— Этого не может быть, — натянуто рассмеялся Шуко. — Это просто невозможно!

— Но, к сожалению, это есть, — устало сказал Пауль, садясь на ступеньки.

Я взял Рози за запястье, внимательно осмотрел. Сомнений больше не было, но я лишь сказал:

— Странный след, словно чьи-то пальцы.

— Идём, тебе надо лечь. — Цыган пришёл в себя и решительно взял жену под локоть. — А с тобой я поговорю позже.

Он послал стражу свирепый взгляд, который не предвещал тому ничего хорошего, но Пауль даже не посмотрел на него, разглядывая свои узловатые руки.

— Рози, всё будет в порядке, — сказал я девушке. — Мы найдём способ избавить тебя от этого.

— Спасибо, Людвиг. — Она постаралась улыбнуться и ушла вместе с Шуко, напуганная и потрясённая, как и все мы.

Пауль задумчиво сжал и разжал кулаки, глухо произнёс:

— Стражи не болеют. В том числе и юстирским потом. Случившееся невозможно.

— Я привык доверять своим глазам. Розалинда оказалась исключением из этого правила — сыпь очень приметная. И у нас меньше суток, прежде

чем она умрёт. Так что, быть может, ты просто расскажешь, что у вас там произошло?

— Мы пришли в собор и полностью его проверили. Центральный неф, правый неф, левый неф, хоры, орган, киворий [31]. Ничего. Ни одной тёмной души. Тогда мы разделились, я направился посмотреть преддверие, а Розалинда хотела ещё раз проверить северный неф. Я вернулся к ней, когда услышал шум драки. Там была душа, Рози смогла её ранить. Я смог отогнать тёмную и…

— И?

— Эта тварь убила моего пса! — с ненавистью сказал Пауль.

— Мне жаль Тигра.

Он кивнул, поиграл желваками и сказал, рубя фразы:

— Я бы выследил её и добил, но Рози упала и начала кричать. Эта гадина успела схватить мою ученицу за запястье.

— Вот почему сыпь на её руке напоминает отпечатки пальцев, — пробормотал я. — Ты связываешь касание тёмной души с болезнью Розалинды?

— Связываю и тут же убеждаю себя, что это невозможно.

— Невозможно, если страж заболевает юстирским потом. Куда тёмная потом делась?

— Не знаю. Было не до неё. Спряталась где-то в глубине нефа. Я поставил блокирующую защиту, прежде чем увёл Рози. Чёрт меня побери! Никогда раньше не сталкивался ни с чем подобным!

Я слишком устал, не выспался, был голоден и нуждался в отдыхе, но не мог этого себе позволить. Если существует душа, способная заразить болезнью стража, то её следует уничтожить. Но перед этим надо понять, как избавить жену Шуко от болезни.

— Надо вернуться, — сказал Пауль, опередив меня. — Вернуться и ещё раз обыскать собор. Возможно, эта перламутровая гадина ещё там. В чём дело?!

Думаю, от злости, появившейся на моём лице, нехорошо стало бы даже Пугалу.

Осеннее солнце, до сих пор не растерявшее своего жара, уползало в сторону бесконечных холмов, срывалось с небосклона, меняло цвет и заливало Солезино красным вечерним светом. Дома, деревья, заборы, церкви и палаццо, вода в Месоле, люди и мертвецы — все они словно искупались в крови. Это продолжалось всего лишь несколько минут, а затем свет потускнел, уступив недолгим сумеркам, мгновенно

превратившим город в место ещё более неуютное и неприятное, чем днём.

За два квартала до собора мы встретили хагжита с разрешительными лентами Лавендуззского торгового союза, позволяющими ему находиться в христианских землях.

— Газир! [32] Газир спустился с небес и распахнул тёмные крылья зла над страной неверных! — выл он, сидя перед дверью разорённой лавки.

Хагжит тоже был болен, и когда мы подошли слишком близко, плюнул в нашу сторону, сотворив в воздухе охранный знак. Я положил руку на эфес палаша, видя, что рядом с ним, на коврике, лежит длинный восточный кинжал, испачканный в крови. Но человек так и остался сидеть на пороге, лишь грозил нам проклятиями своего бога. По мне, так его богу тут делать совершенно нечего — наш отлично справился, наказав жителей Солезино за какие-то, неизвестные мне, проступки.

— Поскорей бы всё это закончилось, — глухо сказал Пауль.

Мне оставалось лишь догадываться, что он имеет в виду под «всем»: эпидемию, гибель города или наш поиск тёмной души. Я мало общался со стражем, который был старше меня почти на двадцать лет. Мы пересекались всего лишь несколько раз — в Арденау, где я когда-то учился, и во время проверки наших кинжалов на предмет уничтожения чистых душ. Я слышал лишь, что он опытен, хотя порой бывает излишне резок и груб, но Рози отзывалась о нём хорошо, и мне этого всегда было достаточно. До сегодняшнего дня.

Пауль, словно чувствуя мои мысли, посмотрел на меня с подозрением и спросил:

— Считаешь меня виноватым?

Я спрятал руки в карманы лёгкой куртки, обошёл труп толстяка с раздувшимся животом и усмехнулся:

— Тебя больше должно заботить, что считает Шуко.

— Меня не слишком интересует мнение вспыльчивого цыгана. В отличие от твоего.

— Да, я считаю, что ты виноват. — Я не видел причин лгать. — Ты не должен был оставлять её одну.

— Рози — опытный страж.

— Который уже больше десяти лет работает плечом к плечу с мужем и всегда может рассчитывать на поддержку напарника. Ты же знаешь, что те, кто долго работает в паре, в одиночку частенько теряются. Инстинкты заточены совершенно под другие действия.

— Я оставил с ней Тигра.

— Позволь, я не буду это комментировать. Ты совершил глупость,

отправив девушку одну. Сделал то, чего никогда бы не сделал Шуко, и если она умрёт — это будет на твоей совести.

— Она не умрёт!

— Буду на это надеяться.

Кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фиоре уже накрыли густые тени, и лишь на шпилях его парных колоколен угасали блики солнечного света.

— Там есть люди? — спросил я, разглядывая массивное здание.

— Здесь проводились службы, пока не умер кардинал. — Пауль рассеянно провёл рукой по щетинистому подбородку. — Затем прихожане перебрались в Санта-Мария-сопра-Авене и Санта-Мария-делла-Налетте.

— Почему?

— Люди стали говорить, что в округе слишком многие умерли странной смертью, — равнодушно ответил Пауль. — Да и смерть кардинала и почти всего высшего духовенства города на пользу не пошла. Собор заперли от греха подальше.

— И как мы туда попадём? Через окна?

— Ключи кардинала. — Страж потряс связкой. — Впрочем, тебе-то зачем беспокоиться о таких пустяках?

Его усмешка была пренеприятной.

— Не понимаю тебя.

— Я помню, как ты влез в кабинет своего учителя и уничтожил несколько бесценных свитков. Отличный взлом.

Я хмыкнул. Взлом был не отличный. Я просто вынес дверь плечом, взял со стола бумаги и швырнул их в огонь. Великое дело.

— Ты дурак, Людвиг, прости меня за эти слова.

— Если ты объяснишься.

— Ты совершил глупый поступок, лишился покровителя среди магистров. А затем умудрился поругаться с другими магистрами, хотя стоило бы промолчать.

— Я не люблю молчать, когда болваны пытаются управлять моей жизнью.

— Вот я и говорю — дурак. Ты настроил против себя многих в Братстве, хотя рядовые стражи тебя уважают и ценят. И если прошлые грехи можно было списать на молодость, то твой последний номер — перечеркнул это. Не думаю, что тебе забудут и простят неповиновение.

— Несмотря на то, что это было в плане магистров?

— Какая разница? — Пауль подошёл к маленькой железной дверце возле левого нефа и сунул в скважину фигурный ключ. — Ты страж,

которому до конца жизни придётся бегать из города в город, выполняя приказы других.

— Звучит обнадёживающе.

— Ну да. — Он скривился, распахнул дверь, жестом показал, чтобы я заходил первым. — Мотаться до старости по странам, жить в тавернах и на постоялых дворах, месить грязь на дорогах и бесконечно рисковать. Это хорошо в пору юношеского романтизма. Тебе уже за тридцать, пора задуматься о будущем. Сдохнешь где-нибудь на просёлочной дороге, вместо того чтобы жить в Арденау, грести деньги лопатой, продлевать жизнь до бесконечности и править другими.

Он убрал ключи в карман, и мы оказались в полумраке маленькой комнатки. Судя по всему — подсобного помещения, заставленного сломанными лавками и старой церковной утварью.

— Не всем нравится править, Пауль.

— Ты смог бы. Из тебя был бы толк, если бы ты умел держать язык за зубами.

— Я ни о чём не жалею. Они повели себя бездарно, в тот первый раз, когда я решился сказать об этом, — отправили на смерть не опытных стражей, а детей. Шестеро из девяти человек моего выпуска погибли. Я, Львёнок и Ганс, царствие ему небесное, тогда уцелели лишь чудом.

— Выжили сильнейшие. Это была обычная проверка. Такое происходило и раньше. — Страж склонился в полумраке над масляными фонарями.

Его слова взбесили меня, и я сказал:

— А ты? Ты уже давно не молод, Пауль, но сам на побегушках и исполняешь приказы магистров, словно мальчишка.

Он рассмеялся:

— Ещё не вечер. Скоро я вернусь в Арденау. Надо лишь разобраться с этой тварью и дождаться, когда в Солезино закончится эпидемия или исчезнут все души.

Сверкнули искры, зажглись фитили.

— Ты ещё больший оптимист, чем я, — пробормотал я, взяв один из фонарей.

Пауль вновь звякнул ключами, открыл дверь кладовки, и мы вышли в огромный тёмный зал совсем рядом с алтарём. Я выкрутил фитиль на максимум, но этого было недостаточно, чтобы осветить всё помещение. Массивный кинжал Пауля с тихим шелестом покинул ножны. Я достал свой, подняв фонарь в левой руке повыше.

Северный неф всё ещё защищала *фигура,* которую здесь оставил

страж. Рядом с ней лежало растерзанное тело пса. Пауль отвернулся, скрывая от меня свои эмоции, я коснулся пальцами рисунка, лизнул их, почувствовал нестерпимую горечь.

— Она пыталась пройти через барьер, но неудачно. Когда вы сюда заходили утром, все двери были закрыты?

— Да.

— Тогда как она сюда проникла?

— Разбила центральный витраж. К сожалению, это не какой-нибудь бес или адова тварь, иначе бы в собор она в жизни не сунулась.

— Как знать, как знать. Она может быть ещё здесь. Разделимся.

— Ты же говорил…

— Я ведь не Розалинда. Света от наших фонарей хватит, и если двигаться вдоль стен, то вполне возможно, мы её не пропустим. Если только тварь не затаилась где-нибудь под потолком.

Пауль двинулся вдоль восточной стены, я — вдоль западной. Фонарь высвечивал из мрака острые грани квадратных колонн, разделяющих неф на две части, латинские письмена, фрески, мраморные фигуры ангелов, святых, спящих львов и поверженных драконов… Свечи в бронзовых подсвечниках давно растаяли, и белый воск застывшими наплывами лежал на тёмно-бордовом мраморе.

Мне крупно повезло, что рядом нет Проповедника. Вот уж кто точно сейчас бы ныл на все голоса и называл меня придурком. Как будто я без него не понимаю, сколь рискованно стало находиться в Солезино. Теперь юстирский пот опасен и для меня.

Мраморные саркофаги вдоль стен казались слишком вычурными. Я прислушался к себе, но кости епископов, покоящиеся в гробах, не излучали никакой магии. Ни светлой, ни тёмной. Останки спали и даже не думали как-то заявлять о себе в мире живых.

На покатом потолке парили тёмные крылатые силуэты серафимов. Сейчас они казались угрожающими, вот-вот готовыми ринуться вниз, с пламенными мечами и гневом божьим на устах. Мне бы их помощь точно не помешала.

Мы дошли до конца нефа, где находился большой оранжево-жёлтый витраж с белоснежным голубем, несущим в клюве оливковую ветвь.

— Пусто, — сказал Пауль.

— Ты проверил потолок?

— Я, по-твоему, зеленоротый щенок?! — тут же вскипел страж. — Её здесь нет.

— Окна целы. Двери закрыты. Значит, она здесь. Или… мы

проглядели лазейку.

— Давай проверим ещё раз. Но я говорю — здесь никого, кроме нас.

— Возможно, эта тварь и сильна, но даже такой, как она, не хватит сил пройти сквозь стену кафедрального собора. Тебе ли не знать, как их защищают церковники.

— Мне прекрасно известно, что любую защиту можно обойти, — возразил Пауль. — Церковь могущественна, но отнюдь не всесильна. Бывали случаи, когда тёмные души нельзя было удержать привычными способами, и я не удивлюсь, что эта из таких.

— Не стану спорить. Но я впервые слышу о тёмной душе, касание которой вызывает одну из самых страшных болезней. Она как-то связана с мором в Солезино.

— Она его распространяет, сынок! — Страж, как и я, внимательно осматривал тёмный зал. — Проверим весь собор?

— Да. Но прежде ещё раз обойдём неф. Я чувствую, мы что-то упустили.

Мы поменялись местами, и теперь уже я шёл вдоль восточной стены. Здесь было всё то же самое — саркофаги, статуи святых в нише, полутьма, полусвет и тревожное ожидание. Я каждое мгновение ждал нападения, но тени шевелились лишь от моего фонаря, а не из-за тёмной души, жаждущей моей крови.

Над гробницей Григория Третьего возвышался скорбный ангел в изорванной одежде. У него было печальное, расцарапанное лицо и слёзы на мраморных щеках. Я прошёл бы мимо, если бы черты статуи не напомнили мне лицо Гертруды. Я даже остановился, любуясь этой знакомой красотой. Просто удивительное совпадение — изваяние, возраст которого почти два с половиной столетия, и Гера, живущая сейчас, оказались столь похожи.

Я сделал шаг к ангелу, и щеки коснулось лёгкое дуновение сквозняка. Нахмурившись, я поставил фонарь на гробницу, провёл рукой по воздуху, стараясь понять, откуда дует. Присмотревшись, увидел тёмный зазор между статуей и стеной. Он был совсем небольшой, и его основную часть скрывали ангельские крылья.

— Пауль! — позвал я стража. — Я нашёл кое-что интересное. Посмотри.

Он подошёл, бросил быстрый взгляд, хмыкнул, забрался на гробницу, ощупал трещину, затем попытался сдвинуть статую:

— Это или тайник, или ход. Вряд ли душа его двигала, ей достаточно небольшой щёлочки, чтобы просочиться отсюда. Тяжеленная штука. Помоги.

Мы навалились на преграду всем весом, но она даже не шелохнулась.

— Должен быть какой-то секрет, — сказал я.

Секрет нашёлся не быстро. Пауль, чертыхаясь, упорно и методично ощупывал каждый выступ, пока ангел плавно не отъехал в сторону, держась на невидимых креплениях.

Я заглянул в узкий проём:

— Здесь прямой коридор.

Стены в нём были голые, пахли холодом и едва ощутимо — ладаном. Безликий ход, всего-то шагов тридцать, вывел нас в округлый зал, из которого начинались четыре лестницы. Две уходили вверх и ещё две — вниз. Пауль усмехнулся:

— Перекрёсток.

— И что в этом смешного? — не понял я.

— То, что перед тобой бесполезные крысиные лазы. Такие есть во многих церквях и монастырях, отстроенных в прошлых веках. Почти никакого смысла при огромной трате труда. Лестницы, скорее всего, связывают между собой помещения собора. Надо только определить, в какую сторону направилась наша дичь.

— У меня создаётся впечатление, что дичь — это мы.

— Боишься заболеть юстирским потом?

— Мне тяжело внушить себе мысль, что я могу чем-то заболеть. Я ещё не думал о страхе.

— А я боюсь, парень. Не хочу превратиться в истекающий кровью, заживо гниющий, безумный обрубок. Поэтому предпочитаю считать себя охотником. Её надо прикончить, и сделать это быстро.

Я признал верность его слов, подошёл к ближайшей лестнице, уводящей вверх.

— Это путь на хоры или к органу.

— Значит, соседняя — в комнаты епископа. Вряд ли нам туда. Сейчас соображу кое-что. — Пауль корябал остриём кинжала по полу.

Я опознал первые элементы *фигуры* и, прислонившись спиной к холодной стене, негромко произнёс:

— Слишком щедро для того, чтобы узнать направление. Ты потеряешь часть сил больше чем на час. В подобной охоте это может быть чревато неприятностями.

Он поднял на меня стальные глаза:

— Пустое предупреждение, Людвиг. Я и так это знаю. Но у нас нет времени бегать по всем крысиным норам в тщетных поисках сбежавшей души. Песка в часах Рози становится с каждой минутой меньше.

— Предлагаю вариант, — тут же сказал я. — *Фигуру* завершу я, и мы разделим её эффект на двоих.

— Глупо ослаблять обоих. — Теперь Пауль даже не поднял головы от рисунка.

Я был не согласен с ним, но спорить не стал. Упрямый чёрт этот Пауль, бодаться и убеждать его совершенно бесполезно. Поэтому я занялся своими делами, чем и привлёк его внимание через несколько минут:

— «Связывающие кандалы». Однако… Вижу, уверенности в тебе просто отбавляй.

Я довёл линию *фигуры* до конца, закрепил узлом и, глядя, как она растворяется в воздухе, произнёс:

— Душа уже дважды сбегала от меня и один раз от тебя. Согласись, в этом есть некая последовательность. Мне бы не хотелось, чтобы подобное продолжалось до бесконечности.

— Ну, поглядим, что получится, — фыркнул он. — Всё. Готово.

Один из концов его *фигуры* замерцал золотистым, указывая, словно компас, на правую нижнюю лестницу. Пауль зачерпнул света на ладонь, шагнул на первую ступеньку, но я бесцеремонно отодвинул его в сторону:

— Пойду первым.

— Как хочешь.

Держа в одной руке фонарь, а в другой кинжал, я начал спускаться и через двадцать шагов оказался на площадке, где в стене ржавели скобы для факелов.

— Знаю, где мы, — осмотревшись, сказал страж. — За стеной начинаются усыпальницы клириков. Но этот ход ведёт ниже.

После площадки мы прошли очередной короткий коридор и оказались на выдолбленных в камнях ступенях круговой лестницы. Мы спускались чуть больше пяти минут, стараясь идти осторожно и без лишнего шума. Лестница оказалась времён постройки собора, на влажных растрескавшихся стенах торчали бледные корни пробившихся сюда растений, и были ещё видны старые фрески. Путь закончился решёткой — совершенно новой, не проржавевшей, с надёжным навесным замком. Я разрушил его точно так же, как и тот, что запирал калитку в кардинальском саду.

Петли сухо скрипнули, впуская нас в помещение, в котором не было ничего примечательного. Стены грубо обработала кирка, потолок был шероховатым и низким. Дальняя сторона небольшой пещерки оказалась сильно завалена обломками рухнувшего перекрытия. Среди завала виднелся проход между двумя нависшими валунами, готовыми

прихлопнуть любого, кто рискнёт под ними пройти.

— Кто-то пытался расчистить эту стройку.

— Не думаю, — возразил я Паулю. — Это сделало землетрясение. Видишь, камни достаточно старые, обвал произошёл очень давно. И никто сюда не лез. Но когда тряхануло вновь, порода сместилась и открыла проём. Давай посмотрим, куда он ведёт.

Пришлось встать на четвереньки, и фонарь в руке сильно мешал передвигаться. Проползая под нависшими глыбами, я старался не думать, что будет, если им надоест держаться на честном слове, и они рухнут мне на голову. Оказавшись на той стороне, я встал на ноги, отряхнул штаны от грязи и, осматриваясь, стал дожидаться Пауля.

— Катакомбы. Времён зарождения христианства, судя по всему. — Страж появился рядом не скоро.

— Угу. Понятно, куда святоши пробили свой тайный ход. Здесь ведь должны быть мощи святых, и не те, которые принято показывать толпе. Обладающие реальной целебной силой. Вход в катакомбы был давно потерян, не так ли? Но, кажется, клирики знали ещё один.

— Точнее они его продолбили. Идём.

Прямые стены, прямые потолки, колонны и арки, оставшиеся со времён древних императоров, когда о христианстве ещё даже никто не слышал, а люди предпочитали молиться целому сонму разнообразных богов. Кое-где попадались ниши, в основном пустые. Останков было на удивление мало. Кости, покоившиеся на каменных ложах, побурели от времени.

Первые три зала мы прошли быстро, практически не задерживаясь. Перед разветвлением Пауль замешкался, посмотрел на огонёк в своей ладони.

— Направо.

Свет от фонаря упал в нишу, где сидел скелет. Почувствовав наше движение, он клацнул челюстями, стал с хрустом подниматься, но Пауль ударил его ногой, и кости рассыпались.

— Нечего тут шалить, — сказал страж. — Нам вниз.

Круглая шахта, затянутая паутиной, со скользким полом, по которому стекала вода, затем череда залов ещё более старых и зловещих, чем верхние. Строители прошлого всё создавали на совесть, словно какие-то бородатые скирры, забравшиеся с помощью мотыг и кирок в сердце земли. Следы недавнего землетрясения были видны повсюду — трещины, сколы, лопнувшие колонны, разбитые саркофаги, но потолок держался, и таких завалов, как тот, первый, под которым пришлось пролезать, — не было.

Свет фонаря то и дело высвечивал фрески, в которых без труда узнавались Адам и Ева с сыновьями, Крещение Господне, Добрый Пастырь, выброшенный в море Иона, голубь и ангельские вестники. Рисунки были примитивными и в большинстве своём неумелыми, но с удивительно яркими цветами, прекрасно сохранившимися среди этой тяжёлой влажной сырости.

Здесь был даже маленький храм Феникса, одного из богов прошлого, выполненный из гипса и сохранённый первыми последователями Петра, ещё не такими жестокими, как те, что пришли после и сочли уничтожение еретических учений своей прямой обязанностью. За храмом начинались захоронения, в основном открытые, в нишах. Но также встречались аркосолии мучеников, грубые саркофаги с христианскими крестами и кубикулы — небольшие усыпальницы, расположенные по обеим сторонам от основного коридора. Свет в руке Пауля не указал ни на одну из этих комнат, поэтому мы были избавлены от того, чтобы заглядывать в каждую из них.

Мы миновали несколько лестниц, когда-то ведущих наверх, а теперь разрушенных и превратившихся в груды камня. Открытый саркофаг, сооружённый уже в эпоху расцвета катакомб, до сих пор украшали цветы. Полевые ромашки и колокольчики были свежими, словно их сорвали всего лишь несколько минут назад.

— Неплохо для полутора тысяч лет, — сказал Пауль, узловатыми пальцами перебирая лепестки. — Как новенькие. Думаю, клирики много лет жалели, что потеряли сюда доступ.

Я молча кивнул, рассматривая лежащие в саркофаге кости. Они лучились бледным, тёплым светом. Не ярким, скорее тусклым, не способным ничего осветить, но очень заметным и приятным для глаз.

— Здесь написано на арафейском, — прищурился Пауль, изучая выбитые на стенке усыпальницы письмена. — Язык, на котором говорил Христос.

— И ты понимаешь?

— Ни черта. Разве что вот это слово — Савл [33], — в его голосе слышалось сомнение.

— Ну, это точно не тот Павел. Того обезглавили в Дискульте, совсем недалеко от места, где умер Пётр.

— Кто знает… Сам видишь, святой целительской силы в этих костях хватает.

— Да. Вижу, — сказал я и с некоторым трепетом взял фалангу мизинца.

— Ты что делаешь?!

Вот уж не ожидал увидеть на лице Пауля такое удивление.

— Ты сам сказал — в мощах целебная сила. А Рози умирает. Возможно, они смогут помочь.

— А если перед тобой один из апостолов? — поинтересовался страж.

— Не говори глупости. Их давно уже растащили по церквям и храмам, как и крест Спасителя, и гвозди, которые в него забивали. Всем прихожанам требуется прикоснуться к святости.

— Ещё скажи, что ты не безбожник.

— Можешь удивляться, но я вполне себе верую и даже бываю на причастии.

— А причащает тебя эта душа, которая частенько с тобой таскается, — Проповедник, — рассмеялся Пауль, но я остался невозмутим.

— Святой Савл, уверяю тебя, был бы не против совершить ещё одно благое деяние, спасти стража, который в будущем спасёт множество жизней добрых христиан.

— Ты богохульник и прагматик.

— Было бы так, меня бы уже поразила божественная молния.

— Как будто Богу есть дело до того, что ты позаимствовал чужие кости. — Пауль только рукой махнул.

Проповедник меня бы съел живьём за такое кощунство, но я планировал вернуть мощи на место, как только мы разберёмся с болезнью Розалинды.

Следующий зал оказался крепко потрёпан содроганием земли. В полу зияла настоящая расселина, тёмная и зловещая, как бездна, ведущая прямо в ад. Туда, вместе с частью саркофагов и костей, провалилась половина помещения.

— Только не говори, что нам туда.

— Больше некуда. Дальше завал, — хмуро отозвался Пауль.

Я поискал глазами по полу, поднял небольшой камешек и бросил его в бездну. Спустя недолгие секунды раздался едва слышный удар.

— Глубоко. Там что-то вроде пещеры или грота.

— Сейчас посвечу. — Страж сбросил с ладони огонёк, и мы оба, склонившись над дырой в полу, смотрели, как он медленно планирует вниз.

Свет озарил острые выступы на стенах, уходя всё ниже и ниже, пока не превратился в маленькую песчинку. Коснувшись дна, огонёк начал медленно разгораться, разрастаясь в размерах, а затем засиял ровно и сильно. Прежде чем он погас, мы с Паулем хорошо рассмотрели дно и, несмотря на высоту, сразу поняли, что там лежит.

— Кости, — сказал мой спутник. — Сплошные кости. Они едва ли не устилают пол, Людвиг. Отродясь не видал столько скелетов.

— Кажется, я знаю, что мы нашли, — мрачно ответил я. — Землетрясение сыграло злую шутку с Солезино. Это святые гроты, те самые, из которых вынесли юстирский пот.

— Пролом в них образовался за городскими стенами.

— Ну а этот открылся в заброшенных катакомбах. Возможно, есть и другие входы в них. Так что история с душой принимает крутой оборот.

Пауль почесал в затылке:

— Хочешь сказать, что она является основным разносчиком заразы? Демоном болезни, как бы её назвали лекари?

— Подумай сам. Внизу несколько тысяч умерших. Они сползлись туда во время первой эпидемии, уповая на чудо, но его не произошло, случился катаклизм, вход в гроты оказался завален. Представляешь, что произошло дальше?

Его глаза были бесстрастны, когда он произносил:

— Они умирали от мора, голода, нехватки воздуха, ужаса и безнадёжного отчаяния. Один Господь знает, какие драмы разыгрывались там, в полной темноте. Наверняка — убийства, а возможно и людоедство тех, кто перенёс мор и пытался выжить.

— Не людоедство — пожирание мертвечины. Всё это — отличная почва для тёмной души. Она родилась среди них, впитав в себя всё плохое, что там случилось, и даже святость места не остановила её появления.

— Ей пришлось довольно долго там торчать, прежде чем у неё возникла возможность выбраться. Нам придётся вернуться и найти верёвку достаточной длины. Если, конечно, тварь ждёт нас там, а не бегает по городу, разнося заразу.

Мы в молчании пошли назад, и две наши тени скользили по стенам, то укорачиваясь, то удлиняясь. Оказавшись в верхних залах, я высказал гнетущую меня мысль:

— Как ты думаешь, если мы её уничтожим, мор закончится?

— Не могу даже предположить. Никогда не слышал о подобных гадинах, и строить теории сейчас всё равно что сооружать песчаный замок на океанском побережье.

Возле провала, ведущего в собор, вновь пришлось опуститься на четвереньки и, рискуя, ползти над ненадёжными камнями. Пауль появился сразу за мной, всклоченный и порядком злой на то, что нам не удалось достичь конечной цели.

Я хотел сказать ему что-нибудь ободряющее, но вместо этого заорал,

предупреждая об опасности. Жемчужная душа беззвучно появилась прямо за его спиной и в следующее мгновение стремительным ударом сломала стражу позвоночник. Оглушительно хрустнуло, и верхняя половина тела Пауля подбила мне ноги, заставив грохнуться на пол и выронить кинжал. Фонарь моего погибшего спутника разбился, взметнув пламя к потолку. Но было не до пожара, который едва не лизал подошвы моих сапог.

Душа улыбалась многообещающе и зловеще. Она протянула лапу, как и я зная, что мне не успеть взять клинок. Я усмехнулся ей в ответ и ударил «Связывающими кандалами», очень надеясь, что ей будет так же больно, как и мне. Во всяком случае, её вой едва не оглушил меня, пока я пытался не потерять сознание.

Преодолевая слабость, забыв о засевшей в сердце острой игле, я поднял клинок, сделал шаг к бьющемуся на полу чудовищу, но оно зашипело, изогнулось, едва не задев меня, и пришлось отступить. Второго шанса мне не дали. Душа метнулась обратно к проёму, нырнула в катакомбы, спустя мгновение камни рухнули, закрывая проход и поднимая с земли вековую пыль.

Я бросился к лестнице и успел прежде, чем за моей спиной рухнул потолок.

Ночь была тревожной и на удивление прохладной. Колокола на двух церквях звонили с обречённой покорностью судьбе и тому, что принесёт Солезино следующий день. В районе Летелле, сразу за кипарисовым парком, разгорались пожары, слышались выстрелы и немногочисленные крики.

Я быстро шёл по улице, держа в руке обнажённый палаш, потому что пару кварталов за мной крались какие-то тени. То ли мародёры, то ли кто-то из иных существ. Они отстали возле высохшего фонтана, отвлёкшись на громкие стоны, доносящиеся из распахнутых окон старого дома.

Воздух, как и прежде, был заражён запахом, исходившим от многочисленных трупов, но мой нос, не вынеся суток пребывания в умирающем городе, сжалился надо мной и практически потерял чувствительность. На лице ещё осталась кровь Пауля, острая игла в сердце превратилась в ноющую боль, и я знал, что времени у меня не слишком много. Если повезёт — то несколько часов, до того как душа придёт меня прикончить.

Луна, плывущая по небу, была ещё более старой и несчастной, чем прежде. Её тусклый зловещий свет выхватывал тёмные контуры трупов на дороге и хрипящих умирающих. Большая повозка, запряжённая волами,

освещённая тремя фонарями, стояла, перегораживая улицу. Четверо мужчин в плотных балахонах и масках-клювах, которые, как считалось, отпугивали болезнь, втыкали вилы в мёртвых, с натугой поднимали их и грузили на повозку.

Чем не картина из ада? Один из команды ткнул мертвеца в живот, и тот взвыл. Собиратель трупов чертыхнулся, тут же добил раненого и встретился со мной глазами.

— Всё равно ему оставалось жить не больше часа! — запальчиво попытался он оправдаться передо мной, хотя я не сказал ему ни слова.

Его партнёр был менее любезен и, перехватив вилы достаточно узнаваемым хватом старого вояки из линейной пехоты, грубо крикнул:

— Проваливай! И без тебя дел хватает.

Возможно, в другое время я бы с ним поспорил, но сейчас надо было быстрее добраться до Розалинды и подготовиться к встрече с опасным противником, а не затевать ненужную драку.

За поворотом за мной увязалась старуха, внешностью смахивающая на сказочную ведьму — только лопаты не хватало для того, чтобы запихивать в печь младенцев. Она кричала мне, что я адово отродье и меня следует предать в лапы Псов Господних. Позже бабка послала мне в спину проклятие и убралась в тёмную, смердящую подворотню.

Я вошёл в кардинальский сад, испугав крадущуюся в тенях кошку. На освещённом крыльце сидел Шуко и задумчиво изучал раскрытую бритву. Заслышав мои шаги, он поднял на меня взгляд, и я увидел, как сильно осунулось его лицо за эти часы.

— Как чувствует себя Рози? — спросил я, прежде чем он задал вопрос о том, куда делся Пауль. — Я нашёл для неё лекарство.

— Ты опоздал, Людвиг, — устало сказал он. — Сейчас ей нужны только цветы.

Рассвет был больным и тягостным, словно затянувшаяся агония. Небо на востоке посветлело, и казалось, что солнце запуталось где-то в облаках и навеки застряло в них. Солезино, как и прежде, продолжал вымирать. Пожары в Летелле догорали, скармливая тёмно-синему небу с потускневшими звёздами дым и гарь.

Шуко шёл впереди меня, засунув руки в карманы безрукавки, и я не представлял, каково ему сейчас. Слов утешения у меня для него не было. Рози умерла слишком быстро, почти сразу же после того, как ушли мы с Паулем. Болезнь сожрала её меньше чем за два часа, оставив от прекрасной девушки лишь изуродованную оболочку.

Узнав о том, что случилось, я молча сходил в сарай рядом с конюшнями, вернулся с лопатой и начал рыть могилу под одним из инжирных деревьев. Шуко сам принёс Рози, завёрнутую в атласную штору, ставшую её саваном. Затем он начал читать молитву на своём родном языке, и я не мешал ему. Просто стоял рядом и ждал.

Мы вместе засыпали могилу землёй, и я рассказал ему о том, что случилось в катакомбах. Казалось, он не слушает, но когда мой рассказ был завершён, произнёс:

— Я сам убью её.

Зная, что спорить бесполезно, я лишь похлопал его по плечу.

Сейчас мы шли насквозь через город, к древней арене императоров, расположенной недалеко от пустырей и ипподрома, где раньше устраивались триумфальные парады в честь победы железных легионов. Это было идеальным местом для того, чтобы устроить ловушку — далеко от жилых районов, много пространства и есть где спрятаться.

На нас напали, когда мы проходили через бедные кварталы. Неширокие улицы были завалены трупами, сложенными вдоль стен, словно мешки с песком, и приходилось идти по узкой дорожке меж смердящих останков и выпирающих из груды тел рук и ног. На лица мёртвых с провалившимися глазами и оскаленными зубами я старался не смотреть. Слишком запоминающееся зрелище.

Вопреки всему, нападавшими оказались не тёмные души, а люди. Пятеро агрессивных оборванцев, половина из которых обезумела оттого, что они больны, набросились на нас с двух сторон на маленькой площади, где возле перевёрнутой телеги с оторванным колесом пировало вороньё, объедая скудную плоть, оставшуюся на костях мертвецов.

Люди ничего не просили. Они просто кинулись на нас, желая прикончить чужаков, зашедших на их территорию. Шуко, не раздумывая, влез в бой, оставив для меня только двоих. Один был вооружён кинжалом, другой вилами. Он ткнул меня ими в лицо. Я сбил древко вверх, плашмя ударив по нему палашом, оказался рядом, дёрнул мужчину за локоть, толкая на человека с кинжалом.

Мужик с вилами взвыл, когда клинок не успевшего среагировать соучастника воткнулся ему в живот, а я, не собираясь дожидаться, когда они придут в себя, подскочил к уцелевшему, замахиваясь оружием. Он закрылся левой рукой, правой вытаскивая кинжал из тела товарища, но мой рейтарский палаш перерубил ему руку возле запястья и с противным звуком развалил голову, словно спелый арбуз.

Шуко так и не достал ни рапиру, ни пистолет. Он горел холодным

гневом, и сейчас этот гнев был направлен на шакалов, преградивших ему дорогу к мести. Чёрная бритва вскрыла глотку первому, располосовала лицо второму и уже оставила несколько глубоких порезов на руках у третьего. Горожанин был последним из тех, кто ещё оставался на ногах и держал оружие. Заметив, что он в меньшинстве, мужчина бросился наутёк, но Шуко настиг его в конце улицы и, не слушая воплей о пощаде, прикончил. Вернувшись, он добил раненого, и я не собирался читать цыгану лекцию о святости человеческой жизни. Успел присмотреться к убитым и увидеть на их шеях ожерелья из отрезанных ушей.

Болезнь и хаос заставляет выползать на свет слишком много мрази, которая в обычной жизни старается вести себя тихо и сдерживать свои порывы. Во всяком случае, эти господа больше никому не причинят вреда.

Мы добрались до арены после рассвета. Ближайшее отсюда жильё находилось больше чем в семи сотнях ярдов, место в городе считалось недобрым, что и неудивительно — раньше здесь пролилось много крови.

Огромное круглое строение было частично разрушено. Оно устояло перед землетрясениями, пожарами и бегом времени, но не выдержало натиска людей. Когда отстраивались ближайшие к арене районы Солезино, на камни пустили стены колоссального цирка и полностью разобрали внешний периметр. Арену окружали пустыри, поросшие барбарисом и боярышником, куда летом приходили пастись козы, а сейчас не заглядывали ни живые, ни мёртвые.

Шуко нырнул в чёрный проём, я последовал за ним. Квадратные колонны, каменный кирпичный свод, несколько очень крутых лестниц уводили вверх, на зрительские трибуны. Здесь было темно и мрачно, да ещё к тому же грязно. Цепью коридоров мы вышли к центральному залу, который открывал дорогу на саму арену. Пол, когда-то деревянный, теперь отсутствовал, и глубокие шахты подземелья, где до начала представления держали животных и рабов, только и ждали тех, кто свалится в них и переломает себе все кости.

Пришлось искать обходной путь, забравшись на второй ярус, а затем спускаясь вниз. Здесь мы с Шуко разошлись.

— Обойду по кругу, расставлю ловушки, — сказал он.

— Дублируй *фигуры* и постарайся перекрыть все щели. Сам видел, как она проворна.

Цыган нехорошо усмехнулся:

— Постараюсь быстро вернуться.

И его поглотил мрак коридора.

Меня слегка знобило, так что я поднял воротник куртки и, щурясь на

свет, вышел на нижнюю трибуну. Каменные сиденья тянулись по кругу покуда хватало взгляда. Трибуны были разбиты на сектора и ярусы, которые кое-где ещё «украшали» статуи богов с отбитыми головами и руками. Они, в отличие от скульптур портика, находились в безобразном состоянии. Три яруса арок, венчавших арену, словно короны, уцелели в первозданном виде лишь с восточной и северной сторон огромного эллипсовидного сооружения. Остальные рухнули внутрь, разбив ряды скамей, и высились мраморными грудами, уродуя прекрасное здание.

Каменную арену, где некогда погибали тысячи бойцов, а звери рвали первых христиан на части, теперь покрывал слой земли, на котором росла пожухлая трава. Я спрыгнул вниз с достаточно большой высоты, отстегнул пояс с палашом, бросив его на землю, вытащил кинжал, оглядывая бесчисленные трибуны. Иронично отсалютовав клинком тысячам невидимых зрителей, оставшимся в прошлых веках, я принялся за работу.

Время поджимало, я спешил, старался не ошибаться, то и дело поднимал взгляд от создаваемых *фигур*, но трибуны оставались пусты. Вся подготовка заняла чуть больше получаса, и, кажется, я со времён своих выпускных экзаменов не рисовал столь сложных комбинаций, связывая их между собой своей жизненной силой. Чертёж системы можно было назвать идеальным, он способен изжарить почти пять десятков душ, прежде чем исчезнуть.

Работая, я взмок, словно таскал мешки. Сбросил куртку, закатал рукава. На дальней трибуне появился Шуко, махнул мне рукой, показывая, что всё в порядке, и вновь исчез. Не скажу, что я оставался хладнокровным. Давно мне не встречалось таких противников, так что я несколько нервничал, думая об исходе схватки, хотя и доверял цыгану. В этой охоте я всего лишь приманка, и Шуко придётся самому захлопнуть ловушку. А до этого момента мне предстоит постараться не умереть.

Я ещё раз проверил *фигуры*, застывшие вокруг меня знаки, ожидающие своего часа, и сел на землю, убрав кинжал в ножны. Звёздчатый сапфир на рукояти покрылся инеем и был чертовски холодным.

В который раз я подумал — какое счастье, что поблизости нет Проповедника. Эта неприкаянная душа с удовольствием называет меня дураком, ослом и недалёким идиотом, а также осыпает цитатами из священных книг. Например, про псов, возвращающихся к падали, словно глупец, повторяющий глупость свою [34]. Обязательно сказал бы, что, к примеру, Пауль бы точно не отдал свою жизнь на милость Шуко, опасаясь его вспыльчивости и излишних эмоций.

Я закрыл глаза, вспоминая Розалинду и её учителя. Глухая тоска

подтачивала меня изнутри. Нас, стражей, слишком мало осталось, и каждый год становится всё меньше и меньше. Мы гибнем в городах, деревнях, на заброшенных кладбищах и в дремучих лесах, пытаясь защитить людей от злых душ. И каждая наша потеря хорошо видна во время ежегодных сборов в Арденау, когда кресло товарища или знакомого остаётся пустым. Мы привыкли забывать об эмоциях и не оплакивать наших мертвецов, потому что каждый из нас в любой миг своей жизни знает, что может не вернуться после встречи с одной из тёмных сущностей. Мы стараемся стать чёрствыми, в первую очередь для самих себя, чтобы выжить тогда, когда эмоции могут погубить.

Нас так воспитывали, иногда выбивая жалость, горе и сострадание палками, как бесполезные чувства, способные убить стража ничуть не хуже, чем нерасторопность при встрече с окуллом.

Это правильно. Но порой мне кажется, что мы перестаём быть людьми и становимся бездушным оружием с холодным разумом, у которого совсем нет сердца. Иногда это обстоятельство меня чертовски пугает.

Время тянулось бесконечно. Солнце появилось вначале в самой нижней арке арены, затем — в средней, наконец, в верхней и, преодолев портик, неспешно поползло по небу. Я расслабился и, закрыв глаза, ждал.

Волноваться не имело смысла. Я знал, что она придёт, потому что деваться ей было некуда. «Связывающие кандалы» сковали нас навеки, и разбить их можно было лишь со смертью одного из связанных. Эта *фигура* тянула из тёмной души силу, жгла её, и та жаждала избавиться от свалившейся на неё напасти. Как только тварь оправится — она придёт и постарается прикончить стража, причинившего ей страдание.

И она пришла. Я почувствовал её присутствие, открыл глаза, положил руку на кинжал. Душа предчувствовала ловушку, поэтому сохраняла осторожность, ходила кругами, и я чувствовал, как её злоба и ненависть то приближаются, обжигая иглу в моём сердце, то отдаляются. Наконец, она решилась — выползла из мрака на свет, на арену, и мою спину пронзил её злобный взгляд.

Благодаря «Кандалам», я видел всё глазами жемчужной твари, убившей моих товарищей. Видел, как шаг за шагом сокращается расстояние между нами, и старался дышать глубоко и ровно, не обращая внимания на пот, скатывающийся по моей спине и промочивший рубаху.

Рано. Слишком рано.

Ещё чуть-чуть.

Ближе. Чтобы у тёмной не было даже малейшего шанса сбежать. Мои пальцы крепко, до боли, сжали рукоять кинжала, и в тот момент, когда она

прыгнула на меня, я со всего маху воткнул клинок в землю.

Впитавшиеся в песок *фигуры* взорвались, обжигая саму основу тёмной части души, я откатился, хлестанул золотым шнуром, оттягивая воздух так, что он ударом отправил моего противника на следующую ловушку.

Беззвучный гром заставил арену содрогнуться. Часть арки на южной стене с грохотом рухнула вниз, расколовшись на множество каменных осколков. Душа бросилась прочь, к выходу, но нарисованный мной гигантский контур сдерживающего круга не дал ей возможности пробиться. Она ударилась в стену раз, другой, а затем развернулась, клацнула зубами и кинулась в мою сторону.

Я выкрикнул формулу ослабления, прыгнул назад, на спасительный островок, взвивая вокруг себя всё то светлое, что было во мне. Меня окутало мягкими пушистыми крыльями, и тварь, врезавшись в эту преграду, покатилась по земле, задевая *фигуру* за *фигурой*, каждая из которых причиняла ей всё больший и больший ущерб.

Вся точно рассчитанная мной схема сработала, словно бесценный фейерверк, который запускают на Пасху в княжестве Сарон. Я щурился, следя за тем, как сущность мерзкого создания начинает подрагивать и тускнеть. Но, как и любой фейерверк, ловушки закончились неоправданно быстро, и из всех козырей в моём рукаве остались лишь кинжал и опыт, а душа всё ещё продолжала держаться на ногах, и в её глазах было обещание мне всей боли мира.

Я начал отступать к выходу, держа кинжал в вытянутой руке, защищаясь от противника. Мне предстояло заманить её туда, где *фигуры* и *знаки* Шуко завершат начатое.

Тёмная метнулась влево, затем вправо, попыталась подцепить меня рукой за ногу, дотянуться, коснуться, но я был настороже, и кинжалу не хватало лишь малости, чтобы пронзить её. Она вилась волчком, быстрым и опасным, я стал выдыхаться, но смог допятиться до условленного места.

А затем в дело вступил цыган. В воздухе, словно распахнутые книги, закружились *знаки*. С каждой секундой они разгорались, набирая всё большую высоту за спиной души, а затем, достигнув наивысшей точки, рухнули вниз. Первая пятёрка упала недалеко от тёмной, с грохотом подняв землю и проламывая каменный пол сцены. Душа развернулась к новой угрозе, и оставшиеся *знаки* попали ей в грудь и голову, смяв, протащив и раскатав в лепёшку.

Я, несмотря на жар, вытащил из воздуха золотой шнур, оплёл ноги корчащегося в пламени изгнания жемчужного уродца, не давая тому уйти.

— Давай! — заорал я Шуко.

Шнур резко дёрнулся у меня в руках, сдирая с ладоней кожу, из глаз брызнули слёзы, и я пропустил момент атаки. Не знаю, что там придумал цыган, но это было впечатляюще. Золотой трос просто-напросто растаял у меня в руках, мои зубы клацнули, волосы встали дыбом, а пол под ногами вздулся пузырём, и во все стороны шибанули разноцветные лучи, защитившие от души, которая, несмотря на все раны, желала добить меня.

Это была самая живучая тварь на моей памяти. Мы потратили на неё весь свой дар, можно сказать, уронили на неё гору, но она продолжала сопротивляться и не желала покидать наш мир.

Шуко неожиданно оказался рядом, помог мне подняться:

— Давай прижмём её к стенке.

В его словах слышалась холодная ненависть.

Мы двинулись на душу, и она стала пятиться, угрожающе шипя. На её морде появился испуг, так как кинжал и бритва не оставляли ей никаких шансов. Я собрал остатки своего дара, плеснул ей в морду невидимым пламенем. Душа в отчаянье кинулась в сторону, ударилась в преграду круга, и тот, не выдержав этого напора, растаял.

— Чёрт! — заорал Шуко и бросился следом за беглянкой.

Я не отставал до тех пор, пока мы не покинули арену. Лишь на пустырях, потеряв последние силы, упал и не смог подняться.

— Не упусти её! — крикнул я вслед убегающему цыгану.

Меня вырвало, скрутило дугой, и я пожалел, что во время драки обронил флягу с молоком. Сейчас бы она мне очень пригодилась.

Я не помню, как оказался на ногах, как побежал следом за ними к жилым кварталам Солезино. В голове билась одна мысль — не дать ей уйти, набраться сил, выжить. Понимал, что второго шанса прикончить её у нас не будет.

Я догнал их возле рынка, где цыган кружил вместе с душой в танце смерти. Вокруг были разбросаны человеческие тела — тёмная явно пыталась сожрать их, чтобы хоть как-то набраться силы, но ей не дали этого сделать.

Дрожащим пальцем я стал создавать *знак*. Из носа потекла кровь, заливая мне губы и подбородок. Пришлось встать на колени, иначе земля собиралась выскочить у меня из-под ног. Я швырнул получившееся неказистое творение прямо в спину Шуко. Он сверкнул, словно ангел, принёсший весть для Девы Марии, душа от неожиданности зажмурилась, и чёрное лезвие бритвы раз и навсегда избавило Солезино от этой напасти.

Я запрокинул голову и смотрел на утреннее осеннее небо, не чувствуя ничего, кроме вселенской усталости.

Колокола в Солезино гремели в каждой церкви, и в их громоподобном гуле на этот раз слышалась не обречённость, а надежда. Я остановил коня, дожидаясь Шуко. Он подъехал, без всякого выражения посмотрел на меня, затем на воду в Месоле, после на поле, где закапывали не похороненных, и начал набивать трубку. Раскурил, затянулся, произнёс:

— Сплошное ликование. Ходят и прославляют Господа. Как обычно. — Он нехорошо усмехнулся. — Порой мне становится приятно быть орудием в руках Его. Потому что если нас не присылает Господь, то кто же ещё? Ты знаешь, что в городе появилась святая реликвия? То ли палец, то ли фаланга какого-то святого. Многие даже поговаривают, что самого Христа.

— Да, я слышал, что благодаря ей исцелились многие заболевшие, — ровным тоном ответил я, и от воспоминания, что не успел к Рози, сжалось сердце.

— Исцелились… — задумчиво протянул цыган. — Ну, значит, так было суждено.

Я тронул коня, и Шуко направил своего следом.

— Куда ты теперь? — спросил я у него, наблюдая, как из-за леса появляется цветущая, молодая луна.

— Точно не в Арденау. Мне надо многое обдумать. — Он привстал в стременах, посмотрел назад, на вечерний город. — Уже три недели не было ни одного заболевшего. Мы чертовски хорошо поработали, Синеглазый.

И я был склонен с ним полностью согласиться.

История четвёртая
Белая колдунья

Проповедник притворялся спящим. Актёр из него всегда был никакой, обмануть ему меня никогда не удавалось. Он всем своим видом показывал, что обижен и чертовски устал, хотя не представляю, как может устать душа, которой не нужна ни еда, ни сон?!

Всё началось с того, что его утомила поездка в регулярном дилижансе. Он беспрерывно ёрзал на сиденье, стонал, словно фамильный замковый призрак, ворчал, тяжело вздыхал, поглядывал в маленькое окошко и через каждые полчаса спрашивал, когда же мы приедем? Ему не нравились неровная дорога, медленная скорость из-за дождя, болтанка и скрип жёстких рессор. Я ему в кои-то веки тоже не нравился. Хотя бы тем, что решил отправиться в дорогу на исходе октября, на неделю раньше планируемого срока, оставив уютное логово в дешёвом трактире, в котором снял маленькую комнату несколько недель назад. Проповеднику она чем-то приглянулась, он целыми днями валялся поперёк кровати, донимая меня историями из своей жизни и наблюдениями за миром. Так что, когда я решил проверить регион на предмет тёмных душ, старый пеликан возмутился и завопил, словно я вытаскиваю у него рыбу из клюва.

В итоге, когда он меня окончательно достал (дорога и так была тошнотворной), я попросил его заткнуться или сойти и отправляться пешком. Он замолчал. И сделал вид, что спит, прекрасно понимая, что никого этим не проведёт.

Души никогда не спят.

А вот я, в конце концов, задремал. Кроме меня и Проповедника, в дилижансе никого не было, а путешествие по расползшимся из-за осенней непогоды дорогам оказалось чертовски утомительным и долгим.

Я проснулся, только когда почувствовал, что мы остановились. Кучер стучал по крыше, привлекая моё внимание. Я высунулся и спросил:

— В чём дело?

— Ваша остановка, господин. Приехали, — ответил мужчина, кутавшийся в тёплый кафтан.

Пугало, сидевшее с ним рядом, важно кивнуло.

— Не вижу, чтобы мы были в Рюдинге.

— Идите вон по той дороге. Доберётесь минут за сорок. — Кучер

указал кнутовищем куда-то в серые, грязные поля и, видя, что я собираюсь возражать, развёл руками: — Не проеду. Застрянем и будем торчать до утра. Я и так выбился из графика.

Я ругнулся. Проповедник за моей спиной злорадно хихикнул. Очень захотелось отвесить ему хорошего тумака, но я лишь мотнул головой. Пугало неохотно спрыгнуло прямиком в грязь, как оказалось, оно ужасно любило кататься и непременно рядом с кучером. Ещё одно из интересных проявлений характера, которых с каждым месяцем нашего знакомства становилось всё больше и больше.

Я поднял воротник моей длинной куртки и надвинул широкополую шляпу с пером на самые глаза, чем явно польстил Пугалу, которое носило свою, соломенную, на тот же манер. Впрочем, хорошее настроение одушевлённого улетучивалось по мере того, как мы продвигались вперёд по сельской дороге, всё дальше и дальше отходя от центрального тракта. Оно ненавидело сельские просторы, слишком напоминающие ему одно безымянное ржаное поле в окрестностях Виона. Думаю, потому, что наторчалось там на целую жизнь вперёд.

— За каким дьяволом, прости господи, тебе потребовалось переться в эту жалкую деревушку? Неужели ты не напутешествовался?

— Тебе разве неизвестно такое слово — работа? Моя работа предполагает длительные поездки, в том числе приходится заглядывать и в такие дыры, как Рюдинг.

— Мало тебе было Солезино? Ты вернулся из него перекошенный, словно на тебе бесы плясали. Мог бы и отдохнуть немного.

— Я уже наотдыхался! — огрызнулся я.

Память о Солезино для меня была тем же самым, что для Пугала — напоминание о его поле. Я очень надеялся, что больше никогда не вернусь в город, который для меня теперь всегда будет смердеть смертью, ужасом и болью. Сны, что остались со мной после случившегося, были кошмарны. Почти каждую ночь я оказывался в кромешном мраке, с тусклым масляным фонарём в руках, то и дело выхватывающим из темноты лишь мертвецов с лицами Рози и Пауля, а где-то там, за пределами света, пряталась усмехающаяся перламутровая тварь. И, как назло, у меня при себе не было моего кинжала, а лишь бесполезный против души ржавый серп Пугала.

— Не хочешь рассказать о том, что там случилось? — смягчил тон Проповедник.

— Нет.

— Так я и думал, — поджал он губы и отстал.

Мы шли с Пугалом бок о бок, и каждый думал о своём. Оно — о

тёплой крови и агонии, а я о тёплой комнате и обеде. И у меня и у него мысли в эти минуты оказались достаточно примитивны и отнюдь не высокодуховны.

Было по-осеннему промозгло и холодно. Дождя, слава богу, не ожидалось, но ветер над полями носился леденющий и сырой, так что я порадовался, что надел под куртку тёплый вязаный свитер. Листопад давно закончился, земля под деревьями пожелтела, и лишь на некоторых ветках торчали жалкие листочки, которые вот-вот собирались улететь куда глаза глядят.

Я старался двигаться по обочинам, они, по крайней мере, не расползлись, точно останки беса, хорошенько облитого святой водой. Сама же дорога представляла из себя маленький грязевой ужас вперемешку с лужами-озёрами, по которым вполне могли плавать небольшие парусные флотилии.

Рюдинг отнюдь не деревня, а мелкий городишко, находящийся на графских землях и имеющий от господина кое-какие налоговые привилегии за какие-то прошлые заслуги перед гербом. Он сгрудился вокруг холма, вершину которого венчал маленький охотничий замок с игрушечными стенами и двумя воздушными башенками недавней постройки — с правой ещё даже не успели разобрать леса.

От замка вниз узким извилистым серпантином спускались улочки. Дома — преимущественно каменные, с коричневой черепицей и ажурными флюгерами. Чуть дальше, возле большого незастроенного пространства (то ли площадь, то ли кладбище, отсюда не разглядишь), торчала церковь. Старый замшелый камень, седой и неотёсанный, добыли ещё во времена первых Крестовых походов на хагжитов, а затем превратили в угрюмое строение, больше похожее на крепость, чем на божий дом.

— Хотел бы я знать — есть ли здесь приличный трактир? — поинтересовался Проповедник, как будто для него это имело какое-то значение.

— На приличный трактир у меня не хватит денег, — ответил я.

— Ну и как тебе ощущать себя нищим? И какого, прости господи, дьявола, ты отдал почти все сбережения Шуко?

— Ему предстоит долгое путешествие в землях, где никто не слышал о «Фабьене Клеменсе и сыновьях».

— Как будто здесь о них слышали! Уверен, никто тебе не даст взаймы.

— Мне вполне хватит, чтобы себя прокормить. Если здесь есть работа, то будут деньги. А нет — послезавтра я планирую оказаться в Оттерупе. Там полно банков.

Почти при въезде в городок раскинулось небольшое поле с тёмно-оранжевыми тыквами. Вот уж не знаю, почему их до сих пор не собрали, по мне — так давно пора, но оранжевые пятна на тёмно-коричневой земле смотрелись весело. Пожалуй, тыквы были самой яркой краской в окружающем пейзаже.

— Глянь на Пугало, Людвиг. — Проповедник обратил моё внимание на нашего спутника.

Пугало стояло возле ограды и таращилось на своего соломенного двойника.

— Видать, встретил друга, — хмыкнул старый пеликан.

— Порой твои шутки совершенно не к месту, — сказал я.

Он не согласился с моим утверждением, привычно вытер кровь со щеки и выдал ещё один комментарий:

— Небрежная работа. Я такого страшилу в жизни не испугаюсь. Жалкое зрелище. К тому же он ещё и промок, в отличие от нашего. Эй! Эй! Ты что удумало?

Пугало, не обращая на него внимания, перебралось через ограду, оказалось рядом с коллегой. Обошло по кругу, внимательно разглядывая, а затем, постояв несколько мгновений, выхватило серп.

Два быстрых взмаха, и несчастное страшило развалилось на куски вместе с шестом, на котором торчало. На моё счастье поблизости никого не было, иначе бы пошли разговоры о чертовщине, да ещё и меня к этому приплели.

— Чего это оно? — озадаченно спросил Проповедник.

— Видно, тоже не понравился его внешний вид, — совершенно серьёзно произнёс я.

Пугало между тем подошло к ближайшей тыкве и подняло её с грядки.

— А это, как я полагаю, военный трофей, захваченный на территории врага, — прокомментировал я его действия.

— Мародёр! — возмутился Проповедник.

— Если хочешь тащить её с собой, то будь добр идти в одиночку, — сдерживая смех, сказал я Пугалу. — Не желаю, чтобы за мной по воздуху плыла тыква. Меня точно отправят на костёр за колдовство и за то, что я собираюсь украсть городской урожай. Найдёшь меня после.

Оно не возражало.

Трактир, на вид не грозивший мгновенно опустошить мой худой кошелёк, я нашёл спустя десять минут и с радостью ввалился в тёплый пустой зал. Хозяин очень удивился моему появлению, но мы быстро сторговались о комнате и ужине. Я сумел сбить цену, поселившись на

первом этаже, и за едой расспросил его о том, есть ли в городе какие-нибудь неприятности.

— Кроме отсутствия клиентов? Никаких, — ответил мне хозяин.

Я решил не верить на слово и успел до темноты обойти улочки. Не встретив ни одной души, ни хорошей, ни плохой, вернулся обратно в комнату. Пугало уже сидело за столом и под внимательным взглядом Проповедника вырезало в тыкве рожу. Работало оно неспешно, всё тем же серпом, и личико у овоща получалось не в меру злобным, зубастым и отталкивающим.

— Приехали, — сказал я, повалившись на постель. — Когда владелец трактира её завтра обнаружит, он сочтёт меня сумасшедшим. Ты решило отпраздновать скорый конец октября?

Оно отрицательно покачало головой, разумеется, ничего мне не объясняя. Я не стал гасить свечу и заснул со светом, слушая, как работает Пугало да ворчит на него Проповедник.

Наутро тыква была готова, и на меня свирепо скалилась зубастой пастью круглая оранжевая харя с прищуренными хищными глазёнками. От неё явственно веяло жутью, и я, приподнявшись на локте, долго разглядывал произведение пугальского искусства.

— Ну и как тебе? — язвительно поинтересовался Проповедник моим мнением. — По мне, так будь я жив и увидь такое ночью, испугался бы до полусмерти.

Пугало, наслаждавшееся результатом, посмотрело на меня, ожидая вердикта. Я сказал, что думал:

— У нашего приятеля настоящий талант скульптора, точнее резчика серпом по овощам. Работа мастерская. Ничуть не хуже, чем у папских мастеров, делающих усыпальницы для понтификов.

Оно приняло похвалу и поклонилось.

Неспешно одевшись, я отправился в общий зал — следовало позавтракать, а затем поговорить с бургомистром и получить от него бумагу для Братства, подтверждающую, что я был в его городке, иначе потом не дождёшься взносов от городской управы. Поди докажи без гербовой печати, что мы соблюли договор и проверили эту дыру на отсутствие тёмных душ.

За пустым столом сидела девушка в ослепительно-белой одежде. Белый берет с алым фазаньим пером лежал рядом с высоким бокалом вина. Она сбросила куртку с меховой подкладкой на лавку, оставшись в рубашке с высоким воротником и кружевными рукавами. Алая рубиновая брошь на

горле сверкала живым огнём, лишь стоило тусклому осеннему свету попасть на камень.

Она улыбнулась мне:

— Привет, Синеглазый.

— Здравствуй, Гера. — Я сел напротив, не скрывая того, что рад её видеть. — Что-то подсказывает мне, наша встреча неслучайна.

Ещё одна улыбка.

— Можешь удивляться, но, узнав, что ты в Солезино, я начала о тебе беспокоиться. Так что когда ты сошёл в гавани Пулу, мои славные шпионы тут же сообщили об этом. Но мне пришлось разбираться с делами в Фирвальдене, так что я не успела прибыть достаточно быстро, потеряла твой след и нашла его только после Зугбурга.

— Поспешила за дилижансом? — догадался я.

— Ага. — Она взяла бокал с вином, задумчиво посмотрела на меня сквозь стекло. — Но ты сошёл в этом богом забытом месте. Так что я потеряла лишний день, разыскивая тебя. И нашла как раз вовремя.

— Что-то серьёзное? — нахмурился я.

— О нет! — беспечным тоном сказала она, но ей не удалось меня обмануть. Я слишком хорошо знал её.

— Выкладывай, — попросил я. — Что стряслось?

— Говорю же — ничего. Просто волновалась о тебе. Я слышала о Рози и Пауле. Очень жаль, что они погибли.

Я кивнул, думая о том, как быстро среди стражей распространяются новости.

— Я уже сходила к бургомистру и взяла для тебя бумагу. — Гертруда сменила неприятную тему. — Так что в Рюдинге тебе больше делать нечего. Составишь мне компанию до Оттерупа?

— С радостью. — Я решил отложить вопросы до той поры, как она будет готова на них ответить. — Но я пришёл сюда пешком.

— Именно поэтому я позаботилась купить тебе лошадь. Где твоя компания?

— В комнате. Проповедник будет рад тебя видеть.

— Ценю твою иронию. — Она набросила на плечи куртку. — А тот одушевлённый всё ещё шастает с тобой?

— Угу.

Она вздохнула, но удержалась от упрёков и предостережений. Знала, что это не подействует.

Много позже, уже в Оттерупе, когда стемнело и колокол большого монастыря известил о начале ночной службы, а я водил рукой по её

обнажённой спине, Гертруда сказала:

— Мы не виделись с лета, Синеглазый. Ты здорово разобрался тогда с делами в Вионе, и я слышала, что епископ Урбан среди твоих должников. Это хорошая перспектива на будущее, если тебе потребуется сильный покровитель.

— А он мне потребуется? — Моя рука на секунду остановилась.

Гера сладко потянулась, посмотрела на меня из-под белых мокрых локонов, упавших на её лицо:

— Никогда не знаешь, что может понадобиться стражу, Людвиг. Наша жизнь полна событий, и большинство из них — неприятны. Каждый из нас наживает врагов, некоторые — могущественны и злопамятны, поэтому желательно, чтобы и друзья были не слабее. Епископ — это твоя защита, если случится что-то плохое.

— Он всего лишь епископ. Его могущество не распространяется дальше Фирвальдена.

— Это лучше, чем ничего.

Я помедлил, посмотрел в кромешный мрак за окном, прежде чем задать колдунье свой следующий вопрос:

— У меня появились неприятности, о которых я не знаю?

Гера мягко села, потянулась за моей рубашкой, лежащей на стуле, закуталась в неё, словно в халат, и начала заплетать волосы в короткую косу.

— У тебя куча неприятностей и… куча врагов, которых ты приобретаешь с ошеломительной скоростью. Во-первых, конечно же Орден Праведности. Мне думается, что им давно никто так не давал по зубам. Их миссия свернула все дела в Фирвальдене, вызвав недовольство клириков, а следовательно, и властей. В некоторых других странах к ним проявляют излишнее внимание, не давая спокойно и шагу ступить. Позиции Ордена на политической арене крепко пошатнулись, из их рук стали уходить деньги, и они начали терять расположение друзей. Лавендуззский торговый союз перестал ссужать им гроши, флорины и дукаты.

— Но ведь их не поймали на горячем. Официально «Ведьмин яр» был создан неизвестными еретиками.

— О да. — Она небрежно улыбнулась. — Нескольких даже поймали и сожгли на потеху толпе, чтобы никто не думал, будто Церковь оставит эту историю без ответа. Но следы ведут в Орден, несмотря на представленные им доказательства того, что господин Александр действовал по собственной инициативе. Теперь законникам придётся долго замаливать этот грешок.

— Их, разумеется, простят.

— Вне всякого сомнения. — Она рассеянно взяла с прикроватной тумбочки свой кинжал, гораздо более узкий, чем мой, со сложной, вычурной гардой и тёмным сапфиром. — Князья Церкви тоже люди, им, как и нам, нужны деньги, просто — в гораздо больших объёмах. Так что со временем обо всех конфликтах забудется, и всё будет как прежде. Но пока Орден слишком многое теряет. Ты нарушил их планы по укреплению в Фирвальдене, чтобы распространять влияние дальше, на восток. Вместо этого законники с треском вылетели из страны и потеряли одного из своих.

— Могу представить, как они злы, — усмехнулся я.

— Не можешь, — холодным тоном сказала она. — Злость магистров по сравнению с их злостью — досадная мелочь, неспособная даже испортить тебе настроение.

— Испортила. Они забросили меня в Солезино.

— Теперь ты понимаешь, насколько сильнее злится Орден Праведности? Они не спустят с тебя глаз. Малейшая ошибка, Людвиг, и ты пропал.

В её голосе слышалось волнение, и я сказал как можно мягче:

— Я постараюсь не допускать ошибок, Гера.

— Мне кажется, этого мало, — печально ответила она. — Они вполне могут спровоцировать или подставить тебя. Только не бесись, но я считаю, что лучше для тебя будет остаться на какое-то время в Арденау.

Она прекрасно знает, насколько сильно я ненавижу родной город и как недолго предпочитаю в нём находиться. Едва только у меня появилась такая возможность — я сбежал оттуда и появлялся не чаще двух раз в год, когда следовало посетить штаб-квартиру Братства. Самое неуютное и в то же время самое безопасное место.

— Твоё предложение не лишено смысла. — Я не стал отрицать очевидного. — Но прятаться бесполезно — эта история может затянуться на долгие годы. Я буду осторожен. Обещаю. Лучше расскажи мне, каких ещё Львов и Левиафанов [35] мне следует опасаться?

— Маркграф Валентин Красивый, — сказала она, глядя мне в глаза.

— По-ни-маю, — протянул я. — У меня появились серьёзные причины не появляться в землях этого господина.

— Очень разумно, Синеглазый, маркграф неприятный тип.

— Я в курсе историй о его… подвигах. Говорят, он очень злопамятный, а также, что в него вселился бес, поэтому милорд так жесток.

— Насчёт беса — врут, инквизиция его проверяла, а вот по жестокости он даст фору любому бесу. Слышал историю о том, как он поступил со

своими младшими братьями?

— Угу. Один до сих пор гниёт в замковой башне. И говорят, он убил свою мать. Есть ещё какие-то угрозы?

— Возможно, но я о них не слышала.

— А что магистры?

— Всё как всегда, Людвиг. Небольшие трения в совете, небольшое недовольство друг другом, мелкая грызня, делёж новых учеников, интриги. Ничего не изменилось с тех пор, как мы окончили школу. Что касается тебя, то твои друзья замолвили за тебя словечко.

— Глупая ситуация — не находишь? Они знали, как я поступлю, специально выбрали меня для этого, а затем ещё и решили поиграть в обиженных. Карл мог убить Хартвига и в Тринсе.

— Карл не убийца, Людвиг, — вкрадчиво сказала Гера. — Кроме тебя и него, в том регионе никого не было, а магистрам пришлось решать быстро, иначе бы человека перехватил или Орден, или кто-то ещё. Его срочно требовалось вывезти и только потом голосовать, как поступить. Все опасались, что он ещё кому-то рассказал о своих умениях.

— Они всё решили заранее, и Карл…

— Карл был точно такой же пешкой в их игре, как и ты. О настоящих планах он узнал уже после встречи с тобой.

Она права. Карл не вонзал свой кинжал в Хартвига. Это сделали другие люди.

— Скажи мне, почему ты принял так близко к сердцу смерть этого человека? — осторожно поинтересовалась Гертруда. — Ведь вы были знакомы всего несколько дней.

— Сам не знаю почему, но я чувствую свою вину, что не смог его спасти.

— Ты и так сделал для него очень много.

— Недостаточно для того, чтобы он выжил, — горько сказал я. — У меня была возможность изменить мир. К добру или худу — не знаю. Этот парень был ключом к новой жизни, а я оставил его, хотя следовало проводить до корабля. Глупо и самонадеянно было считать, что я всех перехитрил и он в безопасности.

— Ты собираешься мстить?

— Мстить? — удивился я. — Кому? Целому Братству? Это бессмысленно. Месть вообще в большинстве своём лишена смысла, если только ты не можешь найти более веских причин для того, чтобы умереть. Нет. Я не буду мстить, Гера, можешь не волноваться. Я пока не настолько безумен. Но мне было бы интересно узнать имена убийц.

— Зачем? — резко спросила она. — Что это даст тебе?!

— Иногда мы работаем в парах, так вот я бы не хотел, чтобы кто-то из них был моим напарником. Не уверен, что смогу доверять ему. Ты знаешь их имена?

— Знаю, — после некоторого колебания ответила мне девушка. — Но ты же понимаешь, что не могу сказать. Это не моя тайна.

— Понимаю и не собираюсь настаивать, — развеял я её опасения и вернулся к прежней теме: — Значит, вопрос с магистрами решён?

— Да, — уверенно ответила она. — Никто из наших не будет вставлять тебе палки в колёса. Разумеется, если, оказавшись в Арденау, ты не выкинешь какой-нибудь фокус и не испортишь всё, что я сделала для тебя.

— Ты со мной, как с мальчишкой, — улыбнулся я. — …Спасибо.

— Не благодари. — В её голубых глазах заплясали лукавые чёртики. — Я ведь ведьма, а любая ведьма совершает добрые дела, только если ей требуется ответная услуга.

Я расхохотался:

— Ну, вот мы и подошли к самому важному! Выкладывай. Кстати говоря, ведьмы — страшные и злые бабки. Ты не такая. Предпочитаю называть тебя колдуньей.

— Как чёрта ни назови, святым он не станет, — весело усмехнулась она. — Помнишь, какая завтра ночь?

— Ещё бы. Последняя в октябре. Псы Господни будут рыскать по дорогам и устраивать облавы на окрестных холмах, в надежде, что накроют шабаш.

— Я лечу на один такой, и мне нужен спутник. Надеялась, ты составишь мне компанию.

Я тихо присвистнул, откинулся на подушку, изучая на потолке каждую трещинку.

— Как-то не ожидал, что мне доведётся кататься на метле, — осторожно сказал я.

— Не говори глупостей! — возмутилась Гера. — Я что, крестьянка, чтобы седлать скамьи да скалки?! Никаких мётел! Отправимся, как приличные люди.

— А скажи, пожалуйста, ты думала о риске появления среди ведьм, нечисти и иных существ? Тебя не порвут на клочки за… некоторое отступничество от стандартных догм?

Я увидел, как глаза Гертруды расширились, и она подалась вперёд:

— Это что-то новенькое, Синеглазый! Ты знаешь о «Догмах тьмы»?!

[36]

— Слышал краем уха, — ответил я. — Так что насчёт риска? Ты колдунья, но под крылом Церкви, а истинные подобного не любят.

— Не все истинные опасны, и не все ненавидят таких, как я. На шабаше всё зависит от Королевы пляски. Как она решит, так и будет. Но я не собираюсь лететь на какую-нибудь окрестную гору, к тому же туда меня не приглашали. Речь идёт о замке Кобнэк, где состоится осенний бал для искушённых в великом искусстве и чародействе. Тех, кто остался по эту сторону черты, не истинных.

Понятно, о ком она говорит. Среди обладающих колдовским даром есть множество людей на службе Церкви, братств, торговых союзов, наёмных отрядов, князьков, герцогов, городов и королей. Они поменяли свою свободу и риск взойти на костёр на более-менее спокойную жизнь, достаток и служение сильным мира сего.

— О нет! — простонал я. — Шабаш и оргия на Вересковой горе — куда не шло, но бал в замке!.. Ты же помнишь! Я чуть с тоски не умер на вашем балу в честь празднования летнего солнцестояния. Даже магистры представляют из себя куда менее унылое зрелище.

Гертруда фыркнула:

— Не путай провинциальный бал в Барбурге, куда приползают наши деревенщины, и празднование в замке Кобнэк, где собирается весь цвет волшебства и чародейства! Это ежегодный сбор, там будут все.

— Кобнэк… я не припомню такого замка в Фирвальдене. Где он расположен?

— В Бьюргоне, в сердце Кайзервальда, — с невинным видом ответила мне Гера.

Я улыбнулся, не желая кроить кислые мины и тем её расстраивать:

— Кайзервальд — проклятый лес, который обходят стороной все разумные люди. И почему я не удивлён, что для праздника колдуны найдут самое неприятное из всех возможных мест? Это лучший выбор для того, чтобы провести ночь, когда веселится вся нечистая сила. Ни за что бы не пропустил такое событие.

— Ты серьёзно? — Её светлые брови поползли вверх.

— Конечно, — солгал я, не моргнув и глазом.

— Кого ты хочешь надуть, Синеглазый?! Ведьму? — возмутилась она.

Я обезоруживающе улыбнулся:

— Ты права, Гера. Мне не нравится идея попасть на сборище чародеев, да ещё и в таком месте, но с другой стороны — твоя компания компенсирует любые неудобства. Чёрт возьми, возможно, это будет

забавно!

— Забавно будет нечто иное. Причитания твоего дружка Проповедника.

Проповедник счёл своей прямой обязанностью встать в позу оскорблённой невинности, которая к тому же отличалась излишне язвительными комментариями. Его чуть паралич не разбил, когда он услышал, куда меня смогла заманить Гертруда. Он её и так едва переносит, а скорое событие дало повод его языку быть крайне несдержанным. Душе удалось вывести даже меня, и к концу дня я едва сдерживался, чтобы пинком не отправить её на улицу.

До него дошло, что я не в настроении, поэтому он перебросил свой ораторский пыл на Геру, взывая к её совести. Крайне неудачный способ убедить ведьму чего-то не делать. В итоге он плюнул и затянул гимн инквизиции, многозначительно поглядывая на нас, в особенности когда зазвучал куплет про костёр. Гертруда, достаточно вспыльчивая и несдержанная, в этот вечер являлась образцом настоящего спокойствия и вытерпела Проповедника так, словно он был безмолвным камнем.

— Вы пара дураков! — в конце концов сдался он. — Я понимаю её, Людвиг, она колдунья, но ты-то зачем лезешь в бесовское гнездо?!

— В этом гнезде, милый мой, полно приличных людей. Осмелюсь сказать, что их там даже больше, чем среди тех, что когда-то собирались послушать твои проповеди, — не поднимая головы от книги, ответила Гера.

Он хрипло рассмеялся, открыл было рот, чтобы сказать какую-то мерзость, но увидел мой предостерегающий взгляд и подавился словами.

Пугало участия в беседе не принимало. За всё время нашего знакомства оно так и не произнесло ни слова, и я начал думать, что оно немое со времён внедрения одушевлённого. Страшило сидело на полу, и рядом с ним лежала тыква-рожа с горящей свечкой внутри, что делало вид овоща ещё более жутким и зловещим, чем раньше. Утром Гертруда уделила моему спутнику пристальное внимание, и они почти час играли в гляделки. Я так и не понял, кто из них победил, но, кажется, оба были довольны тем, как провели время.

Я не спрашивал у девушки, что она смогла увидеть внутри одушевлённого, а она воздерживалась от комментариев, лишь по её лбу пробежала тонкая морщинка — свидетель неуверенности и тревоги. Благодаря своим способностям Гера видит в предметах гораздо больше, чем обычные стражи, но с учётом того, что мне так ничего и не было сказано, я решил, что лично для меня никакой опасности нет.

К вечеру, когда до темноты оставалось всего ничего, прямо к постоялому двору подкатила карета, украшенная золотистой резьбой, с лакированными дверцами и чистыми стёклами. Кучер был одет в тёплый меховой плащ, рукавицы и толстый шерстяной камзол с неизвестным мне гербом. Одежда на вознице была дорогой и чистой, чего не скажешь о самом человеке. Крысу он, конечно, не напоминал, но некое сходство с каким-то грызуном у него было — крупные, торчащие из-под верхней губы зубы, острый нос, маленькие глазки. Рожа худющая и злобная, да ещё и прыщавая.

Когда мы вышли во двор, слуга как раз обтирал пучком соломы пару великолепных гнедых жеребцов. Увидев Геру, он подскочил, низко поклонился, приветствуя. Меня он ожёг презрительным и несколько раздражённым взглядом, но поклон решил всё же отвесить, только гораздо менее почтительный.

— Рады вас приветствовать, госпожа. Рады приветствовать, — зачастил он сиплым голосом. — Вы как всегда обворожительны. Пожалуйте сюда. Позвольте…

Он предупредительно распахнул дверцу, опустил раскладные ступеньки и едва не лопнул от злости, когда я подал руку Гертруде, чтобы помочь ей забраться внутрь. Он явно рассчитывал сделать это сам. Кучер скривился, скрипнул зубами, но промолчал, выместив своё зло на Пугале, которое влезло на козлы, усевшись на свободное место и поставив тыкву под ноги.

— Пошло вон! Хочешь кататься — лезь на крышу! Кыш!

Пугало предпочитает решать недоразумения без всякого применения дипломатии. Грубо и радикально. Поэтому оно обнажило серп, решив разобраться с этим вопросом раз и навсегда.

— Ладно! Ладно! — тут же пошёл на попятную возница. — Сиди, если охота. Мне-то что?!

Я усмехнулся, обошёл карету и столкнулся с мрачным Проповедником.

— Поеду с вами, — безапелляционно заявил он мне.

— Если хочешь. Залезай.

— Ну уж нет. У меня от твоей подружки изжога.

— Она не моя подружка, — внёс я суровую ясность, опуская тот факт, что у него не может быть изжоги.

— Ну твоя бывшая подружка, — не сдался он. — Устроюсь сзади, в корзине, где возят багаж. Ваше общество меня порядком утомило.

Кожаные сиденья с мягкими спинками оказались чрезвычайно удобны. Я уселся напротив Геры и сказал:

— Человек видит Пугало, и его это нисколько не смущает.

— Он не человек. Полукровка. В предках были копняки [37], поэтому у него есть возможность видеть невидимое и управлять этими лошадьми.

Мы выехали из города и свернули с тракта на просёлочную дорогу. Разбитую и грязную.

— Кому принадлежит карета?

— Хозяину бала, разумеется. Он рассылает не только приглашения, но и транспорт. Герцог Элиас Войский. Слышал о таком?

— Конечно. Четвёртый брат короля Бьюргона. Не знал, что он балуется колдовством.

— Прилично говорить, что он занимается алхимией, астрологией и математикой. Никакого колдовства, это не пристало потомку такой благородной ветви.

Да. Очень благородная. Захудалые бароны, устроившие сто пятьдесят лет назад восстание, свергнувшие слабовольного короля и создавшие новую династию. Умные, жестокие, идущие к своей цели, но никак не благородные. Они не могли похвастаться своим родством со старыми фамилиями и никогда не являлись даже самыми дальними претендентами на престол.

— Замок в их собственности?

— Я бы не сказала. Кобнэк — странное место. Иногда он принимает их, иногда — нет. У него долгая история, а скала, на которой стоит крепость, ещё помнит кровавые ритуалы прошлых верований и первых людей и нелюдей Бьюргона. На что ты смотришь, Синеглазый?

— На тебя. Прекрасно выглядишь.

На ней было великолепное вечернее платье из ослепительно-белого материала, похожего на шёлк. Удивительно-целомудренное, без всяких вырезов, с высоким воротником и длинными рукавами с лёгким кружевом на манжетах — оно между тем притягивало взор к её фигуре. Конечно же в наряде не обошлось без алого — тонкая нитка бус, серьги и кольцо были украшены рубинами.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Платье сшили кветы.

— Духи-паучата? — удивился я. — Я считал, что они — вымысел.

— Они помогают только ведьмам, и то если хорошенько попросить. Твой камзол, кстати говоря, тоже они делали. Тебе он идёт. Жаль, что ты не взял шпагу.

— Это было бы смешно — я и шпага. Смотрелось бы очень нелепо, особенно оттого, что я не умею её носить. Достаточно кинжала.

Гертруда хотела возразить, но тут раздался протяжный леденящий

душу вопль, от которого в моих жилах почти застыла кровь.

— Не думала, что его глотка способна на такой подвиг, — хладнокровно заметила колдунья.

Проповедник между тем издал новый вопль, ещё более жуткий, чем прежний. Я выглянул в окно:

— А я всё думал, как мы доберёмся до Бьюргона из Фирвальдена. Ну… во всяком случае, это лучше, чем лететь на метле.

Земля медленно удалялась, широкий тракт сузился, превратился в полоску, запетлявшую меж грязных квадратов мокрых полей и серо-жёлтых пятен вечерних рощ. В отдалении промелькнула деревушка — серо-коричневые крыши, плетни, водяная мельница, кладбище. Промелькнула и сгинула за холмами, будто её и не было.

— Я не знала, что он боится высоты, — сказала Гера, прислушиваясь к богохульствам Проповедника, которые тут же подхватывал ветер.

— Боится, — сказал я, распахнул дверцу, схватился залакированную ручку и, опасно высунувшись наружу, крикнул ему:

— Если хочешь, лезь к нам!

— Это твой самый подлый поступок, Людвиг! А всё потому, что ты связался с гадкой ведьмой! Чтоб её черти взяли! — донёсся отчаянный ответ.

— Понятно, — сказал я самому себе, захлопнул дверь и пояснил Гере:

— Он решил путешествовать с ветерком.

— Я слышала. — Её глаза были нехорошо прищурены. — Черти взяли? Я не отправляю его туда, где ему самое место, только потому, что ты меня об этом попросил. Тебе повезло приручить самую бесполезную и отвратительную из всех существующих душ, Синеглазый.

— Он не так уж плох, если к нему привыкнуть, — спокойно отозвался я. — А насчёт чертей… Проповедник несколько испуган, а когда он испуган, то его язык — главный его враг.

Страж хмыкнула, прислушалась к крикам:

— Главное, чтобы он не стал нашим врагом. Его вопли слышны на небесах, мы поднялись к ним достаточно близко. Как бы нас не поразили молнией из-за старого дурака.

В тоне Гертруды не слышалось тревоги, из чего я заключил, что её фразы — риторические. Минут через десять Проповедник выдохся и заткнулся, а может, просто привык к полёту на волшебной карете.

Деревья стали совсем крошечными, земля отдалилась ещё сильнее и укуталась в пелену бледной дымки собирающегося тумана. Мы повернули на северо-запад, что было очень разумно, так как тем самым карета

избегала пролёта над крупными городами, где, в отличие от необжитой местности, обязательно кто-нибудь задерёт голову к небу и увидит чертовщину.

Следующие часы мы летели со всё увеличивающейся скоростью, пейзаж за окном менялся с пугающей быстротой. Реки, озёра, холмы, леса, деревни, городки и дороги исчезали позади, едва успев показаться на глаза. Трижды мы влетали в непроглядный туман — низкие дождевые облака, и тогда по стёклам ползли капли.

— Хотела поговорить с тобой насчёт Солезино, — сказала Гера.

— Я весь внимание, — без всякого энтузиазма отозвался я.

— Тебя могут спросить, что произошло в городе. Постарайся уклониться от прямых ответов.

Я подозрительно посмотрел на неё:

— Кто может знать об этом? Впрочем, о чём это я! Вокруг полно ведьм и колдунов. Другой вопрос — какое им дело до всего этого?

— Я не знаю, это была рекомендация из Братства. Как я поняла, они пытаются скрыть факт существования той души, с которой ты так ловко справился.

Со словом «ловко» страж явно загнула. После той авантюры я четыре дня лежал пластом. Да и Шуко чувствовал себя не лучше.

— Мне кажется, магистры опасаются, что в случившемся могут обвинить Братство. — Гертруда подалась ко мне, перейдя на шёпот. — Мы знаем природу душ лучше, чем все остальные. Орден Праведности несколько раз пытался заикаться о том, что стражи умеют управлять тёмными душами. Если общественность узнает, что эпидемия юстирского пота началась из-за души, Братству не избежать вопросов и подозрений. Можем и не отмыться, даже если обвинения будут звучать нелепо и глупо.

— Соглашусь с тобой. Толпа в такие сказки верит.

Она кивнула, закусила губу и сказала:

— Я должна кое в чём признаться. Не хочу тебя ставить перед фактом, когда всё случится. Я еду на бал не только ради веселья… Хочу украсть одну вещь.

— Ты меня изумляешь, — после недолгого молчания выговорил я. — Что это? Сердце летучей мыши или горсть сушёных лягушачьих глаз?

— Тебе плохо удаётся ирония, Синеглазый. Мне надо стащить душу, и это не моя прихоть, а приказ магистров.

— Могу ли я узнать подробности?

— Она живёт в Кобнэке достаточно долго. Стражи узнали о ней двадцать лет назад, но никто не смог туда попасть. Четырежды пытались

пройти через Кайзервальд, просто разведать, но никто так и не вернулся, погибнув или в лесу, или в замке. Только теперь у Братства появилась возможность проникнуть в Кобнэк. Это первый бал, который проводят здесь, и следующего случая, возможно, придётся ждать ещё двадцать лет.

— И для этого, разумеется, нужен страж с колдовской кровью, других туда не позовут. — Мне не нравилось то, что могло случиться.

— Ты тоже там будешь, пускай и благодаря мне. Высший круг приглашённых имеет такое право — привести с собой спутника или спутницу. Дело всё в том, что никто из стражей не справится с поручением. Здесь потребуется не только наш природный дар, но и умение колдовать.

— Что такого в душе, которая так нужна магистрам?

— Мне не сказали. Но Войские прячут её от всех, перевезя из столицы в замок с помощью колдовства. Она знает тайны, которые могут быть полезны Братству.

— Дай догадаюсь. Бьюргон планирует заключить военный союз с Прогансу против герцогства Удальн. Войским это жизненно необходимо, а Прогансу, где мы вне закона, настаивает, чтобы Бьюргон перестал нас признавать. Арденау рискует оказаться в изоляции, а это для нас очень невыгодно. Магистры желают помешать образованию союза?

Гера просто кивнула.

— Я бы поступил точно так же, но шантаж королевской династии (если есть, чем шантажировать, разумеется) может выйти боком.

— Зависит от того, какую информацию смогут вытянуть у души. Короли рано или поздно уходят, Людвиг, — жёстко сказала она. — Династии имеют неприятную особенность — вымирать. А стражи, люди с даром, будут появляться всегда. Если сейчас проявить слабость, дать правителям объединиться ради войн и захвата земель, другие могут последовать их примеру. Никто не хочет платить нам за нашу работу. Уже сейчас многие считают, что мы бесполезны, потому что мало кто способен увидеть результат. Когда нам не дадут работать, душ, застрявших здесь, разведётся, как саранчи во время Господней кары. А Церковь не справится с таким потоком, потому что их дело гонять бесов и ведьм, а не невидимых сущностей. Мир изменится, погрязнет в ужасе и боли разъярённых тёмных, и даже мы тогда не справимся.

Я понимал, о чём она говорит. Мы, стражи, поддерживаем хоть какое-то равновесие, умудряясь отправлять тёмных тварей в небытие, но нас слишком мало, и если их станет больше — наших кинжалов на всех не хватит.

— Что требуется от меня?

— Прикрыть мне спину, когда начнётся заварушка. А до того момента веселиться и держать ушки на макушке. Спасибо, что ты со мной поехал.

Я лишь улыбнулся.

Хотя небо и оставалось светлым, на нём уже было полно звёзд, а вот внизу достаточно стемнело, чтобы вся земля превратилась в непроглядную чёрную кляксу. Поэтому огромное, пульсирующее пламя костра я увидел издалека.

— Смотри, — привлёк я внимание Геры.

— Начинается шабаш на Сальной горе. А вон там, видишь искорку, праздник на Яблоневом холме. Настало время ведьм.

Это уж точно. Огни вспыхивали далеко внизу, словно путеводные маяки. На берегу широченной реки, приглашая вылезти из воды тинников и топлян; на старом кладбище возле заброшенной деревни; на лесной опушке, окружённой со всех сторон мрачными, искорёженными тьмой деревьями. И, разумеется, они загорались на холмах и горах. Я насчитал больше двадцати пульсирующих точек.

— Никогда не видел такого? — шепнула мне Гера.

Я отрицательно покачал головой:

— Во всяком случае, не с высоты. Удивительно манящее зрелище. Можно сказать, что я заворожён и потрясён.

— Это сродни сказке, Синеглазый. Я тебя прекрасно понимаю, — серьёзно сказала девушка.

Я посмотрел в её пронзительно-голубые глаза, оказавшиеся близко-близко и, не удержавшись, поцеловал колдунью в губы.

— Что на тебя нашло? — с иронией спросила она.

— Маленький аванс за грядущие неприятности.

— Не будет неприятностей, — уверенно ответила Гера. — Не в такую ночь.

Я хотел возразить, что именно в такую ночь неприятности и случаются, но промолчал.

В быстро гаснущем небе между тем отмечалось повышенное движение. На шабаш слетались ведьмы и иные существа. Хлопали крылья, стучали копыта, летали метлы, лавки, хомуты, оглобли, кочерги, горшки, башенные часы, комоды и даже медные ванны. На пустом возу, пронёсшемся мимо нас под опасным углом и тут же ухнувшем вниз, с визгом промчалась пёстрая компания девушек и парней. Какая-то благородная дама (если судить по шляпке с пером), совершенно обнажённая, летела на чёрном козле, разглядывая себя в ручном зеркальце.

Старая ведьма на огромной книге поравнялась с нами, сплюнула и показала неприличный жест. Гера тут же зашептала заговор, избавляясь от проклятия истинной ведьмы, ненавидящей таких предательниц, как она.

Толстый мужик, с брюхом, словно маленькая гора, пытался нас нагнать, чтобы швырнуть в окно клубок из перепутанных дождевых червей, но кучер резко вильнул в сторону и стегнул агрессора кнутом, так, что тот тоненько завизжал. Четыре существа со слюдяными, как у саранчи, крыльями, сделали круг над нами, спев обидную песенку про колдунью-белоручку, не познавшую истинную прелесть настоящего шабаша.

Не все из тех, кто слетался к кострам, относились к нам плохо. Медоволосая девушка с прекрасными стройными ногами, обхватывающими страшную двуручную секиру, послала нам воздушный поцелуй, а сухонький старичок в мантии прославленного Вашского университета, не иначе как профессор, путешествующий с помощью сложного стеклянного прибора, состоящего из колб и реторт, улыбнулся и приложил два пальца к четырёхугольной шапочке-конфедератке, салютуя нашей карете.

Параллельно нам и немного ниже проплыл сбитый из дубовых брёвен плот с огнями по углам. Творившаяся там оргия заставила Проповедника прийти в себя и потрясённо выдать в воздух несколько замысловатых ругательств, на которые дружным хохотом и воем ответила дюжина чёрных красноглазых котов, скачущих на белоснежной собаке-переростке.

— Закрой рот, Синеглазый, — с лёгкой насмешкой сказала Гертруда. — Ты словно только что родился.

Я с трудом оторвал взгляд от переплетающихся тел, среди которых встречались и совсем не человеческие, но все, как одно, женские и привлекательные, и вернул ей насмешку:

— Надеюсь, что в Кобнэке будет нечто подобное.

— Как же. Жди.

— Ты смотри-ка! Епископ! Клянусь всеми святыми! Мимо меня только что пролетел епископ на дымящем кадиле! — раздался вопль Проповедника.

— Эка невидаль! — фыркнула Гертруда и, бросив взгляд в своё окно, заорала: — Влево, забери тебя тьма! Влево!

Карета резко накренилась, словно галера, избегающая таранного удара. Меня вжало в стенку, Гера упала сверху, сделав пасс руками и закричав на гортанном языке. Воздух вспыхнул голубым, грохнуло, грянул надсадный вой. Я успел разглядеть мужчину в старых пластинчатых доспехах, путешествующего на полуразложившемся мертвеце. Рыцарь едва

не ударил по карете булавой, горящей тёмно-зелёным светом, но резкий манёвр и магическая преграда помешали ему осуществить задуманное.

— Сукин сын! Ублюдок! — зарычала Гера. — Ну, ты у меня сейчас получишь, адское отродье!

С её пальцев с сухим треском сорвалась молния, ударив рыцаря в нагрудник. Бьющийся в конвульсиях человек соскользнул с мертвеца и беззвучно рухнул вниз, растворившись в ночи. В следующее мгновение летающий покойник превратился в чёрный дым.

Теперь ругались уже двое: Проповедник и кучер. Они удивительно гармонично дополняли друг друга.

— Кто это был? — спросил я у Гертруды, поправляя камзол.

— Тот, кто очень хотел нас прикончить. И ему это почти удалось, — уклончиво ответила девушка. — У меня были старые счёты с одним уродом из Лонна. Вот и свиделись. Надеюсь, его расплющит о землю, а черти спляшут на его костях «Две коробочки», а затем утащат в ад!

— Вижу, он тебе очень насолил.

— Не без этого, — ответила она, немного остывая. — Смотри! Смотри! Дракон!

Огненный змей алой кометой рассёк воздух и пронёсся вровень с каретой. Больше всего он был похож на зубастого речного угря и летел, словно плыл в воздухе, разбрызгивая вокруг себя искры и пламя. Дракон был огромный, даже больше часовой башни Арденау, а его голова с жёлтыми стеклянными глазами внушала одновременно восторг и ужас. Около минуты он двигался в том же направлении, что и мы, затем взял резко вверх, словно копьё пронзил низкие облака — они вспыхнули алым, а затем стали гаснуть, и светились тем меньше, чем дальше улетало невиданное существо.

— Совсем молоденький! Только вылупился! — Голос Геры звенел от восторга.

— Не хотел бы я встретиться с его родителями.

— Эти не злы, особенно если их не тревожить. Не то что чёрные. Кстати, мы почти добрались, под нами Кайзервальд.

Я глянул вниз, но увидел только чернильный мрак.

Здесь не летали истинные ведьмы и колдуны. Шабаши остались позади, на юго-востоке, так что когда я заметил впереди двенадцать белых медведей, запряжённых в хрустальную карету, которую сопровождали блуждающие огоньки, я понял, что это уже кто-то из приглашённых в Кобнэк.

Наш кучер решил устроить гонки, гикнул, хлестнул кнутом, заставляя

лошадей бежать быстрее. Мы достаточно скоро нагнали невиданный экипаж, светящийся изнутри чистым, лучезарным светом. Женщина, ехавшая в нём, была в фиолетовом платье, с длинными тёмными волосами, собранными в сложную причёску.

— Не смотри ей в глаза, — быстро предупредила Гертруда, разглядев пассажирку, но было слишком поздно, мы уже столкнулись взглядами.

Глаза у незнакомки оказались странными: ни зрачка, ни радужки, ни белка — сплошная тьма, словно смотришь в речной омут. Она улыбнулась красивыми, полными, алыми губами, и мне в одно мгновение стало жарко, а во рту пересохло.

— Ай! — дёрнулся я, когда Гера ущипнула меня за руку. — Ты что?! Больно же! Ух, чёрт меня побери…

— Ты слишком часто упоминаешь чертей, Людвиг. Поосторожнее с этим ночью, особенно такой, как эта. Слова могут становиться материальными. Пришёл в себя?

— Да… Кажется. Она говорила со мной и…

— И показала тебе, что будет, если останешься с ней наедине. Не скрою, очень приятные видения. В своё время они даже меня восхитили. Но постарайся не поддаваться её чарам, для тебя это может плохо закончиться.

Хрустальная карета осталась позади, и я поёжился:

— Кто… что она такое?

— Одна из гьйендайвье.

— Госпожа страсти?! Но ведь этих существ уничтожили, ещё когда христианство только пришло на наши земли! Всех вырезали под корень, а детей утопили в море.

— Как видишь, не всех. Эта уцелела и приглашена на вечеринку. Её зовут Асфир, если тебе интересно, и она очень опасна, особенно для мужчин, особенно если положит на них глаз. Да.

— Что «да»? — не понял я.

— Отвечаю на твой вопрос, — рассмеялась она. — Ты в её вкусе, так что будь осторожен. А вот и Кобнэк.

Замок был освещён блуждающими огнями, словно дворец из рождественской сказки. Он вырос на отвесной скале, возвышающейся над мрачным лесом, тянущимся на многие мили. Два ряда мощных зубчатых стен, шесть охранных башен по периметру и седьмая, квадратная и самая высокая, с широченной площадкой на предпоследнем этаже. На неё со всех сторон приземлялись гости.

Мы были гораздо выше Кобнэка, поэтому кучер заложил вираж и

начал плавно опускать карету по широкой спирали. За время приземления мы сделали несколько сужающихся кругов над крепостью, так что я мог хорошенько её рассмотреть.

— Что скажешь? — поинтересовалась моим мнением Гера.

— Его явно возводили не люди. Или не только люди. Здесь поработала магия.

— Верно. Сейчас так уже не строят. Говорят, чернокнижник, которому он раньше принадлежал, вызвал для этого демона.

— Дурак.

— Разумеется, дурак. Как только последний кирпич был уложен, демон сожрал своего господина с потрохами.

Теперь уже нас обогнали. Массивный широкоплечий мужчина в светло-жёлтом меховом плаще до пят, в низкой шляпе и с шейным платком, закрывающим лицо, спускаясь вниз, проскакал мимо на лохматой лошадке, прижимаясь к гриве, а затем настала наша очередь.

В опасной близости от кареты промелькнула вершина сторожевой башни, стена… и мы плавно опустились на площадку для приёма гостей.

На этот раз кучер успел первым и, донельзя довольный этим, подал руку Гере, которая с благодарной улыбкой приняла помощь. Проповедник выбрался из корзины с перекошенным лицом, буркнул:

— Мне надо пройтись.

Он поплёлся к ведущей вниз лестнице, ругаясь и поминая каждую секунду мерзких ведьм, коим давно уже пора на костёр. Пугало продолжало сидеть на козлах, нежно прижимая к груди свою тыкву.

— Ты ещё куда-нибудь полетишь? — спросил я у кучера.

— Нет. Вы последние были… господин. В конце ночи я отвезу вас обратно.

— Оно может остаться в карете? — кивнул я в сторону Пугала.

Копняк-полукровка собрался мне возразить, но вмешалась Гертруда:

— Я была бы вам очень благодарна.

— Пусть сидит, если хотите, — тут же оттаял он.

Я подошёл к Пугалу и попросил:

— Будь добр, веди себя прилично. Как ты видишь, здесь полно ведьм, и если их что-то разозлит, я вряд ли смогу тебя прикрыть.

Оно обиженно кивнуло, мол, я не собиралось делать ничего плохого.

Я взял Геру под руку, и мы пошли по ярко освещённой площадке в сторону мраморной лестницы, ведущей в башню. Позади на посадку заходила хрустальная карета, и я хотел убраться с глаз Асфир как можно быстрее.

Перед нами шёл пехотный капитан с нашивками гвардейского полка из Сигизии. Он только что прилетел на тяжеленной аркебузе и теперь, взвалив её на плечо, скрипел новенькими, начищенными ботфортами.

Встречающая делегация была на редкость разношёрстной. Кроме двух вышколенных слуг-людей в тёмно-синих парадных ливреях здесь стоял почётный караул из козлоногих анжгрисов, вооружённых серебряными трезубцами. На их обычно голые мускулистые торсы были натянуты чёрные сорочки и камзолы, сливавшиеся цветом с шерстью на лохматых ногах. Неприятные лица, соединявшие в себе и человеческие и животные черты, выглядели отталкивающе — искажённые, с крючковатыми носами, глубокими складками, тёмной кожей, козлиными бородками и бледно-жёлтыми глазами с вертикальным зрачком. Когда мы проходили мимо, анжгрисы негромко стукнули пятками трезубцев, приветствуя нас.

Возле самых дверей нас ждали две улыбчивые девушки и существо, названия которого я не знал. Больше всего оно напоминало двуногого таракана с длинными, в два человеческих роста, тараканьими усами. Они противно шевелились, точно так же, как и жвалы на получеловеческом лице.

— Что это было? — спросил я, когда мы миновали встречающих.

— Житель Кайзервальда.

— Надеюсь, их не будет за столом, иначе мне кусок в горло не полезет.

— Кстати, у его народа неплохие магические задатки, — заметила Гера дипломатично, — особенно если это касается некромантии.

— А что, некромантия теперь разрешена просвещённым миром?

— Ну, если её назвать танатологией [38], то многих это перестаёт пугать. К тому же попробуй доберись до тараканов, сидящих в Кайзервальде.

Снизу лилась музыка, раздавался смех и гул множества голосов. Когда мы вошли в длинный, ярко освещённый зал, анжгрис в ливрее оглушительно стукнул церемониальным жезлом и громогласно провозгласил:

— Госпожа Гертруда фон Рюдигер со спутником!

Празднование ничем не отличалось от обычных балов и пиров. Никаких пляшущих на столах обнажённых красоток, прыжков через пламя, нечеловеческих воплей, запаха серы или что там ещё должно быть на приличном ведьмовском шабаше? Всё чинно и пристойно, если не считать юной ведьмы в остроконечной шляпке, страстно целующейся в уголке с колдуном. Я даже испытал некоторую степень разочарования от столь унылого торжества.

Особой магии и чародейства тоже заметно не было, если исключить сияющие шары-фонари, плавающие под потолком. В соседнем зале в танце кружились пары и грохотала музыка. Гера лишь бросила туда взгляд и сказала:

— Держись рядом, следует поздороваться с герцогом.

— Тебе не кажется, что помещения здесь куда больше, чем должны быть?

— Всё верно, — безразлично ответила она, кивнув какой-то знакомой. — Так многие чародеи поступают. Со своими комнатами я проделала такой же фокус. Знаешь ли, очень удобно — если надо, хоть на лошади скачи по столовой.

Трое мужчин, которые в обычной жизни вряд ли бы заговорили друг с другом (один с цепью бургомистра, другой — сущий головорез с большой дороги, а третий — крестьянин, судя по его рубахе, штанам и обуви), травили байки и дымили трубками. Рядом на руках кавалера хохотала дама. Чуть дальше слуги разносили кувшины с вином. На нас посматривали, но без особого интереса и любопытства, а когда анжгрис объявил о появлении госпожи Асфир, так и вовсе всё внимание оказалось направлено в другую сторону.

— Гертруда, рада видеть тебя в добром здравии! — помахала веером какая-то женщина, по внешности — миловидная тётушка из зажиточных горожан.

— И я вас, госпожа Белладонна.

Высокий старик с залысинами и бакенбардами оказался рядом, элегантно поцеловал моей спутнице руку и сказал мне:

— Вам крупно повезло, молодой человек.

Он растворился в толпе, прежде чем я успел что-нибудь ответить.

В меня едва не врезалась стая хохочущих крылатых миниатюрных людей. Гера негромко рыкнула на них, и каменные феи, а это были именно они, звеня и пища, ринулись к потолку, гонять шары света.

В следующем зале можно было ослепнуть от бриллиантов на женщинах и золота на костюмах мужчин. Здесь сильно пахло грозой, сиренью, свежей весенней зеленью, а также дорогим табаком. На стенах, задрапированных редчайшим шёлком, висели гербовые щиты и огромные картины с пейзажами гор и лесистых рощ.

Герцог Элиас Войский сидел в кресле с резными ножками и, опустив руку на вычурный подлокотник, с живейшим интересом слушал высокого воина-кондотьера с алым платком на шее, в кирасе и с тяжёлой шпагой.

У герцога был мощный подбородок, глубоко посаженные глаза, густая

светлая шевелюра и тонкий шрам под левым ухом, тянущийся по углу челюсти, словно какой-то вьюн. Он поднял на нас тёмные глаза, как видно, узнал Гертруду и расплылся в улыбке.

— Ваша светлость, спасибо за приглашение на бал, — сказала Гера.

— Госпожа фон Рюдигер, я рад, что вы смогли прийти. — Его голос был неожиданно громким, гулким и сочным. Таким хорошо командовать на полях сражений.

— Позвольте представить вам моего спутника, господина Людвига ван Нормайенна.

— Будь моим гостем, страж. — От его пытливого взгляда не укрылась рукоять моего кинжала.

— Почту за честь, ваша светлость, — поклонился я.

— Хорошо ли вы добрались?

— Спасибо. Великолепно, — вежливо ответила моя спутница.

— Как поживает ваш дядюшка?

— Вполне здоров, благодарю вас.

— При случае передайте ему наши наилучшие пожелания. И мои и моего брата-короля.

— Всенепременно.

— А теперь не смею вас задерживать. Веселитесь, сегодня замечательная ночь. — Движением руки он показал, что мы можем быть свободны.

— Что ты о нём думаешь? — спросила у меня Гертруда, когда мы отошли подальше.

— Я думаю, что, если он узнает о том, что ты хочешь сделать, он порвёт нас голыми руками, — тихо ответил я.

— Как странно… у нас абсолютно одинаковые мнения, — подтвердила она мои самые худшие опасения. — Это говорит о том, что всё надо сделать хорошо.

— Насколько он могучий колдун?

— Достаточно серьёзный противник. У него гораздо больше времени, чем у меня, чтобы читать запрещённые книги и учиться у мастеров. Мне всё-таки приходится в основном охотиться за душами.

— Что будем делать теперь?

— Ты — ничего. Погуляй по залу, только сам ни к кому старайся не лезть. Публика здесь встречается странноватая, в том числе и зловещая. Мало ли к чему могут привести тебя разговоры с ними. Возьми себе вина да сядь в уголке. Я поговорю с парой знакомых и потихоньку улизну. Если не будет никаких проблем, я всё быстро закончу.

— Лучше бы мне пойти с тобой.

— Я не смогу протащить двоих через ловушки и не потревожить ведьм и чародеев. Пожалуйста, подожди меня здесь.

— Будь осторожна, — напоследок напомнил я ей.

Гера очаровательно улыбнулась мне и растворилась в толпе. Я вздохнул, постоял несколько минут, разглядывая странный, пёстрый, совершенно непохожий друг на друга народ, и, тревожась за Гертруду, без всякой цели направился по залу, игнорируя компании.

— Людвиг! Вот это да!

Меня бесцеремонно схватили за рукав, и я увидел Львёнка.

— Привет, Вильгельм. Какими судьбами ты здесь? — спросил я, старательно скрывая удивление.

Своего однокашника я никак не ожидал встретить в Кобнэке.

— Хотел спросить тебя о том же. — Он был несколько навеселе. — У тебя прорезался колдовской дар?

— Нет. Я с Герой.

Львёнок вытянул губы трубочкой, что для него было высшей степенью удивления:

— Вы вновь сошлись? Слушай, старик, я жутко рад за вас обоих. Это надо отметить.

Он подхватил с ближайшего стола кувшин с вином и, не давая мне возможности ответить, сказал:

— Меня пригласила одна очаровательная озёрная ведьма. Очень милая, горячая штучка. — Он покрутил головой. — Только что была здесь. Ума не приложу, куда она могла подеваться. Я-то сюда приехал исключительно из любопытства. Когда ещё представится такая возможность — повеселиться на балу у колдунов.

Мы с ним одинакового роста и сложения, у нас есть сходство в лицах. Когда мы учились, многие считали нас братьями. У Львёнка более светлые волосы, чем у меня, к тому же он наотрез отказывается их стричь, отчего по утрам они частенько напоминают львиную гриву. Сегодня он собрал её в толстый «конский» хвост, перевязав серебряной цепочкой, украшенной сапфирами.

Страж разлил вино, протянул мне бокал:

— За встречу, дружище. Сколько мы с тобой не виделись? Год?

— Два.

— Да, точно. Последний раз я не успел в Арденау на общую встречу. Задержали дела на юге Ветеции, так что добрался до Альбаланда только весной, когда вы уже все разъехались по странам. Я всё время торчал в

Дискульте. В этом году там работы было выше крыши. Души словно взбесились… Я слышал, у тебя неприятности с магистрами.

— Всё в прошлом.

— Ну и славно. — Он залпом осушил бокал, ухмыльнулся. — Как могут встретиться два стража? Только на шабаше у ведьм. Кстати, где ты потерял Гертруду?

— Надо полагать, там же, где и ты свою ведьму.

Мы поболтали с ним ещё с десяток минут, в основном делясь новостями и вспоминая старое. Львёнок — открытая душа, и в нём присутствует некая детская наивность, но страж он хороший.

— Ты слышал, что в Ольском королевстве собираются начать войну с Чергием? — спросил он у меня. — Если они не передумают, к весне станет жарко, и у нас найдётся работа.

— Ну, она есть и без всяких войн.

— Не спорю, но поля сражений всегда были рассадником для всяких тварей. Ты в курсе, что на дорогах Шоссии появилась новая напасть? Тёмные души не покидают тела после смерти.

— Это что-то новое. Уверен? Откуда новости?

— Матильда принесла на хвосте. Она только оттуда вернулась. Души управляют телами изнутри, стараются вести себя как обычные люди. На первый взгляд, особенно сразу после смерти, даже и не определишь, что перед тобой покойник. Нападают на путников, пожирают плоть, пока не лопнут. Магистры отправили в Шоссию десять стражей, чтобы вычистить эту дрянь… А вот и моя спутница!

Очаровательная смуглая женщина с короткими волосами, одетая в изумрудное платье-чешую, помахала ему, подзывая к себе.

— Извини, пойду танцевать. Она мне все уши прожужжала, мечтая о плясках. — Вильгельм пожал мне руку. — Береги себя, Людвиг.

— Ты тоже.

Распрощавшись со стражем, я подошёл к столу, заваленному едой и заставленному напитками чуть ли не до потолка. Тем удивительнее было, что никто не спешил занять здесь места. Делать мне было всё равно нечего, лезть знакомиться с колдунами, демонологами, некромантами, алхимиками и магами не входило в мои планы, так что я сел на первый попавшийся свободный стул, держа полупустой бокал вина в руках. И тут же почувствовав чей-то взгляд, обернулся. Но рыжеволосая девушка с очаровательными кудряшками и слишком бледной кожей резко отвернулась от меня и поспешила прочь, ловко избегая столкновений с гостями. Я увидел, что на её спине сквозь небесно-голубое кружевное платье

проступает кровь.

Нахмурившись, я решил последовать за душой, но тут рядом со мной остановился один из гостей:

— Господин ван Нормайенн, не возражаете, если я присяду?

Его лицо показалось мне смутно знакомым. Я прищурился, узнал его, улыбнулся:

— В Вионе на вас была немного иная одежда, отец-инквизитор.

— Решил, что моё истинное облачение будет несколько нервировать гостей его светлости. — Пёс Господень, помогавший мне справиться с «Ведьминым яром», сел напротив меня. — Тогда я так и не успел вас поблагодарить за спасение всех, кто находился в соборе.

— А я вас — за помощь. Странно встретить священника в такое время и в таком месте.

— Должен же кто-то за ними приглядывать, — едко заметил инквизитор. — Я здесь совершенно официально. Старый договор между Церковью и лояльными колдунами.

Он так и не представился, а я не спешил узнать его имя.

— Я слышал, что вы были в Солезино месяц назад. У вас исключительная смелость. Войти в город, где царит мор…

— Стражи не могут заболеть, — негромко ответил я, а перед глазами у меня в этот момент возникло лицо погибшей Розалинды.

— Дело не в смерти, не в физической смелости, а в духовной. Не каждый человек отважится нести свет и спасение туда, где поселилась тьма.

— Мне далеко до святого, — улыбнулся я. — Надо было просто выполнить работу.

— Конечно. Именно так и должно быть — долг приводит к результату, если ты веришь в своё дело. До меня доходили слухи о том, что двое стражей дрались с кем-то возле древней арены. Будто бы даже земля дрожала, и молнии сыпались с неба. Что там произошло?

Спросил он небрежно, как бы между делом, но меня это не обмануло.

— Обычные издержки нашей работы. Мы слишком устали, потеряли контроль, а потому переусердствовали с внешними эффектами.

— Понятно. — Пёс Господень цепким взглядом прошёлся по толпе, запоминая людей и лица. — Вы знаете, в чём отличие колдунов от стражей?

— В даре, которым нас наградил Всевышний, — ответил я так, как нас учили в Арденау.

— Это обтекаемые слова, господин ван Нормайенн, хотя они и верны. И стражи и чародеи обладают тем, что обычные люди называют магией.

Отличие лишь в том, что колдуны могут наносить вред людям своей магией, а стражи — нет.

— Вот как? — Я не слишком-то был с ним согласен.

— Ну, мы не рассматриваем редкие частности, вроде *знака*, врезавшегося в прохожего, вместо того чтобы попасть в находящуюся в шаге от него душу. Как говорится, случайно убить можно чем угодно. Но факт в том, что *знаки* и *фигуры*, а также всё, чем владеете вы, — направлено против тех, кто уже давно умер, и совершенно бесполезны против живых. В отличие от этих господ. — Он кивнул на многоцветную компанию гостей. — Проклятие, чары, заговор или даже убийство для них пара пустяков. Их магия имеет чёткую цель.

Я не стал говорить, что волшебство клириков не слишком далеко ушло от магии колдунов и чародеев. Оно также может влиять на людей, в отличие оттого, которым обладаем мы, стражи.

— И какой из этого вывод? — спросил я, не понимая, к чему вообще весь этот разговор.

— Очень простой, — спокойно ответил священник. — Стражи угодны Господу, потому что они избавляют мир от зла, следуя в этом рука об руку с Церковью.

— В некоторых странах так не считают, хотя там живут истинно верующие.

— Ну, я говорю это вам не для того, чтобы углубляться в вопросы большой политики и давнего противостояния. А лишь для того, чтобы вы поняли меня. Стражи совершают благое дело, и Господь награждает их за это с щедростью, потому что ведает о ваших подвигах. Лишние дни жизни за каждую тёмную душу, как вы знаете.

Я кивнул.

— Но Бог может и отвернуться от тех, кто нарушает заветы или ослушается приказов Пап.

— Не понимаю вас, святой отец.

— Скажу прямо, господин ван Нормайенн. Слухи о Солезино ходят самые разные, в том числе и бредовые. Мне поручено докопаться до истины. И если эта истина окажется неприглядной, то стражи не смогут избежать ответственности. А вас не спасёт даже хорошее расположение епископа Урбана.

— Надеюсь, вы разрешите интересующие вас вопросы, святой отец. Возможно, вам стоит поговорить с кем-то из магистров Братства. Думаю, они знают больше моего.

— Благодарю за совет. Именно так я и собираюсь поступить в самое

ближайшее время. Желаю вам удачи, господин ван Нормайенн.

Геры нигде не было видно, и я волновался, не зная, что и думать, кляня себя за то, что уступил её просьбам и отпустил одну. Томительное ожидание слишком затягивалось, прошёл уже час, как она отсутствовала, а это могло броситься в глаза. Неужели что-то пошло не так?

Я постарался стать незаметным, отойдя в дальний полутёмный угол зала — самое удобное место, чтобы не бросаться в глаза, но видеть всех окружающих. Инквизитор покинул зал, присоединившись к герцогу и его окружению, чему я был рад. Его угроза меня нисколько не испугала, и я не волновался, что ему что-то станет известно. Никаких преступлений стражи не совершали, а насколько я мог узнать Пса Господня, он достаточно разумен, честолюбив и честен, чтобы рыть яму тем, кто, действительно, невиновен. Этот человек ведёт себя куда правильнее, чем принято считать, когда речь заходит об инквизиции.

Ко мне подошло существо, облачённое в лимонно-жёлтый кафтан. Оно было лохматым, со свалявшейся шерстью, нереально длинным носом и розовым крысиным хвостом. Голым, влажно блестевшим, похожим на дождевого червя.

Не говоря ни слова, оно уселось на собственный зад, хрипло хихикнуло и начало недовольно коситься в мою сторону. Но, в конце концов, занялось ловлей блох (во всяком случае, я надеялся, что оно ловит именно их), перестав зыркать в мою сторону.

Я решил пройтись по залу, посмотреть, не появилась ли Гера, но моя прогулка ничего не дала — увидел лишь Львёнка, увлечённо болтающего со своей озёрной ведьмой. Рядом с фонтаном, над которым кружили райские птицы, была небольшая давка. Я разглядел в центре мужской толпы край фиолетового платья гьйендайвье и понял, отчего возник такой ажиотаж.

— Страж? — промурлыкали в этот момент за моей спиной. — Настоящий страж? Второй за вечер?

— Нам везёт, Эмили.

Передо мной стояли две весьма аппетитные ведьмы. Одна — брюнетка, с тёмными глазами и полными губами, слишком алыми и привлекательными, чтобы я не заподозрил на них маленькую магию. Вторая — пышная блондинка с капризным лицом и порочным взглядом.

— Дамы, — легко поклонился я, уже начиная догадываться, что попал в оборот.

— А он милый, Лаура. Не находишь? — спросила черноволосая.

— И в отличие от многих других не клюнул на Асфиру. Возле этой суки сегодня небывалое оживление. — В зеленоватых глазах блондинки промелькнула ненависть.

Промелькнула и тут же угасла, сменившись охотничьим азартом голодной пантеры.

— Хотела бы я знать ваше имя, — промурлыкала она, заходя сбоку и отрезая мне путь к вежливому отступлению. — Стражи в нашем обществе — исключительная редкость, и всегда найдутся загребущие коготки, которые успевают украсть вас, прежде чем я окажусь рядом.

Я не успел ответить, потому что черноволосая оказалась в опасной близости от меня и проворковала:

— Стражи… Скажи, незнакомец, как так получилось, что каждый из вас столь привлекателен, что я схожу с ума от вожделения? Какой вы магией обладаете, что любой из вас для меня становится самым желанным во всём мире?

— Остынь, Эмили. Ты тут не одна. — Блондинка тоже пошла на штурм, прижавшись ко мне с другого боку. — Пусть мальчик сам решит, какая из нас ему больше по нраву.

Но прежде чем я успел ответить, раздался другой голос:

— Вы обе драные, старые кошки, и ни один нормальный мужчина, если он не сумасшедший, не будет иметь с вами дел. Уж лучше лечь в постель с Асфир, чем терять время на таких, как вы.

Говорившая женщина оказалась стройной и гибкой, как ива. У неё были серебристые глаза, я таких никогда не видел, очень резкие, высокие скулы, узкий подбородок и твёрдые губы. Её блестящие волосы рассыпались по открытым плечам, а длинное серебристо-голубое, отливающее металлом платье, словно собранное из множества стальных капелек, удивительно ей шло.

— Зачем пожаловала, Софи? — зло прошипела блондинка. — Он занят!

— Впервые я готова признать, что ты права, Лаура. Он занят и отнюдь не вами. Страж пришёл с Гертрудой.

Их лица сразу же стали кислыми, а в глазах пропал интерес.

— Чтобы её черти забрали! И тебя заодно, — разочарованно прорычала черноволосая сереброглазой Софии и, гордо подняв голову, удалилась вместе со своей подругой.

— Какое внезапное отступление, — произнёс я. — Оно позволило по-новому взглянуть на этот мир. Спасибо, госпожа София. Я Людвиг.

— Просто София, без госпожи. — Голос у неё был, словно утренний

ветер, дующий с гор. — У Гертруды репутация крупной хищницы, так что мыши не стали задерживаться, что с их стороны очень разумно. Порой они столь внезапным появлением разума удивляют даже меня. Ты танцуешь?

Я не смог сдержать улыбку:

— Получается, что вы ещё более крупная хищница, чем Гертруда?

— Скажем так — мы слишком хорошо знакомы и понимаем последствия, чтобы вцепляться в глотку друг другу.

Я предложил ей руку, не видя ничего криминального в одном танце. Но направляясь туда, где гремела музыка, вдруг обратил внимание, что на нас внимательно смотрит здоровенный бугай в светло-жёлтом меховом плаще, шляпе и с шейным платком, скрывавшим его лицо. Это был тот самый тип, что обогнал нашу карету на лохматой лошадке.

В танцевальном зале пела флейта и стрекотали сверчки. Гремели барабаны, мелодично звякали колокольцы, и мягко трубили духовые инструменты. Началась череда медленных танцев, пришедших к нам из Ровалии, и пары плавно плыли по паркету, свет был приглушён, а сотни крупных светляков мерцали на потолке, словно живые звезды.

Я обнял Софию за тончайшую талию и повёл в танце, следуя сразу за высоким мужчиной с оленьими рогами и девушкой из крестьян рубежей Золяна.

От сереброглазой женщины приятно пахло кедрами, словно солнечные лучи нагрели древесную кору. Она хорошо танцевала, гораздо лучше, чем я, была невесомой и изящной. София молчала, прикрыв глаза, слушала музыку, и я украдкой бросал взоры на её странное и в то же время прекрасное лицо.

На первый взгляд она казалась сущей девчонкой — восемнадцать, не больше. Но по манере поведения, осанке, тому, как она разговаривала, и морщинкам, то и дело появляющимся вокруг лучистых глаз, было понятно, что ведьма далеко не молода. Я не знал, кто из иных существ вмешался в её кровь, но предполагал, что она намного старше меня.

— Возраст несущественное понятие, Людвиг, — негромко сказала София. — Во всяком случае, для моего народа.

— Вы гилин? Или альта, раз читаете отголоски мыслей?

— Ни то ни другое. Мы живём на Янтарном берегу, рядом с океаном, в лесах, где редко кто появляется.

Я не знал, кто там живёт, но понял, о каком месте идёт речь.

— Вы о западных лесах Эйры? Темнолесье?

— Верно. Впрочем, сейчас это неважно. Я не случайно пригласила тебя на танец и хочу, чтобы ты выслушал меня внимательно и запомнил

всё, что я скажу. У меня было видение, и я решила, что стоит о нём рассказать… Опасайся висельника на перекрёстке, он принесёт тебе беду. Бойся снежных стен, они не дадут тебе шансов. Избегай света, ведущего из мрака, — это твоя смерть.

— И что это означает? — после краткой заминки спросил я у неё.

— Не знаю, — с сожалением ответила она. — Видения просто приходят, но не всегда их можно объяснить. Иногда они не значат ничего и развеиваются, как дым на ветру. Иногда, чтобы сбылись, должны пройти годы. А порой — осуществляются через несколько дней после своего появления. Я всего лишь проводник и буду рада, если мои слова помогут тебе.

Музыка смолкла, всё ещё звеня в наших ушах.

— Спасибо за танец, Людвиг, — сказала ведьма, отступая. — Если окажешься в моих землях, буду рада тебя увидеть.

— Это вам спасибо, София.

Она кивнула, принимая благодарность, и удалилась вместе с оленерогим мужчиной и горбатой старухой, облачённой в бархатную накидку. Я проводил женщину долгим взглядом, не зная, что думать о висельниках, снежных стенах, свете и тьме. Понимать ли её слова буквально или это всего лишь образы, которые могут означать всё что угодно?

— Удивительная встреча, — сказал невысокий мужчина, преграждая мне дорогу. — Помнишь меня, страж?

— Прекрасно, — холодно ответил я колдуну, с которым в последний раз виделся в лесу, во время бегства вместе с Хартвигом.

— Мой господин, маркграф Валентин Красивый, шлёт тебе свои искренние пожелания доброго здоровья и надеется увидеть лично на своих землях.

— Поблагодари маркграфа от меня за столь трогательную заботу, но вряд ли я смогу посетить его гостеприимный дом.

— Его милость очень терпелив и не теряет надежды с тобой познакомиться, впрочем, как и я. У меня перед тобой должок, страж. — Он коснулся шрама на щеке, оставшегося после брошенного мной в него арбалета. — Мой благодетель очень опечалился, когда узнал, что мы упустили картографа.

— Сожалею, что тебе пришлось пережить трёпку.

— Думаешь, ты сможешь отвертеться? Ты серьёзно так думаешь? О тебе слишком многое известно, чтобы ты так просто ушёл от ответственности.

— С интересом послушаю, что тебе известно такого, чего не известно мне, — с иронией произнёс я.

— Тебе кажется, что у маркграфа нет возможности раскопать прошлое стража? — нехорошо усмехнулся колдун. — Ты родился в Арденау. Отец был сержантом в егерских войсках и погиб во время Третьей войны с Прогансу. Мать, истинная католичка, из талежских [39] белошвеек, убита мародёрами во время краткой вспышки юстирского пота. В пять лет ты оказался в приюте, в шесть — в Братстве. В молодости участвовал в двух военных кампаниях — против Прогансу, а затем против Гестанских княжеств. Показал себя неплохим солдатом. Засветился во время лисецкого бунта, когда вместе с другим стражем спас бургомистра от озверевшей толпы черни. Водишь дружбу с ведьмой и…

— Всего доброго, — рассеянно сказал я, потому что у входа в зал Проповедник махал руками и корчил страшные рожи.

Речь колдуна не тронула меня. Он, действительно, не сказал мне ничего нового и не узнал ничего тайного, так что я не стал слушать дальше и пошёл к душе, зная, что здесь слуга маркграфа не станет затевать скандал. Его взгляд жёг мне спину, но я плевать хотел.

— В чём дело? — спросил я у Проповедника.

— Гертруда тебя зовёт, она возле кареты. Поспеши. — Он выглядел встревоженным и напряжённым.

Старый пеликан на побегушках у колдуньи, которую ненавидит, это из ряда вон выходящее событие. Даже на миг не могу представить, что должно было случиться, чтобы он сподобился на такую жертву. Я не стал ничего у него спрашивать, чтобы не привлекать внимания окружающих своими разговорами с несуществующим, поэтому лишь мотнул головой, чтобы он шёл вперёд и показывал дорогу.

Пока мы шагали через комнаты, а затем по лестнице, ни один козлоногий анжгрис меня не остановил и не спросил, куда я направляюсь. Они стояли на карауле, сжимая трезубцы и глядя сквозь меня, словно окаменели. Несколько слуг, встреченных по пути и занятых доставкой подносов с пустыми бокалами на кухню, лишь поклонились.

Я вышел во внутренний двор и сразу же увидел знакомую карету, стоящую далеко от горящих факелов, а поэтому тёмную и мрачную. Пугало восседало на том же самом месте, где я его оставил. Гера сидела у колеса, на земле, и над ней хлопотала миловидная тётушка с веером, которую звали Белладонной.

Увидев, что прекрасное платье на животе Гертруды пропитывается кровью, я произнёс вслух самое грязное из моих ругательств.

— Какой грубиян. Где ты только его откопала, душенька? — неодобрительно покосилась на меня тётушка-ведьма, продолжая колдовать над раненой.

— Всё в порядке, Людвиг, — сказала страж, на щеках которой не было и намёка на румянец.

— Я вижу, что это не так. Серьёзно ранена?

— Уже нет, — произнесла Белладонна. — Я поставлю её на ноги через несколько минут, но было бы здорово, молодой человек, если бы вы не стояли столбом, а занялись важным делом. Вам следует убираться отсюда и как можно скорее. Найдите лошадей.

— У него не получится, Белладонна. Они не станут его слушать.

— Я найду кучера, — предложил я.

— Нет. Тот сразу же донесёт своему господину.

Пугало спрыгнуло с козёл, показало мне, что всё сделает, и уже через минуту вело лошадей. Проповедник нервно постанывал, поглядывал на стены и освещённые башни, опасаясь, что вот-вот начнётся переполох.

— Как это случилось? — спросил я у Геры.

— Ошиблась. Они усилили защиту, наверное, из-за бала, и я пропустила одно хитрое проклятие. Еле вывернулась.

— Тебе это не слишком помогло, — веско заметила госпожа Белладонна. — Если бы я не почувствовала кровь, ты бы уже протянула ноги.

Я подался вперёд, кажется, начиная понимать, кто она такая. Глаза ведьмы на мгновение мигнули ярко-красным, а сквозь личину миловидной тётушки проглянул истинный облик — седовласая голова с розовой кожей, большие уши, острый клюв-хоботок.

— Старга? [40] Старга на службе у Церкви?!

— Показать патент? Каждый хочет выжить, дружочек. Не желаю закончить как мои подруги — с колом в сердце и выпотрошенным животом, начинённым сельдереем. Спокойное существование требуется любому разумному существу.

— Вы же не можете выжить без ежемесячной охоты.

— Я и охочусь, — спокойно сказала она, продолжая заниматься раной Геры. — Каждый месяц. Если бы ты знал, сколько Церковь находит еретиков, которых затем приговаривают к смерти. Поверь, для них я гораздо более гуманный вариант, чем костёр.

Пугало тем временем впрягло лошадей и, усевшись на козлы, взялось за поводья. Проповедник, после недолгого колебания, безостановочно стеная, присоединился к нему.

— Ты сможешь ими управлять? — спросил я у Пугала.

Оно коротко кивнуло.

— Очень надеюсь, что оно не врёт, и это не злая шутка, — сказал Проповедник. — Пожалуй, я зажмурюсь.

— Ну вот, — довольно сказала старга. — Теперь ты как новенькая, милочка. Тебе и твоему другу лучше исчезнуть, пока они не поняли, что произошло. У вас удручающе мало времени.

— За мной долг, Белладонна. — На щёки Гертруды вернулся румянец.

— Твой дядя его уже выплатил, оставив мне жизнь, — сказала кровопийца.

Я сел в карету следом за Герой и захлопнул дверцу, жалея о том, что не умею управлять волшебным экипажем.

Пугало правило лошадьми из рук вон плохо. На взлёте мы едва не задели колёсами зубчатую стену, затем рухнули вниз, к вершинам деревьев и только после этого худо-бедно стали набирать высоту. Но всё равно нас крепко болтало, словно на корабле во время шторма.

Гертруда нервничала, то и дело поглядывая в окно на Кобнэк, который с каждой минутой уменьшался в размерах.

— Всё в порядке. Мы вырвались, — сказал я ей.

— Не думаю. Я сильно наследила из-за раны, надо было остановить кровь, так что я не могла думать о расставлении наговоров. Наверное, они уже знают и ищут вора среди гостей. Наша удача продлится до тех пор, пока охранники не заметят пропажу кареты.

— Тебе удалось украсть душу?

Она улыбнулась и вытащила из-под ворота платья кулон в виде огранённого со всех сторон хрустального шарика. Он светился ярко-голубым.

— Её не надо было красть. Она сама согласилась сбежать. Мне оставалось только прочитать заклинание, чтобы сделать её незаметной.

— Это девушка? В голубом платье, с раной на спине?

— Нет. Что за девушка?

— Видел её на балу. Я вообще много кого успел увидеть. Ты знаешь Софию?

— Что она тебе сказала?! — резко, словно удар бича, произнесла Гертруда, разом отвлёкшись от окна.

— Ничего особенного, — невинно ответил я. — Мы просто потанцевали…

— Просто потанцевали, Синеглазый?! Кого ты хочешь обмануть?

Пророчица не общается ни с кем ради танцев! Она вообще не выходит из Темнолесья, если ей нечего сказать! Так что будь любезен, объяви вслух, что тебе предрекли, и перестань меня пугать.

Я вздохнул и произнёс врезавшиеся в память слова:

— Опасайся висельника на перекрёстке, он принесёт тебе беду. Бойся снежных стен, они не дадут тебе шансов. Избегай света, ведущего из мрака, это твоя смерть.

— Плохо, — нахмурилась колдунья.

— Почему плохо? — озадачился я.

— Потому что ничего непонятно, Людвиг! И я не знаю, как тебе помочь.

— Она сказала, что с пророчествами ничего не ясно. Они могут и не случиться.

— Только не пророчества Софии. Эти происходят с завидным постоянством.

— Тебе она тоже что-то говорила?

— Очень давно. В том числе и о тебе. Как видишь — сбылось.

Я не стал уточнять, что сбылось — наша встреча, наша разлука, или новая встреча, или ещё что-то. В некоторых вопросах я становлюсь совершенно нелюбопытным.

— А, проклятое Пугало! — выругалась Гера, когда карета заложила резкий вираж и формирующееся вокруг её рук сияние погасло, потому что колдунью резко швырнуло в сторону. — Держи ровно, сукин сын! Нам главное — преодолеть Кайзервальд. Потом можно будет сесть и постараться спрятаться. Когда светает?

— Не раньше, чем через четыре часа. — Я посмотрел на близкие звёзды.

— Я пытаюсь скрыть карету от преследования, но при такой болтанке проще создать голема, чем сделать самое простое волшебство. Заткнулся бы твой Проповедник.

Проповедник вопил, словно его резали, уже несколько минут. Я не прислушивался, считая, что это очередной приступ страха, но, как оказалось, ошибся.

Нас ударило так, что я взлетел над сиденьем, врезался головой в соседнюю стену, и из глаз посыпались звёзды. На какое-то мгновение мне показалось, что карета перевернулась и я, выпав из неё, лечу к земле. Или, наоборот, вверх, к звёздам и луне.

Когда я смог, наконец, понять, где верх и где низ, то увидел произошедшие вокруг изменения. Крыша экипажа была оторвана вместе с

частью левой стенки, а лакированная дверца болталась на одной петле, вот-вот грозя отвалиться. Гертруда, по счастью, не пострадала и теперь с ожесточённым лицом колдовала.

— Вы оглохли, что ли?! — Рожа Проповедника заглянула к нам через дыру. — Я битый час орал, что за нами погоня! Господи Иисусе!

Дымчатая лимонная пиявка колоссальных размеров пролетела в опасной близости, бесшумно, точно призрак. Вторую распылила Гертруда, прямо за «кормой». Три твари с крыльями, размах которых был похлеще чем у всех существующих птиц, неслись за нами. Можно было даже не спрашивать, что им от нас надо.

Гера сверлила их взглядом, и крылья у одного из преследователей вспыхнули — он пламенной кометой понёсся к мрачным деревьям Кайзервальда. Два его товарища резко взяли вверх, разошлись в стороны, набирая высоту, а затем свалились на нас, словно черти, выпущенные из табакерки. Пугало заставило карету вильнуть, мы с Гертрудой, обхватив друг друга, упали на пол, и оттуда колдунья нанесла свой удар.

Ей удалось уничтожить оба почти доставших нас выстрела и одну из двух тварей, но уцелевшая, в самый последний момент, распахнув крылья, замедлила скорость и прицепилась к нам лишним пассажиром, из-за чего карета просела вниз, а лошади возмущённо заржали. Проповедник наградил гадину богохульством (что совсем нам не помогло), а я воткнул в лохматую свиную рожу кинжал (что помогло лишь отчасти). Тварь отвлеклась на меня, и Гертруда дунула на неё изо всех сил, превратив в ночного мотылька. Я хлопнул ладонями, желая его прибить, но промазал, а в следующую секунду бабочка уже осталась далеко позади.

— Мы снижаемся! — сказал я, увидев, что верхушки деревьев приблизились и проносятся под нами с угрожающей скоростью. — Пугало, чёрт тебя побери! Мы падаем!

Ветер свистел в ушах, я успел схватить Гертруду, прижать её к полу, накрыв собой, напрягся, ожидая удара, но резкое падение внезапно прекратилось, и карета, пускай и существенно приложившись о землю, выдержала удар, лишь колёса жалобно скрипнули.

— Проваливаем! — грифом каркнул Проповедник у меня над ухом, скатываясь на землю. — Святые мученики! Да что с вами такое?! Двигаетесь, словно оглушённые улитки! Хотите, чтобы с вас кожу спустили?

У меня было великое желание сказать ему что-нибудь, подходящее к случаю, о том, что он, в отличие от нас, не может ощутить, каково это — болтаться в карете, словно жуки в брошенной к небу коробочке, но

времени, действительно, не было. Подхватив Геру, я покинул наш искалеченный экипаж. Пугало, не вдаваясь в разъяснения, швырнуло мне под ноги свою любимую тыкву, от души, с силой, хлестануло завопивших от боли лошадей кнутом, и карета почти вертикально взмыла в небо и скрылась за вершинами деревьев.

— Это чудовище ещё более сумасшедшее, чем я думал, — потрясённо сказал Проповедник, задрав голову к небу.

— Очень мило с его стороны увести погоню, — пробормотала Гертруда, освобождаясь из моих рук. — Ещё немного, и я начну уважать одушевлённых. К деревьям! Живо!

Мы рванули с центра небольшой поляны под прикрытие густых ветвей, а меньше чем через минуту три чёрных крылатых силуэта на мгновение закрыли звёзды.

— За Пугало я не волнуюсь, — произнёс я. — Думаю, они его даже не увидят. В конце концов, оно в любой момент может вернуться на ржаное поле.

— Ты так и будешь таскаться с тыквой? — осторожно поинтересовалась колдунья.

Я посмотрел на зубастую рожу, пожал плечами:

— Буду, пока не надоест. Быть может, Пугало вернётся раньше. Не хотелось бы его расстраивать по пустякам. Всё-таки оно нам чертовски помогло. Что ты делаешь?

Гера лишь тряхнула головой, показывая, чтобы я ей не мешал, сложила вместе средние и указательные пальцы на обеих руках, провела ими, разрезая воздух. Из белых порезов потекла «кровь», пахнущая кленовым сиропом и корицей. Она щедро пролилась на землю, добралась до наших ног.

— Не дёргайся! — резко сказала мне моя спутница.

Я ощутил щекотку, а затем лёгкий холодок, когда белая волна поползла по щиколоткам к голеням и начала подбираться к коленям. Гертруда, с которой тоже происходили такие же изменения, была спокойна, и я, доверяя её знаниям, остался на месте. Когда белая дрянь достигла макушки колдуньи, я едва смог различить её силуэт.

— Чтоб Люцифер жарил мне пятки! — возопил Проповедник. — Все казни Есфарские! Куда вы делись?!

— Мы здесь. Не ори.

— Слышу твой голос, Людвиг, но не вижу тебя. Опять ты связался с проклятым колдовством! Хорошим это не кончится!

— Ты можешь заткнуться?! — прорычала Гертруда. — Или мне

воспользоваться кинжалом?

Угроза из её уст звучала серьёзно, и Проповедник, подавившись следующим нравоучительным откровением, нахохлился и сел под деревьями, отвернувшись от нас.

— Мы невидимы для волшебного поиска, Синеглазый, — пояснила мне колдунья. — А они будут искать, когда поймут, что в карете нас нет. Это случится в самое ближайшее время.

Её предсказание сбылось. С грохотом по небу пронёсся отряд всадников на лихих конях. Они двигались на юг, в противоположную от улетевшего экипажа сторону. Затем пролетели крылатые.

У меня начали затекать ноги, но Гертруда не спешила снимать заклятие, и я терпеливо ждал. Ещё один отряд, меньше прежнего, пролетел на север. Двое ангжисов на широком ковре сделали над нашей поляной круг, улетели и тут же вернулись. Ковёр коснулся земли, и один из козлоногих осторожно двинулся вперёд, держа в руках трезубец.

Я много слышал об этом племени иных существ. Они умны, хитры, ловки и помимо прочего — отличные воины. Затаив дыхание, я смотрел, как ангжис обходит поляну, переговариваясь со своим приятелем на грубом, гортанном языке. Он прошёл мимо нас, так никого и не увидев, но я не расслаблялся, потому что уже знал, мимо чего он пройти не сможет.

Так и случилось. Увидев на земле следы от колёс и лошадиных подков, ангжис резко выпрямился, что-то крикнув напарнику, и Гертруда, не мешкая, нанесла удар, швырнув в следопыта что-то невидимое, но действенное.

Он растёкся в воздухе кровавой кляксой, забрызгав останками всю поляну. Его товарищ вжался в ковёр, который стремительно рванул в небо. Гера выскочила из-за деревьев, крича громко и пронзительно.

Весь доступный свет втянулся в её раскрытые ладони, погрузив лес в непроглядный мрак, а затем огненным ураганом вырвался вверх, окутав и ковёр и всадника пламенным коконом. Летательное средство, разом потеряв управление, накренилось, врезалось в деревья и бесформенной горящей паклей упало на землю, хороня под собой обгоревший труп.

— И как тебя земля носит после такого колдовства, ведьма? — сказал Проповедник, глядя на оторванную голову первого козлоногого, лежавшую у него под ногами.

Гера, вновь ставшая видимой, зарычала и обернулась ко мне:

— Держи свою бесполезную собачку на поводке, Людвиг. Ещё одно тявканье с её стороны, и я за себя не отвечаю!

Я подошёл к Проповеднику и шепнул ему:

— Для своего же блага — перестань с ней цапаться. Может, ты не помнишь, но если её порядком разозлить, она теряет над собой контроль. Устрой небольшое перемирие. Это лучшее, что ты можешь сделать в данной ситуации.

Он, кажется, внял. Посмотрел на сердитую колдунью и наигранно-дружелюбным тоном сказал:

— Ладно, мир. Будем словно брат и сестра.

Он замурлыкал молитву святому Лаврентию, изменив мотивчик на какую-то любовную балладу, тем самым притворившись, что и думать забыл обо всех разногласиях.

— Их найдут, — сказал я Гере.

Она смотрела на догорающее пламя.

— Не исключено. Мы где-то на границе Кайзервальда, и до обжитых земель отсюда меньше дня пути. Так что, если поторопиться, к вечеру можем выйти из леса.

— Мы уже почти сутки на ногах. Нужен отдых, иначе волшебство станет тебе менее послушно.

— Ты прав, Синеглазый. Нам придётся остановиться и поспать, но не сейчас. Ближе к рассвету, когда уйдём как можно дальше. Какое-то время я смогу заметать следы, но это лишь задержит их, полностью обойти погоню — не получится.

— Не хочу никого раздражать, но не могли бы вы посмотреть на это? — раздался напряжённый голос Проповедника.

Тыква, которую я на краткое время оставил под деревьями, величаво плыла по воздуху в нашу сторону. Она светилась изнутри ярко-оранжевым, выставляя на обозрение свою зубастую рожу, и была уже не материальной, а более похожей на душу или…

— Одушевлённый предмет, — прошептала Гертруда и после некоторого колебания решила не вынимать кинжал.

Я сделал шаг навстречу этой штуке, осторожно протянул руку. Тыква послушно остановилась, давая себя рассмотреть.

— Одушевлённый, вне всякого сомнения, — согласился я с колдуньей. — И очень знакомый. Всё то же наполнение, что и у Пугала, но в минимальном количестве. Тыква гораздо слабее.

— Ты уже ей и имя дал? — фыркнул Проповедник, с подозрением глядя на скалящийся в его сторону предмет. — Впрочем, с логикой не поспоришь. Тыква она и есть тыква.

— Мне кажется, твоё Пугало перелило маленькую толику себя в новый сосуд. — Гертруда быстро обрела пошатнувшееся спокойствие. —

Разве одушевлённые на такое способны?

— Выходит, способны. Во всяком случае, та сущность, что живёт в деревенском страшиле, — точно. Эй, погасни. Ты привлекаешь к себе внимание с воздуха.

Огонь в тыкве послушно потускнел, а затем исчез.

— Великолепная компания у нас подобралась, — язвительно произнёс Проповедник. — Ведьма, которая немного страж. Страж, который дружит с ведьмой. Душа, которая непонятно что с вами, грешниками, забыла, и одушевлённая тыква, которая своим видом может напугать даже Вельзевула. Нам самое место в Кайзервальде. В глаза мы точно бросаться не будем.

Ночной переход через лес оказался довольно тяжёлым. Мы шли до самого рассвета, пока не начал моросить дождь. Только тогда остановились под аркой, образованной мощными древесными корнями, выпирающими из-под земли, словно щупальца кракена. Полог, созданный Герой, бледным куполом защищал нас от влаги. Чёрный лес, осенний и мрачный, с тёмным жёлто-коричневым ковром из опавших листьев казался каким-то кладбищем. Из-под корней начал сочиться туман, повис бледным облаком, сквозь который были видны графитовые древесные стволы и острые ветви.

Я снял камзол, протянул Гертруде, но девушка отрицательно покачала головой.

— Холодно. Замёрзнешь, — сказал я ей.

— Только не в платье, которое сшили кветы, — устало улыбнулась она. — Оно, конечно, порядком испачкалось в крови и грязи, но в нём было бы уютно и в лютый мороз.

Моя спутница на мгновение закрыла глаза:

— Прости, очень устала. Следует выспаться.

— Считаешь, что погоня от нас не отстанет? Их не слышно и не видно уже несколько часов.

— Кайзервальд велик, и им потребуется время, чтобы нас найти, но они найдут. Желательно покинуть лес, это охотничьи угодья герцога и родина ангжисов. Проще затеряться в городе, чем здесь. Ш-ш-ш… Смотри.

Меж деревьев, в тумане, появились фигуры. Мужчины и женщины шли беззвучно, не разговаривая друг с другом, стремясь куда-то на восток.

— Кто это? — шёпотом спросил я.

— Те, кто возвращается с шабаша.

— Но почему пешком? Не по небу?

— Это грандиозный расход сил, особенно в светлое время суток. Не

каждый способен на такое колдовство. К тому же путешествовать таким образом после восхода — значит привлечь к себе ненужное внимание. Согласись, опасно влетать в окно своей спальни на метле, когда тебя может увидеть вся улица.

— Но сейчас они далеко от города.

— И им надо туда же, куда надо нам, — продолжила Гертруда. — Впрочем, с ними мы не пойдём, потому что их проверят первыми. К тому же отнестись к нам они могут вовсе не так дружелюбно, как хотелось бы. Давай спать.

Я подозвал Проповедника, отгонявшего от себя Тыкву, словно назойливую муху:

— Тебе всё равно нечем заняться. Походи по окрестностям, если что-то заметишь — буди.

Он недовольно скривился, но решил оказать нам эту маленькую услугу и поплёлся прочь, ворча о бездельниках, которые по собственной глупости загнали себя в неприятную ситуацию.

Благодаря колдовству опавшие листья вокруг нас были тёплыми и уютными, словно пуховая перина. У меня возникло ощущение, что сейчас не холодная осень, а середина лета. Лишь запах увядания да шелест промозглого дождя за пологом разрушали это впечатление.

Я обнял Гертруду, она благодарно засопела, устраиваясь, и сказала:

— Извини, что втянула тебя в это.

— Всё будет хорошо, выберемся. Мы с тобой побывали в переделках гораздо худших. Помнишь того безумного короля мёртвых, с Полынного холма? А огненную душу в подземельях инквизиции?

Я почувствовал, как колдунья слабо улыбнулась, а затем уснула. Некоторое время я лежал, слушал шум дождя, несколько раз мимо прошёл Проповедник, затем туман стал ещё более густым, окутал лес и наше убежище дымчатым одеялом, и я заснул следом за Герой.

Мы шли через Кайзервальд уже довольно долго, преодолев искушение двигаться по тропе, которой ранее прошли возвращающиеся с шабаша ведьмы и колдуны. Я опасался засады.

— В чём дело? — спросила у меня Гертруда, видя, что я остановился, отведя в сторону гибкие ветви.

— Не уверен, что мне не померещилось, — сказал я, пристально вглядываясь вперёд. — Голубое платье. На какой-то момент мне показалось, что я увидел душу из Кобнэка. Ту девушку, о которой я тебе рассказывал, помнишь?

Она кивнула, встала рядом, изучая лес.

— Душа из замка здесь? Считаешь, она с теми, кто нас ищет?

— Я не вижу других причин ей идти за нами, а, следовательно, нас ждут скорые неприятности, потому что она приведёт погоню.

— Куда провалилось это Пугало, когда оно так нужно? — буркнул Проповедник.

Всю дорогу он был необыкновенно молчалив и впервые подал голос.

— Ты же его знаешь. Оно принадлежит самому себе. Вернётся, когда захочет.

— Ну да. Мне твоя позиция известна — пусть бродит, где хочет, лишь бы людей не резало.

Нам пришлось пробираться через мшистые угодья, где жили лохматые, похожие на ежей создания, ухающие, воющие и пытающиеся изгнать нас со своей территории, распространяя гнусную вонь. Затем в еловом лесу мы наткнулись на берлогу какой-то твари — вокруг были разбросаны лосиные, оленьи, кабаньи, медвежьи и даже человеческие кости, над которыми основательно поработали чьи-то зубы. Пришлось возвращаться, обходя это место по широкой дуге. На наше счастье тот, кто разбросал эти кости, либо спал, либо был далеко и так и не узнал о приходе чужаков.

Когда начались бесконечные рябиновые рощи, мы встретили сутулого жгуна, неспешно обвязывающего верёвкой большую вязанку дров. Он дружелюбно поздоровался, спросил, нет ли лишнего табачка, с сожалением вздохнул, когда мы виновато развели руками.

Я внимательно поглядывал по сторонам, но больше мне не удалось увидеть девушку в голубом платье. Погоня, следовавшая по небу, днём летать не решалась или просто моталась где-то в других краях, далеко от нас, и мне очень хотелось верить, что нас потеряли. Но, зная не понаслышке о том, как иногда хитро преследуют дичь, давая ей возможность расслабиться, успокоиться, потерять бдительность, а после добывают с лёгкостью, — я всё время ожидал неприятностей.

— Очень жалею, что у меня нет арбалета с двумя десятками болтов. И палаша, — пожаловался я на судьбу.

— Надо было взять один из трезубцев козлоногих, — укорил меня Проповедник.

— Ты пробовал их поднять? Они тяжелее двуручников, и по лесу с такими шестами ходить очень непросто.

— Ну-ну. Драться кинжалом, конечно, проще, — возразил он мне, но я не стал влезать в спор.

Тыква, наш новый бессловесный спутник, плыла то впереди, то позади, порой исчезая из видимости на долгое время. При других обстоятельствах я бы посвятил ей всё своё внимание, как явлению крайне необычному, но не сейчас, когда один герцог хочет вернуть украденное и наказать воров.

— Какая она? Душа, которую ты забрала? — спросил я у Гертруды.

— Девочка, не больше двенадцати лет. Её держали в *фигуре*, так что мне пришлось разрушить чужую работу, чтобы вызволить пленницу.

— Её, конечно же, убили?

— Несчастного ребёнка ударили по голове или чеканом, или молотком.

— Что она знает такого, что может быть опасна для целой династии Бьюргона? — с недоумением пробормотал я, совершенно не ожидая, что мне ответят.

— Судя по одежде, она из тех времён, когда пришёл конец прошлой династии. Остального не знаю и не желаю знать. Это смертельные тайны, и даже мне опасно к ним прикасаться. Предпочитаю доставить душу в Арденау, а там уже пускай с ней разбираются те, кто любит возиться с политикой.

— Ты очень нелюбознательная ведьма, — заметил Проповедник.

— Когда дело касается моей жизни — совершенно нелюбознательная. У меня было несколько знакомых ведьм, их страшно распирало любопытство, действительно ли Ситризаил столь красив, как об этом пишут в демонических книгах.

— И как? Книги были правы?

— Ведьмы не смогли рассказать. Представь себе, демон заставил их съесть собственную требуху, а затем утащил в ад оставшееся.

Проповедник долго оценивал услышанное, затем прочистил горло и произнёс:

— Очень… образный пример.

Гертруда усмехнулась, и тут мы услышали отдалённый собачий лай.

— Иисусова плащаница! — подскочил Проповедник. — А вот и охотнички по ваши души! Бежим!

— Псы бегают быстрее, — не согласилась Гертруда, оставшись на месте. — Разве не слышишь, что они взяли след? Теперь их должны спустить с поводка. Стоим на месте. Я смогу с ними справиться.

Лай приближался, становился звонче, злее, азартнее. По мне, здесь и хороший охотничий арбалет не поможет — пока прибьёшь одного, начнёшь перезаряжать, остальные с радостью вопьются тебе в глотку.

Четыре чёрных лохматых пса выскочили из рябинника, летя, словно

выпущенные стрелы. Они едва касались лапами земли, в три секунды преодолев большую часть расстояния между нами.

Гера ничего не делала. Ровным счётом ничего. Но псы, словно почуяв что-то, замедлили бег, заскулили и поползли к ней на брюхе.

У Проповедника челюсть отвалилась в буквальном и переносном смысле.

— Это же йомернская порода. Они с щенячьего возраста признают лишь одного хозяина и слушаются только его!

— Я всё-таки ведьма, — с достоинством ответила Гертруда.

Она шевельнула пальцем, и звери, страшно зарычав, бросились назад. Туда, откуда только что прибежали.

— Пусть охотники сами разбираются с теми, кого выпустили, — мстительно произнесла колдунья.

Мы поспешили прочь. Разумеется, я прислушивался, но крики были столь слабы, что я счёл их своим разыгравшимся воображением.

— Скоро вечер, — напомнил нам Проповедник в очередной, кажется, двадцатый раз. — А мы до сих пор торчим в Кайзервальде.

— В отличие от нас, ты можешь этого не делать, — напомнил я ему. — Бери Тыкву за компанию, и дождитесь нас на границе леса.

— Боюсь, с такой скоростью, как у вас, я сам скоро стану Тыквой или Пугалом на том месте, где стоит вас дожидаться. Так мы заблудились?

— Нет. Направление верное.

— Тогда почему мы ещё в лесу?

— Потому что Пугало высадило нас там, где это было можно.

— Говорил я вам, Людвиг — идите по дороге. Тут безопаснее, тут безо… Опасность! — завопил он, глядя куда-то мне за спину и тем самым спасая жизнь.

Я машинально прыгнул в сторону, и арбалетный болт, пролетев мимо, ударился в древесный ствол.

Гертруда уже швырнула в высыпавших из-за деревьев охотников лиловое проклятие, и мы бросились прочь. Тыква летела у меня над головой и издавала хрюкающие звуки, что я расценил, как глумливое хихиканье. Её (или Пугало, которое ею управляло) погоня чертовски забавляла.

— Как жаль, что пёсики не прикончили всех ублюдков!

Я хотел сказать Проповеднику, что надо довольствоваться тем, что имеешь, но берёг дыхание. За спиной загудел ловчий рожок. Гертруда легко подпрыгнула, крича сущую бессмыслицу, ударила рукой по воздуху, тот со

звоном отозвался, и снежный отпечаток ладони, висящий в двух с половиной ярдах над землёй, медленно угас.

Когда впереди загудел второй рожок, мы изменили направление, побежав вправо, тем самым надеясь сбить погоню со следа.

Тыква продолжала хрюкать, и я с раздражением подумал, что было бы здорово оставить её здесь. Ещё один болт пролетел ярдах в четырёх, теперь уже целились в Гертруду. Заклинание, оставленное девушкой за спиной, грохнуло и взвыло, когда мы пробрались через цепляющийся за одежду кустарник и вывалились на большую поляну.

А затем появились шестеро всадников в одеждах цветов герцога. Они тут же пустили лошадей в галоп, показывая тем самым, что не собираются брать пленных.

— Не думай обо мне! Защищай себя! — крикнула Гертруда, взлетев в воздух, словно птица, и сделав кувырок через голову, так что подол её перепачканного платья раздулся пузырём.

Мне стало не до того, что там происходило в дальнейшем, потому что один из этих господ едва не перерубил меня пополам. Я отскочил, он пролетел мимо, лишь для того, чтобы уступить место своему товарищу. Я не нашёл ничего иного, как воспользоваться *фигурой* искажения пространства, обратив её на себя. Человек к такому нечувствителен, он даже не увидит, что произошло, а животных это сильно смущает.

Лошадь, чтобы избежать столкновения с непонятным для неё препятствием, резко остановилась, и всадник, не удержавшись в седле, перелетел через голову, со всего маха грохнувшись на землю. В полёте он потерял эспадон, чем я тут же воспользовался, но применить оружие так и не успел. Всё было кончено.

Останки людей и лошадей пожирали появившиеся из ниоткуда отвратительные мучнистые черви. Они пульсировали, поглощали плоть, двигая оранжевыми мощными челюстями. Проповедник всем своим видом показывал, что его сейчас стошнит, Тыква хранила задумчивое молчание, а Гертруда сидела на изрытой копытами земле, баюкая сломанную левую руку. Её белые губы скороговоркой шептали одни и те же слова. Сущая бессмыслица, кроме четырёх строчек:

Жилы и мясо,
Кости и кровь.
Всё, что сломалось,
Сложится вновь!

От мертвецов к ней стягивались бледно-сизые дымки, которые окутывали острый осколок кости, выпирающий из разорванного рукава платья.

Ловчие рожки прогудели совсем близко, и мне стало понятно, что с поляны мы не уйдём. Тащить находящуюся в колдовском трансе Геру опасно, прежде всего для неё самой. Случаи, когда колдунов отвлекали во время создания заклинания, и это боком выходило и им самим, и окружающим, бывали. Гертруда ещё во время нашего с ней знакомства предупреждала, чтобы я не трогал её, когда она находится в таком состоянии. Девушка никогда не бросала слов на ветер и никогда не шутила с тем, что касается магии, и я хорошенько запомнил её слова.

На дальнем конце поляны, в просветах между деревьями, появились ловцы.

— Проповедник, ответь мне на один вопрос, — спокойно произнёс я, не реагируя на то, что один из охотников целится в меня из арбалета.

— У? — Он смотрел в том же направлении, что и я.

— Тебе ещё не наскучило со мной находиться? Потому что в ближайшие несколько минут я собираюсь умереть, если, конечно, ты мне не поможешь.

— Что надо сделать?

Удивительно, он почти не колебался, хотя в его голосе проскользнули нотки сомнения.

— Беги к ним как можно быстрее. Если поторопишься, и нам повезёт, мы с тобой ещё пообщаемся.

— Хочу напомнить, что они меня не увидят. При всём своём желании я не смогу их напугать даже своим голым задом, и взаимодействовать с ними у меня тоже не выйдет. Я ведь не тёмный.

— Просто беги, а? — раздражённо рыкнул я, потому что теперь в меня целились четверо, и у одного из них была аркебуза. — А когда я закричу, тут же мчись обратно со всех ног.

Слава господу, хоть я и редко возношу ему молитвы, Проповедник перестал спорить и задавать глупые вопросы. Подобрал сутану, чтобы было проще бежать, тем самым оголив бледно-синие щиколотки и волосатые ноги, и бросился в сторону наших преследователей. Тыква было увязалась за ним, но, почувствовав, какую *фигуру* я создаю, осталась на месте. В пустой Тыкве ума оказалось на десять Проповедников. Я ощущал «руку» Пугала в этой штуке, и оно, кажется, было без ума от свалившихся на нас приключений.

Я сделал шаг в сторону, закрывая собой Гертруду, продолжающую

находиться в трансе, на тот случай, если они всё-таки будут стрелять, и поднял руки вверх, показывая, что не вооружён. Это несколько смутило преследователей, потому что подобного шага они от меня никак не ожидали. Мой поступок дал мне ещё двадцать секунд, чтобы как раз закончить задуманное и чтобы Проповедник успел до них добраться. Душа, оказавшись рядом с восьмёркой людей и десятком ангжисов, стала прыгать, махать у них перед носом руками и всячески поносить их, но они, как и следовало ожидать, ничего не видели и не слышали.

Пёс Господень был прав, когда говорил, что волшебство стражей не может причинить вред живым существам и опасно лишь для тех, кто уже давно мёртв. Ни у кого из нас нет атакующих заклинаний, чтобы остановить врага, как это сделает любой мало-мальски опытный колдун или священник-инквизитор. Ни проклятий, ни благословений. Лишь чёрные кинжалы с сапфирами на рукоятках. Но, как говорится, у любого правила есть свои исключения, а точнее хитрости, которыми некоторые из нас время от времени пользуются, несмотря на возможные серьёзные неприятности со стороны Ордена Праведности.

Мой дар не мог повлиять на охотников, но он отлично работал на Проповеднике. Хитрость в том, что у меня не получится использовать дар, если поблизости не окажется подходящего объекта — души. Именно на этом строился мой расчёт, и именно это я использовал, вызвав *знаки.* Они тремя круглыми шарами замерцали над лесом и камнем рухнули на находящегося рядом с охотниками Проповедника.

— Беги!!! — что было мочи гаркнул я, приведя преследователей ещё в большее замешательство.

Душа поняла, что должно произойти через несколько секунд, и понеслась так, что пятки засверкали. Невидимые *знаки* упали туда, где только что стоял Проповедник, и исчезли, не обнаружив своей цели. Но каждый из них, прежде чем отправиться в небытие, лопнул, разбрасывая вокруг неиспользованную силу.

Клочья вздыбившейся земли, сухой травы и человеческих тел взлетели высоко-высоко в небо. Проповедника тоже хорошо приложило по спине, он пронёсся над поляной, словно святой, обретший умение летать, вопя от ужаса. Впрочем, приземлившись, кричал он уже от злости и негодования.

Я же, не слушая его, бежал к огромной воронке, сжимая в руке эспадон. Тыква летела рядом, хрюкая довольно и важно, словно свинья, которую только что облагодетельствовали корытом сытных помоев.

Вся влажная пожухлая трава была в крови. Останки лежали не только под ногами, но и кровавыми лохмотьями висели на древесных ветвях.

Одуряюще воняло пижмой (побочное проявление возникновение *знака* в этом мире) и смертью. Я впервые в жизни использовал подобный «фокус» и был несколько поражён эффектом. У меня появилась кощунственная мысль, что, возможно, в какой-то степени Орден Праведности поступает верно, запрещая стражам совершать подобное.

Не скажу, что я был опечален гибелью преследователей, но мне, человеку, которому приходилось убивать в силу обстоятельств, убивать честным железом, в поединке, было не слишком приятно смотреть на то, что произошло благодаря моим способностям. Всё-таки уничтожение душ и живых существ — вещи разные. Как-то Карл говорил мне, что в подобные моменты можно ощутить себя равным богу. Но я почему-то ощутил себя равным какому-нибудь демону или злокозненному колдуну, что мне совершенно не понравилось.

В живых остались лишь двое. Ангжис, контуженный и окровавленный, встал на колени и выстрелил в меня из арбалета, промазав шагов эдак на тридцать. Пока он перезаряжал, я подскочил к нему и ударил клинком по горлу, не желая становиться мишенью. Оставив мертвеца, я поспешил к человеку в ливрее слуги герцога, который полз прочь, надеясь скрыться в кустах.

Я догнал его, и он, слыша шаги, повернулся в мою сторону, показывая пустые руки. Его уже немолодое лицо было искажено от ужаса и отчаяния.

— Пожалуйста, господин! Не убивайте!

Окровавленный эспадон в моей руке произвёл на него самое удручающее впечатление.

— Пожалуйста! Я всего лишь слуга! Пощадите!

— Расстегни пояс.

— Что? — не понял он, дёрнувшись от звука моего голоса.

— Пояс. На нём корд. — Остриём длинного клинка я указал на оружие.

Он дрожащими руками сделал, что велено.

— Встань. Сколько вас?

— Я не знаю, господин. Три, может, четыре отряда в разных местах. Я правда не знаю.

Может, он врал, а может, и нет. Мне было всё равно.

— Знаешь, где город?

— Д-да. Недалече. Там. К утру можно управиться.

— Тогда уходи туда. И не возвращайся. Второй раз я могу тебе не поверить. Уходи.

Он не заставил себя упрашивать, смылся в лес, только его и видели.

Тыква выразила всем своим видом неодобрение моему мягкосердечию и демонстративно поплыла обратно к Гертруде и Проповеднику. Я беспокоился о колдунье, но прежде взял арбалет ангжиса и четырнадцать болтов.

— Ты сукин сын, Людвиг! — безапелляционно заявил Проповедник, наставив на меня дрожащий палец. — Да падут тебе на голову все кары небесные, как мне едва не упали твои ублюдочные *знаки!* Я чуть не погиб!

— Тебе ровным счётом ничего не грозило.

— Святая невинность Девы Марии! Ты что, весь разум потерял, когда связался с этой ведьмой?! — завопил он. — Ты разве не видел, как этих несчастных перемололо невидимыми жерновами! Да мука получается и то крупнее! Представляешь, что бы от меня осталось, если бы я не был столь проворен?!

Я склонился над Гертрудой, всё ещё находящейся в трансе. Кость больше не торчала из её руки, но кровь до сих пор сочилась.

— Тебе представилась уникальная возможность спасти нам жизни. В раю это зачтут. А пока просто позволь сказать, что я очень благодарен.

Это несколько примирило его со случившимся и теми моральными травмами, которые он заработал. На всякий случай я влил ещё немного мёда:

— Позволяю тебе напоминать мне о твоём подвиге в любое время и по любому поводу.

— Я непременно этим воспользуюсь, — ядовито произнёс он, всё ещё дуясь. — А также попрошу запомнить, что это был первый и последний раз, когда я попался на твою удочку. Больше я в таких фокусах не участвую. От них слишком сильно попахивает дьявольщиной.

Я не стал ему говорить, что и сам не горю желанием использовать свой дар подобным образом, так как увидел, что на краю поляны стоит уже знакомая мне девушка в голубом платье. Я сделал шаг в её сторону, и она поспешно отступила за деревья.

— Удивительно, — произнесла Гертруда, задумчиво разглядывая свою руку и осторожно шевеля пальцами. — Проповедник, ты меня поразил до глубины души.

— У ведьм не может быть души, — буркнул тот.

— Крайне философский вопрос, — улыбнулась она. — Не знаю, как у других, но поверь, моя душа находится при мне. Так вот, ты меня поразил, и я беру свои слова обратно. От тебя всё-таки есть толк.

Проповедник громко, презрительно фыркнул, но было видно, что он

очень доволен этим неожиданным признанием.

Мы остановились на краткий отдых уже в сумерках, когда осенний лес засыпал, а ледяной ливень вытекал из низких облаков с неторопливой покорностью судьбе, заливая всё вокруг холодной безнадёгой. Свод волшебного купола, как и в прошлый вечер, защищал нас от влаги, земля нагрелась от колдовства, даря комфорт и уют. Единственное, чего не было, так это еды. Мы были голодны, и наши животы то и дело требовательно напоминали нам о себе.

Где-то далеко что-то ревело и трещало, ломая подлесок, а затем угомонилось, оставив лишь шелест бесконечного дождя по буро-жёлтым, опавшим листьям.

Рука у Гертруды зажила, хотя по её осунувшемуся лицу было видно, что заклинание лечения далось ей нелегко. Я сказал об этом, на что колдунья усмехнулась и заметила:

— По гримуару Марбаса [41], для лечения лучше использовать свежую кровь младенца и только что убитого с помощью удушения пожилого человека в пропорции два к трём. Желательно, чтобы она настоялась несколько ночей на перекрёстке, рядом с которым растёт таволга. Как ты помнишь, мне пришлось употребить для этого собственные силы. Ничего. Завтра всё будет в порядке. А уже сегодня я планирую ночевать в трактире.

— Мы пойдём ночью?

— До темноты почти час. Мы успеем. Тьма!

С неба, на плаще, словно на распахнутых крыльях, на нас упал человек. Я прыгнул к арбалету, но тот словно свинцом налился.

Гертруда сдула с ладони проклятие, оно окутало незнакомца и растаяло, не причинив ему вреда.

— Будем считать, что вы переволновались, и поэтому вашу встречу нельзя назвать гостеприимной, — сказал он, касаясь ногами земли.

Этого громилу я уже видел на балу — тот самый, что скакал на лохматой лошадке, а теперь прибыл налегке. Приметный плащ из жёлтого меха, шляпу и платок, закрывающий лицо, я узнал без труда.

— Чего тебе здесь понадобилось, Януш? — зло спросила Гертруда, вскакивая на ноги, и вокруг нас замерцал купол.

— Сядь и убери кинжал, страж, — велел колдун. — Я терпелив, но отнюдь не свят. Не стоит тебе делать глупости. Ты слишком ослабла, Гертруда, чтобы быть для меня опасной, и это меня не остановит. — Он ткнул пальцем в мерцание. — Вас было очень сложно найти, в Кайзервальде оказалось слишком много людей. Отдай то, что ты взяла, и я уйду.

— Не понимаю, о чём ты.

— Прекрасно ты всё понимаешь, — глухо сказал он. — Я прилетел в Кобнэк за тем же, за чем и вы, но ты меня опередила. Душа нужна мне.

— Скажи честнее — она нужна Ордену Праведности, которому ты служишь, — холодно отозвалась девушка.

— Пусть так, — не стал спорить мужчина. — Важно другое, сейчас я смогу справиться с вами. Ты перешла мне дорогу. Он — использовал дар для убийства людей, хотя стражам это запрещено. Я могу арестовать его и в цепях отвести в тюрьму Ордена. И даже Братство его не спасёт оттуда, Гертруда.

Во время этого разговора Тыква флегматично летала вокруг стоянки, изредка клацая челюстями, но когда Гера упомянула Орден, одушевлённый овощ остановился как вкопанный и недобро уставился на Януша. Человек заметил, что я смотрю в сторону, скосил глаза, но ничего не увидел. Слуга Ордена не обладал даром, он был всего лишь колдуном.

— Возможно, стоит отдать ему душу, Гертруда, — тихо сказал я.

Она удивлённо воззрилась на меня. Проповедник сдавленно кашлянул.

— Если он из орденцев, у нас могут быть неприятности, — уточнил я. — Но если мы заключим сделку, то Орден Праведности о нас забудет?

— Да, — тут же ответил Януш. — Вы отдаёте мне душу. Я оставляю вас в покое. Орден ничего не узнает.

Тыква понимающе хрюкнула и подлетела к нему сзади, буравя затылок колдуна взглядом.

Гертруда наконец тоже обратила на неё внимание, но пока не поняла, что происходит. Хотя догадалась, в каком направлении следует действовать.

— Ты скотина, Януш! — прорычала она, вытащив из-за ворота цепочку с кулоном. — Сколько тебе заплатили законники за эту работу?

— Гораздо больше, чем тебе. Потому что не в правилах Братства оплачивать труды собственных стражей. Как видишь, быть с Орденом гораздо выгоднее.

— Я так не думаю, — негромко произнёс я, и Януш подавился воплем, потому что Тыква, перестав церемониться и примеряться, в один укус оторвала ему руку.

Я отвернулся, не желая смотреть на кровавое пиршество. Вопли продолжались всего несколько секунд, затем раздалось поспешное чавканье, сытая отрыжка, и на месте, где только что стоял человек, остался лишь окровавленный плащ и пустая тыква, без всякого намёка на присутствие одушевлённого.

— Что это было, Людвиг? — От случившегося проняло даже Гертруду,

о Проповеднике и речи не было. Из-за кустов раздавались молитвы вперемешку с богохульствами.

— Надо полагать, мастер Пугало решил принять участие в беседе, — осторожно произнёс я. — Оно с чего-то крайне невзлюбило представителей Ордена. В Вионе прирезало Александра, а здесь ему никакого дела не было до того, что происходит, пока оно не узнало, что это человек Ордена.

— Оно его сожрало, Людвиг! — крикнул Проповедник из-за кустов. — Сожрало с костями и потрохами! Ничегошеньки не оставило!

— Спасибо, я вижу!

Я подошёл к тыкве, поднял её, изучил, отбросил в сторону.

— Ушло, — сказала Гертруда.

— Верно. Отобедало и решило не задерживаться.

— Ты ведь ему не разрешал набрасываться на людей! — Проповедник, наконец, явил свой бледный лик из кустов.

— В данном случае при всём своём желании я не могу сказать, что не рад его помощи. Впрочем, я поговорю с ним, когда мы увидимся.

— Очень тебе советую! Пока оно не сожрало тебя!

— Проповедник, погуляй где-нибудь, — негромко сказала колдунья.

— Зачем?

— Затем, что двое людей, которым надо поговорить с глазу на глаз, тебя об этом просят, — ответил я.

— Нужны мне ваши тайны, — процедил он и отправился в лес.

Гертруда проводила его взглядом, убедилась, что он ушёл, и произнесла:

— Я уже говорила тебе несколько раз и скажу ещё — мне не нравится Пугало.

— Я тебя вполне могу понять. Но, согласись, в данном случае без его помощи нам бы пришлось нелегко.

— Не стану спорить. Это так. Но ты ведь понимаешь, *что* ходит рядом с тобой. Тот, кто зародился в обычном полевом пугале, — натура чёрная. Тёмная душа, Людвиг. Очень сильная. Я бы сказала даже — сильнейшая. Пока он под твоим контролем. Но что будет, если он озвереет? Набросится на кого-то… — И, видя, что я хочу возразить, продолжила на тон выше: — Не говори мне, что дело в шляпе! С демонами ни в чём нельзя быть уверенным!

— Ты считаешь, что это демон?

Она вздохнула, посмотрела на окровавленный плащ Януша, мокнущий под дождём:

— Это существо очень сильно и необычно. И если это не кто-то из

демонических легионов, то точно равный им. Не знаю ни одного одушевлённого, который был бы столь странен, от которого веяло бы такой угрозой и которое было способно переливать себя из одного предмета в другой. Ты никогда не задумывался, что надо было твоему Пугалу, раз оно присоединилось к тебе?

— Я сам пригласил его. Потому что оно убило многих из тех, кто прошёл мимо. Я уже как-то говорил — лучше оно будет рядом со мной, чем без меня.

— Почему ты сразу его не уничтожил?

— Ты сама сказала, что этот одушевлённый, истинную природу которого мы не знаем, очень силён. Да ты посмотри — кто из тёмных может себя так сдерживать, чтобы не насыщаться кровью и смертью каждое мгновение! К тому же я ощутил его отчаянье. Там, на ржаном поле. Оно было на грани, и я…

— Сжалился над тёмным одушевлённым, — покачала головой колдунья. — Только ты способен на столь странные поступки, Синеглазый. Я не знаю, куда заведёт тебя это знакомство. Честно, не знаю. Но склонна предполагать самое худшее. Я говорю об этом в последний раз, но тебе стоит подумать о последствиях прежде, чем они произойдут. Пугало недоброе. У него могут быть свои цели. И когда оно их достигнет, ты можешь пострадать.

— Я приглядываюсь к нему и постараюсь разобраться с тем, что оно такое. Если появятся хотя бы малейшие признаки опасности, и я почувствую, что оно перестаёт быть послушным, я с ним разберусь. Обещаю.

— Пора в дорогу. — Она встала, тем самым показывая, что тема закрыта. — Я страшно голодна и если не поужинаю, то съем твоего Проповедника, который столь бесцеремонно подслушивает.

Мы покинули Кайзервальд с наступлением темноты, почти сразу после того, как перепугали колонию фосфоресцирующих огней, которые вылетели из-под поваленной коряги и, сердито мигая, скрылись в чаще, неодобрительно вереща.

Пустыри, начинающиеся за лесом, были мрачным местом и заканчивались деревенским кладбищем, как оказалось, достаточно беспокойным. Рядом с крестом, завернувшись в новенький саван, стояла какая-то жердина с огромными красными глазами. Она не шевелилась, даже когда мы прошли в двадцати шагах от неё.

— Кто это? — спросил я.

— Не знаю. Кто-то из тёмной нечисти. Для живых она не опасна.

— Проповедник бы сказал иначе.

— Он ничего не скажет, потому что труслив и решил обойти кладбище стороной.

— Возможно, и нам стоило так поступить, — сказал я, увидев, что возле каменной ограды, где находились самые старые могилы, шевелятся тени.

Они, шелестя, увязались за нами, ловко прячась за крестами и плитами, стелясь по земле, пока Гере это не надоело и она не кинула в них серебристой искоркой. Тени взвизгнули и бросились во мрак.

— А вот от этих ничего хорошего не жди. Кладбище-то запущено, раз нечисть слетается. Стоит поговорить со священником, когда рассветёт. Земля теряет свою святость.

— Такое вообще возможно?

— Если поблизости сильная ведьма, то запросто. С десяток тёмных ритуалов, пара младенцев, пяток ворон и большое желание сделать зло творят недобрые чудеса. Ну, слава богу, наконец-то! — с облегчением вздохнула она.

Впереди показались огни. Вокруг Кайзервальда, хотя лес и считался тёмным, а порой и проклятым, расположилось достаточно много поселений. Опасностей, как таковых, на окраинах леса было мало, зато выгоды получалось гораздо больше, чем риска. Грибы, ягода, зверьё, а также ценная древесина и золотоносные ручьи на самом юге лесов, возле которых уже лет семь растут новые города.

Деревня при ближайшем рассмотрении оказалась небольшим городком в одну улицу. С собственной ратушей и двумя постоялыми дворами, находящимися напротив друг друга, аккурат рядом с Мазацким трактом. Конечно, это была ещё та дыра, и до крупных населённых пунктов предстояло добираться на лошади день, а то и два, но, вне всякого сомнения, здесь ночевать гораздо приятнее, чем в ночном лесу.

— Сходи, пожалуйста, проверь, много ли там людей и нет ли кого-нибудь подозрительного, — попросил я Проповедника.

Он не стал как обычно роптать, а просто сделал то, что просили, почти мгновенно вернувшись.

— Только местные. В одном — человек пять, и в другом — четверо. Кто из приезжих будет сидеть в этой дыре? Кстати, тот постоялый двор, что справа, кажется мне более приличным. По крайней мере, у хозяина на роже не написано, что он ворюга.

Мы последовали его совету.

Все четверо посетителей, а также хозяин, хозяйка и две служанки уставились на нас так, словно мы были выходцами из бездны. Впрочем, их можно понять. Двое странных незнакомцев в такой глухомани, в некогда белых, а теперь испачканных грязью и кровью рваных нарядах, да ещё и пришедших ночью откуда-то со стороны то ли кладбища, то ли Кайзервальда.

Один из посетителей даже перекрестился, столь поразило его наше появление.

Говорить, что мы стражи, было очень неразумно, нас до сих пор искали, но, оставаясь инкогнито, мы могли нажить ещё большие неприятности, особенно если жители здесь суеверны. К тому же с Ночи Ведьм прошло всего ничего, обязательно найдётся кто-то, кто «видел» нас в небе на помеле, и хорошо, если всё закончится доносом в инквизицию. А вот если они перепугаются настолько, что решат учинить самосуд, то у нас возникнут серьёзные проблемы.

Поэтому я, не колеблясь, показал общественности кинжал с черным лезвием. Все разом вздохнули с облегчением, на лице хозяина воссияла приветливая улыбка, и он засуетился:

— Страж, в наших краях! Пожалуйте, милсдарь. Пожалуйте. Вижу, тяжело вам пришлось. На мерзких ведьм охотились?

Проповедник хихикнул, с большим значением посмотрев на Геру. Люди порой даже не в курсе, чем занимаются стражи, приписывая им что угодно, вплоть до охоты на драконов и рыбалки с целью вытащить из омута очередного проказливого черта.

— Совершенно верно, — не стал переубеждать я его.

— Развелось тварей в последнее время. Не далее как прошлой ночью натерпелся наш город страху. Летали они с визгами и воем. Глаза дьявольские, с тележное колесо каждый, изо рта выскакивала огненная харкотина, а у Альдеры, что в конце улицы живёт, даже молоко скисло. Чего изволите?

— Нужна хорошая комната. Чистая одежда мне и моей даме. Еда, бутылка вина и много горячей воды.

— Всё сделаю в лучшем виде. Вот только с одеждой… такой хорошей и красивой, как у вас, у нас не найдётся. Простые платья.

— Это неважно.

— Идёмте, я провожу вас в комнату.

Проповедник уселся на лавку, поближе к болтающей компании. Понимал, что на ночь мы всё равно выгоним его из комнаты.

— Помоги, пожалуйста, затянуть шнуровку, — попросила меня Гера, повернувшись спиной и перекидывая волосы через плечо на грудь. — На севере Бьюргона ужасные фасоны платьев.

— Ничего. Доберёмся до нормального города, куплю тебе привычную одежду, — утешил я, ловко затягивая узлы.

На её обнажённой шее висел мягко сияющий кулон с душой.

— Ты не узнавал насчёт лошадей?

— Узнавал. Бессмысленно. Здесь они большая редкость. Дилижанса тоже не предвидится. Он приходит сюда один раз в две недели.

— Что будем делать?

— Пойдём пешком до следующего города, там продают лошадей.

Было раннее утро. Хмурое, облачное, разумеется, дождливое. Оно окрасило мир в унылые серо-коричневые оттенки, от которых веяло безнадёгой. Густая дымка сочилась из земли, словно кровь из ран, и туман, смешивающийся с дождём, вызывал лишь одно желание — не вылезать из постели и не покидать уютной комнаты.

Гертруда тоже посмотрела в окно и сказала:

— Хорошо, что нам дали плащи.

— Как ты себя чувствуешь?

— Заговоры лечения всегда давались мне с большим трудом. — Она улыбнулась. — Силы придётся восстанавливать несколько дней. Жду не дождусь, когда окажусь в Арденау, Синеглазый.

— Могу тебя понять, — сказал я, открывая перед ней дверь.

Я расплатился с хозяином, который был безгранично счастлив лишней серебряной монете, и вышел на холод. Гертруда отправилась к церкви, чтобы поговорить со священником о том, что происходит на городском кладбище. Я терпеливо ждал её возвращения, кутаясь в плащ, ёжась и негромко перебрасываясь колкостями с Проповедником, который пребывал в дурном настроении.

Когда появилась колдунья, не сговариваясь, мы втроём пошли по пустынной улице. Тракт оказался узким, отвратительно-грязным и залитым лужами. Туман быстро проглотил городок, название которого мы так и не удосужились узнать. Проповедник хранил тяжёлое молчание, хмурился и думал о чём-то своём, то и дело машинально вытирая кровь на виске.

— Мне не даёт покоя душа из Кобнэка, — сказал я, когда мы пересекли реку по разваленному деревянному мосту, брёвна которого оказались страшно скользкими и такими ненадёжными, что диву можно даваться, как здесь умудряются проезжать повозки.

— Ты о девушке, которую дважды видел в лесу? Я заметила её сегодня

утром, под окном, когда только проснулась. Смогла с ней поговорить. Она не опасна для нас, не беспокойся.

— Но ты не будешь отрицать факта, что она следит за нами? Ведь не просто так она теперь таскается вслед.

— Не спорю, так и есть.

— Рассказать не хочешь? — ровно поинтересовался я, видя, что она не склонна продолжать объяснения.

— Я дала ей слово никому ничего не рассказывать.

— Что за чушь?! — возмутился Проповедник, изнывающий от любопытства. — Какое к чертям собачьим слово?! Ведьмы не держат слова, это противоестественно их тёмной натуре! Да и обещать что-то душам… Людвиг, скажи своей…

— Отстань, — беззлобно бросил я ему, зная, что если Гертруда что-то пообещала, то уже не отступится. — Раз девчонка не опасна, мне нет никакого дела до неё и женских секретов.

— Женщины — сосуд Дьявола! — презрительно сказал старый пеликан.

— Надо думать, ты в этом вопросе мало что понимаешь и к сосуду никогда не припадал, — тут же вспылила колдунья.

Проповедник ответил богохульством и неприличным жестом. Просто душка. Гера скрипнула зубами, но оставила его нападки без внимания, тогда он решил поставить финальную точку в споре, произнеся замогильным, пророческим тоном:

— Моё предчувствие, которое никогда не ошибается, говорит мне о том, что мы ещё схлопочем неприятностей от этой души.

С учётом того, что предчувствие Проповедника ошибалось по двадцать раз на дню, никто не обратил внимания на его предсказание.

— Сколько мы уже идём? — спросила Гертруда, когда вымерший тракт начал петлять меж рябиновых рощ.

— Часа полтора, — ответил я. — Может, два. Туман постепенно расходится, уже позднее утро.

— Клянусь святым Андреем, я в жизни столько не путешествовал, сколько после смерти, — пожаловался Проповедник, шагающий по противоположной стороне дороги.

— Никогда не поздно посмотреть мир, — отозвалась Гертруда.

— Мне, признаться честно, он порядком надоел, когда я был ещё жив. А о том, как он мне опротивел после смерти, я и говорить не хочу, ведьма. Бесконечные дороги, города, деревни, кони и экипажи сводят меня с ума. Из года в год Людвиг колесит по странам, и мне приходится таскаться за

ним.

— Я тебя разве заставляю? — возмутился я. — Ты сам напросился в компанию. Чего теперь жалуешься?

— Между прочим, я спас тебе жизнь, — осклабился он. — Так что теперь тебе придётся слушать мои жалобы ежедневно.

— Как будто раньше я занимался чем-то другим. Пугало и то лучше тебя. Оно хотя бы молчит.

Он оттянул пальцем воротничок сутаны, врезавшийся ему в шею:

— Кстати, как раз хотел поинтересоваться — где его носит?

— Оно насытилось кровью, так что какое-то время его не ждите, — ответила вместо меня Гертруда. — Скорее всего, дрыхнет там, где ты его нашёл, Людвиг. В оболочке огородного пугала.

— Оно вернётся, — уверенно сказал я. — Я уже не раз мог в этом убедиться. Меня больше заботит то, что мы до сих пор на территории Бьюргона. А герцог Элиас — младший брат короля, и пропажа души, скорее всего, должна была всполошить всю семейку.

— Я всё это знаю, Синеглазый. Патрули на трактах, соглядатаи в городах. Если они будут действовать быстро, то мы совсем скоро станем главными врагами королевства, и на нас начнётся полноценная охота. Скорее всего, они подключат ещё и Орден.

— Позовите Пугало! — театрально возвысил голос Проповедник. — Оно пропустит всё веселье! Кстати, ты же ведьма, в конце концов. Сделай что-нибудь. Измените себе внешность или там… сотвори невидимость и летающую карету. Или награди всех преследователей поносом, чтобы им было не до вас!

— Отрадно знать, что ты столь высокого мнения обо мне, — иронично отозвалась Гера. — Проклятие поноса мой самый коронный фокус.

Проповедник понял, что над ним издеваются, и заявил:

— Чтобы черти взяли это бесполезное колдовство. Какой от него тогда прок, если нельзя делать самые простые вещи? Одни сплошные неприятности и закономерный итог — пыточная в инквизиции, а потом и костерок.

Ветер разогнал туман, открыв дорогу, далёкую стену мрачного Кайзервальда, уже давно превратившуюся в чёрную полосу на горизонте, и чёрные фигурки всадников, скачущих по полю.

Я выругался, рванул ремень висящего за спиной арбалета. Тройка конных стремительно приближалась.

— Кажется, это за нами, — совершенно спокойно сказала Гертруда. — До рощи мы не добежим. Нас достанут раньше.

— Напусти на них тех отвратительных червяков! — посоветовал Проповедник.

— От них не будет никакого толка, когда среди тех, кто к нам приближается, есть такой сильный колдун, — ещё более спокойно ответила она. — Его светлость, собственной персоной.

Второй отряд всадников, состоящий всего из четверых человек, выехал из-под прикрытия рябиновой рощи, отрезая нам путь к бегству, хотя в этом и не было никакой нужды.

Я прицелился в того, кто скакал первым, выпустил болт, который тут же ушёл вертикально вверх и исчез в небе. А затем у арбалета лопнула тетива, словно её ножом перерезали.

— Чёрт! — сказал я, отбрасывая бесполезное оружие в сторону и берясь за эспадон.

Проклятие Гертруды, болотный смерч, воняющий гнилью и ряской, накрыл всадников и сгинул. В следующую секунду уже ей пришлось защищаться, и возникшая из воздуха огромная стальная секира, рассыпалась металлическим порошком, окутавшим нас с ног до головы.

— Господи! Господи! Заступница Дева Мария! Вы пропали! — запаниковал Проповедник, в отчаянии заламывая руки.

— Самое время тебе за нас помолиться, — серьёзно ответила ему Гертруда, сплюнув пыль.

Удивительно, но он рухнул на колени и начал читать молитву, коверкая и путая слова. Всадники приблизились, остановили лошадей, окружив нас.

— Госпожа фон Рюдигер, какая встреча, — поприветствовал её герцог, игнорируя меня. — Вас не узнать в этом платье. Поверьте мне — то, что было на балу, гораздо больше идёт той, кого называют белой колдуньей.

— Благодарю за комплимент, ваша светлость, — ответила Гера без всяких эмоций. — Что заставило вас путешествовать по провинции в такой промозглый день?

Он покачал головой и рассмеялся:

— Ваша наглость, Гертруда, не знает границ! Я пригласил вас в свой дом, принял вместе с вами ещё одного стража, был любезен и гостеприимен. И как вы меня отблагодарили? Обокрали! Своровали реликвию моей семьи!

— Вы о той душе, что может уничтожить всю вашу семью? — любезно спросила Гера. — Право, у некоторых странные реликвии.

— Я рад, что вы не отрицаете факта кражи. Подумать только, магистр Братства оказалась мелкой воришкой.

Магистр?! Я бросил быстрый взгляд на девушку, но она и бровью не

повела.

— Не отрицаю. Но мне любопытно, что вы собираетесь теперь делать? — Она была сама любезность, и я, не понимая, что происходит, ждал.

Проповедник молился.

— Ну, перво-наперво, я убью вашего спутника, — холодно ответил герцог.

Я не успел отскочить, зато Гертруда, явно готовая к такой ситуации, закрыла меня собой, широко распахнув руки. Заклинание врезалось в неё, отскочило и упало на крайнего всадника, который вместе с лошадью превратился в едкую слизь.

— Вашей светлости всё-таки не стоит забывать, что он разговаривает с ведьмой, а не с одной из своих бесполезных любовниц, — с презрением сказала Гера, от одежды которой шёл пар.

Лошади сходили с ума, слуги тоже были напуганы, и на их лицах читалось одно — они желали убраться как можно дальше от того места, где колдуны выясняют отношения.

— Ты мне не ровня! — с презрением отозвался герцог, успокаивая лошадь. — И прекрасно знаешь, что я раскатаю тебя в лепёшку, несмотря на твои таланты!

— Но и вам не уйти целым. А уж вашим людям и подавно, — сказала она, и я увидел, как у многих появляется на лицах ещё больший испуг. — Поэтому я ещё раз хочу узнать о ваших планах. Надеюсь, на этот раз они будут куда более разумны.

— Никаких компромиссов! — отрезал он.

— А вот я предлагаю договориться. Я отдам украденное и обещаю не оказывать сопротивления, если вы отпустите Людвига, — вкрадчиво произнесла девушка.

— Что?! — взревел я.

Она вскинула руку, и я, вопреки собственному желанию, заткнулся, больше не имея возможности спорить.

— Он здесь ни при чём, ничего не крал и ни о чём не знал. Всего лишь защищал меня, когда я попросила о помощи.

— И я должен поверить, что два стража не действуют заодно? — глумливо рассмеялся чародей.

— Я молю о том, чтобы вы сохранили ему жизнь, — тихо произнесла Гертруда.

Я попытался возразить жестами, но и это у меня не получилось. Ведьма скрутила меня по рукам и ногам, превратив в безмолвную

неподвижную фигуру.

В глазах герцога появился хищный блеск:

— Хорошо. Вы отдадите украденное мне немедленно и без всяких торгов. А потом отправитесь со мной в Кобнэк и, если будете шёлковой, ваш страж, возможно, доживёт до того дня, когда сможет воспользоваться жизнями собранных душ.

Гертруда дрожащей рукой вытащила кулон, сняла с шеи и кинула ему. Его светлость наклонился в седле, поймав цепочку, поднёс мягко пульсирующий кристалл к глазам, победно улыбнулся:

— Чудесно, госпожа фон Рюдигер. Мне нравится, когда вы становитесь послуш…

Кристалл с мелодичным звоном лопнул, и во все стороны полетели мелкие стеклянные осколки, один из которых до крови расцарапал щеку герцога.

— Глупая шутка! — прорычал Элиас Войский в тот самый момент, когда я обрёл способность двигаться.

— Эта шутка называется последствиями, ваша светлость, — ответила Гертруда. — Любой поступок рано или поздно приводит к расплате. Вы конечно же знакомы с баронессой фон Гляу.

Рядом с лошадью герцога стояла рыжеволосая девушка с очаровательными кудряшками и бледной кожей. На её небесно-голубом платье медленно, но неумолимо проступала кровь. Я моргнул, думая, что зрение меня подводит, но душа, действительно, была видима не только для тех, кто обладает даром. Судя по всему, Гертруда насыщала её своей колдовской силой, поэтому и не могла сражаться с герцогом на равных.

Его светлость между тем побледнел ничуть не хуже девушки, а его губы и вовсе посинели.

— Что?! Это невозможно!

— Вам ли не знать, что в магии возможно всё. — Гертруда придирчиво изучала свои ноготки. — Вы убили её, когда вам было семнадцать? Или восемнадцать? Наверное, это очень обидно, когда тебе отказывают.

— Как она тут оказалась?! — Он старался сдерживаться, не смотреть на свою жертву, платье которой уже наполовину стало кровавым, и я увидел в его глазах глубинный ужас.

— Признаться честно, это моя вина.

— Что ты сделала, глупая ведьма?! — заорал он, брызгая слюной.

— Когда я добывала вот это, — Гера с улыбкой показала ещё один кулон, вытащив его из кармана, — мне пришлось уничтожить *фигуру,* которая сковывала душу. Кроме этой *фигуры* была ещё одна, точно такая

же. Я на всякий случай стёрла и её. Разбираться было недосуг, я была ранена и сочла, что это резервное удержание, но, как оказалось после беседы с баронессой, мой поступок освободил её. Выпустил на свободу после пятнадцати лет заключения. Вы, разумеется, этого не заметили, а баронессе ничего не оставалось, как следовать за нами и надеяться, что я помогу ей. Видите ли, она хотела, чтобы вы смогли увидеть её и знали, почему умрёте.

Он выругался и швырнул в душу заклинание, которое не причинило той никакого вреда.

— Бессмысленная попытка, — с насмешкой сказал я. — Тут нужна помощь стража. И знаете, ваша светлость, на этот раз мне отчего-то помогать совершенно не хочется. А тебе, Гера?

— Спасать убийцу? Это не в моих правилах. Вашей светлости придётся расплатиться за содеянное, и я могу вам лишь посочувствовать.

Он больше не ждал, развернул коня, пытаясь бежать, но вылетел из седла, словно врезавшись в невидимую стену. Попытался встать, оглушённый, ошарашенный и перепуганный, но девушка уже склонилась над ним, улыбнулась, и человек зашёлся в вопле ужаса. Слуги, не выдержав, бросились прочь.

Крик герцога перешёл в булькающий вой. А затем наступила благословенная тишина.

Хрустальный кулон качался на цепочке прямо у меня перед глазами. Грани кристалла ловили тусклый солнечный свет, отражали его зеленоватыми искрами. Я задумчиво всматривался в глубину камня, наблюдая за мягкой пульсацией находящейся там души.

— Словно чьё-то сердце бьётся, — наконец сказал я, возвращая кулон Гертруде.

— У меня была точно такая же ассоциация. — Она выглядела уставшей после целого дня пути, но держалась на редкость хорошо.

Сейчас мы сидели в дилижансе, который совсем скоро должен был отправиться в Альбаланд.

— Удобное вместилище для переноски душ. Я сама его придумала. Хочешь, засуну в такую Проповедника?

— Не дамся! — тут же заявил тот.

— Да я и не сомневалась.

— А попробуешь затолкнуть меня туда насильно, ведьма…

— Боюсь, такой ход не получится. Нужно добровольное согласие. Это обязательное условие.

— Расскажи, кто из вас придумал сыграть такую штуку с герцогом? — задал я мучивший меня вопрос. — Ведь баронесса была тёмной, ты могла её убить, даже не выслушав.

— Но я выслушала, Людвиг. Она просила помощи. Месть держала её в нашем мире, но она была слишком слаба, чтобы самостоятельно её осуществить, так что требовалось хорошо подумать, как это провернуть. Мне пришлось постараться, чтобы дать ей силы для взаимодействия с живой материей и сделать видимой для тех, у кого нет дара. Жаль, что подобные вещи практически опустошают мои колдовские умения. Я посадила бедняжку баронессу в запасной кулон и оставалось лишь дождаться, когда нас найдёт герцог.

— Я бы не назвал её бедняжкой, — заметил Проповедник. — Лично я не умею сделать так, чтобы с человеком случилась подобная оказия.

— Тебя не запирали на пятнадцать лет в *фигуре*, — пожала плечами Гертруда. — Это хуже тюрьмы.

— Надеюсь, его светлость хорошо чувствует себя в аду, — проронил я. — Когда ты собиралась мне сказать?

— О том, что меня сделали магистром? — нахмурилась она. — Вообще не собиралась, Людвиг. Я знаю, как ты их «ценишь», и не думала, что сейчас нам стоило об этом разговаривать. Извини меня.

— Не за что извиняться. Я просто удивлён, — ответил я, не испытывая ни злости, ни обиды. — Я слышал, что освободилось одно место, но не предполагал, что назначат тебя.

— Их выбор понятен. Папа стар и болен, говорят, он не доживёт до следующей Пасхи. А мой двоюродный дядюшка имеет некоторое влияние среди кардиналов, его многие поддерживают, так что есть шансы, что он сможет возглавить Святой Престол, если, конечно, Бробергер и Нарара отдадут за него свои голоса. Поэтому Братство решило подсуетиться.

— Их поспешность оправданна — родственница Папы среди магистров улучшит общение с Церковью, — кивнул я. — Понимаю, почему ты согласилась.

— Ни черта ты не понимаешь, Синеглазый, — неожиданно зло ответила она. — Да, меня беспокоит судьба Братства, и я рада его укреплению. Слишком сильно последние десять лет нас давит Орден. Но это не причина. Я согласилась на условии, чтобы от тебя отстали. Ты знаешь, что был приказ тебя убить после того, как ты ослушался в истории с Хартвигом?! Их расчёты в твоей предсказуемости обратились прахом, потому что ты смог провести его мимо всех наших патрулей! В Братстве страшно перепугались и с трудом тебя нашли.

— Меня сочли неблагонадёжным? — горько спросил я.

— Именно. Мне стоило огромного труда уговорить их отправить тебя в Солезино!

— Так вот кого надо благодарить…

— А какие ещё могли быть варианты? Тебя бы прикончили на каком-нибудь постоялом дворе или в дороге только потому, что никто до сих пор не знает, что тебе рассказал картограф. В охваченный эпидемией Солезино магистры, по крайней мере, не стали лезть, а когда немного успокоились, я заключила с ними договор. Тебя не трогают, словно ничего и не было, а я становлюсь номинальным магистром, который продолжает выполнять свою прежнюю работу и обеспечивать связь с клириками.

Дилижанс тронулся, и я вздохнул:

— Мне стоит сказать тебе спасибо, Гертруда. Ты пошла на слишком большие жертвы.

— Ерунда, — ответила она. — Колдунья, страж, теперь ещё и магистр. На ведьму не липнет никакая зараза. И вообще, это ты разреши мне поблагодарить тебя за помощь.

— Можно и мне сказать спасибо, — вмешался Проповедник. — Не забудьте, что я не только спас ваши жизни, но и молился Господу так истово, что он забрал ваших врагов к себе.

Несмотря на горечь в душе, я рассмеялся. И Гера вместе со мной.

История пятая
Чёртов мост

— Другого способа уйти из жизни он найти не мог, — мрачно сказал я.

Бургомистр, стоящий рядом со мной, едва слышно вздохнул, и его упитанное лицо, украшенное щёточкой жёстких усов, стало ещё более несчастным и озадаченным, чем пять минут назад.

Я подошёл к самому краю моста, глянул вниз, в белесую бездну ущелья, на дне которого вилась чёрная лента горной реки.

— М-да… Когда это произошло?

— В начале ноября, — ответил бургомистр. — Пришёл сюда, встал на край и сиганул вниз.

— Думаю, все его кости превратились в крупинки, — сказал Проповедник, стараясь не подходить к краю. — У него явно были не все дома, раз он на такое решился.

Настроение у меня было хуже некуда. Я рассчитывал добраться до Котерна, где меня ждали дела, но этот тип влез в дилижанс, умоляя о помощи.

— Вы уверены, что самоубийца был стражем?

— Уверен. Когда его отскребли от камней, то нашли кинжал с чёрным лезвием и сапфиром. У кого, кроме вас, они ещё есть?

— Хороший вопрос. Свидетели его смерти были?

— Конечно нет. Здесь редко кто появляется в это время года. Перевалы уже засыпаны снегом, теперь до весны через них в Жмут при всём желании не доберёшься. Ездят кружным путём, через Котерн, а там уж по предгорьям.

— Тогда кто же его нашёл?

— Местный художник. Он часто сюда приходит — рисует Волосы хульдры.

Чёртов мост, удивительно длинный для того, чтобы не падать, сложенный из серых, с зелёным налётом камней, немного горбатый и неказистый, висел над пропастью лишь благодаря гению неизвестного строителя, упираясь в возвышающиеся над ним отвесные скалы. С одной из них срывалась текущая с плато река, превращаясь в огромный, белопенный водопад, бесконечно падающий в ущелье, поднимая в воздух тучу ледяных брызг. Они оседали на камнях и перилах, превращаясь в

ледяные наросты и сосульки. Водопад был настолько близко от моста, что казалось, ревущий поток зацепит тебя и утащит следом за собой в пропасть.

— Однако и зрение у вашего художника. Как у орла. — Я вновь посмотрел вниз и едва смог различить отдельные камни. — Кто занимается расследованием?

— Никто, — пожал плечами губернатор. — Властям Дерфельда не интересны самоубийства.

Я скрипнул зубами. Не в правилах стражей умирать таким образом. За всю свою жизнь я не слышал ни об одном, кто бы решил уйти из жизни. Стражи погибали постоянно, но вовсе не оттого, что кидались с мостов.

— Получается, он погиб около двух недель назад. Следовательно, его уже закопали?

— За кладбищенской оградой, так как священник запретил хоронить совершившего смертный грех на святой земле.

— Город хоть что-то полезное сделал? — Я начал свирепеть.

Лежать стражу на неосвящённой земле — оскорбление для Братства.

— Конечно. Магистрат отправил письмо в Арденау с курьерской службой, приложив к нему описание кинжала.

— А сам клинок?

— Полагаю, с ним поступили согласно закону.

— Хотел бы я на него взглянуть…

Бургомистр пожал плечами и осторожно поинтересовался:

— Так вы разберётесь, что произошло?

Я задумчиво посмотрел на него:

— Вы же сами сказали, перед нами обычное самоубийство.

Он погладил усики и произнёс, словно размышляя:

— За свою жизнь я видел только трёх стражей. Ни один из них не собирался сводить счёты с жизнью. Конечно, не знаю, как насчёт этого парня — встретиться с ним не пришлось, но, мне кажется, здесь нечто иное. В Дерфельде последнее время творится что-то странное. Не спрашивайте что — я не знаю. Это ощущение, а оно меня ещё никогда не подводило.

Проповедник, не желая больше находиться на мосту, который исключительно по капризу Провидения всё ещё висел между небом и землёй, начал ныть, что здесь нам всё равно не узнать ничего интересного. Вопреки обычаю, на этот раз я был с ним совершенно согласен.

— Есть спуск вниз?

Бургомистр живо кивнул:

— Да, но не здесь. Следует вернуться в Дерфельд и оттуда пойти по старой южной дороге. Часа за полтора можно добраться.

— Не быстрый способ, — промолвил я, подув на озябшие пальцы.

Пугало так не считало. Оно оказалось на краю перил, сделало шаг и рухнуло вниз. Проповедник успел только ахнуть.

— Странное чувство юмора у вашего приятеля, — сказал бургомистр, который, как и я, смотрел на камнем падающее Пугало. — У него явно какие-то проблемы с головой.

Это было забавное утверждение, притом что затылочная часть головы бывшего бургомистра города Дерфельд напрочь отсутствовала.

— Так вы поможете? — спросила душа.

— Посмотрю, что можно сделать, — уклончиво ответил я.

— Другой тоже так сказал, — ответил бургомистр.

— Другой? — нахмурился я. — В Дерфельде есть ещё страж?

— Да. Приехал дня три назад.

— Имя помните?

— Я и ваше имя не спрашиваю. Память на имена чужаков у меня ещё при жизни была плохая.

— Кто тебя так? — Проповедник не смог скрыть своего любопытства.

— Любовник жены, — ответил бургомистр, пощупав рану. — Знаю, выглядит ужасно.

— Его нашли?

— На следующий день. И их судьба гораздо менее завидна, чем моя.

— Хм, но вы-то всё ещё тут, — сказал я.

Он покосился на мой кинжал, со вздохом произнёс:

— Не могу оставить свой город. Нынешний бургомистр неопытен, а я здесь тридцать лет управлял, каждую травинку знаю. Помогаю ему, чем могу.

Ещё одна неутешная душа, считающая, что ей рано в лучшие миры. На своём веку я таких повидал — не счесть.

Бургомистр остался вздыхать на мосту, а я отправился в город по серпантину дороги, тянущейся вдоль старых скал Агалаческих гор. Проповедник догнал меня через десяток минут, с нетерпением спросив:

— Что думаешь обо всём этом?

— Ничего. У меня нет никаких мыслей и предположений. Человек прыгнул с моста, только и всего. На это у него мог быть миллион причин, его души поблизости я не вижу, так что просто спросить и закончить всё быстро — не получится.

— Души стражей успокаиваются навеки.

— Спасибо, я помню, — буркнул я. — Зайду в магистрат, постараюсь узнать подробности. Разыщу приехавшего стража, если он всё ещё в городе. Возможно, спущусь к реке, хотя и считаю последнее бесполезной тратой времени и сил. Следы давно остыли.

Я не знал, кто из наших умер, возможно, это был тот, кого я хорошо знал, быть может, даже один из моих немногочисленных друзей. Неизвестность — хреновая штука. Можно гадать до бесконечности, но обычно все догадки рушатся прахом, потому что ты всё равно не готов к тому, что тебя ждёт.

От Чёртова моста до Дерфельда было минут двадцать быстрой ходьбы. Дорога хорошо промёрзла от ночного холода, но без ледяной корки, иначе спускаться по такой — сущая морока. Снег, выпавший прошлым вечером, лежал на земле, словно тонкая зефирная прослойка альбаландских пирожных. Он не выдерживал солнечных лучей, подтаивал и по краям становился рыхлым и пористым.

Тёплая куртка, штаны и кавалерийская меховая шапка с лисьим хвостом пригодились мне в путешествии и дарили комфортное тепло, а вот вязаные перчатки не спасали от носящегося среди скал холодного ветра, и пальцы мёрзли.

Дерфельд располагался в месте слияния рек, вырывающихся из двух туманных и нелюдимых ущелий, словно спущенные с цепи псы. Высокие холмы, окружающие его со всех сторон, лишали жителей прекрасного вида снежных гигантов, но стоило подняться чуть повыше, как раз на ту высоту, где я находился сейчас, и горная цепь, разрезающая Фрингбоу на две неравные части, лежала как на ладони.

Дерфельд был шестым по величине городом королевства, власть здесь принадлежала графам из старой фамилии Луаз, которая могла поспорить знатностью своих предков со многими королевскими династиями из соседних государств. Замок Шкар, располагавшийся недалеко отсюда и венчавший скалистый холм, словно огромная пятизубая корона, уже лет восемь пустовал. Старый граф предпочитал более тёплый климат, проживая на юге королевства, а молодой виконт останавливался в городском дворце, а не в древней, тяжело протапливаемой обители пращуров, в окружении сквозняков и фамильных призраков.

В прошлые года, когда Фрингбоу ещё не был королевством, а существовал как несколько раздроблённых княжеств, которые вели между собой бесконечные локальные войны, Дерфельд снискал себе боевую славу, а его жители — репутацию серьёзных бойцов, которые терпеть не могли, когда к ним из-за перевала лезут соседи.

Наёмные отряды из Дерфельда ценятся до сих пор по всему миру. Их с удовольствием нанимают многие, в том числе и торговый Лавендуззский союз, у которого в Фрингбоу большое представительство. Впрочем, теперь город не так грозен, как раньше. Княжеств не существует уже несколько веков, и здесь, в центре страны, горожанам нечего опасаться. Тихое местечко, где из достопримечательностей лишь камень, на котором когда-то пару минут посидел святой Лука, в честь чего здесь впоследствии отстроили большой монастырь, да летний фестиваль петушиных боёв, на который съезжаются любители этого зрелища со всех концов государства. Во всём остальном — ничего необычного. Город как город. Со своими судьбами, историями, трагедиями и жизнями.

Таких везде хватает.

В Дерфельде, несмотря на близкое соседство с горами и скорое начало зимы, снега было удручающе мало, хотя заморозки случались каждую ночь, и поутру ветви деревьев, стальные флюгера и траву покрывал необычайно красивый иней.

Большинство жилых домов здесь сложены из серого кирпича, частенько сверху обитого тёмным деревом. Крыши из коричневой черепицы — неравносторонние, одна половина короче, чем другая, чтобы снег не задерживался и сползал вниз. Резные перила, лесенки и балкончики создавали некий уют, а летом здесь должно быть очень красиво из-за многочисленных цветочных горшков, которые хозяйки вывешивают на улицу.

Сейчас же улицы казались голыми, неуютными и холодными. На церкви рядом с приземистой ратушей единожды ударил колокол, извещая о том, что уже час дня. Ему тут же ответили монастырские звонницы.

Сам монастырь, находившийся на скале, над рекой, отсюда казался крохотным, хотя, думаю, он не уступал размерами графскому замку Шкар, находящемуся на противоположной стороне долины.

Душа бывшего бургомистра вытащила меня из дилижанса, следующего в Котерн, ранним утром, и я, порядком раздосадованный тем, что уступил, отправился к мосту только после того, как мне показали приличный постоялый двор, где я оставил саквояж.

Теперь следовало зайти в ратушу и поговорить с нынешним, на этот раз живым, бургомистром, но городская управа оказалась закрыта.

— Нам здесь не рады, — заключил Проповедник.

Я пересёк прямоугольную площадь, всю заваленную промёрзшими лошадиными яблоками, и оказался рядом с табачной лавкой, возле которой стояли двое мужчин.

— Где можно найти бургомистра? — спросил я.

— А тебе зачем? — не слишком приветливо отозвался один из них.

— Хочу поговорить о важном деле.

— С одним тут уже поговорили, да так, что половину башки снесли, теперь ищи его на кладбище.

— Да ладно тебе, Тим, — сказал другой, маленьким ножичком распаковывая пачку табака. — Смотри, парень. Пойдёшь по этой улице, мимо мясного ряда. За ним свернёшь направо и через дом — ещё раз направо. Там тебе любая собака скажет, где он живёт.

Я поблагодарил его и пошёл прочь, слыша, как первый выговаривал за моей спиной:

— Какого хрена тебе было ему показывать? Видно же, что не местный. А вдруг и правда прибьёт?

— Какая разница? — беспечно отозвался второй. — Что, город новых бургомистров не найдёт?

Я усмехнулся — горожане, как и везде, обожают свою власть. Просто на руках готовы носить.

— Ты сегодня ироничен, как никогда, — сказал мне Проповедник.

— А ты как всегда невоспитан. Я уже устал повторять, хватит лезть в мою голову.

— Мне скучно.

— Это не оправдание. Если нечего делать — сходи за Пугалом.

— Два часа в одну сторону ради сомнительной компании с молчаливым страшилой? Ха-ха, — мрачно изрёк он. — Оно вторую неделю само не своё. Рыскает, словно волк, каждую ночь. Приходит под утро, только когда ты просыпаешься.

— Оно не сделало ничего предосудительного.

— Как же. Если оно никого не начикало своим серпом, значит незапятнанно, словно Дева Мария, что ли? Быть может, оно заглядывает в окошки к девственницам, которые знать не знают, что за чудовище изучает их прелести.

— Старый извращенец, — пробормотал я себе под нос. — Только ты занимаешься подобным.

— Между прочим, я всё слышал! — оскорбился он.

Я отступил к стене, пропуская трёх конных егерей в лихих лохматых шапках набекрень, тёмных шерстяных мундирах и коротких меховых плащах.

— Ты дуешься на Пугало лишь потому, что оно вот уже третий день подряд обыгрывает тебя в «Королевскую милость [42]».

— Ничего подобного! — возмутился Проповедник. — Дело совсем не в проигрыше!

— То есть ты считаешь, что за девять лет твоего блуждания за мной я не успел хорошо изучить твою обидчивую натуру? — задал я риторический вопрос.

— Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силён [43], — с достоинством произнёс он.

— Я тебя умоляю, оставь цитаты из святых книг. Всё равно большинство из них ты не читал ни при жизни, ни тем более после смерти!

— А что ты хочешь от обычного сельского проповедника? — усмехнулся он. — Грамоте я обучился отнюдь не в юношеском возрасте.

— Поэтому половина фраз, которые ты запомнил, выходят у тебя исковерканными и путаными. Не говоря уже о церковном языке. Даже Пугало коробит, когда ты начинаешь распевать молитвы.

— Оно просто завидует моему голосу.

— Молодой господин, купите булочку. — Бойкая голубоглазая девчонка в меховой повязке на пшеничной голове, торговала сдобой за углом от мясных рядов.

Она приветливо улыбнулась мне, и я купил у неё крендель с сахарной глазурью и яблочной начинкой.

— Она сама как булочка, — сказал Проповедник.

Я не ответил, был слишком занят сдобой.

Один из домов, на первый взгляд ничем не отличающийся от остальных на этой улице, привлёк моё внимание. Уже немолодая женщина поднялась на его крыльцо, отомкнула дверь и скрылась в здании. Я не понял, что меня смущает, поэтому остановился, встал напротив, чтобы не мешать людскому движению и, доедая крендель, хмурился. Затем осознал — у неё в руках был высохший пучок трав. Если конкретно — таволга, шиповник и рубус [44]. Ничего предосудительного, если не располагать сведениями, что подобное сочетание растений в новолуние увеличивает колдовскую силу. А до новолуния оставалось всего лишь несколько дней.

Возможно, это совпадение, а возможно, я только что видел местную ведьму. Она крайне неосторожна и беспечна, раз ходит с таким букетом по улице. Знающие люди есть везде, и не факт, что первым делом они не побегут к Псам Господним.

Я обернулся на дом колдуньи и увидел, как на втором этаже слабо дрогнула занавеска. За мной наблюдали. Проповедник, в отличие от меня,

ничего не поняв, продолжал беспечно болтать.

До ведьмы мне не было ровным счётом никакого дела, так что я пошёл своей дорогой.

Мужчина, указавший мне направление, не соврал, и первый же прохожий показал на трёхэтажный дом бургомистра. Я постучал в дверь, которая через минуту распахнулась, и сразу откинул полу куртки, показывая кинжал пожилому слуге.

— Сейчас сообщу, — кивнул он. — Вам придётся подождать.

Ждать пришлось в светлой комнате, где главным украшением был камин и огромные оленьи рога. Бургомистр, дородный мужчина в тёплой распахнутой шубе, вошёл в неё стремительно и сказал, даже не представившись:

— Нет!

Я переглянулся с Проповедником, и тот пожал плечами, говоря тем самым, что тоже не понимает, что происходит.

— Что нет? — уточнил я.

— Не заплачу.

— За что?

Бургомистр нахмурился и сказал:

— Мне сказали, что вы страж.

— Верно.

— Стражи обычно уничтожают тёмных душ.

— И снова в точку. — Я решил проявить терпение.

Он начал понимать, что я ни черта не понимаю, и недоумённо вопросил, всплеснув руками:

— Так вы не по поводу тёмной души?!

— В Дерфельде есть тёмная душа?

— Так я о том и толкую, страж! Так вот — мой ответ «нет». Не заплачу даже медяка. Ваш коллега уже успел содрать с меня десять цехинов [45], предназначенных для рождественских празднеств, которые мне пришлось вытащить из городской казны. Город больше не может тратить такие суммы.

— Я пришёл к вам не по этому вопросу.

Бургомистр нахмурился, водрузил на голову ромбовидную ондатровую шапку, которую до этого держал в руках:

— Погибший страж?

— Верно.

— Я уже всё рассказал вашему коллеге.

— Теперь придётся рассказать мне, — стальным голосом произнёс я,

потому что этот тип уже начал меня доставать. — Если, конечно, вы не желаете, чтобы Братство проводило полноценное расследование в вашем городе.

Он обречённо вздохнул:

— Хорошо. Не возражаете, если мы пройдёмся? Я тороплюсь на заседание купеческих общин.

Я кивнул, и мы вышли на улицу, оставив Проповедника в доме. Того заинтересовала фарфоровая статуэтка танцовщицы, работы литавских мастеров, и он крутился вокруг неё, стараясь запомнить все детали, начиная от стройных белых ног и заканчивая короткой синей юбочкой.

— Что вы хотите узнать?

— Как было его имя?

— Марцин. Совсем ещё молодой парень.

Стража с таким именем я не помнил. Возможно, кто-то из новичков. Я слишком редко бываю в Арденау, чтобы знать в лицо все выпуски.

— Что он здесь делал?

— Обычная ваша проверка, никаких душ у нас не было, так что он походил, а потом исчез. Подумали, уехал, даже не подписав бумаги, пока его тело не нашёл художник. Я приказал отправить письмо в Братство, как только узнал о трагедии.

— Вы поступили совершенно правильно. Что-нибудь ещё можете сказать?

— Да нет… — Он небрежно кивнул, отвечая на приветствие горожанина. — Нормальный парень. Дружелюбный и весёлый. Жить бы ему и жить… Что его на Чёртов мост потянуло, ума не приложу. Начальник городских караулов порасспрашивал жителей, но ничего конкретного узнать не смог. Выходит, что и стражи порой отчаиваются в жизни, несмотря на то, что она у них длиннее, чем у обычных людей. Ну, мы пришли. Мне пора.

— Мне нужен его кинжал, — сказал я, загородив ему дорогу.

— Орден Праведности уничтожил его в тот же день, как мы нашли труп.

Я нахмурился:

— В городе есть представитель Ордена?

— Конечно, — с некоторой обидой произнёс он. — Дерфельд всё-таки не занюханная деревня! Госпожа Франческа сломала клинок при свидетелях. Был я, наш священник, начальник городских караулов и кастелян его милости графа. Всё по закону.

— Осколки выброшены?

— Их похоронили вместе со стражем, как этого требуют правила.

— В городе в последнее время происходило что-нибудь странное?

— Только появившаяся тёмная душа. А так — тишина, да покой.

— Где её видели?

— В старых амбарах, у реки Каменистой. По счастью, она не спешит выползти на улицы, хотя мы уже пригласили инквизитора.

— Он здесь не поможет.

— Поэтому я и заплатил проезжающему стражу. Вы ведь не забыли, что город больше не даст денег? — напомнил он мне, прежде чем уйти.

Я направился прочь, понимая, что ничего более узнать от него не смогу.

Старые амбары располагались на берегу бурлящей Каменистой, которая, несмотря на холод, и не думала замерзать. Серо-голубая ледниковая вода гремела, словно пехотные боевые барабаны, возвещающие о начале атаки. На противоположном берегу уже начинались необжитые земли — холмы, покрытые ельником, которые поднимались всё выше и выше и, наконец, превращались в горы.

Городской заплеск [46], в отличие от другой стороны реки, был низким, голым и завален гладкими округлыми серо-белыми камнями разной величины, которые за многие годы хорошенько обтесала вода. Идти по ним было нелегко, они оказались скользкими от наледи.

До жилых кварталов отсюда далековато. Вокруг — глухие окраины, где местные держат огороды. Судя по всему, раньше старые амбары принадлежали маслобойне, которую снесла поднявшаяся река во время одного из весенних паводков. Теперь большие просторные строения пришли в упадок, и из пяти зданий полностью сохранилось лишь одно — самое дальнее от реки. Всё остальные выглядели столь жалко, что о том, чтобы их восстановить, не могло быть и речи.

Оскальзываясь и чертыхаясь, я подошёл к уцелевшему строению в тот момент, когда дверь распахнулась и амбар выплюнул из своего чрева человека. Тот пролетел пару ярдов, ловко приземлился на руки и, совершив перекат, встал, ругаясь на чём свет стоит.

Из барака раздался издевательский замогильный хохот.

Мужчина сплюнул, увидел меня, и на его красивом лице отразилось удивление:

— Клянусь всеми святынями нашего мира, я не верю, что это ты!

— Привет, Львёнок, — сказал я. — Что ты сделал со своими волосами?

Его светлые волосы были гораздо короче, чем прежде. Хвост достигал всего лишь середины лопаток. Он скривился, словно я потоптался на его любимой мозоли:

— Помнишь ту озёрную ведьму, которую ты видел в Кобнэке? Мы немного повздорили, когда под утро добрались до её очаровательного домика.

— Злить ведьму? Ты с ума сошёл, — сочувственно произнёс я, так как имел некоторый опыт общения с некими ведьмами. — Она могла устроить нечто и похуже.

— Что может быть хуже?! — не согласился он.

— И какую же бестактность ты ей сказал?

— Никакой. Ей просто не понравилось, что я был любезен с Асфир.

— У-у-у… — протянул я, вспомнив черноглазую красотку. — Я начинаю понимать озёрную ведьму. Гьйендайвье сцапала тебя, да?

— Конечно нет! Мы просто поговорили! — решительно заявил Вильгельм, хотя я сомневался, что Львёнок с его темпераментом ограничился одними лишь разговорами. — В общем, мы повздорили, и она отчекрыжила мне волосы. До сих пор не растут.

— Советую тебе найти её и извиниться.

— После того, как она нашла засос Асфир на моей шее? Не думаю, что это поможет, — огорчённо буркнул он. — Мне кажется, что к её озеру теперь вообще лучше близко не подходить.

Из амбара вновь донёсся хохот.

— Кто у тебя там? — Я посмотрел в тёмный провал распахнутой двери.

— Проказник. Ненавижу их. Никогда не мог с ними справиться с первого раза! Так ты не ответил, что тут делаешь?

Львёнок явно не горел особым желанием лезть внутрь.

— Мне сказали, в Дерфельде умер страж, и попросили кое-что проверить.

— Я по той же причине. — Он отряхнул колени. — Прошло чуть больше месяца с Ночи ведьм, а кажется — целая вечность. Ты в курсе, что Гертруда стала магистром?

— Да, — ответил я тоном «не желаю это обсуждать».

— Понимаю тебя, приятель. В любом случае у неё всё хорошо, если тебе это интересно.

— Ты её видел?

— Как раз еду из Арденау обратно в Литавию. Вот, решил немного пополнить кошелёк перед долгой дорогой. — Он кивнул на амбар.

— Тебе помочь? — Я помнил, что страж терпеть не может это племя душ ещё со школьной скамьи.

Львёнок помялся для вида и сказал:

— Будь это даже окулл, я бы не просил, но проказники для меня худшее, что только может быть. Знал бы, с кем столкнусь, оставил бы его в покое.

— Ну и оставь, — лениво ответил я.

Проказники хоть и считаются тёмными, но обычно редко причиняют вред окружающим. Ну, разумеется, кроме пары-тройки невинных шуток в день.

— Денежки уже получены, деваться некуда.

— Тогда пошли, — принял решение я, вынимая клинок.

В амбаре пахло сыростью и холодом. Помещение было совершенно пустым, снаружи, сквозь дырявые доски, проникали тонкие ниточки солнечных лучей, и слышался гул реки.

Наверх вела приставная лестница, я хотел к ней подойти, но Львёнок схватил меня за рукав:

— Даже не думай. Уверен, что последняя ступень обвалится, и ты загремишь вниз. Шутка вполне в стиле этой твари.

Я пожал плечами и долбанул в потолок подходящей *фигурой*. В следующее мгновение оглушённый проказник, больше похожий на лохматого бобра с человеческими руками, пролетел сквозь потолок и рухнул на пол, пуская из зубастого рта чернильные мыльные пузыри.

— О таком варианте я не догадался, — с сожалением произнёс Львёнок. — Не возражаешь, если его прикончу?

— Валяй, — пожал я плечами.

Он двинулся к оглушённой душе, а я отмахнулся от одного из парящих по помещению пузырей. Тот беззвучно лопнул, и я с удивлением уставился на свои пальцы, оставшиеся абсолютно чистыми. Шутка не в обычаях души, которая бы страшно радовалась, что я месяц не могу отмыть от чернил изгаженные руки.

— Это не проказник! — заорал я.

Львёнок, всегда быстро соображавший, когда дело касалось общения с душами, ловко отскочил в сторону, рассекая воздух кинжалом крест-накрест, благодаря чему метнувшееся к нему тяжёлое тело врезалось в преграду так, что из *фигуры* во все стороны брызнуло бесцветное пламя, словно сок из раздавленного апельсина.

Я уже почти активировал *знак*, но меня подхватила волна ледяного воздуха и крепко приложила о стенку амбара, так, что лопнули гнилые

доски. Я упал, и пока Вильгельм устраивал с душой пляски, запустил руку во внутренний карман куртки. Дыхание перехватило, рёбра ныли, я слышал рёв «проказника» и чувствовал, как Львёнок создаёт *фигуру* за *фигурой*, ослабляя стремительный натиск противника, пытавшегося до меня добраться.

Не глядя, я выгреб из кармана три золотых флорина, подбросил их в воздух, сплетая вокруг них свой дар, пока монеты не раскалились добела, обратив золото в чистый свет.

— Готов! — предупредил я Вильгельма.

Он отступил в сторону, разваливая кинжалом созданные им преграды. Душа с утробным рыком просилась в брешь, и я загнал вертящиеся у меня над головой монеты ей в глотку. Она поперхнулась, отшатнулась, и угодила под *знак* Львёнка, выжегший почти всю её суть. Ослепшая, оглохшая, потерявшая большую часть своих сил, душа всё ещё пыталась дотянуться до стража, так что я не стал ждать, когда она вновь подкачается силой, и завершил дело, воткнув в неё кинжал. Она перетекла в клинок, оставив мне в награду звон в ушах и лёгкую тошноту.

— Уф. — Вильгельм вытер рукавом лоб. — Вот это разминка. Одна из форм перевёртыша, как я понимаю.

— Совершенно верно. Ловко он корчил из себя недотрогу, едва нас не обманул. Обычно стражи проказников не гоняют, думал, что и его мы оставим в покое. Если бы не твои принципы, я бы так и поступил.

— Иногда полезно брать деньги вперёд, — пробормотал он. — Спасибо, старик. Твоя помощь оказалась очень кстати. В одиночку мне пришлось бы с ним повозиться.

Я решил не быть скромным и сказал:

— Тогда гони три дуката в компенсацию тех флоринов, что мне пришлось потерять.

— Не вопрос, — сказал он, отсчитывая монеты. — Здесь пять. Ровно половина от заработка.

— Возьму только три. — Я забрал с его ладони золотые кругляши, и он не стал настаивать. — Ванилью в амбаре не пахнет, значит, перевёртыш появился здесь недавно. Зимой они впадают в неактивное состояние. Вполне удобная берлога, чтобы дождаться весны, а затем ползти питаться в город. А стать проказником — хорошая защитная реакция.

— Ну да. Какой страж будет терять время на пустого шутника? К тому же за них редко кто платит.

— Ну, только если за деловые переговоры не берёшься ты, — усмехнулся я. — Сколько тебя помню, всегда умел выжать из городских

властей гораздо более высокую цену, чем другие.

— У каждого есть свои маленькие таланты, — вернул мне усмешку Львёнок. — Надо отметить встречу и удачное дельце. Где ты остановился?

— В «Скользком Льду».

— Ну, до тебя ближе, чем до меня. Значит, ты приглашаешь.

На постоялом дворе он заказал бутылку креплёного вина, на мой взгляд, слишком сладкого для того, чтобы получить удовольствие. Впрочем, я не спорил. Мне было ровным счётом всё равно, что пить, особенно после того, как хозяин сказал, что молоко, которое я у него попросил, скисает уже третий день.

Проповедник и Пугало торчали в комнате, собираясь сыграть в очередную партию «Королевской милости». Замызганные игральные карты, примитивно нарисованные картинки которых давно выцвели, они добыли в какой-то ночлежке и, не спрашивая моего разрешения, кинули мне в саквояж. Это произошло где-то недели две назад, когда я возвращался с севера, но заметил я их лишь недавно, после того, как эти умники начали резаться в азартные игры, не во время моего сна, а при свете дня.

Проповедник, который практически не обладал умением взаимодействовать с материальными объектами, прилагал множество усилий, чтобы удерживать карты в руках, и страшно завидовал Пугалу, которое могло хоть пасьянсы раскладывать.

— Здорово, Проповедник, — сказал Вильгельм. — Идёт карта?

— Не твоими стараниями, — проворчала душа, показывая тем, что игра далека от идеала.

Львёнок глянул на Пугало, но никакой бурной реакции не проявил. Лишь кивнул одушевлённому, и то, после недолгого колебания, склонило башку в соломенной шляпе в ответном поклоне, продолжая идиотски улыбаться. Оно было в ударе и счастливо, что вновь оставляет Проповедника, который раньше кичился своим умением играть, в дураках.

Львёнок подвинул стул, сел рядом с Пугалом, откупорил бутылку:

— Где у тебя стаканы?

— Были тут, — озадаченно произнёс я, оглядывая комнату.

— А мы вот так! — улыбнулся Проповедник, покрывая расклад соперника. — Пугало убрало их к тебе в саквояж. Они на столе мешали.

— Вы, ребята, дождётесь, что меня из-за вас перестанут пускать в приличное общество, — покачал я головой. — Только славы мелкого воришки мне не хватало.

Я вытащил стаканы, поставил перед Львёнком. Он разлил вино и объявил:

— Пожалуй, я перееду на этот постоялый двор. Здесь веселее.

— Милости просим. — Проповедник почти закончил партию, тогда как у Пугала на руках оставалось ещё шесть карт.

— Именно поэтому ты шептался со служанкой внизу? — усмехнулся я.

— Чего время терять? — невозмутимо ответил он, откинувшись на стуле и заглядывая в карты Пугалу.

Оно возмущённо отпрянуло, пряча от чужого взгляда картинки, и стало выкладывать их на стол одну за одной, в порядке возрастания, вколачивая гвозди в гроб победы Проповедника. Тот выругался, выбросил свою оставшуюся карту и буркнул:

— Тасуй, ещё раз.

— Проваливайте на подоконник, — велел я им. — У нас серьёзный разговор.

Пугало беспрекословно послушалось, Проповедник, стеная, поплёлся за ним.

— Интересный у тебя новый приятель, — отметил Львёнок. — За встречу. Чтобы она была не последней, а друг всегда мог подставить плечо.

Стукнув стаканами, мы выпили вина, казалось впитавшего в себя всю прелесть раскалённого летнего дня.

— Новости из Арденау есть? — спросил я.

— Нет, всё как обычно. Разве что Орден перестал наседать, и магистры вздохнули с некоторым облегчением. Законники за последнее время несколько утратили влияние на севере и востоке, хотя запад и юг их поддерживают. Ну, ещё говорят, что нынешний выпуск из школы будет очень сильным. Мол, надежда Братства, новое поколение, гораздо более прогрессивное и послушное, чем некоторые из прежних учеников.

Он отсалютовал стаканом.

— Мне кажется, что с этим выпуском будет та же история, что и со всеми остальными. Шестеро из десяти не переживут первого года службы, а ещё один умрёт в следующие три года.

— Вполне возможно, что и так. Но магистры полны оптимизма, впрочем, крайне нездорового. — Львёнок опрокинул вино в глотку, налил ещё. — Ты знаешь, что Карл пропал?

Я нахмурился, показав ему рукой, чтобы продолжал рассказывать.

— Не явился на встречу, как этого требовал совет. С середины октября как сквозь землю провалился. В последний раз его видели в Фирвальдене, и, судя по всему, он страну не покидал.

— Есть догадки, что могло случиться?

Вильгельм развёл руками, покосившись на карточных игроков:

— Дороги год от года опаснее. В городах ночью орудуют душегубы. Везде полно иных существ, половина из которых никогда не была дружна с людьми. Ведьм и колдунов я вообще не упоминаю. Ещё Орден. Ещё личные враги. Ну и нечисть, разумеется, никогда не успокаивается. Выбирай любой вариант, любую причину. Возможно, его просто что-то задержало, со мной такое бывало. А может, свалился с лошади и свернул себе шею или нарвался на кровавый буран. В любом случае я желаю старине Карлу удачи, хотя слышал, что между вами были какие-то трения.

— Надеюсь, что он выберется, — ответил я, не желая заострять внимание на эпизоде с Хартвигом.

— Нам только и остаётся, что уповать на надежду и собственный опыт, Синеглазый. Кстати говоря, я сказал той служанке, что ты мой брат, и разузнал, нет ли у неё такой же очаровательной сестрички, — подмигнул он мне.

— Отличная смена темы, — оценил я. — Давай вернёмся к служанкам после того, как ты расскажешь мне о погибшем страже.

Львёнок тут же приуныл, покачал стакан, глядя, как вино плещется по стенкам.

— Совсем мальчишка, выпустился в позапрошлом году, куратором была Аглая. Я видел тело перед похоронами, едва смог его узнать. Не знаю, что заставило его прыгнуть.

— Тоже считаешь, что это самоубийство?

Вильгельм пожал плечами:

— Сперва предполагал, что это невозможно, затем, хорошенько расспросив людей, видевших парня, уже ни в чём не был уверен. Впрочем, нет. В одном я точно убеждён — души здесь ни при чём. Я нарисовал на проклятом мосту *фигуру* памяти, никаких тёмных там не появлялось чёрт знает сколько времени.

— Не думал над тем, что его могли убить?

— Конечно, думал, Людвиг. Но страж в городе был недолго, с рутинной проверкой. Никаких ссор, драк и прочего не затевал. Во всяком случае, громких. Возможно, дело не в мести или кровных обидах.

— Ограбление?

— Кошелёк был при нём. Мне кажется, парню, действительно, надоело жить. Ты же знаешь, не все выдерживают нашу работу.

— Таких отсеивают на первом этапе, в самом начале обучения. Они не становятся стражами и уж тем более не проходят выпускных испытаний.

— Ну, всегда есть вероятность ошибки.

— Господи Иисусе! Чтобы пекло поглотило тебя вместе с шляпой! Как, забери тебя все легионы демонов, ты это делаешь?! — вскричал Проповедник, в очередной раз проиграв Пугалу.

Мы на их возню не обратили внимания:

— Что бы ни случилось, узнать это будет сложно, — продолжил Львёнок. — Те, кто видел парня, рассказывали мне, что в первый день он шатался по городу и окрестностям без всякого дела. Так они полагают. Думаю, он проверял улицы на присутствие тёмных. Остановился на том же постоялом дворе, что и я. Хозяйка вспомнила, что за день до смерти он показался ей каким-то странным.

— В смысле?

— Вёл себя не так, как раньше. Был нервным и возбуждённым. Отказался от завтрака, только попросил молока, но пить не стал, лишь посмотрел. Взял со стола солонку и ушёл. На ночь не вернулся, а на следующее утро его нашли под мостом.

— Ты туда не ходил?

— Хотел сегодня, но, как видишь, пришлось возиться с душой. Теперь идти уже поздно. До темноты вернуться не успеем, а дорога там, надо сказать, не самая хорошая.

— Завтра я хочу туда сходить. Составишь мне компанию?

— Не вопрос. Хотя не думаю, что мы найдём там хоть что-то, но проверить надо, не спорю. Хотя бы для собственного спокойствия. Эй, ребята. Третий игрок вам не помешает?

— Мне всё равно, — изрёк Проповедник, следя за руками Пугала, тасующего карты. — Если оно не возражает.

Пугало не возражало.

— Давайте за стол. На что играете?

— На твою жизнь, — замогильным голосом сказал Проповедник. — На что мы можем играть, страж? Ты разве видишь у нас гору флоринов? На интерес. Хочу выиграть у этого жулика и не понимаю, как он так хитро мухлюет.

Вильгельм улыбнулся и сгрёб розданные ему карты, а я завалился на кровать и, глядя в обитый деревом потолок, думал, что могло случиться с молодым стражем в таком уютном и спокойном городе, как Дерфельд.

Следующий день оказался ещё более холодным и промозглым, чем предыдущий, хотя снега было всё так же мало. Тонкая белая пыль едва покрывала каменистую, бегущую на спуск дорогу, лежала на ветвях деревьев, острых булыжниках и крутых склонах то ли больших холмов, то

ли маленьких гор. Мы шли быстро, стараясь не мешкать и держаться поближе к скалам, а не к краю пропасти, на дне которой гудела река.

В первое время, особенно когда мы только оказались за городской чертой, было зябко, и я порадовался, что купил у хозяйки постоялого двора шерстяной шарф. Впрочем, благодаря быстрой ходьбе я согрелся так, что стало даже жарко. Львёнок шагал впереди, и как всегда это было с ним с утра, выглядел хмурым и неприветливым. Половину ночи он резался в карты с душами и поэтому не слишком хорошо выспался. К тому же Пугало разгромило соперников в пух и прах, без труда сведя на нет все их заговоры и коалиции.

Оно ушло, когда ещё не рассвело, как всегда никому ничего не сказав и не оставив обратного адреса, в который раз проявив самостоятельность. Перед тем как отправиться в дорогу, Львёнок показал Проповеднику пару карточных фокусов, и тот безапелляционно заявил, что сегодня нам придётся справляться без его участия.

У старого пеликана появился новый бзик — обыграть Пугало во что бы то ни стало. Он не мог думать больше ни о чём другом.

Спустя час ходьбы дорога сузилась до неприличных размеров, да к тому же стала из рук вон плохой. Дураку ясно — ездили здесь в последний раз во времена столь отдалённые, что даже Крестовые походы в земли хагжитов по сравнению с ними — события совсем недавние.

— Нам туда, — сказал Львёнок, подойдя к краю пропасти.

Я заглянул вниз:

— Издеваешься?

— Ничуть. Дорога ведёт в деревню, где летом устраивают пасеки. А нам вниз, по этой тропе.

— Ты очень снисходителен к ней, раз называешь столь странный путь таким громким именем, как тропа, — с иронией произнёс я. — Для него даже «ниточка» звучит внушительно.

— Ты куда? — спросил Вильгельм.

— Срублю деревце. Нужна хорошая палка. Я не собираюсь скакать по козьему маршруту без надёжной опоры.

Как я и думал, палка пригодилась и за время долгого спуска несколько раз выручила меня, не позволив упасть. Львёнок, шедший сразу за мной, то и дело чертыхался. Когда мы оказались внизу, на каменистом берегу реки, я задрал голову, глядя туда, откуда мы пришли. Хорошо, что с нами не увязался Проповедник. Вот уж кто бы ныл, не переставая.

Львёнок снял перчатки, засунул их за пояс, на котором кроме кинжала висело излюбленное оружие наёмных рот всех стран — короткая

ровалийская шпага [47] с закрытой гардой.

— Теперь, судя по рассказам местных, нам надо вон туда, вверх по течению.

Ещё двадцать минут пути нам на головы падал мелкий снежок, после превратившийся в сильную порошу, стихшую так же быстро, как и началась. Мы вошли в узкое ущелье с высокими отвесными склонами. Влажное и туманное, где некуда была деться от эха, рождённого рокотом несущейся вниз реки. Из-за витавшей здесь влаги, оседающей на камнях и скалах, кругом были ледяные наросты и сосульки, словно мы оказались в середине зимы где-то далеко на севере. Особенно меня поразили немногочисленные деревья — их ветви были скованы льдом, словно рыцари, одевшиеся в мощную броню.

Впереди из туманного марева появились косы срывающегося со скалы белопенного водопада. Он каждое мгновение извергал массу воды, которая тремя беснующимися гребнями врезалась в и без того неспокойную реку.

Я понял, что мы на месте, задрал голову, но едва смог различить тонкую ниточку Чёртова моста, так велико было до него расстояние.

— Ты глянь, кто здесь, — привлёк моё внимание Львёнок.

— Почему-то я ни минуты не сомневался, что мы с ним встретимся. Оно любит загадки даже больше, чем ты.

Пугало, затянутое в порядком изношенный офицерский мундир времён князя Георга, стояло к нам спиной, не двигаясь. Оно казалось странным памятником, изваянием, гротескной фигурой, посвящённой одновременно нелепости и жутковатому страху.

— Эй! — окликнул я его.

Оно неохотно повернуло «лицо» в мою сторону и поманило нас к себе.

— Что-то нашло? — полюбопытствовал я.

Пугало молча указало серпом перед собой. Львёнок, несмотря на свою кажущуюся беспечность, не стал наклоняться вперёд, явно опасаясь, что серп отчекрыжит ему голову. Я же, как человек менее рассудительный, когда дело касается тех, кто меня окружает, склонился и сразу увидел обильные следы крови.

Лёгкий запах, исходивший от этого места, был столь неуловим, что я не придал ему никакого значения, хотя какая-то мысль попыталась зацепиться за ощущение. Но ей не дали никаких шансов — меня окликнул Вильгельм:

— Людвиг, иди, посмотри. Как говорила Рози, царство ей небесное, похоже, мы нашли искомую точку — и вся история началась здесь.

— Что это? — спросил я у него, изучив найденное.

Львёнок пожал плечами:

— Чёрт его знает. А на что, по-твоему, похоже?

— На каракули, — не раздумывая, ответил я. — На паршивые бесформенные каракули.

Пугало, выглядывающее из-за спины Львёнка, кивнуло, подтверждая мои слова. На большом плоском камне виднелись следы неестественных бурых потёков.

— У тебя слишком скудное воображение. Лично я вижу гротескную даму из породы блудниц верхом на сороконожке или… курице.

— Избавь меня бог от такого воображения, — проворчал я, присаживаясь на корточки перед странным «рисунком». — Это точно не магия или колдовство. Никаких всплесков или остаточных явлений. Что думаешь ты?

Он проводил взглядом отправившееся к водопаду Пугало, цокнул языком:

— Да, это не магия, здесь ты прав. Это не воск. И точно не сажа, иначе бы из-за снега она давно размазалась. — Львёнок провёл пальцем поперёк одной из линий. — И не кровь. Странный состав. А какова вероятность, что эта штука не имеет никакого отношения к гибели стража?

— Не знаю… И вряд ли смогу узнать.

Я ещё раз обошёл каменистую площадку возле речного берега. Пугало каким-то неподдающимся разумному объяснению способом перебралось на ту сторону и теперь торчало в водопаде, разумеется, совершенно не намокая. Затем оно и вовсе пропало из глаз, скрывшись за белой стеной, в ледяных брызгах ревущей стихии.

Я вновь вернулся мыслями к разводам на камне. Странно и слишком заметно, чтобы на них не обратили внимания. Знак? Подсказка? Но кто его оставил? Ведь не страж же, упавший с небес. После такого приземления на острые камни не то что оставлять подсказки, даже «аминь» не успеешь сказать.

Двоих, появившихся оттуда же, откуда совсем недавно пришли мы, я увидел сразу. Они вынырнули из туманной хмари, следом за мелкими снежинками, не устающими падать сверху, и двигались друг за другом, без спешки и торопливости, но и не медля.

Я тихо свистнул, привлекая внимание Львёнка к неожиданным гостям, и тот тут же положил правую руку на рукоять оружия.

— Клирики, — заметил он, когда я встал рядом, разглядывая приближающихся мужчин.

— Это совершенно не значит, что опасность миновала, — сказал я, и

мы оба понимающе хмыкнули.

Первый мужчина был выше меня на голову и гораздо мощнее, что говорило о нём как о настоящем великане. Его иссиня-чёрный монашеский плащ из отличной овечьей шерсти, тёплый и просторный, подпоясывал ярко-алый пояс, на котором висел меч в сафьяновых ножнах и с гардой, выполненной из скованных между собою колец. В мече было что-то не так, возможно в нём находился одушевлённый, но я не успел разобраться.

— Каликвец [48], — произнёс Львёнок. — Эти-то что здесь забыли?

Голова у монаха была непокрыта, так что я легко рассмотрел его округлое, добродушное, гладковыбритое лицо. Тонкие брови и оттопыренные уши придавали ему несколько смешной и наивный вид, но вот взгляд близко посаженных карих глаз говорил о том, что парень не так прост, как хочет казаться. К тому же его комплекция, помноженная на физическую мощь, и клинок говорили сами за себя.

Второй носил серый плащ пилигрима, наброшенный поверх тёплой куртки, и узнал я его лишь вблизи, когда смог разглядеть лицо под низко надвинутым капюшоном. Пёс Господень из Виона, с которым мы перекинулись парой слов в славном замке Кобнэк во время столь памятной мне Ночи ведьм.

— А, мастер ван Нормайенн, — сказал инквизитор, останавливаясь напротив нас. — Так и думал, что найду вас здесь.

— Ваша осведомлённость не перестаёт меня поражать, — сухо ответил я, не собираясь интересоваться, откуда он узнал о моём присутствии в Дерфельде.

— Издержки моей работы, — улыбнулся молодой клирик. — Это брат Курвус из монастыря Дорч-ган-Тойнн, что по милости Божьей и в силу своей службы оказал мне честь путешествовать вместе.

Высоченный монах кивнул, и на его губах появилась улыбка.

— Это господин Вильгельм дер Клюр, — представил я стража, наконец-то отпустившего рукоять ровалийской шпаги. — А это…

— Отец Март. — Пёс Господень улыбнулся, заполняя паузу, наконец-то назвав своё имя. — Я рад встретить двух Божьих слуг в столь скорбном месте. Мои искренние соболезнования из-за смерти вашего друга.

— Неужели Церковь заинтересовала эта случайность? — произнёс Львёнок. — Какое дело инквизиции и боевому монашескому ордену до того, что касается стражей?

— Я осмотрюсь, святой отец, — негромко сказал брат Курвус и, дождавшись кивка, стал придирчиво изучать каждый камень.

— Не любите священников? — прищурился клирик.

— Люблю, но только достойных.

— Спасибо за честный ответ, страж. Не думал, что мы с вами так похожи. Я тоже, представьте себе, не жалую тех из моей братии, кто… слишком сильно грешит. Это вредит вере, а значит и спасению души. Мы стараемся отправлять таких священнослужителей в монастыри. Молитвы, вода, хлеб и работа прекрасно исправляют заблудших и вызывают их искреннее раскаяние.

— Мы нисколько не сомневаемся, что Церковь ведёт нас из мерзкого прошлого, сквозь скверное настоящее в светлое будущее, за что ей и её слугам честь и хвала, но вы ловко уклонились от ответа, святой отец. — Львёнок не дал себя смутить. — Почему вас так интересует гибель стража?

— Есть кое-какие вещи, которые меня беспокоят, только и всего, — пожал плечами священник.

Он заметил, что я хочу уточнить кое-что об этих вещах, и, опередив меня, сказал:

— Позвольте мне пока ничего не говорить, господин ван Нормайенн. Обещаю вам, что как только ситуация прояснится, вы узнаете об этом первыми.

Львёнок выглядел недовольным, но я не стал настаивать:

— Надеюсь, вы добудете больше сведений, чем мы. У нас пока никаких зацепок.

— Мы можем объединить усилия, — неожиданно предложил инквизитор.

— Согласитесь, святой отец, это сделать довольно сложно, особенно когда вы не спешите делиться информацией, — мягко сказал я ему, и Львёнок поддержал меня сердитым кивком.

— Я не люблю обвинять кого бы то ни было, не имея на руках фактов, — ответил отец Март. — Любые мои слова сейчас — всего лишь домыслы, не имеющие под собой никакой основы, кроме пустых и бесполезных догадок. Если я ошибаюсь, то отправлю вас по ложному следу, и тогда эта тайна так и останется тайной. Думаю, ни я, ни вы этого не хотите. Мне, как и вам, важна истина. И вечером, если мои размышления найдут подтверждение, я готов поделиться с вами тем, что у меня есть.

— Идёт, — согласился я, понимая, что не каждый день с тобой сотрудничает инквизиция.

У Псов Господних свои рычаги и свои способы получать информацию. Такого количества осведомителей, стукачей и шпионов нет даже у князей и королей. Так что вполне вероятно, они знают гораздо больше нашего.

— Что мы должны делать? — спросил Вильгельм.

— Узнать, где бывал и с кем говорил ваш друг в первый день своего приезда в город. Начните с художника.

— Того, который нашёл тело? Они что, были знакомы?

— Разумеется. Художник его брат.

Мы с Львёнком ошеломлённо переглянулись. Никто в Дерфельде об этом даже не заикнулся.

— Я найду вас, когда закончу осматривать место смерти и поговорю с верными инквизиции людьми. Возможно, они знают какие-то подробности. — Отец Март накинул на голову капюшон.

— Вы видели камень? — спросил у нас подошедший монах и обернулся к инквизитору: — Там начертан символ Алгола [49].

— Видели, но не знали, что это символ звезды Сатаны, — сказал я, стараясь вспомнить всё, что мог слышать об этой звёздочке.

— Его упрощённый вариант, впрочем, не менее сильный, чем истинная формула. — Брат Курвус не выказал удивления, что я немного понимаю в астрономии.

— Здесь замешано колдовство? — спросил Львёнок и дождался небрежного кивка инквизитора:

— Я почти уверен в этом, хотя никаких следов его проявления нет. Кроме тела стража и символа.

— Обычно ведьмы скрывают следы ворожбы, — задумчиво произнёс я. — Они не оставляют знаков на видном месте, так, чтобы каждый любопытный обратил на их труд внимание. После ритуалов всё уничтожается.

— Именно это меня и смущает, поэтому я не желаю спешить, — сказал отец Март, убирая руки в рукава плаща. — Сейчас у меня есть чёткий след, оставленный домашний адрес, но, боюсь, если идти по нему, мы окажемся совсем не там, где хотим оказаться.

— Считаете, что кто-то хочет направить вас по ложному пути, святой отец? — Я посмотрел в сторону водопада, но Пугало так и не объявилось.

— Некоторые порой именно так и поступают.

— А вы не думали о том, что рисунок остался из-за банальной небрежности? — проронил Львёнок. — Такое ведь тоже случается.

— Случается, но не в этот раз, — ответил за инквизитора монах.

Чем «этот» раз отличается от «не этого», он объяснить не потрудился.

— Давайте не будем гадать, друзья мои. Встретимся через час после комплеты и обсудим, что успели узнать за день. Да хранит вас Господь, стражи.

За неимением выбора мы пошли прочь. Вскоре ущелье повернуло. Чёртов мост, водопад и клирики скрылись в промозглой туманной дымке, и Вильгельм спросил:

— Ты знаком с отцом Мартом?

— Мы познакомились в Вионе, он мне тогда здорово помог.

— Я слышал о нём. Отец Март, Пёс Господень, из клириков, имеющих доступ к Папе и действующий с разрешения коллегии кардиналов. Божий воин, наделённый серьёзными полномочиями. Епископы на местах должны оказывать ему всяческую поддержку, несмотря на его невысокий сан. То же касается местных правителей. Его прозвали Молотом Ведьм.

— Судя по всему, монах, путешествующий с ним, является наковальней, — нерадостно пошутил я. — Не хотел бы я оказаться между ними во время удара. Отец Март обладает мощной церковной магией, я видел, на что он способен. Можно сказать, почувствовал это на собственной шкуре. Где ты о нём слышал?

— Ходили слухи. В какой-то степени он очень похож на нас — выполняет грязную работу, мотаясь по городам и трактам. Ловит нечисть, изгоняет бесов, сжигает ведьм. Все они очень любят сжигать ведьм.

В школе ходили слухи, будто мать Львёнка была ведьмой, и её сожгли после скорого и безжалостного суда инквизиции. Так что я могу понять, почему он не испытывает особого восторга от отца Марта, хотя и старается держаться в рамках приличий.

— Ты ему доверяешь? — поинтересовался он.

— Как и любому малознакомому человеку. Ну, возможно, чуть больше из-за его помощи в Вионе. А что?

— Пёс Господень заинтересовался смертью стража. Как говаривал старина Ганс, мир его праху, это заставляет шерсть на моём затылке вставать дыбом. Во что влез мальчишка, раз сюда примчалась инквизиция?

— Будь я чуть наивнее, без труда поверил бы в подобное совпадение, — произнёс я. — Могу сказать лишь одно — малыш наткнулся на нечто действительно серьёзное, раз такое закрутилось.

— Символ Алгола несёт в себе много тайных смыслов. Рисунок звезды Сатаны используют для наведения сильной порчи. Это основа достаточно мощного колдовства. Разумеется, самого тёмного.

— Я в курсе, Львёнок. Значит, надо перекинуться парой слов с ведьмой, прежде чем до неё доберётся инквизиция.

— Ха! — Он пнул подвернувшийся под ноги камушек. — Ты большой оптимист, Людвиг. Найти ведьму или колдуна в таком городе, это всё равно, как если бы я…

— Не мели ерунды, — бросил я ему. — Не все ведьмы прячутся, и не всех ведьм сжигают. В Фрингбоу смотрят сквозь пальцы на тех, кого предпочитают называть знахарками. Разумеется, до той поры пока не начинает болеть скотина, умирать дети и скисать молоко…

Я в задумчивости остановился.

— В чём дело, Людвиг? — Он увидел моё озадаченное лицо.

— Назови мне причины скисания молока.

— Конечно же ты спрашиваешь не о естественных причинах, вроде того как выставить его на солнце?

— Верно. Скажи, что тебе приходит в голову?

— Ведьмины происки, — пожал он плечами. — Тёмное колдовство может дать такой эффект, особенно если заклинания пахнут дёгтем.

— Верно, но это происходит, лишь когда колдовство творится рядом. Сейчас меня интересуют случаи отдалённого воздействия.

— Нечисть, — уверенно сказал Львёнок. — Очень серьёзная нечисть. От такой киснет не только молоко, но и мозги тех, кто слишком падок на искушения. Чтоб меня черти взяли! — Его тоже осенило. — Вчера ты просил молока, но оно было скисшее! А этот мальчик тоже заказал кружку молока, но даже к нему не притронулся! И теперь я знаю почему!

— Оно скисло, как и моё, — подтвердил я его догадку. — А это означает, что проблемы если и не во всём Дерфельде, то в большей его части.

— Скорее там, где прошла нечисть, — уточнил Львёнок.

— Это должно быть нечто серьёзное, раз творится такое.

— Необязательно, — не согласился он. — Нет иных предвестников. Ни стай воробьёв, ни пламени, ни запахов, ни безумия людей. Возможно, это какая-то гнусь, практически не оказывающая влияния на окружающий мир.

— До поры до времени. Тебе ли не знать, что предвестники могут появляться со временем.

Мы начали подъём по скользкой тропе и теперь шли молча, размышляя. Поднявшись наверх, я отдышался, перевёл дух и озвучил мучающую меня мысль:

— Раз инквизитор здесь, значит, нечисть не мелкая, Львёнок. И мы приходим к самым важным вопросам: что это такое, и как оно появилось?

— Чёрт, бес, возможно — крайне сильный колдун, быть может… демон.

— Последнее вряд ли. Иначе бы в город приехал не один Пёс Господень, а целая армия. На счастье людей, демоны крайне редко

вылезают из ада, предпочитая отправлять сюда своих подручных бесов.

— Всё когда-нибудь случается.

Я хмыкнул:

— Тогда нам пора сматываться из города.

— Ты считаешь, что стража одолел обычный бес? — привёл он контраргумент.

— Мы с тобой мыслим примитивно. Адских отродий не меньше, чем душ. Церковники создают по ним целые бестиарии и атласы, перечислив каждый легион адовых сил в шестистах томах. К сожалению, я не настолько подкован в этой области, чтобы рассуждать дальше известных каждому «чёрта» или «беса». Что до твоего вопроса, то мне кажется, с неопытным мальчишкой бес справится, особенно если тот не носит амулетов от одержимости. Чего уж проще, влезть в тело, заставить спрыгнуть и смыться. Что ты делаешь?

Львёнок рылся в своей сумке. И вместо ответа показал мне медный амулет на шнурке, а потом надел его себе на шею:

— Не собираюсь прыгать откуда бы то ни было по чужой воле. Эта штука должна защитить. А у тебя есть что-нибудь?

— Кольцо от Гертруды.

— Ну и чудесно. Проведаем художника?

— Всенепременно. А после заглянем в гости к ведьме.

— Откуда ты знаешь, что в Дерфельде живёт колдунья? — удивился он.

— Видел краем глаза. Мне кажется, она именно та, кем я её считаю. Обычно люди такой профессии больше всех связаны с тёмной пакостью, из-за которой я не могу уже второй день выпить нормального молока.

Бургомистр без дела слонялся по центральной городской улице, слушая разговоры горожан и уныло вздыхая всякий раз, когда из здания магистрата выходил какой-нибудь чиновник. Увидев нас, душа оживилась и, подойдя, спросила:

— Узнали что-нибудь?

— Конечно, — с иронией ответил я ему. — Например, о том, что вы не всё рассказали нам о художнике, который нашёл тело.

— Что же я такого не рассказал? — удивлённо захлопал глазами мёртвый градоначальник.

— Он ближайший родственник стража, погибшего в вашем городе. Если быть точным, его брат.

— Какая ерунда! — вскричала душа. — Быть такого не может! Я бы

знал.

— Никому не суждено знать всё, — скучающим тоном произнёс Львёнок, наблюдая за тремя воробьями на карнизе.

Он искал очередные признаки присутствия нечистой силы, но птицы не собирались облегчать ему жизнь. Сидели, нахохлившись, порядком замёрзшие, и плевать хотели на весь мир.

— Вас обманули! — продолжал упорствовать бургомистр.

— Святой официум? — резонно спросил я.

Вот тут он заткнулся и поскучнел, промямлив:

— Художник здесь живёт лет двенадцать. Почти ни с кем не общается. Про брата он ни разу не заикался.

— Он всё время проводит в городе? — Львёнку наскучили воробьи, и теперь он наблюдал за горожанками.

Его взгляд выбирал исключительно молодых и исключительно смазливых.

— Каждый июнь уезжал на месяц. Говорил, к родственникам.

Июнь — самое свободное время для учащихся в Арденау. Ко многим приезжают семьи. Готов поспорить, что был среди них и безымянный художник.

— Где он живёт?

— Я провожу, — вызвался бургомистр, но Львёнок отрицательно покачал головой:

— Лучше мы сами дойдём.

Душа не обиделась или не показала вида, что обиделась:

— Ну и чудесно, тогда успею сходить на собрание. Вам прямо, за церковью свернёте на рынок, пройдёте через него и окажетесь на улице Пшённой, дугой уходящей к реке. Шестой дом справа, под фазаном.

— Эта душа тебя вытащила из дилижанса? — поинтересовался Львёнок, когда мы миновали телегу, возле которой ругался возница с модным франтом в коротких дутых штанах, алом плаще и высокой шляпе по последней нарарской моде.

— А кто же ещё?

— Достал меня позавчера. Требовал, чтобы я передал от него послание нынешнему бургомистру, мол, тот неправильно ведёт себя с углежогами и впоследствии это скажется на росте цен. Насилу отвязался.

— Некоторые и после смерти остаются куда более деятельными, чем многие живые. Вот рынок.

Несмотря на холод, середину дня и понедельник, торговая площадь была полна народу. Рынок, не умещавшийся на ней, расползся на соседние

улицы, заставив их торговыми лотками и палатками.

— Не зевай. — Львёнок дёрнул меня за рукав. — Нам насквозь. Ориентируйся на флюгер часовой башни.

За те дни, что страж провёл в Дерфельде, он хорошенько успел изучить город и, в отличие от меня, чувствовал себя здесь, как дома.

Мы шли сквозь толчею, мимо чесночных колбас, грудинки и окорока, кудахчущих кур, последних оранжевых тыкв в этом году, корзин с первыми сборами зимних яблок, коробок с луком, мешками с семечками и лотков вкусной сдобы.

— Молодые господа, булок не желаете? — Давешняя бойкая голубоглазая девчонка ослепительно улыбнулась нам, предлагая свой товар.

Львёнок тут же расплылся в ответной улыбке, завязал с ней разговор и забыл бы свою булку с кунжутом, если бы я не сунул её ему в лапу. Расплачиваться тоже пришлось мне, потому что Вильгельм уже назначал свидание, и столь мелкие вопросы, как деньги, его совершенно не волновали.

— Вы братья? — спросила девушка.

— Нет, — рассмеялся я, взяв рогалик и отказавшись от сдачи. — Это было бы слишком жестоко для наших родителей.

— Удивительно. Внешне вы очень похожи, — сказала продавщица.

— Нас часто считают братьями, — не стал отрицать Вильгельм. — Причём Людвига, как более хмурого, старшим.

— И вовсе он не хмурый, — не согласилась девчонка. — Вы давно в городе?

— Пару дней.

— По делам?

— Проездом, путешествуем, — сказал я, не желая вдаваться в подробности, и Львёнок кивнул, подтверждая мои слова.

Мы поговорили ещё несколько минут, а затем, когда приятеля начало заносить, я постарался быстро распрощаться и увести его.

— Ты чего? Ведь нормальная девчонка, — недоумённо нахмурился он.

— Не спорю. Она замечательная, но, зная тебя… ты достаточно быстро растреплешь ей, кто мы такие.

— И что в этом плохого, Людвиг?

— Я пуганый, Львёнок. В последний раз, когда ты рассказал одной милашке, кем мы являемся, толпа едва не закидала нас камнями. Многие крошки любят сплетничать, а нам приходится отдуваться.

— Вспомнил дела десятилетней давности! — проворчал он. — Это ведь было в Прогансу, где стражей не очень-то жалуют.

— А когда та пятёрка на постоялом дворе в Витильска нас едва не прирезала, после того как ты показал черноволосой красотке кинжал, чтобы она была чуть более благосклонна? Сплетни расходятся быстро. Я спокоен за таких, как мы, в некоторых странах, но Фрингбоу всегда была пороховой бочкой. Могут носить на руках, а могут и пальнуть из аркебузы. Предпочитаю не рисковать. Так что когда пойдёшь к ней на свидание, будь добр, скажи, что ты герцог или Папа, но не надо упоминать стражей.

Он знал, что я говорю дело. Тогда, в Прогансу, метко брошенный камень едва не проломил мне череп, и Львёнку вместе с Гансом пришлось уносить меня буквально на руках. В некоторых странах и городах проще соблюдать осторожность и не привлекать к себе лишнего внимания. Работать становится легче, и дверь на ночь не надо припирать передвинутым шкафом.

Конечно, иногда я сгущаю краски, но многие из нас погибли только потому, что обыватели почему-то решали, будто мы являемся источником всех их бед, раз видим недоступное их зрению.

Мы с Львёнком, не сговариваясь, свернули в молочные ряды, оказавшиеся удивительно пустыми. Торговцев было всего двое, и они едва не дрались за немногочисленных покупателей.

— Чего желаете? — спросил у Львёнка дородный дядька в белом переднике, повязанном поверх мехового полушубка.

— Кварту молока, — тут же ответил тот, явно собираясь до смерти упиться таким количеством.

— Нету, — поскучнел продавец. — Даже пинты не будет.

— Распродали? — «огорчился» я.

— Да какой там! — Молочник добавил несколько крепких словечек. — Свежее утром привёз. Всё скисло, как будто сглазил кто, вот только на конкурентов грешить нечего, у всех одно и то же. Ума не приложу, как такое случилось?

Он сетовал ещё с минуту, прежде чем я небрежно поинтересовался:

— А вчера тоже скисло?

Этот невинный вопрос его очень обидел:

— Вы что же думаете, господа хорошие?! У меня товар некачественный?! Я тридцать лет торгую, а до меня отец и дядья на этом месте стояли, и никто из покупателей никогда не жаловался! В первый раз у меня такое!

Он потерял всякое желание с нами разговаривать, и мы ушли, вновь забравшись в толпу и вынырнув из неё возле городской часовой башни, справа от которой начиналась Пшённая улица.

— Значит, ещё вчера здесь всё было в порядке, — бросил мне Львёнок, едва не наступив на шмыгнувшую у него под ногами кошку. — Зараза распространяется?

— Точнее гуляет по городу, проявляясь то здесь, то там. Кто-то прошёл мимо, отчего молоко и прокисло.

— И ручаюсь, что он выглядел не слишком приметно, раз никто в городе не говорит о рогатом чудовище, изо рта которого хлещет бесовское пламя.

Шестой дом по улице, на стене которого висел знак — фазан, был разделён на две половины. В одной находилась небольшая забегаловка, которой как раз и принадлежал этот фазан, служивший вывеской и способом завлечения прохожих, в другой жили постояльцы.

Дверь нам открыла старуха не слишком приятной наружности, завёрнутая в тёплое одеяло:

— Чего вам?

— К художнику, — сказал я.

— А-а-а… клиенты. Вижу, свезло наконец Нэлсу, раз хоть кто-то решил заказать ему мазню. Давно пора, он уже на неделю задержал плату за комнаты. Проходите, второй этаж, прямо по коридору. И стучите громче! Он когда работает, ничего не слышит.

Лестница под ногами скрипела, стонала и охала, словно вот-вот планировала отдать богу душу, прихватив с собой и нас. Наверху резко пахло растворителем, маслом и едкой водой, которую используют хагжиты для смешивания красок. Дверей было три, я постучал в ближайшую, но шаги раздались из-за соседней — она распахнулась, и на пороге появился невысокий седовласый человек с пропитым лицом и слезящимися глазами.

— Я знал, что рано или поздно вы придёте, — сказал он нам с порога. — Заходите.

Эта комната явно была жилой — здесь не так сильно пахло красками, хотя в углах стояло несколько картин разной степени завершённости, тут же находилась невысокая кровать с ворохом одеял, несколько стульев, стол, под которым валялись пустые винные бутылки, и часы — их не заводили лет, наверное, пять. Стрелки были опутаны паутиной, впрочем, как и маятник.

— Не думал, что стражи объявятся так быстро. — Художник сел на кровать, жестом показав на стулья. — Извините за мой вид, но времена не слишком удачные. Вы расследуете смерть Марцина?

— Пытаемся понять, что произошло, — уклончиво ответил Львёнок.

Я предоставил ему вести беседу, а сам разглядывал картины. Почти на

всех был изображён водопад, ещё на двух — Чёртов мост, а на остальных столь незначительные наброски, что и говорить об этом нечего. Ещё одно полотно, незаконченное, а может — наоборот, представляло из себя столь бесцельную трату масла и мазню синим и белым цветом, что впору было задуматься о душевном состоянии его создателя. Надо сказать честно, всё увиденное меня не впечатлило. Скажу прямо, особого таланта у господина Нэлса не наблюдалось. Проповедник, будь у него желание, нарисовал бы не хуже.

— Может, хотите вина? — Художник достал из-под кровати на четверть полную бутылку дешёвого красного пойла.

Мы дружно отказались.

— Представляете, его похоронили на неосвящённой земле, за оградой, словно собаку, — с горечью сказал он. — Вы собираетесь что-нибудь предпринять по этому поводу?

— Стражи бессильны против церковных законов, если, конечно, мы не сможем доказать, что смерть вашего брата — не самоубийство, — ответил я. — Мы постараемся разобраться в ситуации, но у нас не хватает сведений. Вы можете нам помочь?

— Всем, чем смогу, — грустно произнёс Нэлс, залпом осушив стакан и вытерев губы рукавом. — Я слишком хорошо знал Марцина, у него не было причин искать смерти.

— Как часто он к вам приезжал? — Львёнок прислонился к стене, засунув руки в карманы.

— После выпуска — каждые полгода. Мы сочли, что наше родство следует сохранить в тайне, в городе никто ничего не знал.

— В последний свой приезд как он себя вёл? О чём говорил?

— Как обычно шутил и просил меня перебраться через горы, на юг. Говорил, этот город и водопад убивают меня. Я слишком ими заворожён. Это правда, отрицать не буду. Марцин обещал помочь с деньгами, купить мне комнаты, но я отказался. Сказал, не хочу уезжать.

— Как он отреагировал?

— Как обычно — мы поссорились, он ушёл, и больше живым я его не видел.

— На следующее утро вы его нашли?

— Нет. Я отправился к водопаду через день после ухода брата и…

Он махнул рукой и плеснул себе остатки вина.

— Получается, ещё целый день он был где-то в городе, — сказал я, глядя, как Нэлс берётся за табачную трубку. — У вас есть предположения, чем он мог заниматься и с кем говорить?

Это был именно тот день, когда, по словам хозяйки постоялого двора, страж вёл себя странно. Соответственно все его поступки могли иметь ключевое значение для того, чтобы мы докопались до истины.

— Он говорил с госпожой Лиони. — Художник поднёс зажжённую лучину к трубке, и я увидел, что у пламени бледно-голубой цвет.

Львёнок это тоже заметил и подался вперёд. Нэлс, которому, в отличие от нас, было ровным счётом всё равно, какой огонь пляшет на его табаке, глубоко затянулся и, словно дракон, выпустил из носа сизый дым.

— Госпожа Лиони — поклонница моего таланта. Я часто пишу для неё картины, не только водопад. Мы с ней полгода уже как добрые друзья, она часто приходит сюда. Сейчас я пишу по её заказу вот это.

Он указал на бело-синюю мазню, но ни я, ни Вильгельм даже не стали спрашивать, что на картине изображено.

— Госпожа Лиони сама вам рассказала о встрече? — поинтересовался я.

— Её дочь приходила утром, чтобы высказать мне свои соболезнования и узнать, как продвигается работа. Они встретили Марцина тем вечером, когда мы поругались. А затем, на следующий день — на рынке, в молочных рядах.

— Где мы можем найти этих женщин?

— На Садовой. Это недалеко отсюда, если двигаться в сторону Мельничной улицы. Её дом возле аптеки «У аиста».

Мы проговорили с ним ещё полчаса, но ничего путного больше не узнали. Когда, распрощавшись первым, я вышел в коридор, то увидел, что дверь мастерской приоткрыта, и там бродит Пугало, с тоскливым видом изучая стоящие на мольбертах картины. Как видно, не только мне было не по вкусу творчество мастера Нэлса. Лишь дама Лиони отчего-то возлюбила этого художника.

Вместе с Пугалом мы спустились по лестнице и дождались задержавшегося Львёнка. Из-за короткого дня смеркалось быстро, солнце уже почти уползло за заснеженные горы, и людей на улицах стало меньше, зато патрулей ночной стражи — больше. Чем мне нравится Дерфельд, так это своей безопасностью. В некоторых районах спокойно можно ходить ночью и не бояться, что тебя обдерут, словно липку.

— Ну и как тебе? — спросил я у Вильгельма.

— Бездарность. Я такую картину не повесил бы даже в сарае, — озвучил он мои собственные мысли. — Видел пламя?

— Разумеется. Постоянный голубой оттенок говорит о том, что нечисть была в доме. Если страж, действительно, оказался одержимым, то

это осталось от него. Подобный эффект длится до недели, иногда двух. Я не удивлён, что он спёр солонку, но лучше бы у него был амулет.

— Он не мог быть одержимым, Людвиг, — не согласился Львёнок. — Иначе бы на следующее утро его не встревожило прокисшее молоко в кружке, и он бы не побежал к молочным рядам. Кстати говоря, по словам продавца, с товаром все дни, кроме сегодняшнего, проблем не было.

Я кивнул, соглашаясь с его словами. Пугало, словно отражение, повторило моё движение.

— Надо навестить поклонницу искусств. Отсюда недалеко, — сказал Вильгельм.

— Нет, — не согласился я. — Первым делом — ведьма. Она должна знать обо всём этом гораздо больше, чем любительница живописи. К тому же я хочу опередить инквизитора.

— Колдунья подождёт ещё один час? Мы весь день на ногах, даже не позавтракали. Если честно, я страшно хочу жрать.

Мой живот трезвонил о том же, так что я дал себя уговорить. Львёнок завёл меня в приличное заведение, находящееся в сухом погребе в нескольких шагах от рынка. Мы заказали еду, с сожалением отказавшись от пива. Несмотря на наличие амулетов, не желали рисковать. Даже малейшие порции алкоголя ослабляют духовную защиту, и ворота для нечисти оказываются приглашающе распахнуты. Так что, если в этой истории замешан бес, самое время позаботиться о собственной безопасности.

Внимание Пугала привлекла огромная бочка нарарского хереса, встроенная прямо в барную стойку. Она была пузатой и такой дородной, что, казалось, занимает большую часть помещения. Пугало пару раз прошлось вдоль покатого бока, о чём-то размышляя. Затем вытащило серп и накорябало на бочке слово из трёх огромных букв. Надо заметить, вполне материальное слово.

— Озорной тип, — без всяких эмоций оценил Львёнок.

Хозяин заведения, как раз шедший от нас с заказом, увидел надпись, и его едва удар не хватил. Сейчас мы были его единственными клиентами, так что, кроме нас, написать это было некому, но он прекрасно помнил, что когда шёл к нам, буквы отсутствовали, а никто из нас из-за стола не вставал.

Минуту мужчина тупо смотрел на буквы, надеясь, что они исчезнут, как армии хагжитские, смытые морем, защитившим народ пророка Моисея, но чудо не спешило прийти в эту обитель. Он бросил на нас косой взгляд и, бормоча, ушёл на кухню.

— Убери это, — сказал я Пугалу. — Быстро.

Оно, довольное произведённым эффектом, не возражало, провело по надписи рукой, возвращая боку бочки его первоначальный вид, а затем упёрлось на улицу.

— Пошло расписывать стены и заборы? — спросил у меня Львёнок.

Я хмыкнул, что он расценил, как подтверждение своей теории. Через какое-то время принесли еду, и отвернувшийся от нас хозяин подвальчика снова увидел свою бочку.

Надо сказать, что эффект был даже почище прежнего. Бедняга превратился в соляной столб, словно грешник из проклятого богом города Садодда. Наконец, дар речи вернулся к нему, и он осторожно поинтересовался у нас, занятых поглощением баранины с тушёными овощами:

— Скажите, а что вы видите вон там?

— Бочку, — невозмутимо ответил Львёнок, набив рот едой.

— А на бочке?

— Ничего.

— Ничего, — эхом повторил мужчина и уполз обратно на кухню.

— Оно вполне способно сводить людей с ума. Можешь взять это на вооружение, — подарил мне идею Вильгельм.

— Вот уж дудки. — Я торопился нанести визит ведьме и очистил тарелку гораздо быстрее товарища.

В подвальчик спустилась девушка в тёплом кроличьем полушубке, пушистой шапке и очаровательных рукавицах. Не спрашивая разрешения, она бухнулась на свободный стул, сказав нам:

— Привет, мальчики. Как настроение?

Львёнка вечно находят его девицы. Мне это, разумеется, до большой луны, но всегда забавно наблюдать за его озадаченной физиономией и тем, как он пытается вспомнить её имя, где они встречались, и не собирается ли она запустить в него чем-нибудь тяжёлым.

Сейчас, судя по отразившемуся на лице Вильгельма тяжёлому мыслительному процессу, он в упор не помнил бесцеремонную незнакомку, но улыбался радостно и счастливо. Девчонка была прехорошенькой. Судя по всему, откуда-то с юга. Быть может, Дискульте или Литавия. Кареглазая, с пушистыми ресницами и очаровательным овалом лица. Её чёрные волосы были кудрявыми, и локоны так и лезли из-под пушистой шапки.

— Э-э-э… — протянул Львёнок.

— Побереги своё красноречие, страж, — сказала она. — Мы не знакомы.

— Тогда самое время представиться.

Девушка посмотрела на меня, ухмыльнулась и положила на стол серебряный жетон с надписью «Lex prioria».

— Будь я проклят! — выругался Вильгельм.

— Вы, стражи, столь предсказуемы, — с сожалением произнесла девица. — Стоит только вам узнать, что человек из Ордена, и вы тут же встаёте на дыбы. Расслабьтесь, мальчики. Я не собираюсь устраивать вам неприятности.

— Устраивать неприятности обычная ваша работа, — холодно ответил я ей.

— Господин ван Нормайенн, ваша репутация говорит сама за себя. Вы слишком пристрастны, — огорчилась она, снимая шапку, отчего прекрасные локоны рассыпались по её плечам. — Мы не звери, а уж я — тем более. Вполне себе живой человек, можете дотронуться до меня, если не верите.

Дотрагиваться не хотелось не только мне, но и Львёнку, что говорило о многом. Судя по его виду, он желал только одного — свернуть ей шею. У Львёнка были трения с Орденом, отчего однажды ему пришлось даже провести два месяца в городской тюрьме Богежома по сфабрикованному обвинению законников. И сидеть бы ему ещё целый год, если бы я, Ганс и Иосиф его тогда оттуда не вытащили.

— Что вам угодно…

Она расценила мою паузу правильно и представилась:

— Франческа. Мне угодно знать, зачем двое стражей рыскают в моём городе? Как только я пойму, что ничего серьёзного не произошло, тут же оставлю вас в покое. Обещаю.

Её обещание звучало не очень-то искренне.

— Один из нашего Братства погиб в Дерфельде, — ответил Львёнок. — Ты что-нибудь знаешь об этом?

— То же, что и все остальные. Его доконала жизнь, и он сиганул с Чёртова моста. Значит, дело только в погибшем страже?

— Верно.

— Ладно, — сказала она. — Не буду вам мешать. Не шалите, иначе мне придётся совершать неприятные поступки. Удачи, мальчики.

Она ушла, и Львёнок с досадой сказал:

— Как будто она считает, что этим нас можно напугать. Весь аппетит испортила, тварь!

Я задумчиво провёл пальцем по столу. Инквизиция, нечисть, теперь ещё и Орден. Просто замечательно.

Было уже темно, когда мы добрались до дома, где жила ведьма. На первом этаже сквозь занавески пробивался свет свечей, и Львёнок удовлетворённо кивнул:

— По крайней мере, она дома. Ты придумал, что ей сказать?

— Правду.

— Как бы она не выгнала нас взашей.

— Вряд ли она будет резать твои волосы ещё короче, чем они есть.

— Я опасаюсь гораздо больших неприятностей, приятель, — хмыкнул он. — Дьявол знает, насколько она любит стражей, и какое у неё под вечер настроение. С ведьмами стоит вести себя осторожно.

— Чтобы это понять, тебе надо было всего лишь повздорить со своей озёрной подружкой. Мои слова о том же самом не вызывали в тебе отклика целых десять лет.

— Всё познаётся на личном опыте. Гляди, и Пугало здесь.

Оно стояло во мраке, возле двери, дожидаясь нас.

Я постучал, дверь тут же распахнулась, и в слабоосвещённом коридоре возник силуэт громилы. Мне потребовалась секунда, чтобы узнать монаха-каликвеца.

— Заходите, — сказал брат Курвус, отходя в сторону и открывая нам дорогу.

Удивляться не приходилось. Отец Март уже успел поговорить со своими осведомителями и сделал те же выводы, что и я. Львёнок негромко ругнулся, раздосадованный нашим опозданием из-за ужина.

Мы вошли в большую комнату, где в очаге гудело пламя, а в подсвечниках медленно и величаво таяли два десятка свечей. Пламя, надо сказать, горело обычным цветом, что меня несколько опечалило. Если ведьма как-то и связана с этой историей, то она якшалась с нечистью не в собственном доме. Вполне разумная предосторожность.

В комнате пахло малиной, абрикосами, таволгой, зверобоем, чабрецом и мелиссой, хотя я нигде не видел пучков сухой травы. Запах был приятный и мягкий, он обволакивал со всех сторон, заставляя вспоминать о жарком лете, до которого ещё было долгих полгода.

Ведьма сжалась на стуле, укрыв узкие плечи шалью, ссутулившись, положив руки на колени, и, волнуясь, кусала губы. Напротив неё, в глубоком кресле сидел улыбающийся отец Март.

— Господа ван Нормайенн и дер Клюр, добрый вечер. Отрадно знать, что Всевышний направляет вас так же, как и меня с братом Курвусом. По одним и тем же следам. Значит, истина где-то рядом. Это госпожа Агнесса, городская травница и знахарка, а это стражи, о которых я вам рассказывал.

Мы поздоровались, она ответила лёгким кивком.

— Мы с госпожой Агнессой старые друзья. Два года назад её должны были сжечь на костре ещё с тремя десятками ведьм, пойманных в кантонских землях, но Божье прощение настигло её прежде, чем палач бросил пламя на вязанку дров.

Ведьму передёрнуло от этого воспоминания, но она его никак не прокомментировала.

— С тех пор она получила официальную регистрацию, патент, иногда оказывает услуги Церкви и живёт спокойно. Пока кому-нибудь из Псов Господних не потребуется услуга. Что вы смогли узнать за день?

— А вы, святой отец? — Львёнок не торопился раскрывать карты.

Я покосился на Пугало, слонявшееся без дела по дому. Его никто, кроме нас, не видел, разве что колдунья несколько раз недоумённо обвела взглядом комнату, не понимая, почему начинают потрескивать свечи. Она чувствовала чужое присутствие, но её гораздо больше беспокоил улыбчивый и благожелательный инквизитор, сидевший в кресле напротив.

— Мои догадки в очередной раз подтвердились, и слова госпожи Агнессы тому доказательство. Но я был бы признателен вам, если бы вы рассказали о том, что смогли узнать. Мне нужна полная картина произошедшего.

— В Дерфельде появилась крупная нечисть, святой отец. Кто-то из бесов, как мы думаем. Нам кажется, он вселился в стража и заставил того спрыгнуть с моста.

— Интересная догадка, — прогудел монах, греющий руки возле очага.

В полутьме меч у него на поясе казался ещё более грозным, чем при свете дня. Оружие смутило меня ещё утром, но тогда я не стал докапываться, в чём тут дело. Теперь же, создав фигуру распознавания, я «повесил» её на клинок и зажмурился, так как едва не ослеп, потому что по глазам ударила волна горячего белого света.

Я резко отвернулся, и это не укрылось от брата Курвуса.

— А спросить было нельзя? — добродушно пророкотал он. — Так недолго и обжечься.

— В клинке одушевлённый. — Я пытался избавиться от ярких пятен, плавающих перед глазами. — Светлый одушевлённый.

— Это ангельское благословение. Та малая часть, что доступна нам, — любезно пояснил инквизитор. — Братья каликвецы обладают несколькими подобными клинками.

— Они слишком мощные, чтобы растрачивать это на людей. — Львёнок решил не повторять моих подвигов и не стал присматриваться к

внутренней сути меча.

— Кто говорит о людях? — Монах в чёрном плаще снял с огня закипевший чайник. — Вы сами только что заявляли о бесах. Это лучшее оружие Господа против таких созданий.

— Значит, всё-таки дело в бесе. Мы были правы.

— К сожалению, неправы, — опечаленно произнёс отец Март. — Желаете чаю?

Ведьма, не дожидаясь ответа, встала со стула, стала разливать кипяток по чашкам, и по комнате пополз запах заваренной клубники, земляники и смородины.

— Неправы? — удивился Львёнок. — Молоко киснет, пламя горит голубым. Погибший взял с собой соль, но не успел воспользоваться ею. Соль — самое простое средство, чтобы отогнать нечисть. В чём мы ошиблись?

— В масштабах и размерах, страж. В масштабах и размерах. Помните колокол в Вионе, Людвиг? Так вот, в нём сидел бес, между прочим, самый обычный и мелкий.

Я помнил вывалившуюся из колокола лохматую, гнусную, смердящую серой тварь, которая едва не отгрызла мне ногу, и поёжился.

— К сожалению, в Дерфельде призвали не беса, иначе мы бы давно уже его нашли и скрутили, а демона.

Вильгельм присвистнул. Госпожа Агнесса поднесла мне ароматную чашку, я поблагодарил. Она вежливо и не слишком искренне улыбнулась в ответ, и её взгляд задержался на кольце, надетом на безымянный палец моей левой руки. Ведьма никак не прокомментировала увиденное, но на этот раз посмотрела на меня чуть более внимательно, чем прежде.

— Какого рода демон? — тихо спросил я.

— Мы не знаем, — неохотно ответил инквизитор. — Но то место, где погиб страж… Вы почувствовали запах от его крови? Ядовитая водяная лилия. Демонические атласы говорят о том, что такой аромат может распространять демон из третьего легиона ада, следовательно, это не мелочь.

— Что ему понадобилось в городе, и почему он выжидает? — Я отхлебнул чая.

— Вы в курсе местных легенд, страж? — Ведьма впервые подала голос.

— Нет. Не интересовался фольклором.

— Тогда послушайте. Интересная история, — сказал Пёс Господень. — Лично мне она многое дала понять. Четыреста лет назад,

когда во Фрингбоу бушевала очередная, не первая и отнюдь не последняя, междоусобица, Дерфельд остался без своего гарнизона. Граф, властвовавший здесь, неосмотрительно отправил войска на север, чтобы встретить противника в поле, но тот прошёл двумя, казалось бы, непроходимыми ущельями, где тогда жили иные существа, не пропускавшие через свои земли людей. Вражеский полководец расплатился с ними, хотя история уже не помнит, как и чем, — его армии пропустили, он миновал гарнизон и оказался в трёх днях перехода от города.

— Я всегда считал, что Дерфельд ни разу не брали штурмом. — Львёнок сел на стул.

— История опровергает это утверждение. Жители города были в панике, они знали, что не смогут выстоять против армии головорезов, но отступать было некуда. Все дороги оказались перекрыты передовыми отрядами врагов. В то время в Дерфельде жил один человек, он, как и другие горожане, не желал умирать. Судя по всему, если он и знал тайное искусство, то из рук вон плохо. Иначе бы улетел на метле или придумал что-то более простое, чем вызов демона.

Брат Курвус, скалой возвышавшийся над нами, услышав эти слова, усмехнулся. Пугало перестало бродить, село на пол, заинтересовавшись и тоже решив послушать.

— Недоучка вызвал демона? И, как я понимаю, того, о котором тут говорят. Тварь из князей ада? — недоверчиво уточнил я.

— Поверьте моему опыту, Людвиг, при должном желании можно вызвать и Вельзевула. — Святой отец сложил пальцы домиком. — Другое дело, что после этого проще сразу воткнуть нож себе в сердце. Многих демонов призвать достаточно просто, они сами этого хотят. Пара бабкиных заговоров, одна тёмная книга, и вот уже у тебя за спиной стоит какой-нибудь Сарафул. Сейчас я говорю о простаках и глупцах, а не об опытных демонологах, создающих целые сонмы защиты и репетирующих каждую фразу вызова в течение месяцев. Однажды кухарка князя Лагонежа возжелала связи с инкубом и призвала его к себе за одну ночь, не зная ни одной магической формулы, имея лишь собственную похоть и кровь убитой соперницы. Люди слабы, и нечисть с радостью бросается на их призывы. Но продолжим. Демон согласился помочь, взамен потребовав у просителя его душу на четыре сотни лет. И за одну ночь он отстроил Чёртов мост, соединивший обе стороны ранее непреодолимого ущелья, тем самым открыв дорогу на Жмут. Разумеется, кроме беглеца по мосту ушёл весь город. Человек, отдавший за спасение жизни душу, был очень разозлён этим фактом. Он счёл, что пожертвовал всем, в отличие от остальных,

воспользовавшихся случаем спастись, ничего за это не заплатив. Тогда он предложил демону ещё одну сделку — пусть тот оставит ему душу, а заберёт всех тех, кто прошёл по отстроенному мосту. Но сделку с демоном нельзя расторгнуть, если она уже заключена, и душа отправилась в ад вместе с её новым владельцем.

— Это не объясняет, что потребовалось твари, способной за ночь построить колоссальный мост, в городе на этот раз, — негромко ответил я, ставя опустевшую чашку на стол.

— По договору, мост должен простоять четыреста лет, а затем рассыпаться, — негромко сказал отец Март. — Когда он будет разрушен, сделка прекратит своё действие, и демон вернётся из ада обратно. Вернётся хотя бы потому, что он теперь знает дорогу сюда.

— Постойте! — вскинулся Львёнок. — Ничего не понимаю! Если демон всё ещё пребывает в аду, то кто тогда шастает по Дерфельду и портит молоко?!

— Его проводник, — ответила ведьма. — Тот, кто привёл его сюда впервые. Скоро он получит душу, точнее то, что от неё осталось, назад.

— Призвавший демона сам стал нечистью?

— Я бы назвала это существо бездушным.

— Инквизиция сталкивалась с ними раньше. Они всегда являлись проводниками для более сильных тварей в наш мир, поэтому его следует уничтожить до дня, когда завершится сделка, — негромко изрёк Пёс Господень. — Бездушный, вне всякого сомнения, постарается натравить демона на город, он вряд ли простил, что живущие сейчас потомки тех горожан отделались гораздо проще, чем он.

— Как он выглядит? Как его найти?

— Он человек, — пророкотал монах. — И появился в городе не так давно. Некоторые признаки указывают на его присутствие. Скисшее молоко, голубое пламя, необычное поведение птиц в небе, умирающие деревья. Мы видели эти следы сегодня, но пока не смогли определить то место, где их больше всего. Точно не рядом с церковью и освящённой землёй.

— Мы считаем, что погибший страж каким-то образом узнал, кто этот человек, и поплатился за это. — Инквизитор попросил колдунью ещё раз наполнить чашку. — Его убили, потому что никаких признаков одержимости в останках я не обнаружил.

— Если так, то его следует похоронить по всем обрядам, — сказал я.

— Разумеется, я сделаю это, если удастся совладать с демоном. Потому что в противном случае все мы позавидуем мёртвому стражу,

поскольку нас хоронить будет некому.

Эта угроза тяжёлым камнем повисла в воздухе. Каждый оценивал услышанное.

— Требуются ли ритуалы для возрождения демона? — наконец спросил я у священников.

— Нет. Не требуется ни места, ни ритуала, иначе мы бы могли поставить ловушку, — произнёс монах.

— Место всё-таки есть — Чёртов мост, — возразил ему инквизитор. — Там всё началось, там и закончится. И время мы тоже знаем — полночь новолуния, которое произойдёт в следующую ночь, когда выйдет срок договора. Мы все это знаем, но если дела сложатся именно так, то можно считать это очень неудачным вариантом. Наша цель — упредить, остановить того, кто призвал демона много лет назад, до новолуния, отправить в ад, чтобы проводник не смог вытащить чудовище.

— Город слишком велик, — сказала ведьма, поправляя шаль. — Найти нужного человека непросто.

— Приезжих не так уж много, — не согласился отец Март. — Их видят, про них говорят. Сейчас мои люди опрашивают всех, кого могут. Составляем списки, но время работает не на нас.

— Мы разговаривали с братом стража. В его доме пламя горело голубым цветом, — произнёс я.

Монах вздохнул, взял со стула плащ и сказал:

— Немедленно проверю его.

— Художник не больно-то похож на нечисть, — изрёк Львёнок.

— Обычная бесовская история. Они частенько стараются не привлекать внимание до той поры, пока не становится слишком поздно.

— Не возражаете, если я прогуляюсь с вами? — предложил Вильгельм.

— Буду рад, — пророкотал монах, и они вместе направились к выходу.

— Это может быть не художник, — обратился я к инквизитору. — Владелица дома, бакалейщик, гости, заказчики.

— Если брат Курвус придёт ни с чем, я пошлю других людей. Они постараются узнать обо всех, кто заходил в дом последнюю неделю.

— Нэлс говорил, что перед смертью его брат встречался с некой госпожой Лиони. Она любит картины и часто приходит к нему в гости.

— Проверим, — сказал отец Март.

— Ещё чаю? — спросила госпожа Агнесса.

— Благодарю вас, но мне пора идти, — отказался я. — Позвольте вопрос, святой отец?

— Слушаю вас.

— Инквизиция ведь не случайно приехала в город?

— У нас большие архивы, — улыбнулся священник. — Святой официум собирает истории, мифы, легенды, ведёт исследования и заметки. То, что случилось в Дерфельде, слишком заметная история, чтобы укрыться от нашего внимания. Когда пришло время — прислали меня.

— Не хочу вас обидеть, святой отец, но не кажется ли вам, что для того, чтобы совладать с настоящим демоном, требуется больше, чем один инквизитор?

— Иногда вы меня поражаете, Людвиг, — рассмеялся Пёс Господень. — Чтобы одолеть демона, нужна лишь вера во всемогущество Господа нашего. Вера — лучшее оружие перед силами ада, её страшится даже Сатана. Конечно, в Дерфельд можно было прислать и сотню инквизиторов, но это значит, что в других краях не останется тех, кто должен бороться с ересью.

— Ваша вера очень сильна.

— Да, это так. А ваша?

Я посмотрел в его светлые, насмешливые глаза и не ответил. Просто не знал, что сказать. Можно и нужно верить, но разум подсказывал мне, что этим оружием с демоном я точно не справлюсь. Возможно, у Пса Господня всё получится иначе. Я готов молиться, чтобы это было так.

— Всё будет так, как угодно Господу, господин ван Нормайенн, — наконец проговорил священник. — Я полагаюсь на его волю и верю, что нам будет сопутствовать удача, что мы спасём тысячи людей, живущих в этом городе. Господь привёл меня и вас сюда неслучайно. Подумайте над этим. Увидимся утром.

Я распрощался и вышел на полутёмную улицу. Было холодно, от луны осталась лишь тонкая ниточка серпа. Завтра она умрёт, и, быть может, с ней умрёт и город. Лучшим вариантом было бы уехать, но я медлил. Сам не знаю почему.

Направившись по пустой плохо освещённой улице к постоялому двору, я довольно быстро почувствовал, что за мной следят. Делали это вполне умело, но недостаточно для того, чтобы я не заметил. На ворюгу или разбойника преследователь был не похож, слишком осторожен и нерешителен, на кого-то из иных существ тоже — те из них, кто любит лакомиться людьми в городах, очень редко предоставляют такую возможность — себя обнаружить. Так что я продолжал идти своим путём, пока не услышал за спиной испуганный вопль, а затем сдавленный мышиный писк.

— Стоять! — рявкнул я, сразу поняв, что происходит, и бросился назад.

Старина Пугало прижало девушку к стене и держало возле её горла свой страшный серп.

— Франческа, у тебя больше дел нет, кроме как следить за человеком, отправляющимся спать? — спросил я у представительницы Ордена Праведности.

— Убери от меня это, Людвиг! — зло прошипела она, стараясь не делать резких движений и скосив глаза в мою сторону.

Поза у неё была не слишком удобная. Пугало всем весом навалилось на неё сзади, сорвав шапку и взяв лапой кудрявые локоны, оттянуло их вниз так, что девушке пришлось смотреть высоко в звёздное небо, обнажив беззащитную шею, которую холодило лезвие серпа.

— Отпусти, — сказал я Пугалу.

То неохотно исполнило приказ и в разочаровании шарахнуло оружием по каменной кладке близлежащего дома, высекая сноп искр. Франческа вздрогнула и осторожно потрогала шею.

— Чёртова тварь! У тебя будут неприятности, страж, за то, что ты спустил её на меня!

— Знаешь, что случится после? — рассвирепел я. — Я больше не буду просить его оставить тебя в покое. И мой друг с радостью поохотится на тебя, когда я буду занят разборками с Орденом.

Пугало оживилось.

— Ты блефуешь! — сказала девушка.

— Я блефую? — Я обращался исключительно к Пугалу.

Оно отрицательно покачало головой, посмотрело на Франческу и провело себе пальцем по горлу. Многообещающий жест.

— Тёмный одушевлённый! Ты якшаешься с тварью, которой не место в этом мире! — зло сказала она. — Знаешь, что будет…

— Ты глупая? — любезно поинтересовался я. — Я в любой момент могу повернуться и оставить вас наедине.

Она мрачно замолчала.

— Ты видишь его и знаешь, что ничего не сможешь ему противопоставить. Поверь, оно злопамятно и терпеть не может никого из ваших. Будешь о нём трепать — оно тебя найдёт. Забудь о Пугале. Его не существует. Ты поняла?

— Поняла, — неохотно выдавила из себя она, кажется, наконец-то оценив угрозу.

— А теперь говори, что тебе надо?

— В городе что-то назревает, раз вы, ребята, по нему носитесь, словно две адские кометы. Я желаю знать, что вы задумали.

— Ты знаешь, что в Дерфельд приехал инквизитор?

— Знаю, хотя об этом пока не говорят. Отец Март из специального трибунала Святого официума по борьбе с ересью.

— Если есть вопросы — обратись к нему. А от меня отстань, я не расположен к беседам с законниками, если у них нет прямых обвинений. Доброй ночи.

Пугало отправило ей многообещающий воздушный поцелуй, отчего девчонку перекосило, и мы ушли.

Я ковырялся в яичнице, словно свинья в грязи, с тем лишь отличием, что свинья это делает с куда большим удовольствием, чем я. Утро не задалось с самого начала.

На улице валил снег, дул ледяной ветер, комната за ночь порядком остыла, а Проповедник оказался форменной скотиной. Он так вопил половину ночи, раз за разом проигрывая Пугалу партию за партией, что в итоге я озверел и выгнал его взашей из комнаты, чтобы постараться выспаться за оставшиеся несколько часов.

Разумеется, это не получилось, поэтому на мир я смотрел сущим волком.

Львёнок появился, когда я уже покончил с завтраком. Вид у него тоже был хмурый и сонный, он тьма знает где пропадал и, судя по всему, ночевал не на постоялом дворе, а у какой-то девицы.

— Это не художник, — буркнул он, садясь напротив и кивая Проповеднику, недовольному ночёвкой в общем зале. — Монах вчера проверил. Теперь по городу бегает целая сеть шпионов и доносчиков, записывая, где скисло молоко, где горит голубое пламя, а где воробьи в небе выстраиваются в слово «Иисус Христос» задом наперёд. А между тем до прихода демона осталось несколько часов.

— Демон? — оживился Проповедник. — Какой демон? Что происходит?!

— Спроси у Пугала, — буркнул я ему. — Оно тебе всё расскажет в лучшем виде.

— Ты же знаешь, что оно не разговаривает!

— Тогда у Вильгельма. Я схожу за курткой, у нас много дел.

Пока я ходил, Львёнок ввёл Проповедника в курс дела, и тот сразу заявил мне:

— Есть два варианта: умный и очень умный. Первый — свалить из

города. Второй — свалить из города быстро.

— Ты этим и займись, а мы нагоним, — сказал я, показывая Вильгельму, что мы можем идти.

— Не валяйте дурака, стражи! Вы, в отличие от меня, смертны, а демон — это не чёрт и тем более не бес. Вы что, историй о демонах никогда не слышали?!

— Расскажешь нам как-нибудь вечерком, — улыбнулся ему Львёнок, вставая из-за стола. — До встречи.

— Если эта встреча состоится, — нахохлилась душа, понимая, что ни в чём нас не убедит. — Во всяком случае, желаю вам большой удачи. Это всё, что я могу для вас сделать.

— Знак Алгола нисколько не помог этому умнику. — На улице Вильгельм надел шапку. — Он собирался отправить инквизитора по ложному следу, чтобы тот вплотную занялся розыском ведьмы, но не знал, что ведьма-то с патентом. Кстати, она уехала.

— Ну, хоть кто-то следует советам Проповедника, — сказал я, натягивая на нос шарф, чтобы защитить лицо от ледяного ветра. — Пошли, найдём госпожу Лиони, если её ещё не нашёл инквизитор. Где мы должны с ним встретиться?

— В «Под подковой», перед сумерками, если не узнаем ничего нового. Если узнаем, надо идти сразу в собор, там в курсе, кому следует передать информацию.

Госпожи Лиони, к нашему глубочайшему разочарованию, дома не оказалось, а её соседка ничего не знала. Сказала, что не видела хозяйку уже несколько дней.

Следующие часы мы носились по городу, словно два озверевших пса, и везде нам сопутствовала неудача.

Время уходило сквозь пальцы, словно мельчайший золотой песок западных пляжей Илиаты, и с каждым часом я понимал, что катастрофа всё ближе и ближе. По дороге мы вновь заглянули на рынок, молочники были довольны, с товаром ничего не случилось, а это означало, что сегодня никакая нечисть сюда не заглядывала.

Львёнок купил нескольких карпов, заставив торговку вытащить из них сердца и печень. Озадаченная, она завернула рыбьи внутренности в бумагу и вручила ему. Вильгельм ушёл от неё, даже не посмотрев на выпотрошенную рыбу.

— Только не говори мне, что ты и в самом деле собираешься жечь требуху, если прижмёт, — сказал я ему.

— Если прижмёт, дружище Людвиг, я начну жечь даже родную

бабушку, — отмахнулся он от меня. — Запах должен отпугнуть демона.

— Ага. Вот только загвоздка в том, что демон не мелкий, и, скорее всего, ему это будет, как иголка в зад старине Пугалу. Лучше запасись святой водой.

Он ухмыльнулся и похлопал по фляге, висевшей у него на поясе:

— Уже. Кстати, держи. — Он сунул мне увесистый мешочек.

— Что это?

— Соль. Насыплешь твари на хвост и загадаешь желание.

— Не время для шуток. Смотрю, ты готов к тому, что ситуация выйдет из-под контроля.

— Она уже вышла, Синеглазый. Пора встречать неприятности. С утра я забил в стволы своих пистолетов, наверное, пуд соли крупного помола. Если уж тварь вылезет из ада, то я буду первым, кто испортит ей времяпровождение в нашем мире.

Настроен он был крайне решительно.

— Инквизитор не стал сообщать властям. — Страж смотрел, как снег засыпает город. — Бесполезно и только приведёт к панике. Демон уничтожит потомков прошедших по его мосту, даже если они убегут на край земли. Кстати, я дал обет.

— Если бы я сейчас что-нибудь пил, то непременно бы подавился, — сухо сказал я.

— Ничего смешного. Если мы уцелеем, и инквизитор справится, то я готов побриться наголо.

Я хмыкнул, решив не говорить, что вряд ли бог клюнет на такую жертву. Ему гораздо интереснее вечная бедность, сидение на хлебе и воде, молчание или воздержание. Впрочем, если лысина Львёнка поможет делу, я ничего не имею против.

Когда до сумерек оставалось не больше часа, а надежды почти не осталось, отец Март и брат Курвус сами нашли нас.

— Проверили всех, — сказал инквизитор, устало присаживаясь на скамью в маленьком трактире. — Не смогли найти лишь троих из списка тех, кто появился в городе в последнее время. Офицера егерского полка, его передислоцировали в Бибернау вчера утром, девушку из Косынки, деревушки, что в часе езды от города, и нищего, последнее время околачивавшегося возле рынка. Последних двух сейчас ищут.

— А офицер?

— Не думаю, что это он, иначе бы не уехал из Дерфельда.

— У нас тоже ничего, — поделился я неутешительными новостями.

— Тьма сгущается, стражи. Если вы хотите уехать, то самое время.

Потом будет слишком поздно.

Я посмотрел на осунувшееся лицо Пса Господнего и сказал:

— Моя вера в успех не слабее вашей, святой отец.

Он усмехнулся уголками губ:

— Значит, мы вместе встретим это испытание. Я собираюсь идти к Чёртову мосту. Возможно, демона удастся изгнать.

— Это будет очень непросто.

— Не рассказывайте об этом тому, кто давно борется с нечистью, Людвиг. Я и так всё прекрасно знаю. Мне следует зайти в церковь и оставить распоряжения местному проповеднику. Давайте встретимся здесь же, через полчаса.

— Мы будем ждать, — пообещал Львёнок, и служители церкви ушли.

— Ну что, Людвиг. Нас ждёт большое приключение? — спросил меня Вильгельм, криво улыбнувшись.

— Вроде того, приятель. Вроде того.

— У тебя есть какое-нибудь оружие, кроме соли?

Я расстегнул ворот рубахи и показал ему нательное серебряное распятие на цепочке:

— Надеюсь, за мою жизнь эта штука достаточно отравила мою кровь, чтобы сдох любой демон. Ну, кроме того, у меня есть пара забористых ругательств, которые я почерпнул от Проповедника… О, опять пришёл!

Душа бургомистра встала рядом с нашим столом:

— Гроб Господень мы у хагжитов уже профукали, несмотря на пять Крестовых походов. Не говорите мне, что теперь демон будет плясать в моём городе!

— Слухи, как я погляжу, расходятся с катастрофической быстротой, — проворчал Львёнок. — Извини, приятель, но здесь мы бессильны. Демоны — это не те существа, с которыми мы можем справиться одной левой.

— Что вы намерены делать?

— Пойти к Чёртову мосту и дать твари такого пинка, который отправит её обратно в ад.

— Скажите, вы видели в последнее время госпожу Лиони? — спросил я у бывшего бургомистра.

— Не мог я её видеть. Она ещё три недели назад уехала к племяннице в Жмут, — сказала душа, знавшая все городские сплетни.

Мы с Львёнком переглянулись.

— Вы уверены? — уточнил я.

Это никак не вписывалось в схему. Если дама уехала три недели назад, то она не могла говорить с погибшим стражем за день до его смерти.

— Разумеется, я уверен! Она на моих глазах садилась в дилижанс, и я слышал, о чём она разговаривала.

— Хорошо. А где мы можем найти её дочь?

Бургомистр вытаращился на нас:

— Какая дочь?! У неё отродясь никакой дочери не было! Эй! Вы куда?!

Но мы, не слушая его, выбежали вон.

Я чувствовал себя идиотом. Львёнок, как оказалось, тоже. Художник обвёл нас вокруг пальца. А быть может, обвели его. Спросить у Нэлса не получилось — хозяйка дома не видела того с прошлой ночи, когда от него ушли монах и страж. То ли сбежал, то ли его заставила исчезнуть эта самая дочь госпожи Лиони. Не удивлюсь, если тело несчастного найдут поближе к весне, когда сойдёт снег.

— Мы тоже дураки, — сказал Вильгельм. — Следовало меньше полагаться на его слова и всё проверить самим. Даже не спросили у соседки Лиони о дочери! Узнали бы об этом ещё утром!

Я ничего не сказал. Мы слишком много думали о демоне, и в итоге эти страхи сыграли с нами злую шутку.

— Спорю на что угодно, что девчонка и есть та, кого ищут, — продолжил Львёнок. — Якобы приехавшая из Косынки. Тварь, выпущенная из ада в образе девицы, чтобы указать дорогу одному из слуг Сатаны.

Я был с ним согласен. В легенде не сказано, что это был мужчина, но мы отчего-то решили именно так.

Когда мы вернулись обратно в «Под подковой», ни инквизитора, ни монаха уже не было. Хозяин сказал, что священники заходили и тут же ушли. Отец Март и брат Курвус явно сочли, что мы передумали и драпанули из города так, что пятки засверкали.

Мы шли, почти бежали, сквозь густую ночь по дороге, ведущей к Чёртову мосту, и огни Дерфельда за нашей спиной становились всё ниже, а затем и вовсе скрылись за скалой.

Впереди, в свете тусклых звёзд, на фоне белоснежных пиков, появилась фигура в знакомой широкополой соломенной шляпе.

— Решило посмотреть финал истории? — спросил я у него.

Оно пожало плечами, словно говоря, что это ещё неизвестно, закончится история или нет. Пугало было настроено гораздо более оптимистично, чем следовало ожидать. Право слово, судя по его виду, нам предстоит столкнуться с какой-то мелочью, а не со сверхъестественным

существом, воевавшим на стороне Люцифера в последней битве на Небесах.

Когда стал слышен гром Волос хульдры, мы несколько замедлили шаг, чтобы отдышаться, и за двадцать шагов от моста нас окликнули. Убежище, расположенное на склоне и скрытое от тех, кто идёт по дороге, массивными камнями, выпустило во мрак грузную фигуру монаха. Брат Курвус махнул нам рукой, приглашая присоединиться.

— Мы думали, вы решили поступить разумно, — произнёс инквизитор, сидевший прямо на земле, расчищенной от снега.

— Вы ошиблись, святой отец. У нас возникло дело, и пришлось отлучиться.

Львёнок сухо пересказал всё, что мы успели узнать, и священник, переглянувшись с монахом, кивнул:

— Значит, всё-таки девушка.

— Она придёт?

— Конечно.

— И у вас получится её остановить?

Брат Курвус кивнул в сторону прислонённого к камню арбалета, заряженного золотистой стрелой, с церковными письменами на наконечнике:

— Удастся.

— До полуночи ещё два с половиной часа. — Инквизитор поплотнее запахнул свой тёплый плащ пилигрима. — У нас есть время.

— И что будем делать? — Львёнок подул на озябшие в перчатках пальцы.

— Советую вам помолиться, страж. Попросить у Господа терпения и сил, чтобы выстоять перед слугой Дьявола. И вам, Людвиг, это тоже не помешает.

Я порядком замёрз и удивлялся, как святоши сидят, почти не двигаясь, на холодных камнях. Вновь пошёл снег, мелкий и колючий. По дороге гулял злой ветер, и за неимением путников он бросался на торчавшее там Пугало, которое плевать хотело на подобные неприятности.

Львёнок ёжился, грел руки дыханием, косился на коленопреклонённого каликвенца, истово молившегося всё это время, и лишь диву давался подобной стойкости к холоду. Облака закрыли звёзды, и я не слишком хорошо представлял себе, который час. По всему выходило, что до полуночи осталось немного.

— Людвиг, — негромко позвал святой отец.

— Да?

— Относительно нашего разговора в замке Кобнэк. О Солезино. Помните?

— Прекрасно.

— Хочу сказать, что я допросил стража Шуко…

— Допросили? — удивился я, подняв брови.

— Простите, издержки работы. Поговорил со стражем Шуко. Меня полностью удовлетворили его ответы, так что больше ни к вам, ни к Братству у меня нет вопросов.

— Я рад, что всё разрешилось, — сказал я, хотя, если честно, и думать забыл об этой проблеме, когда на нашу шею вот-вот готовится свалиться демон. — Вы создали ловушки?

— Да. Одну, ещё когда мы были в ущелье, под мостом. Другая начертана на дороге. Вон там. — Пёс Господень указал куда-то в сторону водопада. — Возьмите.

Он протянул мне какой-то моток.

— Что это?

— Верёвка святого Иоанна. Он сам вязал на ней узлы. Её вымочили в солёном море Святой земли ещё во времена Крестовых походов. Она должна помочь против демона.

— Благодарю. — Я убрал подарок в карман. — Далеко до полуночи?

— Не больше пяти минут.

Последние минуты заставили меня понервничать. Внезапно брат Курвус, забыв о молитве, оказался на ногах и приложил палец к губам. Я ничего не услышал из-за гула водопада, поэтому просто выглянул из укрытия и увидел, что по дороге быстро идут двое. Я не видел их лиц, но, судя по фигурам, это были мужчина и женщина.

— В девушку, — негромко сказал инквизитор на молчаливый вопрос монаха.

От рук Пса Господня потянуло лёгким запахом ладана — он пробудил магию, которой обладал. Люди, о чём-то негромко беседуя, прошли мимо нашего укрытия, и брат Курвус, пристроив арбалет на камень, прицелился в спину девчонки, задержал дыхание и нажал на спуск.

Золотистый болт рассёк воздух, но незнакомка, словно у неё глаза были на затылке, с непостижимой скоростью отскочила в сторону. Болт ударился в дорогу, на мгновение осветив скалы золотистым светом, я разглядел девушку и узнал её.

Булочница!

Её лицо исказила злоба, и в следующее мгновение она опрометью

бросилась бежать в сторону моста.

— Этот на вас! — крикнул инквизитор и проворно, точно горный козёл, спрыгнул вниз, легко перемахнув через камни на своём пути.

Грузный и, казалось бы, неповоротливый монах его опередил и нёсся за беглянкой, обнажив меч.

Мы с Вильгельмом, не сговариваясь, оказались на дороге и приставили к человеку кинжалы.

— Пощадите! — заскулил он. — У меня нет денег!

— Твою мать! — ошеломлённо и с чувством произнёс Львёнок, отведя кинжал. — Художник!

— С-стражи?! — Он тоже нас узнал. — Вы с ума… Что вы здесь делаете?!

— Вопросы задаём. — Я всё ещё держал кинжал в опасной близости от его бока. — Зачем вы сюда пришли? Кто эта девка? Что вас с ней связывает?!

— Но позвольте! — возмутился он. — Это наши с ней личные дела!

— С полминуты назад мимо вас пробежал инквизитор. Он вернётся, и его вопросы вам понравятся гораздо меньше наших. Отвечайте, чёртов дурак!

— Это дочь госпожи Лиони. Она сказала, что говорила с моим братом до его смерти, и сегодня мы можем поймать его убийц. Скажите, что происходит?! Почему на неё напали?

— Заманила его в качестве закуски для своего хозяина? — высказал предположение Львёнок.

— Что? — не понял Нэлс. — О чём вы говорите?!

Глаза у него были круглые, ничего не понимающие, губы дрожали.

— Вы, идиот, едва не распрощались со своей жизнью, — «объяснил» Вильгельм. — Надо было додуматься идти ночью чёрт знает куда с девкой, которая так хорошо лжёт. Это не дочь госпожи Лиони!

— Но она показала письма от неё!

В этот момент над скалами разнёсся тоскливый стон, быстро перешедший в хруст, закончившийся оглушительным грохотом, заглушившим водопад. Через несколько секунд грохот повторился, но прозвучал гораздо глуше и тише.

Чёртов мост приказал долго жить, оставив на той стороне проводника демона и священников. Пугало, находившееся всё это время неподалёку, поспешило посмотреть на разрушения.

— Успели или нет? — встревоженно спросил у меня Львёнок, но я не знал ответа.

Мы втроём стояли и смотрели на то место, где последние четыре века находился Чёртов мост. Художник на время оставил свои расспросы, лишь тяжело дышал, совершенно ничего не понимая.

Я глядел на тот берег, силясь разглядеть сквозь мрак меж снега и скал хоть какие-то признаки смерти проводника или появления демона.

— Удивительно. Просто удивительно, — через несколько секунд сказал Нэлс.

— Что вас удивляет, любезный? — раздражённо спросил я.

— Глупость клириков. От вас-то, конечно, её можно было ожидать, но они…

В следующую секунду невидимая рука опрокинула меня на дорогу, больно ударив спиной о наледь, а затем протащила несколько ярдов к обрыву. Львёнок рухнул рядом со мной, выронив кинжал.

Художник вздохнул, покачал головой:

— Обвести их вокруг пальца и заманить на ту сторону оказалось плёвым делом, просто пара пустяков.

Я вскочил, бросился на человека, но получил невидимым стальным кулаком в живот, охнул и опять упал.

— Кто ты, чёрт побери, такой?! — воскликнул Львёнок.

— Так, ты у нас явно самый тупой в компании, — с сочувствием произнёс Нэлс и обратился ко мне: — А что ты скажешь, человече?

— Демон, — просипел я, пытаясь встать.

— Браво! — улыбнулся он. — Один умник всё-таки нашёлся!

Я знал, что у нас никаких шансов, но всё-таки нащупал мешочек соли в кармане куртки, непослушными пальцами стараясь развязать тесёмки.

— Но ведь монах проверил тебя!

— Я что, мелкий бес, которого можно вывести на чистую воду с помощью одного взгляда? — презрительно рассмеялся «художник». — У легенд две беды, страж. Им либо не верят, либо слишком сильно верят. Сейчас как раз второй случай.

— Зачем ты это нам говоришь, дьявольское отродье? — Рука Львёнка уже была в его сумке, но он не мог воспользоваться пистолетами, пока не высечет огонь.

— У вас такие глупые лица, что я склонен поглумиться, прежде чем заставлю вас сожрать сердца друг друга, — пожал он плечами. — Сделка чётко обговаривала моё появление за пятнадцать дней до её завершения. Люблю, знаете, погулять по человеческим городам и покушать плоть.

Он довольно облизнулся.

— Конечно, есть риск, но, как видите, удача на моей стороне. А

теперь, с разрушением моста, когда ко мне вернулась вся скованная им сила, не думаю, что меня остановят два жалких стража. Ну, кто хочет умереть первым?

Я швырнул в него соль, она попала на кожу, зашипела, но демон лишь рассмеялся:

— Уму непостижимо! Ты и вправду решил, что *мне* это повредит?! За это будешь умирать медленно!

— Одного не понимаю! — сказал я, отступая. — Зачем тебе возвращать проводнику его душу?

— И я не понимаю. И не собираюсь этого делать. В сделке такого не было. Я строю мост, спасаю её, забираю душу, а через четыре сотни лет возвращаюсь с её помощью назад и приятно обедаю жителями.

Я перебирал в уме *фигуры,* но ни одна из них не могла подействовать на потустороннее существо.

— Что это ты там делаешь? — Демон с любопытством посмотрел на огниво в руках Львёнка. — Да ладно тебе. Неужели ты серьёзно считаешь, что…

— Бах!

Я едва успел отскочить в сторону. Крупные куски соли угодили прямо в морду твари, вызывая удушливый дым и шипение. Окровавленная рожа с повреждёнными глазами исказилась:

— Мне так нравилась эта оболочка, человек. Когда я появился тут, поблизости был только художник, малевавший водопад.

Я отбежал в сторону, видя, что Львёнок зажигает фитиль на втором пистолете, и крикнул:

— Вот почему ты убил стража! Он догадался, что это уже не его брат!

Безглазое лицо повернулось ко мне.

— Бах!

Соль угодила в грудь, но эффект был такой же, как и раньше. То есть почти никакого — демон и не собирался исчезать.

Вместо этого мы вместе с Львёнком опять упали, потому что на этот раз нам отказали ноги.

— Вы меня забавляете своим наивным упорством, — прорычала тварь из ада. — Я мог бы заставить вас выковырять пальцами мозг из собственных черепов, но поступлю иначе. Вы будете жить и отправитесь со мной в город, чтобы разделить пиршество. Стану запихивать вам в глотки человеческое мясо, пока вы не сойдёте с ума!

Это было похоже на рождение какого-то отвратительного насекомого. Руками он разорвал себе рот, кожа с тошнотворным треском лопнула, и

демон стянул её с себя, точно чулок, а затем отбросил в сторону то, что когда-то было художником Нэлсом.

Не знаю, как такая туша умудрилась влезть в столь тщедушного человечка. Он был на две головы выше меня, в чёрной коже, шипах, с когтистыми ногами и чешуйчатым хвостом. Густая чёрная шерсть покрывала могучий торс и воняла так, что у меня сразу перехватило дыхание. На его зубастой, похожей на бычью, башке были три огромных, изогнутых золотистых рога, беззубый рот, с чёрным вывалившимся языком казался больше, чем сама бездна, а глаза, маленькие и белые, сверкали из-под тяжёлых надбровных дуг.

Когда он сбросил кожу, вокруг вспыхнуло голубое демоническое пламя. Оно проворными змеями поползло по земле, взобралось по скалам, без труда сжирая камень, словно это сухие дрова, растопило снег, и вокруг стало светло, как днём. Пугало, наблюдавшее за всем этим со стороны, отступило в сторону, не желая касаться огня. Помогать оно нам не спешило.

Львёнок в отчаянии швырнул в гадину свой мешок с солью, затем плеснул святой водой, за что почти тут же захлебнулся криком и потерял сознание.

Демон склонился над ним, и я крикнул, привлекая его внимание:

— Эй! Давай заключим сделку!

Он шагнул ко мне, по пути щелчком пальца разрушив ловушку инквизитора, оказался рядом, сгрёб меня лапищей, притянув к себе так близко, что я увидел собственное отражение в страшных белесых глазах.

— Зачем мне это?! Твоя душа и так будет моей, человек!

— А как же азарт и риск? — прохрипел я. — Готов поставить душу в обмен на то, что ты не тронешь город.

— Не пойдёт. Ещё предложения есть?

— Да, — сказал я и хлестнул его верёвкой Иоанна по морде.

Я оглох от его воя, упал вниз, и пока он корчился и выл, отбросил обгоревший кусок верёвки в сторону. Ноги вновь работали, так что я схватил Львёнка под мышки, намереваясь утащить как можно дальше. Я смог преодолеть ярдов двадцать, когда адово отродье подняло нас без помощи рук в воздух, а затем мы оказались висящими над пропастью.

— Кажется, стражам суждено падать вниз! — прорычал демон, через морду которого, наискосок, пролегала кровавая рана, по краям которой плясали языки пламени.

Однако упасть мы не успели, потому что метнувшийся из-за скалы силуэт кинул в демона чем-то круглым. Эта штука разорвалась у него на

спине, и он взвыл, бросившись на землю, забыв о нас, пытаясь стереть текущее по коже и шерсти масло. Второй сосуд разбился о его золотой рог, вызвав новый вопль, от которого задрожали горы.

Франческа метнулась в сторону, избегая тёмного дыма, которым ослепший от боли демон пытался её зацепить, и, отважно подскочив к нему, воткнула два спицеобразных кинжала под лопатку твари, а затем бросилась прочь, обратно по направлению к городу.

Мы с Львёнком всё это время висели над бездной.

На той стороне ущелья, рядом с водопадом полыхнула вспышка, и над пропастью протянулся тонкий, не шире ступни, мост из света. Два человека отважно бросились через пропасть, двигаясь по тонкой перемычке с неоправданной скоростью, на каждом шагу рискуя свалиться вниз. Прямо над нами пробежал могучий монах со сверкающим, точно кристалл, одушевлённым мечом, на острие которого всё ещё была кровь, а за ним, отставая всего лишь на несколько шагов, инквизитор.

Я ещё успел увидеть, как брат Курвус взвился в высоком прыжке, занося клинок над головой, и в следующее мгновение демон перестал держать нас, и мы с Львёнком рухнули в пропасть.

Но в это мгновение я ощутил церковную магию, с хоралом благословений загремевшим в голове, и нас за шкирку, словно двух неразумных щенков, выбросило на край утёса, в снег, всего лишь в шаге от бездны.

Львёнок так и не пришёл в сознание, и мне с трудом удалось оттащить его на два ярда от края. Затем, потеряв силы, я ткнулся лицом в обжигающий снег. Его холод неожиданно вернул меня к жизни. Я встал и побежал туда, где происходила схватка.

Монах, окружённый голубым куполом своей веры, словно ангельским тетраимом, напирал, и кристальный меч с благословением высшего существа наносил противнику страшные раны, истекающие демоническим пламенем. Демон защищался с помощью короткой, дымчатой палицы, пытаясь прихлопнуть ловко перемещающегося вокруг него брата Курвуса. Отец Март бил чем-то невидимым, но вполне действенным для того, чтобы адское создание не могло добраться до Франчески, которая, свернувшись калачиком от боли, лежала прямо возле ног демона.

— Спаси её! — крикнул мне Пёс Господень.

Понимая, что в этой битве мои способности бесполезны, я бросился к законнице. Палица, которая должна была размозжить мне голову, врезалась в клинок монаха, защитившего меня от удара. Я «нырнул» вниз, выволок девчонку, забросил её, несмотря на жалобные стоны, на плечо и понёс

прочь от свалки.

Положил у камней, подальше от продолжающего бушевать пламени, а она клещом вцепилась мне в руку, скуля от боли. У неё из носа пузырями шла кровь.

— Держись, — сказал я ей, зачерпывая снег и пытаясь остановить кровотечение.

Монах тем временем умудрился отрубить демону один из трёх золотых рогов и запястье левой руки. Но дальше развить успех не смог. Раненая тварь была так же опасна, как и прежде. Брат Курвус уцелел лишь благодаря своему сияющему куполу, а выбитый из его руки клинок сверкнул в ночи и ухнул в пропасть. Демон шагнул к клирику, занося палицу, чтобы разбить голову, но тут на его пути встал отец-инквизитор, крестом раскинувший руки.

Оружие адского создания ударило не дрогнувшего отца Марта прямо в лоб и рассыпалось голубыми искрами. В следующее мгновение правая рука Пса Господнего вцепилась в шерсть на груди демона, заставив того упасть на колени.

— Вера моя крепка! — крикнул инквизитор. — И не тебе, мерзкий червь, вставать на пути Божьего воина! Ибо сила моя идёт от силы Всемогущего! Да будет благословенно Его имя от века и до века, ибо любим мы Его всем сердцем своим, и всей душою своей, и всеми силами своими! Именем Его изгоняю тебя обратно в ад, ибо я верую, а ты трепещешь!

Двумя руками инквизитор вцепился в бычью голову, сдавливая её что есть силы и, не отводя взгляда от белых глаз, читал молитву. Выло, ревело, земля дрожала, и со скал сыпались камни. Вокруг демона начал закручиваться белый вихрь, в следующую секунду из его глаз, рта, носа и ушей воссиял свет, и, превратившись в пламя, враг исчез, растворился в воздухе, оставив после себя на земле огромную подпалину.

Проповеднику сопутствовала удача, это было видно по его хитрым глазам и тому, как он то и дело косится в мою сторону. Я усмехнулся и положил мелкую карту в общий расклад.

— Я пас, — сказал Львёнок, сбрасывая свой набор.

— Играю. — Франческа сдвинула несколько фишек в общую кучу.

— Ты блефуешь, — сказал я ей. — У тебя не больше одного оруженосца.

— А ты проверь, — усмехнулась она.

Львёнок покачал головой и разлил вино. За последние четыре дня он

несколько сблизился с симпатичной законницей, и, судя по всему, это его нисколько не волновало. Впрочем, меня это волновало ещё меньше. Несмотря на предвзятое отношение к Ордену Праведности, я был благодарен ей за помощь.

Пугало с вызовом посмотрело на девушку, выложив неудобную для всех нас десятку.

— Так ты скажешь, наконец, что это было за масло, которым ты облила тварь? — спросил я у Франчески.

— Ещё чего! Я не лезу в тайны Братства, а вы, мальчики, не лезьте в тайны Ордена. Спросили бы у инквизитора, пока он ещё был в городе. Уверена, он знает, что это такое. А, чтоб тебя! Проклятое Пугало!

Она бросила карты на стол и взяла бокал из рук Львёнка. Мне никак не удавалось привыкнуть к изменению его облика и лысой башке. Он всё-таки выполнил свой дурацкий обет, но нисколько не переживал по этому поводу.

Я переглянулся с Пугалом, легко пожал плечами. Он ответил тем же. Проповедник, увлечённый просчётом расклада, не обратил на наше «общение» никакого внимания. Для вида пришлось сделать ещё один ход, а потом сдаться, когда старый пеликан выудил припасённую цветастую картинку.

— Интеллект — великая сила! — напыщенно заявил он мне.

— Болтай, болтай, старый негодяй, — хмыкнул я, берясь за свой стакан. — Пугало не оставит от тебя камня на камне.

— Куда теперь собираешься, Людвиг? — спросил у меня Львёнок.

Я покосился на Франческу. Благодарность благодарностью, но наивностью я никогда не страдал. Она поняла мои сомнения, улыбнулась и ничего не сказала.

— Ещё не определился. Следует почитать корреспонденцию.

— Да! — заорал Проповедник. — Да! Так тебе, соломенная шляпа! Я всё-таки выиграл! Выиграл!

Пугало, ничуть не расстроившись, село в уголке и начало затачивать серп. Проповедник ликовал, носился по комнате и даже не подозревал, что всё это время мы ему поддавались.

История шестая
Когти

Перекрёстки — дурное место, особенно ночью, на перепутье лесной дороги, вдали от жилья. Нечисть любит плясать в такое время, скользя по лунному свету и поджидая дураков, которым не сидится дома.

Хуже такого перекрёстка может быть лишь тот, где тебя встречает висельник.

Этот был именно таков.

Я увидел человека, повешенного на суку, издали и придержал жеребца, заставляя идти шагом. Полная ледяная луна прекрасно освещала болтавшегося мертвеца, и я успел увидеть, как что-то небольшое и тёмное спрыгнуло с его плеч и исчезло на дереве.

— Не хочу лезть с советами, но лучше бы тебе пришпорить коня. — Проповедник говорил дельные вещи, но это означало рисковать лошадиными ногами.

Дорога была ужасной.

— Это может быть чёрт, — посулил он мне, видя, что я не спешу поступать разумно.

— Скорее какая-то мелочь из иных существ. Падальщик. А быть может, обман зрения. Ночью чего только не покажется.

— Интересно, ты кого убеждаешь, меня или себя? — задумчиво вопросила душа.

— Раз такой умный, сходи и посмотри.

Разумеется, он никуда не пошёл, и я направил коня вперёд. Покойников я не боялся, но в такое время следовало сохранять осторожность.

Снежные сугробы искрились в лунном свете, тускло вспыхивая мёртвым ледяным блеском. Они нависали над дорогами, которые зимой превратились в труднопроходимые, узкие тропинки. Труп, практически раздетый и босой, повис на пеньковой верёвке, едва заметно покачиваясь.

Он был порядком проморожен, но, несмотря на это, кто-то умудрился обгрызть ему половину лица, и кости черепа белели так же, как и снег вокруг. В полной тишине, зимней, давящей, среди угрюмого мрачного леса, висельник казался очень уместным, хотя оставалось лишь гадать, кто и за какие проступки его здесь вздёрнул.

— Что ты там бормочешь? — спросил я у Проповедника.

— …Шестой висельник, которого ты встречаешь.

— Нет. Это седьмой на седьмом перекрёстке с тех пор, как София говорила со мной в замке Кобнэк.

— И когда будет тот самый, которого тебе следует опасаться?

— Спроси чего-нибудь полегче. — Из моего рта вырвались облачка пара. — Возможно, он перед тобой, а, может, я встречу его лет через шестьдесят.

— Тебе этот покойник не знаком?

— Впервые вижу.

— Как ты можешь быть уверен? У него от лица почти ничего не осталось, всё объедено.

Пугало стояло поодаль, улыбаясь и глядя на мертвеца так, словно тот был его лучшим другом. Оно отсутствовало почти месяц, пропав за два дня до Рождества, и я даже начал думать, что одушевлённому надоело за мной таскаться и он не вернётся, но в последнюю неделю января, когда морозы стали особенно лютыми, Пугало внезапно появилось в моей комнате, до чёртиков обрадовав своим приходом Проповедника.

— Этого, думаю, уж точно не придётся опасаться, — сказала душа.

— С чего ты так решил?

— Ну, он явно не собирается выбираться из петли и пробовать, каков ты на вкус.

— Пророчества иносказательны, Проповедник. Возможно, что после встречи с ним у нас начнутся неприятности, а, быть может, на этой же верёвке подвесят и меня.

— Чтобы твой язык черти гвоздями прибили! Дева Мария! И этому человеку я ещё спас жизнь?! — возмутился старый пеликан.

— Я всего лишь перечисляю варианты, не кипятись, — миролюбиво заметил я.

Проповедник ответил сварливым ворчанием, Пугало промолчало, висельник был равнодушен ко всем беседам, что велись под его босыми ногами.

Я в последний раз посмотрел на мертвеца и, миновав перекрёсток, выехал на заснеженный тракт.

Рождество застало меня на юго-востоке княжества Лезерберг, в глухой провинции. Там мне пришлось очищать маленький город от тёмных тварей, расплодившихся здесь после того, как рухнула дамба выше по течению и вода затопила кладбище, где хоронили преступников. Я намеревался отправиться в Фирвальден, в Вион, сразу после того, как покончил с

делами, но вмешалось Провидение в виде погоды. Точнее, непогоды. Начались затяжные снегопады, и дороги засыпало так, что выбраться из чёртова городка не представлялось никакой возможности. Я оказался заперт и предоставлен на растерзание вселенской скуки и Проповедника. Через две недели такой жизни я понял, как выглядит настоящий ад. Ни вино, ни женщины, ни игра в азартные игры с немногочисленными постояльцами трактира не могли спасти меня. Я умирал от безделья и от того, что где-то, за снежными наносами, продолжала бушевать жизнь.

Выехать из опостылевшего городка мне удалось лишь за неделю до Святой Агаты [50], когда наконец-то до нас смог добраться дилижанс-сани. Разумеется, желающих свалить было выше крыши, но мне повезло занять свободное место, даже не воспользовавшись законными привилегиями, которые города Лезерберга обязаны оказывать Братству.

Добравшись до более цивилизованных областей, я оказался в Фирвальдене. Дороги оставались ужасными, снега намело столько, что некоторые паникёры заикались о скором апокалипсисе со всеми вытекающими последствиями.

На конец света это не слишком походило, лично я считал, что во время него будет гораздо жарче, примерно как в пекле, но оказалось, что у бога есть свои мысли на этот счёт. Морозы стояли такие, что в дальний путь отправлялись лишь самоубийцы.

Люди и кони замерзали на трактах, птицы падали с небес, а деревья лопались, не выдерживая холода. Жизнь на улицах почти остановилась, и мне пришлось потерять ещё неделю, ожидая, когда можно будет высунуть нос, не опасаясь того, чтобы превратить лёгкие в лёд.

И теперь я спешил в Нарсдорф — город, от которого до Виона было шесть дней пути по зимним дорогам. Они, как я уже говорил, оказались куда хуже, чем можно было предположить, поэтому сегодня я потерял слишком много времени, барахтаясь вместе с конём в снегу, и в итоге застрял на ночь где-то на полпути между коммуной [51] Вальца и лесным массивом Гроленвальд, от которого все умные люди советуют держаться подальше не только ночью, но и днём. Лес издавна славился тварями, обитающими в его чащобе. В последние десять лет из-за попустительства властей там развелось множество нечисти.

Конь, несмотря на медленный темп езды, выбивался из сил и был слишком разгорячён, с трудом продвигаясь по занесённой снегом дороге. Судя по отсутствию следов, здесь никто не ездил уже дня три, если не четыре. Поэтому меня сразу насторожило то, что кусты, расположенные

впереди ярдах в шестидесяти, растеряли весь снег и стояли голые.

— Возможно, здесь прошёл какой-то зверь. — Проповедник, чтобы не скучать, обосновался у меня в голове.

— Пошёл вон, — сказал я ему, разглядывая подозрительный участок дороги.

В этот момент кусты харкнули огнём и окутались клубами едкого порохового дыма. Не знаю, куда полетела пуля, но явно не в мою сторону. Стрелок был или мазилой от бога или просто-напросто поторопился. В любом случае я не стал ждать повторного выстрела, соскользнул с конской спины и, утопая почти по пояс в снегу, потащил животное к деревьям. Конь был испуган, сопротивлялся, но мне всё же хватило времени, чтобы оказаться в укрытии, когда грохнуло ещё раз, и теперь пуля стукнула в древесный ствол рядом. Я намотал уздечку на ближайший сук, чтобы животное не убежало, снял притороченный к седлу арбалет, перебросив его на плечо, и достал пистолет из сумки.

— Разбойнички, мать их! — Проповедник перепугался сильнее, чем я.

— Сходи проверь, сколько их там.

— И не подумаю! Отправь Пугало!

— Оно всё равно ничего не сможет рассказать. И меня, в отличие от тебя, могут прихлопнуть. Так что будь добр, сделай, что я прошу.

Он отправился к кустам.

— Эй! — проорали оттуда. — Кобылу давай! И деньги! А сам иди, куда хошь!

— Без кобылы по такой погоде я далеко не уйду! — крикнул я в ответ, загоняя в дуло пулю и орудуя шомполом.

— А нам какое дело до твоих бед?! Кобылу давай! И деньги!

— Это я уже слышал, — проворчал я, поджигая фитиль.

Где-то полминуты, пока я возился с оружием, царила тишина, затем всё тот же голос поинтересовался:

— Эй! Ты там надумал али как?

— Думаю!

— Думай быстрее! Мы тут полночи мёрзнем!

Вот идиоты. Они, действительно, считают, что я должен испытывать сочувствие к их профессии? Вот уж совесть меня точно не будет мучить, если они околеют от мороза.

Вернулся Проповедник:

— Их трое. Двое за кустами, у них аркебузы и топоры.

— А третий?

— Прямо за твоей спиной.

Иногда мне хочется убить Проповедника за его излишнюю любовь к театральным эффектам. Я развернулся для того, чтобы увидеть обряженного в собачью шубу разбойника с рогатиной, которая как раз собиралась воткнуться мне в живот, и выстрелил в тёмное пятно под капюшоном.

Пистолет бухнул так, что с дерева посыпался снег, а конь заржал и попытался освободиться от пут.

Разбойник упал с разваленной головой в сугроб, и снег под ним быстро стал напитываться кровью.

— Эй! Что там у тебя?!

— Ваш приятель! Потерял мозги! Проваливайте, если не хотите к нему присоединиться.

Из укрытия по мне вновь пальнула аркебуза, на этот раз они уже специально целились в моего коня, но пуля прошла выше. Я выстрелил из арбалета наугад и, как видно, не попал.

Меня это уже порядком достало, было понятно, что они не успокоятся и не отстанут. Я посмотрел на скучающее у дороги Пугало.

— Можешь забрать их себе, я плакать не стану.

Оно радостно подпрыгнуло, подбросило в воздух серп, виртуозно поймало его на лету и поспешило к душегубам. Когда одушевлённый скрылся за кустами, оттуда раздался лишь один сдавленный вопль.

Я посмотрел на Проповедника, но на этот раз он не стал ничего говорить, а пропел заупокойную.

Отвязав коня, я вывел его обратно на дорогу.

— Между прочим, я спас твою жизнь во второй раз, — сказал мне старый пеликан. — Как тебе такое?

— На том свете тебе зачтётся, — посулил я ему.

Проповедник скривился, словно чёрт, которому сунули под нос ладан, и произнёс несколько заученных в Фрингбоу неприличных ругательств. Я проехал мимо кустов, где деловито возилось Пугало, перепачканное кровью с ног до головы. Гибель людей, пытавшихся меня убить, ничуть не тронула моё сердце.

— Твой язык чернее ночи, — сказал Проповедник немного погодя. — Это же надо было так накаркать себе неприятности. Тебя едва не прихлопнули какие-то придурки, возомнившие себя разбойниками! Они даже стрелять не умели!

— На моё счастье. Кстати, насчёт карканья. Ещё скажи, что это висельник виноват.

— О, значит, не мне одному такая мысль пришла! Покойник вполне

мог накликать беду, он ведь висел на перекрёстке, а лучшего места для проклятий просто не существует.

— Таких мест полно. Начиная от захоронений с неосвящённой землёй и заканчивая уютными комнатами старушек, где в комодах хранится клубничное варенье.

Я натянул шарф на лицо, как это делал по старой привычке в морозы, и перестал отвечать на реплики Проповедника. Ему, в отличие от меня, холод был не страшен.

Дышать через шарф, конечно, влажно и душно, зато нос и щёки перестал щипать ночной мороз. Через час дорога окончательно покинула леса и рощи, выбравшись на продуваемую ветром равнину. Я увидел, как далеко-далеко впереди загорелись огоньки посёлка, и почти в тот же момент где-то за деревьями подал голос одинокий волк. Ему из степи ответили ещё несколько. Конь, хоть и устал, тут же пошёл быстрее. Я не нервничал — зверьё всегда можно отпугнуть или смутить, благо мой дар на такое способен.

Главное, чтобы это были просто волки, которых голод выгнал на промысел, как иногда случалось лютыми зимами, когда пропадали одинокие путники. А вот если это какая-нибудь нечисть в облике волков или того хуже — ругару [52], то у меня точно такие же проблемы, как и у обычных людей. Однажды я встретился с ругару на юге Прогансу, среди замечательных лавандовых полей, где он охотился на симпатичных селянок, сжирая их вместе с костями, красными чепцами и башмаками.

Мне было двадцать, я как раз возвращался после завершения моей второй военной кампании, и даже слепой бы меня не спутал с селянкой в красном чепце, но, как оказалось, всегда бывают исключения в правилах.

В критических ситуациях я никогда не жаловался на свою реакцию, так что, когда он появился из-за живой изгороди, весь в засохшей крови, со свалявшейся шерстью и с хлопьями белой пены, текущей из зубастой пасти, я взял ноги в руки и дал такого стрекача, что ругару смог догнать меня лишь в тот интересный момент моей биографии, когда я научился взлетать на деревья без помощи крыльев.

Тварь попыталась повторить мой подвиг, но лишь оставила глубокие следы когтей на стволе. Я, обосновавшись на верхних ветвях, благословлял свою прыть и того лентяя, что не срубил деревце, растущее поблизости от лавандовых полей. Сделай он свою работу, и от меня остались бы лишь обглоданные кости (при должной удаче).

На этом дереве я просидел двое суток, привязав себя к верхушке с помощью ремня. Ругару оказался таким же упрямым, как я, караулил внизу,

надеясь, что рано или поздно мне надоест, и я спущусь вниз. В том, что ждать помощи бесполезно, я убедился довольно быстро. Со сторожевой башни ближайшего замка зрители прекрасно видели, как я улепётывал от оборотня, но даже не попытались прикончить тварь.

Так что я провёл свои не самые лучшие ночи между небом и землёй, играя в гляделки с чудовищем. Наконец, когда сила луны стала слабеть, ругару перевоплотился в человека, и тут-то подоспела кавалерия из замка. Она изрубила ставшего неопасным противника в капусту и сожгла оставшееся, использовав на дровишки спасшее меня деревце…

Волки, обычные волки, завыли гораздо ближе, я увидел три тени, несущиеся по снегу нам наперерез. Конь перешёл в опасный галоп, но я швырнул перед носом зверей *фигуру,* и она вынудила их оставить погоню.

Я постарался успокоить жеребца, но он всё равно нервничал до тех пор, пока мы не оказались возле Вальца.

Городок встретил нас погашенными огнями в домах, светились лишь окна внушительного постоялого двора и его пристроек. Именно этот свет я увидел на тракте.

— Наконец-то уют, — сказал Проповедник и, не дожидаясь меня, пошёл к дверям.

Мне же сначала пришлось разбираться с животиной, искать конюха, потом договариваться о комнате. Свободных не было, и хозяин предложил мне ночевать в сарае. Я резонно поинтересовался, зачем ему нужен замёрзший труп к утру, он подумал и согласился уступить мне собственное жильё, содрав за ночёвку втридорога. Я слишком устал, чтобы с ним торговаться, забросил на плечо сумку, сказав жуликоватому конюху, что если пропадёт седло и сбруя, то лучше и ему исчезнуть навсегда вместе с ними и не доводить меня до греха, и отправился вместе с хозяином на постоялый двор.

После чистого морозного воздуха помещение оглушило меня одуряющей духотой, запахом немытых тел, гулом, песнями полураздетой девки с грязной головой, вонью протухшего лука, подгоревшего мяса и кислого эля, впитавшегося в доски пола.

В косяк был воткнут ржавый нож, самое примитивное средство для распознавания нечисти, если наложить на него наговор. Три длинных стола занимали всё свободное пространство зала, и за ними теснилось множество людей. Они были одеты в платья благородных, куртки с гербами слуг, рясы монахов, плащи пилигримов, богатые шубы купцов и торговцев, камзолы странствующих наёмников, дублеты солдат регулярных войск, туники ремесленников. Зима собрала под одной крышей множество совершенно

разных людей, которых совершенно не смущали теснота, плечо и локоть соседа, а также его запах.

— Скотный двор! — презрительно сказал Проповедник. — Пойду поищу более приличное место.

— Интересно где?

— В церкви, Людвиг. В доме Божьем. Сейчас там никого не должно быть, кроме святых образов и мышей. Куда лучшее соседство, чем эта свиная конура. Увидимся завтра.

Старый пеликан отчалил, только его и видели. Однако в зале были и другие души. Женщина с обожжённым лицом, словно в него ткнули поленом, и парень из купеческой свиты.

Трое типов характерной разбойной наружности резались в кости на самом краю ближайшего ко мне стола. Им хватило одного взгляда на меня, чтобы понять, что здесь ловить нечего, так что в игру меня не пригласили.

Судя по еде на столах, Великий пост здесь никого не смущал, и многие набивали желудки, несмотря на прошедшую Пепельную среду [53] и не дожидаясь конца марта. Лишь монахи, сверкая бритыми тонзурами, и странствующие пилигримы — заросшие бородами, в драной от долгого пути одежде — налегали на альбаландскую сельдь да карпов и линей.

— Будете есть? — спросил у меня хозяин.

— Карпа, в чесноке, без всякой квашеной капусты, — подумав, сказал я, решив, что рыбой здесь отравиться будет сложно. — Хлеб, мягкий сыр, зелёный лук есть?

— Угу.

— И молока.

— Молока?! — удивился он. — Молока нет, только эль.

— Вино найдёшь? Есть бутылки, которые закрыты не в этой коммуне?

— Пара нарарских припасена, если угодно господину. Один чергийский грош за бутылку.

Я посмотрел на него так, что он вздохнул и понизил цену:

— Четверть чергийского гроша, а еда будет бесплатной. К вину.

— Две бутылки, — сказал я, увидев вошедшего в зал. — И удвой порции. А ещё позаботься о кровати для моего друга.

Дождавшись утвердительного ответа, я пошёл навстречу человеку, который стряхивал с бобрового воротника куртки снег.

— Здравствуй, Иосиф, — поприветствовал я его.

Черноглазый старик с лёгкой рыжиной в щетине, посмотрел на меня и улыбнулся:

— Людвиг, сколько лет… Ты совсем не изменился, если бы не твоя

борода. — Голос у него был резкий и неприятный, словно наждак.

Мы пожали друг другу руки.

— Это Герхард, — представил страж жмущегося к его ногам курносого мальчишку.

Тот неуверенно кивнул мне и моргнул покрасневшими глазами с пушистыми ресницами. Было видно, как он устал и как расстроен.

— Здравствуй, — улыбнулся я ему. — Хочешь есть?

— Да, — неуверенно ответил ребёнок.

— Идёмте, я уже позаботился о ночлеге и ужине.

Мы прошли через весь зал, и я поймал на себе взгляд человека, на голове которого красовался модный алый шаперон с декоративным петушиным гребнем. Несколько упитанный незнакомец был хорошо, я бы сказал, даже богато одет, у него имелась шпага и, как видно, тугой кошель. Поймав мой взгляд, он отвернулся и уткнулся в свой бокал с вином.

Мои инстинкты молчали, так что я лишь мысленно пожал плечами. Его я видел впервые, и от человека не веяло угрозой.

Комната хозяина постоялого двора не отличалась простором, но оказалась вполне уютна, с большой кроватью, и служанка как раз расстилала на полу матрас, сооружая дополнительную лежанку. Одна из стен помещения являлась стенкой печки, так что здесь было натоплено так, что я сразу же приоткрыл форточку.

— В тесноте, да не в обиде, — пробормотал Иосиф, расстёгивая куртку. — Ну и жарища. Герхард, не стой столбом.

Мальчик снял овчинный тулуп, аккуратно сложил его, пристроил на полке и осторожно сел на краешек стула. Я стал расшнуровывать ботинки.

— Я слышал про Пауля. — Иосиф подошёл к окну, заложив руки за спину. — Ты тогда с ним охотился?

Пауль был когда-то ближайшим другом стража, но лет пятнадцать назад между ними пробежала чёрная кошка, и с тех пор они не общались. Так что я несколько удивился вопросу, но ответил так же небрежно, как и он спросил:

— Да, в Солезино. Душа оказалась слишком сильной и хитрой.

— Жаль. Пауль, несмотря на всю свою любовь к власти, был хорошим стражем. Извини, если обижу, но мне кажется, магистром он стал бы куда лучшим, чем Гертруда.

— Мне не на что обижаться.

— Ну и славно. Откуда едешь?

— Застрял из-за снегопадов в Лезерберге, а так был во Фрингбоу. А ты?

— Из При. Везу мальчика в Арденау. У него яркий дар, было бы жалко потерять такой потенциал.

Герхард неуверенно улыбнулся. Мальчишка был порядком напуган, и я его понимал. Сам был таким, когда меня нашёл Иосиф.

В дверь стукнули, принесли на двух подносах еду, вино и, о чудо — они всё-таки расщедрились на стакан молока.

— Садись за стол, парень. — Я взял дело в свои руки.

Иосиф за всю свою жизнь так и не понял, что слишком строг с новичками, отчего им, и так оторванным от своих семей, становится ещё более одиноко.

Я поставил перед мальчишкой молоко и пододвинул тарелку с зажаристой жирной рыбиной.

— Вы тоже страж? — спросил он у меня.

— Конечно.

— Я нашёл его, как и тебя, мальчик. — Иосиф, продолжая стоять возле окна, набивал трубку едким табаком. — Он стал хорошим стражем, одним из лучших. Возможно, ты тоже когда-нибудь будешь таким, как он.

Старик редко сподоблялся на лестный отзыв о своих братьях, так что я оценил его слова.

— А много злых душ вы уничтожили? — спросил Герхард, запихивая в рот хлеб.

— Вполне достаточно, — ответил я. — А ты уже видел их?

— Одну. — Мальчик нахмурился, и было понятно, что это воспоминание ему слишком неприятно, но почти тут же его лицо разгладилось. — Господин Иосиф плеснул на неё невидимым огнём и убил кинжалом. Было здорово и… страшно.

К середине ужина он уже разговорился, перестав чувствовать себя чужаком, а затем, когда тарелка опустела наполовину, его энтузиазм затих, и мальчишка стал клевать носом, а пока мы со стражем негромко беседовали, вовсе заснул.

Старик легко и неожиданно нежно поднял ребёнка на руки, отнёс на кровать, укрыл его одеялами, затем вернулся ко мне и сказал:

— Совсем умотался парень. Дорога даже для взрослого тяжёлая, а уж для ребёнка, никогда не бывавшего дальше собственной деревни, вовсе ужасна. Плохая зима, до Альбаланда придётся добираться очень долго.

— У паренька сильный дар. Поздравляю.

Иосиф, на моей памяти, нашёл больше детей с даром, чем все другие стражи. Обычно из любой своей поездки он привозит одного, а то и двух. Он говорит, что не ищет их, дети сами его находят.

— Я давно уже не радуюсь этому, Людвиг, — проскрежетал старик, сохранивший, несмотря на свои восемьдесят, удивительную силу, подвижность и бодрость духа.

В его клинке много собранных душ, которые помогают стражу всё ещё оставаться в форме. Тот, кто видит Иосифа впервые, считает, что ему нет и пятидесяти. Вполне неплохо для восьмидесятилетней «развалины».

— Почему? — негромко спросил я.

— Сколько из тех, кого я привёл в школу, теперь мертвы? Тот же Ганс, твой самый лучший дружок. Где он теперь? А Мила, Натаниэль, Йохан, Матильда, Агата, Александр, Жанет, Михаил? Те, кого я нашёл до тебя, и те, кого я привёл после того, как ты оказался в школе, давно уже лежат в могилах. Число погибших слишком велико.

— У нас опасная работа, и ты первый, кто об этом знает. Лучше дать ребёнку шанс в Арденау, чем позволить ему умереть просто так. Ни один из необученных детей с даром не доживает до совершеннолетия. Души уничтожают их или же приходит Орден Праведности. Я, честно, не знаю, что хуже.

Иосиф грустно улыбнулся:

— Ты вырос.

— Только сегодня заметил? — с иронией спросил я.

Он виновато пожал плечами:

— Для меня каждый из тех, кого я привёл в школу, всегда будет таким, каким я его увидел впервые. Ты встречал кого-нибудь из наших?

— За последние полгода — немногих. Карла, Гертруду, Львёнка, Шуко… ты знаешь про Розалинду?

Он кивнул. Её нашёл Пауль, взял девочку в свои ученицы, и в итоге они оба навсегда остались в Солезино.

— Жаль цыгана. — Страж откинулся на стуле. — Хорошая была девочка. Смышлёная.

Мы выпили за её память, и я спросил:

— А ты где пропадал?

— Всё лето и осень торчал в Ольском королевстве, дел было по горло. Ты уже слышал, что они всё-таки начали войну с Чергием?

— Нет. В снежном Лезерберге было несколько напряжённо с новостями. Что, воюют зимой?

— Пока мелкие пограничные стычки, но к весне разойдутся, чтобы устроить что-нибудь более крупное. Всё-таки когда представители одной династии правят в двух странах, то рано или поздно наследники начнут претендовать на земли родственников. Возможно, султаны хагжитов

поступают мудро, убивая младших братьев, впрочем, чего взять с еретиков? После Ольского королевства я заглянул в Альбаланд, потом поехал в При. Вот теперь — снова назад и опять через треклятый Бьюргон. Нашего брата там в последнее время не слишком жалуют.

— В смысле?

Он посмотрел на свои большие, тяжёлые ладони:

— Возможно, я пристрастен, с виду-то всё как прежде, но в крупных городах власть нас терпит и только. Один шпик сказал мне, что это потому, что стражи каким-то образом разрушили союз Бьюргона с Прогансу. Ну, ты помнишь их дрязги с Удальном?

Я кивнул без всяких эмоций.

— Союз не состоялся, говорят, его величество скрипит зубами от злости, но не более того. Магистры что-то на него нарыли. Не знаешь, что?

— Нет. — Я почти не врал. — Стараюсь не лезть в большую политику.

— Это правильно, парень. Политика тварь ещё та. Хуже окулла. Сожрёт любого и не подавится.

Мы проговорили больше двух часов, делясь новостями и воспоминаниями, и легли далеко за полночь.

— Слушай, Иосиф, — сказал я, ложась на матрас и уступая ему кровать. — Если ночью в комнату завалится одно Пугало, очень прошу тебя, не бросайся на него с кинжалом. Оно это не любит.

Я дождался его обещания и крепко уснул.

Меня разбудил лёгкий шорох за дверью, а затем тихий стук. Мы проснулись со стариком одновременно, держа в руках кинжалы. Мальчик продолжал дремать.

— Кто? — спросил я.

За окном было ещё темно, но я слышал, что в зале возобновился гул голосов тех, кто собирался в дорогу с утра пораньше.

— Добрый господин, это хозяин. Мне надо с вами поговорить.

— Пошёл вон! Мы ещё спим.

— Это касается оплаты за комнату.

Было понятно, что он не отстанет и рано или поздно разбудит ребёнка.

— Сейчас приду.

Я услышал удаляющиеся шаги.

— Разберусь, — сказал я Иосифу. — Запри дверь.

Я вышел в зал, накинув на плечи куртку. Пилигримы как раз собирались уходить, а торговцы приканчивали огромную яичницу с беконом и сыром, бурно обсуждая, какую бог пошлёт им погоду и успеют

ли они добраться до Шнеппенбарга засветло.

Хозяин протирал кружки для эля не слишком чистой тряпкой. Я подошёл к нему, спросил:

— В чём дело?

— Ни в чём, добрый господин. Простите, мне пришлось соврать вам, чтобы вы вышли из комнаты и не тревожили своего друга. Этот господин очень хотел поговорить с вами.

Он кивком указал на дальний стол, где сидел давешний тип в петушином шапероне. Хмурясь, я направился к нему и довольно неприветливо спросил:

— Что вам угодно?

— Присаживайтесь, господин ван Нормайенн, — сахарным голосом поприветствовал он меня. — Желаете завтрак? Я распоряжусь, только скажите.

— Вот ведь странно — вы знаете, кто я, но я не имею никакого представления, кто вы, — сказал я, не собираясь садиться.

Человек положил на стол серебряный жетон.

— Если у вас нет никаких обвинений, то я отправлюсь спать. — Жетон меня ничуть не тронул.

— Я хочу спасти жизнь вашего друга и щенка, которого он тащит с собой. Ну как? Я смог хоть немного заинтересовать вас?

— Горячий чай, колбасу и пшённую кашу, — ответил я.

Он рассмеялся, подозвал хозяина, сделал заказ.

— Моя организация давно следит за вами, и я хотел бы предложить сделку.

— Слушаю. — Я не стал говорить ему, что куда безопаснее заключить сделку с Дьяволом, чем с законниками.

— Меня очень интересует, что произошло в Солезино и при каких обстоятельствах была разрушена наша штаб-квартира.

Я дёрнул бровями, несколько удивлённый поднятой темой:

— А что в обмен?

— Мы забудем о трагической смерти господина Александра. Поверьте, это поможет избежать вам в дальнейшем множества неприятностей.

— Ну, к смерти господина Александра, который, попрошу заметить, по словам Ордена, был изгнан от вас, я не имею никакого отношения. Что касается Солезино, то случившееся в нём не является секретом — мор юстирского пота оказался ужасной трагедией, и, поверьте, я бы с радостью забыл о тех днях. Что касается здания Ордена, то землетрясение не щадит никого. Возможно, это кара Господня за какие-то грехи.

— Я разочарован, — поджал губы безымянный орденец с жетоном высшего жреца. — Вы не желаете быть откровенным, и это не пойдёт вам на пользу. Что касается грехов, то если бы Всевышний карал за каждый грех, Арденау бы уже лежал в руинах, а все стражи превратились в соляные столбы.

— Это всё, что вы хотели обсудить? — холодно спросил я.

— Ну что вы. Я всего лишь проявил личный интерес. А теперь, собственно говоря, дело, в связи с которым маленькие разносчики новостей трудились всю ночь, чтобы этот человек успел вас поприветствовать.

Мужчина, подошедший к нам, сел рядом с законником и улыбнулся мне, хотя его глаза оставались холодны:

— Эта встреча рано или поздно должна была состояться, Людвиг.

— Я удивлён. Личный колдун маркграфа Валентина в такой дыре, — сухо бросил я, слыша, как в моих ушах бьёт тревожный набат. — Сегодня какое-то утро встреч, господин Вальтер.

— О, вы сочли за труд узнать моё имя, это льстит. Признаться, у меня была бессонная ночь, пока я сюда добирался, страж. Мне пришлось пошевеливаться, чтобы вас снова не потерять. Маркграф Валентин вновь передаёт приглашение посетить его гостеприимные земли. Замок Латка готов распахнуть перед вами свои ворота.

«Уверен, он распахнёт не только ворота, но и тюремные подвалы», — подумалось мне. Но вслух я произнёс:

— И вновь я с сожалением отказываюсь.

— Так я и думал. — У колдуна появилась неприятная особенность — поглаживать шрам на лице. — Но, если вы не заметили, ситуация несколько изменилась. Сейчас не Ночь ведьм, и мы не в замке Кобнэк. Мы в провинциальной дыре, где нет ничего, что помешает нам исполнить волю маркграфа.

— Одно уточнение, — сказал я, поднимая палец. — Отсюда до земель Валентина Красивого четыре дня пути на юг. Это не его владения.

— На ваше уточнение у меня будет другое уточнение, — притворно вздохнул законник. — Здесь нас ждёт господин колдун, на улице — люди милорда, и, скажу вам по секрету, страж, они сущие головорезы.

— Думаете, меня это может испугать?

— Нет. Что вы. Конечно нет. — Он поднял руки в притворном жесте мира. — Всем нам известна ваша смелость.

— Тогда не вижу смысла продолжать разговор, — сказал я, вставая из-за стола.

— Но также всем известен ваш здравый смысл и то, что вы не любите,

когда погибают невинные люди. Если вы будете упрямиться, господину колдуну, к нашему обоюдному сожалению, придётся выполнять задание господина силой. Разумеется, эти действия не останутся без свидетелей. Ваш друг, страж, будет в курсе, а свидетели в таких делах никому не нужны.

— Я убью и его и малолетнего щенка, — без всякой злобы сказал Вальтер, и было видно, что он не лжёт.

Убьёт и не поморщится.

— У вас есть выбор, Людвиг. — Законник посмотрел на свои ладони. — Уйти сейчас вместе с нами, не поднимая шума, и тогда мальчик и старик будут жить. Или же начать упрямиться, и последствия этого будут очень неприятны…

Он с «огорчением» вздохнул.

— Что вы изучаете? — спросил я у него.

— Увлекаюсь хиромантией на досуге. Смотрю на свою линию жизни. Так каков ваш ответ? Уезжаем, или вы будете упорствовать?

— Какие у меня гарантии, что моих друзей не тронут?

— Слово колдуна, — сказал Вальтер.

Я усмехнулся, и он, правильно расценив моё недоверие, достал из кармана гвоздь, проколол большой палец, провёл линию на столе, чётко проговорив:

— Даю слово, что твоих друзей не тронут, они смогут ехать, куда пожелают, когда им это будет угодно. Клянусь в этом моей колдовской силой.

Кровавая линия на столе растаяла, и я, понимая, что меня припёрли к стенке, сухо сказал:

— Хорошо, господа. Прокатимся, раз маркграф так этого хочет. Что касается вас, неизвестный господин-хиромант, то ваша линия жизни, бесспорно, лжёт.

— Вы так считаете?

— Скажу даже больше, у меня есть предположение, что вы вряд ли дотянете до следующего утра.

Эскорт у меня оказался почётным, хотя и немногочисленным. Кроме законника и колдуна со мной отправились в дорогу ещё пятеро. Не скажу, что они выглядели головорезами, но иллюзий на их счёт я не испытывал — все понюхали пороха и крови в достаточных количествах для того, чтобы я проявлял осторожность. Их выправка, то, как они управлялись с лошадьми и как общались друг с другом, наводили меня на мысль, что эти люди не

один год провели в армии. Маркграф собрал для меня хорошо сработанную команду сторожевых псов. По именам они друг к другу не обращались, да и вообще преимущественно молчали, так что я стал называть их для себя Первым, Вторым, Третьим, Четвёртым и Пятым.

Они тут же взяли надо мной опекунство, двигаясь по обе стороны от моего коня, когда это позволяла дорога, и каждый час меняясь. Для них я был кроликом, которого надо довезти в целости и сохранности, и если он не собирается бежать и не думает кусать собак, им до него нет никакого дела.

Кролик планировал бежать и кусаться, но несколько позже, когда постоялый двор, где остались Иосиф с мальчиком, будет уже далеко. У меня отобрали пистолет, арбалет, палаш и мой кинжал, так что я был абсолютно беззащитен перед судьбою, если не считать кулаков. Мне связали руки, дабы я не надумал устраивать глупости в самый неподходящий для этого момент. Узду моего коня взял Четвёртый, молчаливый небритый мужик лет сорока. Так что я путешествовал исключительно в качестве пассажира.

Ни Проповедника, ни Пугала со мной рядом не было. Не знаю, как они почувствовали ситуацию, но никто из них не стал показываться на глаза законнику, которому хватило бы совсем немного времени, чтобы понять, что они со мной. Возможно, старина Пугало и избежал бы проблем, но вот Проповедник точно бы схлопотал неприятности, как свидетель, способный кое-что рассказать другим стражам. Мне оставалось лишь надеяться, что он так и поступит — предупредит кого-нибудь, во что я вляпался. Старый пеликан сейчас бы обязательно сказал, что висельник на перекрёстке всё же принёс мне беду и, пожалуй, я бы не стал с ним спорить.

Мороз спал, погода была ясной, а дорога на удивление торной. Мы всё дальше продвигались на юг, к границе При, и на меня большую часть времени никто не обращал внимания. Лишь на остановках, в тёплых постоялых дворах, за трапезой мне развязывали руки и сажали между двумя крепкими головорезами, да ещё когда неохотно водили за сарай по нужде. В первую мою такую просьбу Второй взвёл арбалет и без экивоков сказал:

— Прострелю ногу, если начнёшь дурить.

Я не сомневался, что он так и поступит, так что был паинькой, но успокоить их мне не удалось. Я знал, и они знали, что рано или поздно у всех нас возникнут проблемы.

К вечеру небо затянуло, начал сыпать снег, мелкий и колючий. Пока ещё не опасный, но, судя по всему, до хорошей метели оставались

считанные часы.

— Вы не хотите рассказать о Солезино, страж? — в очередной раз спросил у меня законник.

— К чему такой интерес? Я, действительно, не понимаю.

Он несколько секунд испытующе смотрел на меня, затем сказал:

— Орден считает, что в распространении юстирского пота виновато Братство. Мы хотим знать, как вы это сделали.

— Ваши слова звучат абсурдно.

— Двадцать из тридцати высших жрецов нашего Ордена собрались на ежегодное совещание в Солезино. И именно в это время случился мор, тогда, когда, образно выражаясь, почти все яйца лежали в одной корзине. Сильный удар по тем, кто не даёт вашему брату нарушать законы.

Я вспомнил перламутровую душу, разносящую мор, и сказал:

— Мне кажется, что у вас, в Ордене, собрались ещё большие параноики, чем в Арденау. Надеюсь, землетрясение вы тоже записали на наш счёт?

— Есть колдуны, которые способны вызвать дрожь земли.

— Вы не были в Солезино. То, что там произошло, способны сотворить лишь ангелы Господни или сам Всевышний. У колдунов кишка тонка. Если не верите — спросите у господина Вальтера.

— Уже спрашивал. Он придерживается вашего мнения.

— Вот видите, кто-то ещё может размышлять здраво.

Этот разговор встревожил меня. Вызов искусственного землетрясения, конечно, сущая чушь, но вот душа… У меня возникли некоторые сомнения, впрочем, тут же отброшенные, как безумные. Нас с Шуко эта тварь едва не размазала по мостовым Солезино, а Пауль с Рози не смогли пережить встречу с ней. И не скажу, что мы — самые слабые в Братстве. Ни одному нашему магистру не придёт в голову выпустить на свободу подобную гадину.

К вечеру, когда снег усилился, а Тринский тракт разделился на две дороги, законник покинул наш отряд, о чём-то поговорив с колдуном. Мне он сказал:

— Вынужден откланяться, дела зовут. Возможно, когда-нибудь мы с вами ещё встретимся.

— Не думаю, что это случится. — Я уже несколько раз видел за деревьями мелькнувшую фигуру в широкополой соломенной шляпе.

— Боюсь, вы правы. Вряд ли вам когда-нибудь суждено покинуть замок Латка. Закономерный итог для всех стражей, которые не слушают советов Ордена. Господин Александр был моим другом, и я рад, что вас

настигло возмездие.

Сказав это, он поскакал по заснеженной дороге, быстро скрывшись в белой круговерти, поднятой ветром. Почти сразу же снегопад поглотил вышедшего из-за деревьев одушевлённого в дырявом солдатском мундире времён князя Георга, и мне начало казаться, что возмездие настигнет законника, точно так же, как и господина Александра, — гораздо раньше, чем меня.

— Надо же тебе было так вляпаться! — ворчал Проповедник глубокой ночью, когда я лежал, привязанный к металлическим прутьям кровати.

Мои тюремщики не отличались особой наивностью и не оставляли меня на ночь предоставленным самому себе.

— И Пугало здесь не помощник. Оно странное и уже сто раз показало, что не будет тебя выручать, если только на дороге не подвернётся какой-нибудь законник. Хочешь, я встану, и ты воспользуешься *знаком,* как это было в Кайзервальде? — Проповедник, как и я, понимал, что положение отчаянное.

— Спасибо за твою готовность пожертвовать собой, но, боюсь, я прибью не только их, но и себя вместе со всем постоялым двором. Они всегда слишком близко от меня, чтобы я швырялся ядрами себе под ноги.

— Что ты предлагаешь?

— Тебе придётся найти стража и всё рассказать.

— А если я его не найду? — резонно спросил он.

— Значит, отправишься в Арденау, там их как блох на боку дворовой собаки.

— Людвиг, ты знаешь, о чём просишь? Это недели пути, даже если я буду идти без остановки. Ты можешь так долго и не протянуть.

— Значит, надо протянуть. Советую тебе отправляться сейчас же. Возможно, сможешь нагнать Иосифа.

Второй услышал мой шёпот, поднял голову от подушки:

— Спал бы ты, психованный. Иначе заткну рот тряпкой.

— Ты уж продержись. Я сделаю всё, что смогу, — принял решение Проповедник.

Он ушёл, и я остался один, надеясь, что о том, куда я пропал, рано или поздно узнают.

Утро третьего дня моих злоключений ознаменовалось тем, что колдун и Второй уехали вперёд, оставив меня на попечение четвёрки наёмников. До обеда я вёл себя тихо, по возможности усыпляя их бдительность, пока не случилась остановка в небольшой деревушке, где господа решили

отобедать. Мне кинули между рук куртку, чтобы никто не видел, что они связаны, провели за стол и посадили между Третьим и Первым.

Только после этого они соблаговолили снять путы, предварительно убрав со стола все острые предметы. Я наслаждался «свободой», попросив горячего чая и супа. Эти хмыри были такими же скованными, как обычно, дёргаясь каждый раз, когда я решал пошевелиться.

— Расслабьтесь, ребята, — посоветовал я им. — Понимаю, что, если вы меня упустите, с вас живьём спустят кожу и повесят на стенах Латки в назидание остальным, но не доводите дело до абсурда.

Пятый посоветовал мне заткнуться и заняться супом, что я и делал, пока Четвёртый, по уже известной мне привычке, не отправился изучать особенности местного отхожего места. Первый ничего не ел, ждал, когда я покончу с едой, чтобы связать меня и заняться своей, зато Третьему надоело ждать, и он принялся махать ложкой. Я взял в руки кружку с обжигающим чаем и, продолжая улыбаться Пятому, выплеснул кипяток в лицо Первого, тут же спиной упав с лавки.

Его вопль, подарил мне одну драгоценную секунду чтобы вскочить, и я вмазал кулаком в висок Третьему, который всё ещё держал в руках ложку. Прыгнул вперёд, избежав цепких лап Пятого и нырнул к выходу, сбив по пути слугу. Встав на четвереньки, он задержал врезавшихся в него преследователей.

Я бежал изо всех сил к подсобным помещениям, за которыми начинался лес, понимая, что до конюшни с лошадьми по открытой местности я не дотяну — враз всадят болт в ногу. Пятый отставал шагов на двадцать, Третий и натягивающий штаны Четвёртый только выползали из дома, а Первому было явно не до погони после купания в кипятке.

Я нырнул за угол, пробежал через амбар, схватив с верстака несколько гвоздей, сунул их в карман, затем подхватил стоявшие у дверей четырёхзубые вилы, начал обегать амбар по кругу и оказался на старом месте, как раз в тот момент, когда последний из тройки преследователей нырнул в здание. Мне представилась прекрасная возможность воткнуть вилы Третьему в бок.

Он страшно закричал, но я, на разгоне, протащил его вперёд, до стены, насаженным, точно на вертел. Палаш Четвёртого чиркнул у меня над головой, я оставил вилы, перехватил его руку, крутанул на себя, бросая соперника через бедро. Он не ожидал от меня такой прыти, охнул, врезаясь спиной в верстак, но развить атаку я не сумел. Пятый навалился на меня сзади, прижав мои руки к бокам. Я мотнул головой назад, надеясь попасть ему в лицо, но не тут-то было. Держал он меня так ловко, что пнуть его

тоже не получилось.

Четвёртый как раз поднимался на ноги, Третий орал, вцепившись в окровавленное древко вил, и тут я совершил хитрость, расслабил все мышцы, превратившись в настоящее желе из Прогансу. Можно сказать, что я просто вытек из рук поражённого Пятого и с большим удовольствием воткнул здоровый гвоздь из своего кармана в его ляжку. Дал почти вставшему Четвёртому ногой в зубы и, уже видя перед собой свободу, бросился прочь лишь для того, чтобы врезаться в мерцающую голубым снежную стену, невесть как выросшую на моём пути к выходу.

Половина тела, коснувшаяся её, тут же онемела, я отшатнулся назад, лишь для того, чтобы врезаться во вторую такую же преграду, и рухнул на пол, бессильно хлопая глазами. София была права, снежных стен стоило бояться, потому что шансов к бегству они мне не оставили. Я увидел склонившегося надо мной встревоженного колдуна, а затем потерял сознание.

Замок Латка появился из-за густого леса столь же неожиданно, как оглашение смертного приговора. Расположенный на берегу прекрасного озера, на единственном холме в этой местности, он представлял собой настоящую крепость, но, казалось, она соткана из воздуха. Архитектор и строители здорово поработали, чтобы придать тройному кольцу стен и сторожевым башням иллюзию дворца фей из детских сказок. Настоящий пряничный домик с живущей в нём спящей красавицей и подвалом, набитым всевозможными чудовищами. Пожалуй, это был один из самых красивых замков, когда-либо виденных мною, но никакой радости я не испытывал.

Было в этой сказочной красоте нечто зловещее, что, впрочем, неудивительно. За века своего существования замок успел обрасти целым сонмом легенд и преданий, одно страшнее другого. Пугало, шедшее рядом со мной, тоже с интересом изучало моё будущее узилище. Оно не спешило убивать моих тюремщиков, а я не просил, опасаясь, что к хорошему подобные вещи не приведут — за неполную неделю оно уже перебрало крови, перерезав разбойников, а затем и законника. Если Пугало будет погружаться в кровь с такой периодичностью, то сорвётся, и остановить его будет некому, мой кинжал сейчас далековато.

Охрана моя несколько поредела — рана Третьего оказалась серьёзной, и его оставили на постоялом дворе. Вызванный лекарь не давал никаких гарантий, что тот выживет. Пятый хромал, лицо Первого было ошпарено кипятком, и только чудом можно было объяснить, что он не лишился глаз.

Надо сказать, ребята были крепко на меня злы, но колдун не только запретил им трогать пленника, но ещё и наорал на них:

— Это страж, идиоты! Вы совсем забыли, с кем имеете дело?! Или думаете, что если два дня он вёл себя тихо, то на третий не перегрызёт вам глотки?!

Так что я отделался лишь парой незначительных зуботычин, пинков и оплеух. Право слово, в иной ситуации я счёл бы это даже забавным — убивать собственных тюремщиков без всякого наказания, но чем ближе был Латка, тем меньше мне хотелось смеяться.

Мы подъезжали к нему по лесной дороге, минуя большую деревню у северного подножия холма, а затем начали взбираться наверх по серпантину, петляющему мимо вековых заснеженных сосен, до тех пор, пока слева не появилась внешняя замковая стена, сложенная из замшелых, красноватых глыб. Над головой хрипло каркало вороньё, хлопая крыльями и кружась над сторожевой башней. Мне хватило лишь одного взгляда, чтобы рассмотреть висельников на балке, торчащей из стены, и насаженные на колья головы разной степени подпорченности.

А затем я увидел и вовсе такое, что заставило моё сердце подпрыгнуть, а Пугало — отшатнуться и остановиться. Линия, часть огромной *фигуры,* была протянута поперёк дороги, сбегая вниз по склону лесистого холма. Не знаю, кто создал эту штуку, но она без всяких вариантов ограждала замок от любопытных душ и одушевлённых. Никто из них не мог проникнуть внутрь при всём желании.

Я оглянулся назад, на Пугало, оставшееся на границе. Оно неожиданно подняло руку, словно прощаясь со мной, и я улыбнулся ему. Возможно, у нас ещё появится шанс встретиться.

— Кто рисовал *фигуру?* — спросил я у колдуна. — Это работа стражей, не Ордена.

— На твоём месте я бы лучше помолился, — ответил тот.

Загудела труба на сторожевой башне, и мы, миновав подъёмный мост, въехали в большой, прямоугольный внутренний двор. Здесь нас встретил пожилой человек в дорогом кафтане и двое солдат с алебардами, в ало-чёрных мундирах расцветки маркграфа.

— Поздравляю, господин Вальтер, — сказал пожилой. — Вы удачно справились. Его милость уже ждёт вас.

Второй и Четвёртый повели меня следом за колдуном, через двор, к следующим воротам во второй стене. Пока мы шли лестницами, коридорами и галереями, я вспоминал всё, что знал о маркграфе Валентине Красивом из династии фон Дербеков.

Маркграфство, ранее являющееся независимым государством, вошло в состав Фирвальдена около семидесяти лет назад, испугавшись возможной агрессии Лезерберга. Номинально слившись с могущественным соседом, оно сохранило большую часть своей независимости и даже приумножило доходы, являясь, по сути дела, маленьким государством в государстве. Отец маркграфа Валентина, Карл, умер при невыясненных обстоятельствах, когда его сыну едва исполнилось пятнадцать. Странная смерть на охоте привела к регентству матушку Валентина, правившую следующие три года. Как говаривали, она была помешана на сохранении молодости, поэтому предпочитала питаться сырым мясом молодок из окрестных деревень, считая, что это дарует ей вечную жизнь.

Когда инквизиция наконец об этом пронюхала (всего-то для этого потребовалась вечность!) и решила нанести в Латку неприятный визит, юный маркграф тоже «узнал» о деяниях матушки, поэтому недолго думая приказал её задушить, а останки замуровать где-то в подвале. Инквизиция возражала против подобного самоуправства не слишком рьяно.

Следующие двадцать лет своего правления его милость немного повоевал на стороне Фирвальдена, немного попутешествовал и много-много творил мерзостей под защитой красивых стен. Говорят, что за два десятилетия он умудрился извести здесь чуть ли не тысячу людей из неугодных и провинившихся, но слухи, как это водится, остались лишь слухами.

Однако если хотя бы часть из них была правдой, то черти в аду уже подготовили для его милости крючья и гвозди, вскипятили масло и ждут с нетерпением его визита, приплясывая возле ревущего пламени. Ничего удивительного в том, что ему очень требовался бедняга Хартвиг, дабы избежать грядущей тёплой встречи.

По узкой стене, где в смердящей клети, подвешенной на цепи над пропастью, сидел ощерившийся мертвец, меня провели в башню, по серпантинной лестнице вывели на открытый всем ветрам балкон, с которого в соседнюю башню была перекинута галерея с резными колоннами и статуями безмолвных ангелов, коих не трогало обилие казнённых.

Опять начались коридоры, теперь уже жилые, тёплые, пахнущие цветами, дорогими благовониями и заморскими пряностями, с многочисленными тихими и старающимися быть незаметными слугами. На стенах висело множество картин, преимущественно отражающих религиозные темы, и совсем не было оружия или гербовых щитов.

В обеденном зале, куда меня привели, в трёх больших каминах ревело

пламя. Возле накрытого стола лежали борзые, а несколько мужчин общались между собой, стоя возле высоких, украшенных витражами и зимними узорами окон. Молоденькие смазливые дамы шептались в уголке, а возле дверей застыли крепкие стражники в богатых ливреях и щегольских шаперонах.

Один из мужчин, невысокий, но крепкий, с красивым лицом, бросил на меня пронзительный взгляд и хлопнул в ладоши, привлекая внимание тех, кто находился в зале:

— Оставьте нас, господа.

Мужчины и женщины потянулись вон, отвешивая маркграфу поклоны и реверансы. Охранники вышли следом, закрыв за собой массивные двери.

— Ты не перестаёшь радовать меня, Вальтер, — сказал хозяин замка Латка. — Я доволен твоей службой.

— Благодарю, ваша милость, — с достоинством поклонился колдун.

— Приблизьтесь.

Голос у него оказался властный, резкий, и было понятно, что он не привык, когда ему отказывают. Я не ждал от этой встречи ничего хорошего, так что медлил, и Второй несильно ткнул меня в спину, едва слышно прошипев:

— Двигай.

Взяв со стола серебряный нож для фруктов, маркграф ловко вскрыл гранат, одну половину протянув мне:

— В Сигизии в этом году замечательный урожай. Я купил несколько возов, белые гранаты ближе к концу зимы всегда имеют несколько пьянящий вкус. Попробуйте.

Я взял предложенный плод с зёрнами, мякоть которого была белой и полупрозрачной.

— Много о вас слышал, господин ван Нормайенн, и давно хотел познакомиться лично.

Он щёлкнул пальцами, показывая, чтобы мы следовали за ним, на ходу впившись зубами в гранат и выплёвывая кости на пол. Началась череда залов с парадными знамёнами, вазами с зимними цветами и благоухающими вишнями гобеленами.

— Признаться, давно я так не ждал никого к себе в гости. Что же вас задержало?

— Нежелание приезжать в Латку.

Он задумчиво посмотрел на меня, кивнул:

— Что же, достаточно откровенно. Я оценил. Хотя, не скрою, ваша осторожность была разумной. Я ненавижу, когда мне перебегают дорогу. А

вы это сделали дважды за неполные полгода.

— Не могла бы ваша милость напомнить мне о втором разе?

— Охотно. Только скажите тогда о первом.

— Картограф, которого вы искали.

— Верно. А второй раз, точнее первый — вы влезли в Вион и испортили всё дело. Право, епископ Урбан уже достал меня своей благостью, и были все шансы избавиться от его присутствия на этом свете, если бы вы не сунули нос, куда не следует.

Значит, маркграф Валентин, как и некоторые другие дворяне, в коалиции против епископа, без пяти минут кардинала, и на короткой ноге с Орденом Праведности. Не удивляюсь, почему законник в петушином шапероне, увидев меня, отправил сообщение в Латку. Также теперь ясно, что господин Александр не самостоятельно создал «Ведьмин яр», а то я всё время гадал, как это у него так складно получилось? Здесь нужен был опытный колдун, например такой, как господин Вальтер.

— Право слово, будучи в хорошем настроении, я убивал и за меньшее. Вы досадная помеха, ван Нормайенн, и я рад, что теперь всё в прошлом.

— Не кажется ли вашей милости неразумным угрожать стражу?

— Не кажется ли стражу неразумным говорить об этом моей милости? — улыбнулся он, отбрасывая в сторону гранатовые корки и вытирая сок на подбородке ажурным платком. — Вы в моих землях и в моей власти, что может случиться? Свидетелей вашего появления здесь нет, ни живых, ни мёртвых. Лишь мои слуги знают о госте из Арденау, однако, поверьте, они великолепно вышколены и будут молчать. Но полно угроз, они могут развлечь лишь недалёких людей. Я предлагаю вам свою дружбу.

— А что взамен?

Он улыбнулся:

— Мне нравится, как быстро вы соображаете. Деловая хватка. Отлично! Получите свободу. Со временем, разумеется, когда я буду уверен, что вы… мой преданный друг. А пока станете жить в замке, ни в чём не нуждаясь. Ваши услуги мне конечно же понадобятся, начиная с обновления *фигуры,* которую вы, разумеется, видели. Я, представьте себе, ненавижу, когда по моим покоям бродят невидимые сущности. Найдётся и иная работа, гораздо более интересная, за которую я буду вам щедро платить. Можете поговорить с господином Вальтером, поверьте, вы не будете ни в чём нуждаться. Что скажете?

Угу. Пока не прогневлю вашу милость, и тогда меня быстренько четвертуют или посадят в ту очаровательную смердящую клетку в назидание остальным.

— Стражи независимы, ваша милость, и вы это прекрасно знаете, — ответил я ему.

— Интересная форма отказа, такой я ещё не встречал. Школа в Арденау вбивает в вас слишком много возвышенных глупостей, от которых вы не можете избавиться при всём желании. Бесполезная верность непонятно каким идеалам и безвольное пренебрежение собственными выгодами.

— Верность лишь долгу, к которому нас готовили.

— Мне становится скучно, — скривился маркграф. — Давайте на время оставим эту тему, чтобы вы могли немного подумать перед своим окончательным ответом. Хотите, покажу вам замок? Впрочем, нет. Есть более интересная демонстрация — я покажу вам свою небольшую, но бесценную коллекцию. Желаете увидеть?

— Ваша милость очень любезна.

— Решено! Идёмте, ван Нормайенн. Думаю, вы будете впечатлены.

Сопровождаемые двумя наёмниками, не спускающими с меня взглядов, и колдуном, замыкающим шествие, мы прошли через комнаты к широкой каменной лестнице. Поднявшись по ней, оказались возле дверей, где несли караул стражники.

— Мои личные покои, — сказал маркграф, проведя меня в большой светлый зал.

Дальняя от нас дверь, похоже, вела в череду хорошо натопленных комнат.

— Каждый правитель, ван Нормайенн, что-нибудь коллекционирует. Это дело вкуса и престижа, как вы понимаете. Например, король Бьюргона обожает полотна мастеров из Ветеции и Литавии, а один из его братьев, Элиас Войский, кстати говоря, куда-то запропавший после Ночи ведьм, очень любит алхимические книги хагжитских мудрецов. Король Прогансу, как человек утончённый, предпочитает женщин, и этих козочек у него целый двор, одна краше другой. Князь из Западного Гестанства неравнодушен к племенным жеребцам, в том числе и человеческого рода, а король Фрингбоу, как я слышал, любит драгоценные камни с Далёких островов, отдавая дань в основном рубинам и изумрудам. Султан Сарона, единственной варварской страны в нашем свете, любит механических птиц, да ещё, чтобы они пели. А один из князей Лезерберга собирает редкие вина, впрочем, они у него надолго не задерживаются. — Маркграф рассмеялся. — Мой сосед из Бробергера отличается мудростью и изощрённостью. Он вкладывает свои капиталы, собирая священные реликвии, которые прячет под надёжной защитой неприступного замка

Рудберг. Но, признаться, я никогда не интересовался копьём святого Лонгина, куском от креста, на котором был распят Спаситель, губкой из монастыря Святого Андрея, гвоздями, тёрном из венца и останками людей, пускай даже они трижды святые. Моя страсть куда как прозаичнее и проще. Хотя раздобыть новые экземпляры всегда было очень непросто. С некоторыми возникали определённые проблемы, и приходилось идти на жертвы.

Он достал из кармана резной вычурный ключ, отпер сложный замок на железной невысокой дверце, распахнул её, приглашая меня войти в совсем маленькую круглую башенку-часовню. Свет сюда проникал через большие окна с ветецкими наборными стёклами, вдоль круглой стены расположились подставки, задрапированные синим, чёрным, белым, красным и зелёным бархатом, каждая из которых сверху была накрыта стеклянным колпаком. Под колпаками, на бархатных подушечках, лежали кинжалы.

Кинжалы стражей.

Мне хватило нескольких секунд, чтобы сосчитать их — одиннадцать штук.

— Моя коллекция, — с гордостью сказал маркграф. — Отчего вы побледнели, дорогой гость? Неужели не нравится? Поверьте, за каждым из них скрыта своя занимательная история. Вот этот, к примеру, первый. Он оказался у меня, когда мне исполнилось семнадцать.

— Где их владельцы?

— Их владелец я! — отрезал он. — Господин Вальтер, не могли бы вы…

Колдун положил в протянутую руку маркграфа шёлковый мешочек с алым шнуром, и я уже знал, что в нём хранится. Валентин Красивый вытащил из него мой кинжал, обнажил, довольно цокнул языком:

— Он воистину прекрасен.

Я дёрнулся в его сторону, и тут же стальные тиски Второго и Четвёртого лишили меня подвижности.

— Ах, ван Нормайенн, вы так примитивно-предсказуемы, — вздохнул маркграф, кладя мой кинжал на свободную подставку и любуясь им, отойдя на шаг назад. — Впрочем, чего ожидать от стража? Скажу вам, как другу, когда-нибудь я соберу двадцать пять таких прекрасных клинков, каждый из которых впитал в себя несколько сотен душ и обеспечил вам, червям-падалыщикам, долгую жизнь и молодость. Есть люди, способные расплавить это оружие и выудить из них души, обменяв их на лишние годы. Думаю, пары сотен лет мне вполне хватит. Буду благодарен, если вы

согласитесь мне помочь в этом.

Я послал его далеко и надолго, за что тут же получил кулаком в солнечное сплетение от Четвёртого.

— Ну что мне с вами делать? — притворно вздохнул маркграф. — Вы ни в какую не желаете слушать умных людей и быть моим другом. Господин Вальтер, я, кажется, обещал вам кое-что?

— Ваша милость известна своей щедростью.

— Оставляю его в ваше распоряжение, но с одним условием: зубов не выбивать, костей и носа не ломать. Вообще не калечить. Я планирую поговорить с ним позже, когда будет желание. Всего доброго, ван Нормайенн. У колдуна к вам старые счёты, и я не вижу причин в них вмешиваться.

Капала вода. Неумолимо и медленно. Было холодно и сыро. Я пролежал так несколько минут, затем повернулся на спину и едва не застонал. Казалось, что по всему телу основательно прошлись палками, словно я ковёр, из которого выбивали пыль.

Проклятый колдун!

Было темно, тусклый фонарь где-то за решёткой, отделяющий мою, похожую на бочку, камеру от основного коридора, практически не давал света. Впрочем, видеть я мог лишь одним глазом, правым. Левый заплыл, и, судя по всему, моей роже сейчас не позавидовали бы даже бездомные, живущие в трущобах Солезино. Внешне я вряд ли сильно от них отличался.

Я с трудом сел, чувствуя, как болит тело, справился с головокружением, с сожалением увидел, что с пальца пропало кольцо Гертруды. Его мне было жаль почти так же, как кинжала, с которым я не расставался со времён окончания школы в Арденау. На разбитых губах запеклась целая корка крови, но я отделался синяками, ссадинами и побоями. Колдун выполнил приказ, и переломов у меня не было.

Несмотря на холод и сырость, моя тюремная камера оказалась не лишена некоторых удобств, которые, признаться честно, меня удивили. Здесь стояла металлическая кровать, застеленная матрасом, на ней лежали несколько тёплых овечьих одеял, овечья безрукавка и тулуп. Мне явно не грозило замёрзнуть до смерти.

— Синеглазый! — раздался голос, от которого я вздрогнул. — Ты там живой?

— Кто? — прохрипел я едва слышно, затем напрягся и спросил: — Кто тут?

— Карл. Как ты?

— Нормально. — Я слез с кровати и, стараясь не обращать внимания на боль, подошёл к решётке. — Даже не буду спрашивать, что ты здесь делаешь.

— Я дополнение к коллекции маркграфа. Впрочем, как и ты.

Через прутья я увидел его заросшее, похудевшее лицо. Камера стража находилась напротив моей, в такой же бочкообразной нише.

— Здорово тебя отделали, — посочувствовал Карл. — Что ты натворил? Наступил на любимую мозоль его милости?

— Вроде того. Давно ты здесь?

— Какой сейчас месяц?

— Февраль. Ближе к середине.

— Проклятье! Давно. С начала октября. Они меня взяли на лесной дороге, когда я проезжал недалеко от Латки.

— Что с нами сделают?

— Чёрт его знает. — Он пожал плечами. — Меня как сюда отправили, так я и сижу.

— Послушай, — озадаченно сказал я, изучив решётку. — Замка-то нет.

— Но я не советую тебе выходить, дружище.

— Почему?

Сильный скрежет был мне ответом. Он донёсся из тёмного прохода, уходящего вниз, в недра земли. Затем раздался стальной звук, и Карл, отшатнувшись в глубь камеры, быстро сказал мне:

— Назад! Живо!

Я послушался его, отступив от двери и слыша всё нарастающий скрежет. Какой-то узник в камере по соседству негромко заплакал, а отдалённый женский голос начал читать молитву, от страха глотая слова. Металл звякнул о металл, и перед решёткой остановилась душа.

Это была пожилая женщина, с благородной осанкой и растрёпанной причёской. У неё оказалось хищное, неприятное лицо и довольная улыбка. Душа как душа, если бы не её руки — длинные, мощные, каждый палец которых заканчивался восьмидюймовым когтем, сотканным из самой тьмы.

— Твою мать! — выругался я, инстинктивно отшатываясь назад.

Душа зашипела злобной кошкой, скребанула страшными когтями по металлу, впилась глазами мне в лицо, и я резко отвернулся, чувствуя подступающую дурноту. Вот уж нет, сил с меня ты не выпьешь!

— Когда тебе надоест, — сказала она, — когда ты станешь умирать от тоски и отчаяния — позови и открой дверь. Всё сразу кончится.

Через какое-то время я вновь посмотрел в коридор — её уже не было, лишь плакал мой сосед из правой камеры да продолжала молиться

женщина.

— За две недели пребывания здесь уже надо понять, что мы с тобой в глубокой заднице, Людвиг. Мы бессильны против окулла. Это не старые медные шахты, где нам пришлось совершить чудо, прикончив подобную тварь.

Карл был прав, окулл, одно из самых тёмных порождений среди душ, всегда считался крепким орешком. Его не могли уничтожить ни *знаки*, ни *фигуры*. Чтобы отправить подобную душу в небытие, требовались кинжалы. Только так, с помощью оружия стража и проворства, а также хитрости и храбрости, можно было выстоять против этого создания. Так что мы могли до бесконечности обливать тварь невидимым пламенем и валить ей на голову *знаки* любой мощности. Пока в руке не будет оружия с чёрным клинком и звёздчатым сапфиром на рукояти, убить её невозможно. Остановить с помощью сложной, в течение нескольких недель подготавливаемой *фигуры* — сколько угодно, а вот убить — нет.

Ещё одной особенностью тёмной было то, что при желании она могла быть видимой для тех, кто не обладал даром. Этим она с удовольствием пользовалась, пугая заключённых.

За те две недели, что я томился в тюремном подвале замка Латка, мы о многом успели поговорить с Карлом. Тёмная душа оказалась мамочкой его милости маркграфа, которую тот прикончил, прежде чем приехала инквизиция. Насильственная смерть, плюс та жестокость, которой при жизни обладала маркграфиня, послужили толчком к появлению окулла, пускай для этого и потребовалось несколько лет.

Я не видел в этом ничего удивительного. Если регулярно пожирать ни в чём не повинных девушек, то при желании можно превратиться хоть в самого Сатану.

Окулл была стражем и владельцем подземелий, уходивших, по слухам, глубоко под замок и протянувшихся в толще земли чуть ли не до самого ада.

— Хуже всего, что она достаточно разумна, чтобы быть жестокой, — как-то сказал мне Карл. — Старая ведьма хитра, как демон во время заключения сделки. Она ждёт, когда мы сдадимся, или издевается над Мануэлем.

Мануэль обитал в камере по соседству. Когда окулл приходила, а делала она это ежедневно, стоило лишь стражникам повернуть механизм, который разъединял нарисованную на металлической поверхности *фигуру* на две половинки, парень начинал плакать. Никто из нас не знал, кто он

такой и за что сюда угодил, заключённый ни с кем не общался. Старуха частенько останавливалась напротив его решётки и шипела ему о том, что её коготки уже заждались свежего овечьего мяса.

Тёмная не только убивала плоть, но и питалась чужими душами, вбирая их в себя, отправляя в небытие, из которого не было дороги ни в ад, ни в рай.

Иногда она приходила ко мне, но я, в отличие от Мануэля, не ленился посылать её куда подальше, и ей довольно быстро надоела моя однообразная реакция.

Кроме Карла, меня и Мануэля в тюрьме содержали ещё четверых. Слугу Хунса, который очень не вовремя опрокинул в обеденном зале серебряную супницу, облив горячим бульоном любимую гончую маркграфа. Изольду — бывшую фаворитку его милости, надоевшую ему до чёртиков и сменившую шелка на мешковину. Вора Николя, осмелившегося взять на кухне плохо лежавшую, готовую отправиться на заклание курицу. И стража Надин, сидевшую в самой дальней камере, поэтому общение с ней было крайне ограничено.

Я плохо её помнил. Видел несколько раз в Арденау, но никогда не разговаривал. Она была полноватой, уже начинающей седеть женщиной с непомерно большим носом и плаксивым голосом. Говорили, что она неплохо знала своё дело, хотя и была одиночкой, большую часть времени пропадая далеко на востоке — в Ровалии или Золяне. Карл хорошо о ней отзывался.

Надин торчала тут дольше всех нас — на следующий праздник Успения Богоматери [54] исполнится уже три года, как она угодила в лапы маркграфа. Надин успела застать здесь другого стража — без вести пропавшего восемь лет назад мужчину из выпуска Пауля. В один из дней его увели наверх, и назад он уже не вернулся. Его милость предпочитал время от времени обновлять свою коллекцию.

Никто из заключённых не ожидал ничего хорошего от приглашения подняться наверх. Это было всё равно что открыть решётку и выйти на «свободу», отдавшись на милость окуллу.

Во всём остальном в замковом узилище было лучше, чем в других тюрьмах. Во всяком случае, кормили словно на убой — со стола Валентина Красивого. Я искренне считал, что на нас он проверяет наличие яда в своей еде, но не стал говорить об этом другим.

Я не терял надежды вырваться отсюда. Старина Проповедник обязательно приведёт помощь. Гансика — душу, путешествующую с Карлом, убил законник во время нападения людей маркграфа, и он уже

ничем не мог нам помочь. Впрочем, я не спешил рассказывать Карлу о моём ворчливом спутнике. В одной из камер запросто мог сидеть стукач, только и поджидающий, чтобы кто-нибудь из нас сболтнул что-то лишнее.

Я старался поддерживать себя в форме, учитывая порции рябчиков и кабаньего мяса со стола маркграфа — часто двигался, делал гимнастику. Карл не отставал, и если мы не тренировались или не спали, то подолгу беседовали друг с другом.

Фигура, защищавшая замок от проникновения душ, работала и в обратном направлении — окулл не могла уйти за пределы территории Латки. На решётке тоже висели фигуры, из-за чего у души не было возможности до нас добраться, но в качестве особого издевательства маркграф приказал не запирать двери. Слуга Хунс сказал, что богатые господа ставят деньги на то, кто из узников выбежит в коридор, решив покончить жизнь самоубийством в когтях окулла. Такие случаи уже бывали.

Когда в подвал спускались стражники, две половины металла на стене сводились рычагом, из-за чего срабатывала *фигура* изгнания, окулл отступала, и решётка, уходившая в дальний туннель, закрывалась, не давая душе приблизиться сюда. Когда они уходили, тёмную выпускали, и она гуляла, где ей вздумается. Тварь всегда была неподалёку, затаившись, ждала, и я чувствовал её присутствие и её жажду сожрать кого-нибудь.

— Какой сегодня день? — спросил я как-то у Карла, окончательно сбившись со счета.

— Десятые числа марта.

Я выругался. Получалось, что в каменной бочке я провёл почти месяц, а от Проповедника ни слуху ни духу.

— Она всех нас убьёт! — простонал Мануэль и, как обычно, заплакал.

— Заткнись! И без тебя тошно! — рыкнул из своей камеры Николя. — Проклятый нытик!

Изольда, которая в тюремном подвале ударилась в религию, молилась. Она делала это постоянно, прерываясь лишь на сон и еду, но никакая молитва не могла спасти её от окулла. Как и вознести обратно в постель его милости.

Ещё через два дня к нам привели нового гостя — заплаканную русоволосую девчонку из дальней деревни. Её звали Мария, и вина девушки была лишь в том, что она налила слишком горячую воду в таз нынешней любовницы маркграфа, когда та мыла голову. Пришедшая под вечер окулл напугала девчонку до чёртиков.

На следующее утро стражники пришли за Николя. Он кричал, выл,

пробовал кусаться, но его довольно быстро и ловко скрутили и вытащили из тюрьмы, несмотря на мольбы о пощаде и крики, что это большая ошибка и он обожает его милость.

Спустя двадцать минут пришли за мной. Второй, Четвёртый и Пятый. Последний перестал хромать, но продолжал смотреть на меня волком.

— Его милость тебя зовёт. Пойдёшь сам или тащить? — спросили у меня.

Я посмотрел на троицу наёмников, на четвёрку стражников с арбалетами, которые они направили на камеры, откуда могли выскочить заключённые, и решил:

— Самому гораздо приятнее.

— Ну и хорошо. Выметайся из камеры. Маркграф не любит ждать.

Я выбрался в коридор, посмотрел на дальнюю решётку, где, запертая *фигурой,* шипела матушка его милости. Тот, кто сработал останавливающие чары, — настоящий мастер. Они были надёжны, как боевой топор в руках опытного наёмника. Мы с Карлом пришли к выводу, что за их созданием стоял тот первый и неизвестный нам страж, сгинувший в Латке много лет назад.

— Удачи, Людвиг, — сказал Карл, стараясь выглядеть бодрым.

Я пожал его руку через решётку и отправился наверх.

Солнечный свет ослепил мои привыкшие к полумраку глаза, я запнулся о лестницу и обязательно упал бы, если бы Пятый и Второй не подхватили меня под руки.

— Без глупостей! — предупредил меня наёмник. — Нам велели тебя не трогать, и если ты, придурок, расквасишь себе нос на ступеньках, никто не обрадуется.

Мне тут же захотелось стукнуться головой о стенку и посмотреть, что на это скажет маркграф. Возможно, кого-нибудь из них отправят в свободную камеру?

Было бы неплохо.

В замке оказалось тепло и светло, к тому же благоухало. В отличие от меня, не видевшего горячей воды уже целый месяц и не съеденного блохами только оттого, что они не водились в тюремных подвалах.

Меня вывели во внутренний двор, где сушилось выстиранное бельё, и, миновав череду арок и калиток, возле которых несли караул сторожа, я оказался на внутренней, третьей замковой стене.

Я задохнулся от запаха ранней весны, поражаясь, насколько он прекрасен и свеж. Был март, ветреный и холодный, зато неизменно

прекрасный, каким может быть любой день, если ты не торчишь глубоко под землёй, словно какой-нибудь скирр из подгорного племени иных существ.

На широкой площадке стены, аккурат рядом с круглой башней, глядевшей на запад, стоял большой требушет, от которого ещё пахло свежей сосновой стружкой. Он был направлен в сторону лесистого склона, куда-то за деревья.

На стене толпилось довольно много разряженного, словно на парад, народа. Милые дамы смеялись, кавалеры были галантны. Все ожидали чего-то интересного, и мне это совсем не понравилось. Развращённая угодливая публика была похожа на трупоедов. За дорогими духами, нарядами и красивыми лицами скрывались хищники, которые по команде своего хозяина бросятся и сожрут любого.

Колдуна, так ловко отделавшего меня, среди них не оказалось.

Маркграф Валентин Красивый был облачён в лазоревый камзол и широкополую шляпу со страусиным пером небесно-голубого цвета.

— А, ван Нормайенн, я рад, что вы сочли возможным посетить наше утреннее представление! Сегодня в моих лесах состоится великая ежегодная охота, и каждый из нас готов веселиться!

Многие любопытные взгляды обратились на меня. Половина из них излучала презрение, а вторая — отвращение. Думаю, любой из этих господ выглядел бы не лучше, пожив под землёй, по соседству с окуллом. Впрочем, мне кажется, у многих из местных весельчаков всё ещё впереди, и они успеют наверстать упущенное. Как я мог убедиться, маркграф — крайне переменчивая натура.

— Желаете вина? — спросил он у меня.

— С удовольствием.

Он хлопнул в ладоши, и слуга тут же поднёс мне кубок.

— Я хочу, чтобы вы оценили представление.

— Надеюсь, я буду оценивать его со стороны, а не в качестве одного из актёров? — спросил я, после некоторой паузы из-за дегустации вина.

Оно было слишком крепким, и я не стал злоупотреблять, размышляя, что будет, если я огрею его милость кубком по башке? Кажется, подумал об этом не только я, но и наёмники, поэтому Пятый предусмотрительно встал рядом, закрывая мне дорогу к хозяину замка.

Маркграф на мои слова оглушительно расхохотался, и толпа придворных угодливо подхватила его смех.

— Разумеется, нет! Не в этот раз. Тащите его!

Трое стражников приволокли воющего связанного Николя.

— Господа! — обратился маркграф к зрителям. — Этот человек вор! И он заслуживает наказания.

По его команде стражники посадили приговорённого в пращу, и один сунул ему в руки курицу, которой связали ноги. Она кудахтала, билась, как и пленник, но деться никуда не могла. Николя орал, вопил, молил о пощаде. Я не выдержал, сделал шаг, и на моих руках тут же повисли наёмники.

— Что вы хотели сделать, ван Нормайенн? — участливо спросил его милость.

— Ударить его кубком в висок.

— Как благородно! Похлопаем, господа! Такую христианскую жалость встретишь не каждый день!

Зазвучали аплодисменты и крики «браво».

— Кто выиграл в фанты, хотел бы я знать? — Маркграф посмотрел на толпу. — Жизель и Антоний, насколько я помню?

Двое улыбающихся молодых людей вышли вперёд.

— И кто у нас будет подавать сигнал?

— Уступаю даме выбор, — галантно предложил Антоний с напомаженными усиками.

— Не желаю стрелять! — сказала черноволосая девушка.

Антоний пожал плечами и взял с серебряного подноса, который принёс слуга, пистолет. Девушка, хохоча, чмокнула кричащего приговорённого в щёку и взялась за клин, который приводил требушет в действие.

Мужчина посмотрел на маркграфа, тот благосклонно кивнул. Прозвучал выстрел, девица изо всех сил дёрнула клин на себя, груз упал, приводя в действие рычаг, и вопящий человек вместе с курицей взмыл в безразличное мартовское небо, улетая от замка всё дальше и дальше, а затем, завертевшись, рухнул где-то в лесу.

Зрители вновь аплодировали.

— А теперь, господа, на охоту! И помните, что первый, кто найдёт труп вора, получит приз — сто дукатов! Спешите! Я нагоню вас через несколько минут. Веселье только начинается.

Гомонящая многоцветная толпа чудовищ покинула стену.

— Как вам представление, ван Нормайенн? — спросил маркграф, и в его голосе больше не было напускной радости и веселья.

— Не в моём вкусе.

— Вы неплохо выглядите для заключённого. Придворные советуют сократить ваш рацион, но я понимаю, что это бесполезно. Вас, стражей, плохой кормёжкой не сломить. Вы ещё не надумали стать моим слугой?

— Не надумал.

— Как жаль. Я пригласил вас для того, чтобы продемонстрировать вам мою новую игрушку в действии. И хочу сказать, что когда в следующий раз у меня возникнет желание вас увидеть, а вы ответите мне отказом, в пращу я посажу вашего друга. Слышал, что стражи не любят, когда умирают другие стражи. Подумайте об этом на досуге.

На этот раз меня поколотили не так сильно, и я не валялся на матрасе без всякой надежды быстро прийти в себя. Возможно, и вовсе оставили бы в покое, если бы я не сломал челюсть Пятому, когда тот стал пихать меня кулаком в спину, подталкивая на ступенях.

После того как они дотащили меня до камеры, пришёл личный лекарь маркграфа, молчаливый пожилой человек с холодными глазами. Он смазал мои ссадины какой-то едкой, пахучей дрянью и зашил рассечение на моём темени. Работал лекарь споро и быстро, за всё время не сказав мне ни слова. Когда он ушёл, я пересказал увиденное Карлу, догадываясь, что слушает меня не только он.

Вечером явилась душа маркграфини и прошипела:

— Тебе следует учесть, что мой сынок всегда сдерживает свои обещания. В восемь лет он поклялся придушить меня при случае, и, как видишь, это произошло. Так что думай быстрее, страж.

— Не вижу причин для твоего веселья, — сказал я ей. — Ты здесь такая же пленница, как и мы.

— Есть разница. — Глаза окулла мигнули алым. — Я могу выпить ваши душонки, а вы мою — нет.

— Тебя держит в застенках собственный сын.

Её когти с силой ударили по решётке, так что молитвы Изольды и вопли Мануэля достигли заоблачных высот, отражаясь от низкого потолка многократным эхом. И без того злобное лицо стало ещё злее.

— Убью тебя с огромным удовольствием! — прошипела она, прежде чем убраться восвояси.

Я послал её к чёрту и завалился на кровать, но сон не приходил ко мне много часов.

— Эй! Сукины дети! Куда вы её ведёте?!

Крик Карла заставил меня подскочить на кровати. Тёмные силуэты стражников маячили в коридоре. Ещё толком не проснувшись, я бросился к решётке и увидел, как мимо ведут поседевшую, сильно постаревшую и сгорбленную Надин. Она бросила на меня взгляд, который говорил, чтобы я не совершал глупостей и не пытался её спасти, но я плевать хотел на её

просьбы. Надин была стражем, и этого для меня было совершенно достаточно.

Я распахнул дверь, что есть сил ударив ею по лицу одного из арбалетчиков, нырнул вниз, пропуская над плечом выпущенный болт с большим круглым шаром вместо острия. Карл уже вылетел следом за мной, смело бросившись на ближайшего стражника. Мы продержались ровно десять секунд, успев сломать два носа, одно запястье и получить в грудь и в живот по болту.

Арбалеты, несмотря на свою миниатюрность, били замечательно, и останавливающие болты оказались очень эффективны. Словно огрели дубинкой. Уцелевшие из караула поработали ногами, впрочем, без особого энтузиазма. Им хотелось убраться подальше от хихикающего возле решётки окулла.

Меня впихнули обратно в камеру, осыпав ругательствами и угрозами. Я рухнул на солому, вскочил, бросился обратно, лишь для того, чтобы в последний раз увидеть Надин.

Назад она не вернулась.

— Если бы из камер вышли все, то мы бы справились, — с ожесточением сказал Карл.

Третий день он, как и я, переживал, что нам не удалось спасти стража и оставалось лишь догадываться, что с нею сделал маркграф.

— Я человек маленький! — зло бросил Мануэль из своей камеры. — Это вы, господа, ловцы тёмных душ. А мне чего головой рисковать?

— Бесполезное сопротивление, — поддержал его Хунс. — Пять лет назад уже затевали бунт, когда тут сидели лазутчики князя Иоганна. Они охрану одолели, взяли в заложники, стали требовать у его милости свободы, обещав порешить слуг. Так его милость поднял решётку и выпустил тварь. Только один бунтовщик успел спрятаться в камере, всех остальных сожрало это чудовище. И заключённых и охрану.

— Какая забота о собственных слугах, — произнёс Карл. — А что стало с тем, кто спрятался в камере?

— Залили в задницу через воронку кипящее масло.

— Лучше бы я не спрашивал, — сказал Карл.

Беседу с Карлом я продолжил глубокой ночью, понадеявшись, что все уже спят. Говорили столь тихим шёпотом, что едва слышали друг друга. Больше читали по губами.

— Ты что-нибудь надумал? — спросил страж. Я посмотрел ему в глаза:

— Особого выбора нет. Постараюсь выбить для тебя комнату наверху,

а там что-нибудь придумаем.

Он кивнул, не споря и не удивляясь моему решению:

— Пусть будет так. Если бы у меня был кинжал, я бы рискнул выйти против неё один на один. Ты знаешь, где они хранятся?

— Да. Из тюрьмы в покои герцога есть прямая лестница. Но его милость не слишком спешит спуститься по ней и повидаться с родной матушкой.

— Значит, нам остаётся только ждать, когда тебя позовут.

Я кивнул. Не собираюсь самостоятельно бежать к его милости с просьбой взять меня под своё крыло. Если бы у Карла не было перспективы улететь с помощью требушета, я бы даже не думал ни о каком сотрудничестве.

Спустя несколько дней так ничего и не изменилось. Мы были предоставлены сами себе, и стражники, сперва злые на нас, понемногу успокоились, решив не портить нам жизнь и не гневить маркграфа.

У Марии оказался необычайно красивый голос, и она часто пела, несмотря на требования Мануэля прекратить. Окулл тоже пропала, словно ожидая чего-то. По нашим подсчётам, был уже конец марта, и я предполагал, что при самом худшем раскладе в начале мая кто-нибудь должен для нас что-то сделать. Уверен, что ни Гера, ни Львёнок, узнав о случившемся, нас не бросят. Хотя вытащить пленников из Латки будет очень непросто. Впрочем, влияния Братства вполне хватит, чтобы сровнять замок с землёй. Возможно, магистры от меня не в восторге, но я прекрасно выучил одно — своих на растерзание чужаков они не отдают, особенно если замешан Орден.

А Орден оказался замешан, и я стал крайне ценным свидетелем для того, чтобы подкосить его могущество. Грызня с Братством — это одно. А вот дополнительные доказательства того, что законники связались с маркграфом и вместе с ним покушались на слугу Церкви, мешавшему их власти, это совсем другое. Больше ереси и попыток отобрать у них деньги клирики не любят лишь одну вещь — когда кто-то пытается их убить или поставить на колени. Слуги божьи привыкли быть коленопреклонёнными лишь перед Всевышним.

Как-то вечером, после того как, пребывая в дурном настроении, я швырнул в лицо тюремщику тарелку с филе морского окуня под маринадом, случилось нечто необычное.

Изольда молчала. Обычно после ужина она всегда молилась, и мы привыкли к её высокому дрожащему голосу. А теперь висела глухая тишина, впрочем очень скоро нарушенная сдавленным воплем Марии.

— Не делай этого! — кричала она.

Я даже не понял сперва, что произошло.

— Карл, — позвал я.

Он завозился в своей камере, затем подошёл к решётке:

— Что?

Я тоже прислонился к решётке, пытаясь разглядеть, что происходит, и выругался, как и остальные. Изольда медленно шла по коридору, держа в руках самодельный крестик, сделанный из ручки сломанной деревянной ложки.

— Чёрт бы побрал эту дуру! — Карл положил руку на дверь, но я, увидев появившуюся из мрака окулл, рявкнул ему:

— Не смей выходить!

Слава богу, он послушался.

— Остановись и вернись в камеру. Немедленно. — Мой голос звучал твёрдо, но Изольда лишь сказала:

— Вам больше нечего боятся — она не тронет вас, ибо я невеста Иисуса. Выходите и идите со мною в Царствие Небесное.

— Никому её не слушать! — крикнул Карл и вкрадчиво обратился к Изольде, при этом смотря только на медленно приближающуюся мать маркграфа: — Послушай, девочка, у тебя очень мало времени. Вернись, пока не поздно!

— Её нет. Она испугалась, ушла и больше не вернётся. — Глаза Изольды горели фанатичным блеском, а окулл, наслаждаясь действом, не считала нужным появляться на глаза простым смертным.

— Она здесь, в десяти шагах от тебя! — заорал я.

Карл не выдержал, рванул дверь лишь для того, чтобы та изо всех сил захлопнулась у него перед носом, так как оказавшаяся рядом тёмная душа не позволила ему покинуть камеру.

— Сиди там, где сидишь, — прошипела окулл, склонила голову набок, изучая свою жертву, шагнула к ней, широко замахнувшись рукой.

Удар страшных длинных когтей, снизу вверх, распорол горло и сосуды, во все стороны плеснула кровь. Мануэль, увидевший смерть Изольды от невидимых ему рук, завопил от ужаса, и его вой забился испуганным голубем в ловчих тисках подземной тюрьмы.

Окулл воткнула обе когтистые руки в тело женщины, склонилась на ней, разевая внезапно увеличившийся в несколько раз рот и втягивая в себя золотистые искорки, вылетающие из жутко разорванного горла Изольды. Это было поистине страшно, видеть, как навсегда уничтожается чья-то душа. Когда всё было кончено, окулл отбросила бесполезное, пустое тело,

довольно улыбнулась мне:

— Ненавидишь меня?

— Да.

— Выходи, страж. Одной души мне мало, они слишком редко попадают в мои руки.

— Гореть тебе в аду, старая ведьма.

— Вот только никак не найдётся тот, кто меня туда отправит, — хохотнула она и скрылась во мраке.

Карл сидел на полу, закрыв лицо большими ладонями:

— Ты чувствуешь себя таким же беспомощным, как и я, Людвиг?

— Вроде того, — ответил я. — Мануэль, заткнись.

Мануэль не затыкался и вопил, не переставая. Я слышал всхлипы Марии. Она перестала плакать лишь через несколько часов, глубокой ночью, а вот Мануэль не унимался. Его смех, слёзы, молитвы, богохульства и полная околесица, которую он нёс, говорили о том, что бедняга окончательно свихнулся.

— Карл, у меня есть кое-какая идея, — произнёс я то, о чём думал всю неделю.

— Мне не нравится, как ты это говоришь.

— Приведите мне священника! Апокалипсис грядёт, и всадники уже скачут по свету! — вопил умалишённый.

Карл высунул руку между прутьями решётки и швырнул металлической кружкой в камеру Мануэля. Тот глупо хихикнул и заткнулся, впрочем, ненадолго. Повреждённый рассудком несчастный сделал жизнь в замковой тюрьме невыносимой.

— Так о чём ты говорил? — уточнил Карл.

— Надо выбираться отсюда.

— И?..

— У меня есть идея, и я прошу тебя не мешать. Обещаешь?

— Чёрта с два. Во всяком случае, пока не узнаю, что ты задумал.

— Сейчас увидишь, — сказал я, глубоко вздохнул, одним махом распахнул решётку и вышел в коридор.

— Ты с ума сошёл?! — заорал Карл, вцепившись побелевшими пальцами в прутья.

— Я знаю, что делаю. Это наш единственный шанс выбраться отсюда.

— Что бы ты ни решил, это глупо… о чёрт!

Окулл вышла под свет фонаря, проведя когтями по камню, и раздался знакомый скрежещущий звук, от которого сводило зубы.

— Так, так, — произнесла страшная старуха. — Стражу надоело сидеть в своей маленькой норке. Интересно попробовать на вкус твою душу.

— Я хочу, чтобы ты пропустила меня, — сказал я ей, не слушая Карла.

— С чего бы мне это делать? — Она была уже слишком близко, чтобы я успел уйти.

Мы все трое это понимали.

— Я вернусь и приведу сюда твоего сына, — отчеканил я.

Эти слова заставили её сбиться с шага и изучить моё лицо в поисках насмешки.

— У тебя не получится, наглый страж.

— На дворе ночь. Лестница ведёт прямо в его покои. Я вернусь быстрее, чем ты можешь подумать.

— Не разговаривай с ней. Не доверяй! — По взгляду Карла я уже видел, что он считает меня обречённым.

Душа оказалась рядом, остановившись почти вплотную, приложила когтистую ладонь к моей груди.

— Тук-тук-тук, — пропела она. — Твоё сердечко, страж, словно у перепуганного котёнка. Того и гляди выпрыгнет из груди. Может, ему помочь? Я едва могу устоять перед соблазном.

— Жизнь стража вряд ли порадует тебя так, как жизнь маркграфа Валентина.

— Я давно не разговаривала с сыночком. С тех пор, как он накинул шнур портьеры мне на шею.

Она зашла мне за спину, и я не стал поворачиваться следом за ней.

— Где гарантия, что ты вернёшься, синеглазый страж?

— Я вернусь.

Она хмыкнула, провела когтями по решётке, задумчиво решая мою судьбу.

— Признаюсь, ты смог меня соблазнить. Валентин бы очень удивился, если бы я кого-нибудь выпустила живым из моих цепких пальцев.

— Куда больше он удивится, когда сам окажется в твоих руках.

По её губам проползла голодная предвкушающая усмешка.

— Даже несмотря на это, не думаю, что мы сможем договориться, хитрый страж. Рано или поздно я вырвусь отсюда и сама поговорю с непослушным сыночком. Ты мне не нужен.

— Это случится не скоро. *Фигуры*, что держат тебя, очень сильны. Его милость может и не дожить до дня твоей свободы. А из могилы ты его не достанешь, если, конечно, не считать бесполезных костей.

Окулл кивнула, признавая мою правоту:

— Убедительно. Но справишься ли ты с тюремщиками? А что, если моего сына нет в покоях? Не зря ли я упускаю возможность сожрать две души за один день? Такое редко случается.

Тёмная положила мне руку на плечо, и сквозь куртку я почувствовал остроту её ужасных когтей.

— Если мы пойдём вдвоём, то шансы на успех возрастут, — сказал я, посмотрев на Карла.

— Только дураки отпускают того, за кем не надо возвращаться. Нет, страж. Тебе придётся всё сделать самому. — Внезапно она подтолкнула меня рукой к двери: — Иди, пока я не передумала. В любом случае, если тебе не повезёт, ты вновь окажешься здесь.

— Я вернусь, — пообещал я Карлу и направился по коридору.

Тюрьма находилась под Заёмной башней, но из неё был проход через подвал прямо к тайной лестнице, ведущей в покои маркграфа. Соваться туда безоружным — не имеет смысла. Если охрана бдит в покоях его милости и днём и ночью, что частенько случалось у правителей, если там будут пажи или ещё кто-то, то бросаться на нескольких людей с кулаками бесполезно. Так что я стал подниматься по короткой лестнице, к двери, на которой висела сложенная из двух половинок *фигура*. Здесь были засов и замок. Мне пришлось использовать пряжку от ремня вместо привычного кинжала. Я сунул её в здоровую замочную скважину, активируя *фигуру* и разрушая замок, а затем потянул вверх, раскалённой полосой металла перерезая дверной засов.

Любой страж способен стать взломщиком, используя примитивные фокусы. Разумеется, не с каждой дверью такое пройдёт, например литавские замки, защищённые от колдовства и дара, нам не по зубам, но эта хорошенько проржавевшая дверь была простой задачкой.

Я осторожно прикрыл её за собой, чтобы защитная *фигура* продолжала действовать и сдерживала окулла. Впереди горел свет и раздавались голоса. Я прислушался. Говорили двое, но вполне возможно, что охранников было и больше.

Спасти в данной ситуации меня могла только внезапность. Я снял куртку, бросив её на грязный пол, распахнул рубаху, подошёл к давно погасшему факелу и, убедившись, что на нём осталось достаточно сажи, испачкал себе лицо и одежду. Насыпал на волосы песка, посадил на них клочья паутины, взятые со стены. Сложнее было с кровью, и я вышел из ситуации, поцарапав левое предплечье, а затем присосался к ранке губами, ничуть не хуже, чем упырь-старга.

Держа кровь во рту, я выглянул за угол, где в дрожащем свете свечей, за столом сидели два тюремщика, которые приносили нам еду. Они спорили о том, случайно ли на недавно прошедшей охоте, во время погони за благородным оленем подстрелили болтом господина Ферэ, да так, что он до сих пор харкает кровью и вряд ли дотянет до Страстной пятницы.

Я выскочил на них, словно чёрт из табакерки. Чёрный, запылённый, таращивший глаза и щерившийся окровавленными зубами. Взвыл, низко и хрипло, словно призрак, выбравшийся из склепа, и это произвело эффект.

Сидевший ко мне лицом кругломордый тюремщик издал сдавленный вопль, хватанул ртом воздух и рухнул под стол. Второй обернулся, увидел меня, заорал, как сумасшедший, и бросился прочь. Я нагнал его уже на лестнице, бросился на спину, схватив шею в замок, сдавил что есть сил и потащил, хрипящего и слабо сопротивляющегося, назад. Придушив для порядка, чтобы не дёргался, отправился проверять его товарища, увидел искажённое ужасом лицо, вытаращенные, уже начинающие стекленеть глаза и ругнулся про себя. Раньше я только слышал, что некоторые умирают от страха, но никогда не думал, что сам стану причиной такой смерти, да ещё из-за примитивного маскарада.

Я не ожидал такого результата. Планировал лишь сбить охранников с толку, выиграть несколько секунд, а в итоге оба оказались повергнуты за неполные две минуты. Право, я не учёл близкое соседство с окуллом, которое должно было пугать их до чёртиков.

Я связал потерявшего сознание стражника, привязав его к спине мертвеца, заткнул ему рот кляпом, поднялся наверх, запер дверь, ведущую в тюрьму, чтобы случайные гости из замка не заглянули на огонёк. По идее до утра сюда никто не должен соваться, но, как это обычно бывает, обязательно найдётся идиот, которому не спится.

Отыскать в караулке рычаг, активировавший *фигуру*, изгоняющую окулла, у меня не получилось. Или механизм оказался секретным, или расположен он был в каком-то ином месте — в любом случае я не мог вернуться за Карлом.

Оружия в тюремной караулке нашлось совсем немного — два корда, совершенно негодные для меня копья с наконечниками, больше похожими на шило, и короткая шпага с плохим клинком. Я порылся в столе, заглянул в шкаф, вываливая оттуда всякую дрянь, включая пустые винные бутылки, и нашёл широкий нож с рукояткой из оленьего рога. Примитивный и маловыразительный, но с хорошим балансом. Я присоединил его к корду и кинжалу (последний мне требовался для вскрытия других дверей). Это оружие было гораздо лучше, чем неудобная для меня шпага, и я, надёжно

вооружившись, двинулся к выходу.

Надо сказать, что обратно, в тюремный коридор, я входил с большой опаской, но окулл не появлялась, и я побежал вдоль кирпичной стены, к дальней, знакомой двери. На ходу сунул в замок кинжал, разрушил его *фигурой,* однако попасть на лестницу сразу не удалось. Я постарался вспомнить, где находилась щеколда или засов, чтобы не тратить силы на разрушение дерева. Срезать петли мне не хотелось, это значило, что *фигура* больше не будет защищать вход в святая святых его милости, а, следовательно, окуллу больше не потребуется моя помощь.

Промыкавшись минут десять и взмокнув так, что грязь и сажа потекли по лицу, я наконец решил проблему и вышел на тёмную, неосвещённую лестницу. Держась рукой за внутреннюю стену, шершавую и ледяную, я начал подниматься по серпантину, стараясь беречь дыхание и считая ступени. Дважды я проходил мимо тайных дверец, из-под которых лился тусклый свет, и единожды слышал тихую музыку лютни и женский смех.

Поднявшись выше, я оказался на площадке, жалея, что не захватил из караулки фонарь. Эта дверь была сложна, обычный замок на ней отсутствовал, я помнил, как колдун, прежде чем отправить меня в камеру, нажимал на скрытый рычаг. Вне всякого сомнения, был он и с этой стороны.

Я нашёл его после нескольких минут лихорадочных поисков, на уровне плеча, в виде скобы для факела. Прежде чем нажимать на неё, долго слушал, не раздастся ли из комнаты какой-нибудь звук?

Скоба удивительно мягко ушла в стену. Приоткрыв маленькую щёлку, я заглянул внутрь. Зал был пуст, так что я смело выбрался наружу, очень надеясь, что маркграф всё-таки находится в замке, а не где-нибудь в отъезде, на пути в столицу. Первое, что следовало сделать, оказавшись здесь, — запереть вход в покои. Стражникам придётся постараться, чтобы выбить эти массивные, дубовые, окованные железом двери. Им потребуется таран или очень крепкая голова.

Я пошёл дальше, проверяя каждую комнату, и застал его милость за чтением книги. Он сидел в ночной рубахе и колпаке, опустив ноги в таз с горячей водой, где плавали розовые бутоны, и с интересом листал фолиант о способах охоты на медведя.

Маркграф был не один, воду ему подливал тот самый миньон, что давал сигнал к выстрелу требушета. Он и заметил меня первым, схватился за пистолет, совершенно забыв, что у того не зажжён фитиль, и я швырнул в человека нож. Клинок угодил ему в грудь, но не убил. Я прыгнул на него, опрокинув на пол, добил кинжалом и резко откатился в сторону, так как

длинная шпага из фаледской стали едва не разрубила мне рёбра.

Маркграф Валентин Красивый, босой, в ночной рубашке, но вооружённый, твёрдо сказал:

— Ван Нормайенн, вы похожи на чёрта, и я намереваюсь загнать вас обратно в ад.

— Ваша милость выглядит слишком нелепо, чтобы бросаться громкими фразами. — Я вытащил корд. — Я пришёл сообщить, что не планирую служить у вас.

Он атаковал так быстро и стремительно, что если бы не мой опыт общения с душами, то коварный выпад сделал бы дырку в моём сердце. Но я разорвал дистанцию, отмахнувшись кордом.

— Стража! К оружию! — крикнул маркграф, надсаживая глотку, а я тут же напал, отвернув лицо от взвизгнувшей перед глазами шпаги и пытаясь сократить расстояние между нами.

— Боюсь, до них слишком далеко, чтобы вас услышали.

— Я в состоянии убить тебя и в одиночку.

Он здорово погонял меня по залу, пользуясь преимуществом своего оружия. Я швырнул в него кувшин с кипятком, промазал, едва не поскользнувшись на крови убитого, вновь отступил и заработал лёгкую царапину на бедре.

— Первая кровь, — улыбнулся маркграф. — Теперь, пожалуй, пощекочем твой живот.

Двигались мы примерно с одинаковой скоростью, но мне было нелегко избегать встречи с холодным жалом.

Он, как любой из благородных, умел драться, фехтовать, и до его опыта, финтов, стоек и шагов мне было как до луны. Зато я знал, что такое уличная драка, борьба в переулке и рубка в плотном ряду пехоты, под выстрелами пушек, аркебуз и арбалетчиков. Я знал, как выживать, а он умел лишь убивать, и это сыграло злую шутку, когда я использовал против подлеца подлый приём.

Как только маркграф в очередной раз попытался рассечь мне лицо, я шагнул прямо под падающую шпагу, атакуя кордом и, в свою очередь, метя противнику остриём в лицо. Ему пришлось блокировать, поддавливая мой клинок своим, и перенести вес на стоявшую впереди ногу. Разумеется, не было и речи о том, чтобы вывести из равновесия столь опытного фехтовальщика, держался он на ногах крепко, но зато я оказался достаточно близко, чтобы ударить его в колено, прежде чем он успел поменять стойку.

Его милость зашипел от боли, рухнул на здоровое колено, выставив

шпагу так, чтобы я не успел до него дотянуться.

Я ухмыльнулся:

— Скорость это очень важно, не правда ли? Посмотрим, как вы догоните меня, хромая.

Я подошёл к трупу убитого миньона, вытащил у него из-за пояса тяжеленный пистолет:

— Ваша матушка жаждет вскрыть вам брюхо, ваша милость.

— Стража! — вновь закричал он.

— Но я не буду отдавать вас в руки окулла, — сказал я, поджигая фитиль. — Право, это жестокая смерть даже для такого мерзавца, как вы.

— Что ты сделаешь, ван Нормайенн? Выстрел услышат и придут мне на помощь.

— Пистолет уравняет меня с вашей шпагой. — Я направил дуло ему в лицо. — Где ключи от часовни?

— Будь ты проклят!

— Говорят, что мой дар — моё проклятие, так что не раздавайте свои направо и налево, — равнодушно ответил я. — Ещё раз спрашиваю: где ключи, иначе стреляю.

— В столе, — сдался он. — Верхний ящик.

Он не сделал попытки встать, значит, колено я смог повредить серьёзно. Маркграф пристально следил за мной и, когда счёл, что я достаточно отвлёкся, воспользовался своим последним шансом, швырнув в меня шпагу, точно копьё. Готовый к подобному, я пригнулся, и клинок вонзился в шкаф у меня за спиной.

— Отличный бросок, — оценил я. — Знаете, вы будете первым, кого я убью безоружным. Вам не стоило охотиться на стражей.

Он зло оскалился, стал отползать назад, перевернул стол с фруктами и взял в руку серебряный нож.

— Тем лучше, — сказал я, вырвав шпагу из шкафа, и шагнул к нему.

В маленькой часовне было холодно и темно. Я поставил подсвечник на пол, разбил окровавленной рукояткой шпаги стеклянный колпак, отбросил оружие в сторону и взял в руки свой кинжал, вздохнув глубоко, с облегчением, словно обретя частичку себя.

Я забрал все клинки, поочерёдно разбив стёкла и уложив оружие в сдёрнутое с постамента покрывало из бархата. Не собираюсь оставлять собственность братьев и сестёр в Латке. Обвязав бархат серебряным шнуром, я сунул тяжеленный свёрток под мышку, вышел обратно в покои. Маркграф в окровавленной ночной рубашке лежал на полу, раскинув руки

и оскалившись. Я подошёл к нему и вырезал кинжалом на груди *фигуру*. Не было никаких признаков того, что ему грозит стать душой, но я не желал рисковать и оставлять в подарок человечеству какую-нибудь мерзкую дрянь.

Слыша, как за дубовыми дверьми раздаются встревоженные голоса и топот ног, я поспешил назад. Стражники и слуги всё-таки переполошились. Скоро начнут выносить дверь, а если ещё и колдун придёт, то будет весело. Следует убираться как можно скорее. Я схватил стоявший на столе фонарь, нырнул в потайную дверь, захлопнув её за собой, слетел по ступеням в подвал. Оказавшись рядом с камерами и так и не встретив окулла, выдохнул с облегчением:

— Карл, выходи.

Он тут же выбрался на свободу:

— Ты похож на покойника, вылезшего из могилы. Что с маркграфом?

— Мёртв. — Я протянул ему свёрток с кинжалами, контролируя полутёмный коридор. — И замок, наверное, уже стоит на ушах.

— Хреново.

— Где окулл?

— Ушла. Я так понимаю, почувствовала смерть сынка.

Карл завладел своим кинжалом:

— Как же я по тебе соскучился, приятель! Пленников берём с собой?

— Да.

Испуганных Марию и Хунса довольно быстро удалось убедить выйти в коридор, а вот Мануэль наотрез отказался покидать камеру.

— Оставьте меня в покое! — заорал он. — Здесь она меня не тронет! Я в безопасности!

— Брось его, — сказал Карл. — Мы теряем время, рано или поздно сюда придёт стража, и лучше уйти как можно дальше.

— Куда? — с тоской спросил слуга. — Бежать из Латки невозможно.

— Не ты ли говорил мне о подземном ходе под замком?

— Ты не слушал, страж. Говорят, есть выход, но никто не проверял. Многие считают, что он где-то в пещерах, которые открылись рядом с озером, после прошлогоднего оползня. Но все, кто туда заходил, обратно не возвращались, хотя его милость отправлял туда людей снова и снова. Эта тварь и нас убьёт. Я лучше буду сидеть здесь и жить, чем сдохну где-то под землёй.

— Это твой выбор, — сказал я ему. — Хочешь — возвращайся. Если с нами, бери фонарь. Только не уверен, что стражники будут кого-то щадить после сегодняшней ночи.

Он поколебался и шагнул к фонарю.

— Она обязательно будет ждать нас где-то там, — тихо сказал мне Карл.

— Выбора нет. Мы не выйдем через замок, только под ним. Если есть выход.

Я протянул Марии второй фонарь и свёрток с оставшимися кинжалами:

— Ничего не бойся, мы тебя защитим.

Девчонка кивнула и постаралась улыбнуться дрожащими губами.

— Пойду впереди, — сказал Карл.

— Уверен?

— Ты сегодня уже рисковал, теперь моя очередь. Хунс, держи фонарь выше. Если кто-нибудь из вас заметит хоть что-то подозрительное, сразу говорите. Ну, с Богом.

Легенды о Латке не врали. Скала под замком была испещрена огромным количеством ходов, пещер и тайников. Поначалу это был довольно новый коридор, затем пошли старые, заброшенные уже лет тридцать складские помещения с отсыревшим полом и стенами, которые очень быстро перешли в естественную пещеру, достаточно большую и до сих пор ещё заставленную старыми ящиками и бочками. По одной из стен, из небольшого отверстия стекал ручеёк. Понятно, почему замок никогда не могли взять измором — вода есть, а склады, при должном разуме и подготовке, могли прокормить защитников безграничное время.

Чуть позже уходящая вперёд череда пещер вывела нас в целый подземный лабиринт, и мы остановились, не зная, куда идти.

— Прямо, — решил Карл.

— Почему? — тут же спросил я у него.

— Ручей бежит в этом направлении.

— Если только он не впадает в какое-нибудь подземное озеро. Впрочем, у меня нет никаких альтернатив.

Мы шли почти час, по коридорам, через пустоты и каверны, через огромные пещеры, где росли сталактиты, всё время страшась того, что скрывает мрак.

— Она следит за нами, — сказал Карл, как и я, чувствуя присутствие чёрной души. — Где-то близко.

Мария всхлипнула, фонарь в руке Хунса задрожал, я мрачно кивнул. Окулл рядом, зато погони можно не ждать. Ни один умалишённый, кроме нас, не сунется сюда. Минут через двадцать уклон кончился, пол стал ровным и мягким, заросшим мхом.

— Ты солгал мне, — пришёл из мрака зловещий шёпот. — Я выпью твою душу, лживый страж.

Ганс и Мария не услышали слов, зато мы с Карлом переглянулись.

— Я задержусь, вы идите, — сказал я ему.

— Это глупо.

— Впереди узкий проход, сам посмотри. Через него можно лишь протискиваться, и мы будем как толстые крысы в норе. Обороняться здесь невозможно, она прикончит нас поодиночке, стоит только туда залезть.

— Чудесно. Тогда ты полезешь, а я останусь.

— Не выйдет.

— Ты уже достаточно сделал!

— Я с радостью бы уступил тебе своё место, но ты её задержишь ненадолго. Я помню, что случилось в медных шахтах, и ты это помнишь и знаешь, кто прикончил ту тварь. В прошлый раз ты не справился. Сейчас всё ещё хуже. Этот окулл, по сравнению с прошлым, всё равно что щука против пескаря.

Он знал, что я говорю правду и что сильнее и опытнее, чем он.

— Я их выведу и вернусь, — наступив на горло своей совести, наконец, сказал Карл.

— Как пройдёте коридор, дай мне знать, — попросил я, забирая у Марии фонарь.

— Слушай, я хотел тебе сказать насчёт Хартвига, — произнёс страж.

— Не сейчас, — попросил я его. — Иди.

Он сумрачно кивнул и кинул на землю *фигуру.* Это была долгая работа, он должен был создавать её не меньше двух месяцев, трудясь ежедневно, напрягая память, чтобы не ошибиться. Грандиозный высасыватель силы, но окулла способный задержать лишь на несколько секунд.

— Надеюсь, я трудился не зря, — произнёс он, прежде чем скрыться в проёме.

— Да храни вас святые, страж, — сказала Мария, уходя следом.

Хунс просто кивнул, и я остался один, слушая, как затихают их шаги.

Я внимательно смотрел во тьму пещеры, но, даже несмотря на это, едва не пропустил её появление в свете фонаря и вскинул навстречу кинжал.

— Благородный страж. И глупый, — сказала душа. — Думаешь, это меня остановит? Сынок напускал на меня того стража, что создавал для меня клетку. И где тот теперь? Его кости давно побелели.

Мои глаза едва успевали следить за её перемещениями. Размытое, белое пятно лица, чёрные росчерки когтей. Я прижался спиной к стене

пещеры и услышал позади себя гул и грохот.

Окулл визгливо расхохоталась:

— Интересно, кто это был? Девчонка, слуга или твой ненаглядный дружок по ремеслу? Кто из них угодил в старую ловушку, которую построил дед моего мужа, защищая замок? Столько лет прошло, а она всё-таки сработала!

— Рано веселишься тварь!

Я вышел вперёд, отвлекая её от рисунка на полу. Если только она почувствует его, всё моё преимущество сойдёт на нет. Душа метнулась ко мне, я отклонился, слыша, как взвизгнул рассечённый когтями воздух, атаковал в ответ, поразив лишь пустоту.

Её жутковатый смех двоился и троился, эхом разлетаясь по пещере, и я бросился бежать прочь, во мрак.

— Не уйдёшь, глупый страж!

Окулл начала преследование, так что мне пришлось полностью выложиться в беге. Заложив круг, рискуя споткнуться, я понёсся в обратном направлении, на свет фонаря, «крича от ужаса». Душа, слишком увлечённая погоней, поверила в спектакль. Она не думала ни о чём, лишь бы достать меня. Так что когда я оказался в кругу, окулл бросилась на меня, наступив на *фигуру.* Она заверещала, теряя скорость. Я кинулся ей навстречу, уклонившись от медвежьего удара когтистой лапой, и ткнул в душу кинжалом. От силы, хлынувшей в клинок, у меня заложило уши, а пещера закружилась и встала на дыбы. Не удержавшись на ногах, я упал на четвереньки, выронив клинок и пытаясь справиться с бушующей во мне чужой силой.

Вопль окулла всё ещё звенел у меня в ушах, бок дёргала острая боль, и рубашка быстро намокала. Я машинально дотронулся до него, охнул, посмотрел на окровавленную ладонь. Тварь всё-таки задела меня. Её когти оказались слишком быстрыми и острыми, чтобы я сразу почувствовал ранение, но кровотечение было сильным, а рана, вне всякого сомнения, глубокой и серьёзной. Несмотря на холод в подземелье, я скинул разодранную куртку, снял рубаху, разодрал её на лоскуты. Времени было в обрез и оставалось лишь жалеть, что у меня нет при себе моего саквояжа. Я надёргал мха, сколько смог, стараясь не терять сознания, приложил к ране, затем перевязал лоскутами. Примитивный заговор, которому научила меня Гертруда, почти не дал никакого проку, мои способности к магии были нулевыми.

Потом накинул куртку, осторожно застегнув все пуговицы, встал, взял

фонарь, не обращая внимания на головокружение и пульсирующую боль в ране, и двинулся в узкий проход, туда, куда тёк ручей. Довольно быстро я понял — идти дальше бесполезно, ледяная вода прибывала, что указывало на то, что дорога впереди завалена. Фонарь вырвал из мрака стену камней. Я покричал, но это оказалось бесполезно. Карл и его спутники не отвечали. Надо было возвращаться.

Я шёл долго, так долго, что закончилось масло в фонаре, и огонёк, мигнув на прощание, погас. Холод, казалось, успел пробраться до самых костей. Сил создать хотя бы мало-мальскую *фигуру* у меня не осталось. Повязка давно пропиталась кровью, я терял силы, но продолжал упрямо двигаться, сам не зная куда.

Мне думалось, что я уже давно покинул пределы замка, уйдя довольно далеко, но не был готов за это поручиться, потому что в темноте время бежит совершенно иначе, а «огромные расстояния» могут оказаться всего лишь несколькими сотнями ярдов бессмысленных блужданий.

Не помню, как я очутился на земле. Помню лишь, что полз, пока оставались силы. По скользким холодным камням и мху, рядом с ещё одним ручьём, неожиданно громким и звонким в мягкой, вязкой темноте, окружающей меня со всех сторон. Вода текла где-то рядом, мне страшно хотелось пить, но я не мог найти в себе силы добраться до неё, лишь желал да водил языком по пересохшим губам.

Чуть позже мне стали сниться сны, и не было в них ничего хорошего. Пламя войны в Чергии, пожирающее город за городом, кинжалы с тёмными клинками, дождём падающие с неба и втыкающиеся в землю, отчего из неё шла кровь, заброшенный белый город где-то на берегу ярко-голубого, прозрачного моря, янтарные слёзы, глаза Софии, мёртвые на дорогах Шоссии. Затем эти картины исчезли и появились тени, души, которые я когда-либо собрал. Они летали по пещере с хохотом и злыми криками, а затем наступила тишина. Лишь далеко-далеко-далеко появилось маленькое пятнышко света.

Я смотрел на него до тех пор, пока из моих глаз не потекли слёзы, и оно не задрожало, не приближаясь, но и не удаляясь. Я очень не хотел, чтобы свет исчез, поэтому заставил себя двигаться к нему, впиваясь ногтями во влажный мох и душистую землю, больше не чувствуя боли. Этот свет притягивал меня, словно ночную бабочку, становясь всё больше и больше.

Я втыкал кинжал, подтягивался на нём, втыкал снова… И так до бесконечности, каждый раз теряя сознание. Я стремился туда, хотя и знал,

что свет из мрака приведёт меня к смерти. Но так и не смог его достичь.

На этот раз темнота была бесконечной.

Вечной.

Всё тело горело огнём. Голова и руки были тяжёлыми, а ноги слишком лёгкими. Я мерно раскачивался, и каждый раз меня словно переворачивало через голову.

Я слышал, как кто-то с печалью, то и дело прерываясь, читает отпущение грехов, уповая на милосердие Его и заступничество.

Я с трудом поднял тяжёлые каменные веки. Мир за время моего отсутствия в нём сильно изменился. Земля теперь была наверху, а небо где-то внизу. Их кто-то перепутал местами.

Прямо у меня перед глазами проплывала ещё кое-где покрытая грязным мартовским снегом дорога, на которую капала стекающая с моих пальцев кровь. Этой красной штуки во мне было удивительно много, и она никак не желала кончаться, отчего я, похоже, всё ещё пребывал в худшем из миров, а не пил нектары, выслушивая ангельские пения в райском саду.

Пришлось подключить к работе тяжёлую голову, чтобы понять, почему всё вверх тормашками. Меня несли, перекинув через плечо, словно добытую на охоте лань. Уголком глаза я видел краешек рваного солдатского мундира времён князя Георга и отполированную рукоятку серпа.

Пугало было крайне любезно, что решило доволочь меня до погоста.

— Проповедник, — тихо позвал я, но он, слишком занятый молитвой, услышал меня лишь с четвёртого раза.

— Святые заступники! Людвиг, держись. Мы отнесём тебя к лекарю, и ты поправишься.

«Какого же дьявола ты тогда читаешь по мне поминальную службу?» — хотел спросить я у него, но сил на это уже не осталось.

— Пугало тебя удачно нашло, ты выбрался довольно далеко от замка и *фигуры,* — продолжал тот. — Кто тебя так? Просто удивительно, что ты ещё жив.

— Стражи… — просипел я. — Ты привёл кого-нибудь? Они пришли?

— Тебе нельзя сейчас говорить. Представляешь, какое чудо, что мы смогли тебя отыскать…

Он болтал ещё что-то, тараторя, глотая слова, а я закрыл глаза, чувствуя, как болью в ране отдаётся каждый шаг Пугала.

Боль давала мне понять, что я всё ещё жив, но стекающая с пальцев кровь предупреждала, что моя удача тает с каждой красной каплей, упавшей на землю. Мне хотелось спросить, что же их так задержало,

узнать, где Братство, и выбрался ли Карл, но я мог лишь думать об этом, пока не впал в забытье.

Последней моей осознанной мыслью была уверенность, что Пугало, несмотря ни на что, донесёт меня или до лекаря, или до могилы.

Куда именно выведет нас эта дорога, я не знал.

Москва
Июнь 2009 — январь 2010

Глоссарий

Альбаланд — крупное государство на северо-западе Центрального континента.

Королевство, ранее являвшееся материковой частью Ньюгорта, получило независимость после череды кровавых войн, последняя из которых завершилась победой Альбаланда в морском сражении в бухте Ожидания.

Известно сильным флотом, мореходами, путешественниками, первооткрывателями и тем, что оказывает полную поддержку стражам, которые организовали на его территории школу и свою штаб-квартиру.

Политика стражей достаточно сильно влияет на политику страны — четверо магистров Братства стражей входят в королевский совет. Процент от доходов Братства уходит в королевскую казну (аренда земель, право находиться на территории страны), что делает Альбаланд одним из самых богатых государств со стабильной экономикой.

Альта — иное существо. Умеет читать мысли и принимать человеческий облик. Практически уничтожены.

Ангжис — иное существо. Живут крупными кланами в Кайзервальде и его окрестностях. Лояльны к людям. В кланах ангжисов — матриархат, женщины являются правителями. Каждые восемь лет кланы устраивают большие сражения. Победивший клан получает право быть главенствующим на следующий «правящий цикл».

Ангжисы — отличные воины и охранники. Охотно служат людям.

Арафея — родина Иисуса, далеко на юго-востоке от Центрального континента. Была отбита арафейцами у хагжитов после его рождения и стала независимым государством на одно тысячелетие. Затем двести сорок два года являлась Королевством Гроба Господнего, пока хагжиты не выбили крестоносцев обратно на Центральный континент и не восстановили контроль над Арафеей.

Арденау — столица Альбаланда. В городе расположена штаб-квартира стражей и знаменитая школа Братства.

Барбург — карманное герцогство, недалеко от земель Кантонов и Вальзофской горной цепи. Герцог Барбурга является номинальным владыкой, тогда как вся власть сосредоточена в руках кардинала, а следовательно, Церкви.

Несмотря на это обстоятельство, Барбург является просвещённым, светским государством, с толерантностью относящимся к волшебству и иным существам. Именно здесь проживает самое крупное сообщество ведьм и колдунов, лояльных к Церкви. И именно в этом герцогстве был выдан первый патент волшебникам, принявшим крещение.

Богежом — столица княжества Фирвальден, расположена на севере государства.

Братство стражей — история Братства, как официальной организации, начинается со времён императора Августа, когда он повелел создать орден воинов, борющихся с тёмными душами. До этого времени стражи, в большинстве своём, действовали отдельно друг от друга, без чёткой организации, лишь иногда объединяясь в городские ремесленные союзы. Несколько следующих императоров, а затем и королей-варваров, захвативших земли империи, поддержали идею развития ордена из-за большого количества тёмных сущностей в мире.

Довольно долгое время штаб-квартира стражей находилась в Прогансу, но из-за конфликта с королевским домом этой страны стражи перебрались в Альбаланд по приглашению короля Ульрика Скряги.

Руководит Братством совет магистров, количество которых раньше варьировалось, а теперь равняется пятнадцати.

Бригады наёмников — наёмные отряды, преимущественно из Лезерберга, Фрингбоу и Кантонов, служащие за деньги князьям, герцогам и торговым союзам. В отличие от наёмных отрядов других стран, бригады являются маленькими частными армиями, финансируемыми в основном городами и собираемыми из числа их жителей. Соответственно часть заработанного во время кампаний уходит в казну города-покровителя.

Бробергер — крупное королевство, обладающее сильной армией и лучшей артиллерией. Столица — Айзергау.

Королевство просвещённых, как его называют в других странах. На его территории расположено несколько университетов, в том числе и

лучший из медицинских, созданный на основе хагжитских медицинских знаний, которые восточные люди собирали тысячелетиями. По приглашению короля в Бробергере живёт большое количество лучших учёных Центрального континента, развивающих науку, а также художников и скульпторов. Бробергер является главной сокровищницей христианских святынь в мире, после Ливетты, столицы Святого Престола.

Бьюргон — королевство, соперничающее с Удальном за обширные территории на юге. В данный момент у власти находится семья Узурпатора — мелкие бароны, уничтожившие предыдущую династию во время восстания и захватившие королевский трон.

Валиты — монашеский орден, разбогатевший во время Крестовых походов и вывезший сокровища арафейских династий из завоёванной страны. Поговорка «богат, словно валиты» — очень распространена. Как говорят, валиты являются главными «спонсорами» церковных князей.

Вашский университет — конкурент Савранского университета. Расположен в столице Бробергера — Айзергау.

Ветеция — королевство, имеющее большое количество колоний на островах и Чёрном материке, ведущее постоянные войны с хагжитами. Поддерживается Церковью ради распространения веры среди еретиков дальних стран.

Вион — третий по размеру город Фирвальдена.

Витильское княжество — горное государство, зажатое между Ровалией и Ольским королевством. Является оплотом еретических учений и колдунов. Церковь Витильска не признаёт законов Святого Престола, индульгенций, божественности Христа, Троицы и Непорочного зачатия Девы Марии. Благодаря сильной армии, горной местности и помощи чародеев успешно противостоит нападениям христианских государств. Имеет выход к морю и при содействии чародеев, способных противостоять блокаде на море, ведёт торговлю с Хагжитским халифатом. Пользуется негласной поддержкой со стороны просвещённой знати Ровалии.

Гестанские княжества — обычно различают Западное и Южное — крупные княжества, и Северное, Белое, Лиловое, Лесное, Свирепое и

Громкое — более мелкие княжества. Все они заключили между собой военный и торговый союз. Товары торговцев из соседних областей Гестанства не облагаются налогом, введены ослабляющие законы за провинности гостей. В княжествах живут крупные общины иных существ.

Гилин — иное существо. Умеет читать мысли и насылать кошмарные видения. Всеядны, ненавидят людей и особенно — клириков. Обитают в городах в человеческом образе, сильные колдуны.

Грейн — крупнейшая река Центрального континента, берущая своё начало в Вальзофской горной цепи и протекающая через несколько стран.

Гьйендайвье — иное существо. Госпожи страсти, обладающие сильной природной магией, смущающие людей желаниями, умеющие управлять своими жертвами на расстоянии. Одна из древнейших рас на Центральном континенте. Уничтожены во время нескольких военных походов, организованных Церковью.

Далёкие острова — архипелаг, открытый мореходами Ветеции.

Дерфельд — один из городов государства Фрингбоу, славящийся своей наёмной бригадой. Находится на отрогах Агалаческих гор, которые в свою очередь являются частью Вальзофской горной цепи.

Дискульте — самая южная страна Центрального материка. Именно там находится знаменитый Каменный мыс, где последние годы жил и умер апостол Пётр. Мыс — святое место для каждого верующего, и ежегодно, в июне, множество паломников из всех стран приходит туда, чтобы поклониться святым мощам и получить прощение всех грехов.

Еретические государства — Витильское княжество и Золян.

Есфар — жаркая страна, завоёванная хагжитами и считающаяся родиной множества арафейских пророков, живших там до исхода в Арафею.

Жгун — иное существо. Лесной житель, обладающий сильной природной магией огня, из-за чего по ошибке был причислен к адским созданиям. Уничтожение жгунов ни к чему хорошему не привело.

Несколько сотен этих существ едва не сожгли Ливетту и остановились только тогда, когда Папа вышел к ним и дал слово, что их оставят в покое.

Законники — *см.* Орден Праведности.

Золян — одно из двух еретических государств, союзник Витильского княжества. В отличие от последнего, там верят в целый пантеон богов и лесных духов, настороженно относятся к стражам. На территории болот Золяна находится прямая дорога в ад, через которую периодически на Центральный континент проникают демонические сущности. Дружины Золяна сдерживают нечисть без церковной помощи, что тоже является ересью, но благодаря их полезности на общем собрании христианских государств было решено не трогать Золян, не насаждать там истинную веру и предоставить их самим себе, во всяком случае, пока Церковь будет не готова объявить новый Крестовый поход.

Знак — мощная атакующая магия стражей, видимая обычным людям и имеющая разнообразные формы и размеры.

Илиата — некогда часть одной большой страны, уничтоженной взрывом мощного вулкана из-за появления из его жерла демонов несколько тысячелетий назад. На данный момент — отдельное государство, почти три сотни лет находящееся под гнётом хагжитов, но отвоёванное во время восстания христианских жителей, поддержанных финансовой помощью со стороны Церкви, флота Ветеции и десанта Дискульте.

Иные существа — общее название других рас, живущих рядом с людьми.

Йомернская порода — порода собак, выведенная в Ньюгорте. Свирепые лохматые псы славятся тем, что на всю жизнь признают только одного хозяина и слушаются только его приказов.

Каварзере — герцогство, расположенное на полуострове Южного моря. Знаменито своими винами, лошадьми и святыми местами.

Кайзервальд — Королевский, или Тёмный, лес. Большая лесная территория в Бьюргоне, прибежище иных существ.

Каликвец — боевой монашеский орден. Воины Господни. Проявил себя в Крестовых походах, в борьбе с нечистью и колдунами. Монахи ордена обладают сильнейшей церковной магией и являются великолепными бойцами.

Каменные феи — иные существа. По слухам, исполняют желания, требуя за это безымянный палец.

Кветы — сказочные духи-паучата, по легенде, ткущие саваны для праведников. На самом деле — иные существа, обитающие в дуплах деревьев возле заброшенных дорог. Попросить их о помощи может только сильная ведьма.

«Кодекс теней» — законы Братства, которые предписано исполнять всем стражам. Например: уничтожать только тёмные души, владеть только одним кинжалом, регулярно сдавать кинжал на проверку для учёта собранных душ, подчиняться приказам магистров и пр.

Копняк — иное существо. Может взаимодействовать с душами, обладает волшебными способностями, живёт преимущественно в стогах, может причинять вред крестьянам, если его не задобрить.

Котерн — столица королевства Фрингбоу.

Кровавый буран — неизвестное явление, раз в десятилетие появляющееся на пустующих трактах, заброшенных лесных дорогах и уничтожающее всё, что встречается на его пути.

Лавендуззский союз — или Торговый союз Четырёх братьев. Создан в Альбаланде, на основе частного купеческого предприятия. На нынешний момент является богатейшей торговой организацией с представительствами во всех странах и во многих городах.

Лагонеж — княжество на западе материка, поддерживающее стражей и отказывающееся вступать в союз с Прогансу. Знаменито тем, что десять Пап подряд были выбраны из числа кардиналов Лагонежа.

Лезерберг — главный соперник и враг княжества Фирвальден, претендующий на его территорию.

Ливетта — столица Литавии. Здесь расположен Святой Престол.

Лисецк — столица Бьюргона.

Лисецкий бунт — знаменитый бунт, возникший среди черни, недовольной городской управой, отменившей праздничные мероприятия из-за отсутствия денег и плохой погоды. Пущенный кем-то слух, что все деньги украл бургомистр, и на этот раз дармовой выпивки не будет, привёл к четырёхдневным уличным боям, погромам, пожарам, мародёрству и убийству большого количества людей. Бунт был жестоко подавлен королём, по приказу которого в город были введены части регулярной армии. Зачинщиков четвертовали на центральной городской площади.

Литавия — сообщество городов-государств, княжеств и герцогств, объединённых в одну страну, под знаменем Святого Престола.

Лонн — столица Удальна.

Люс — один из кантонов, также называемый кантоном ведьм из-за того, что здесь прошла самая крупная единовременная казнь ведьм (четыреста три ведьмы).

Малисски — женский монашеский орден.

Мальм — столица Лезерберга.

Нарара — морская держава, соперничающая с Альбаландом и Ветецией в распространении влияния на заморские земли. Единственная страна Центрального континента, на территории которой обитали демоны. Христос изгнал их оттуда и запечатал адские врата.

Носители Чистоты — государственная организация, направленная против действия стражей на территории Прогансу. Состоит преимущественно из фанатиков, выискивает и уничтожает стражей, а также тех, кто им сочувствует и симпатизирует.

Ньюгорт — островное государство, некогда одно из самых могущественных, возникшее после развала Империи, когда та была

покорена варварами. Именно в Ньюгорте в то время базировался последний из великих легионов. В последующие шесть сотен лет королевство захватило обширные территории на Центральном континенте, но спустя время потеряло их после ряда неудачных военных кампаний. Последние отошедшие от Ньюгорта территории стали называть Альбаландом.

В данный момент существует обособленно и закрыто для посещения чужаков.

Одушевлённые — предметы, в которых по непонятным причинам зародилась светлая или тёмная душа. Достаточно редкое и малоизученное явление. Сильные одушевлённые могут на некоторое время покидать предмет и бродить в его образе. Чем сильнее одушевлённый, тем дольше он может обходиться без возвращения в свою «оболочку».

Ольское королевство — основной враг Чергия, претендующий на его территорию и вот уже вторую сотню лет пытающийся добиться от Ливеттского Престола буллы, признающей исконное право за королевской династией Ольска владеть спорными территориями.

Орден Праведности (Lex prioria. Lex talionis) — организация, считающая стражей опасными, созданная на основе финансирования нескольких правительств из числа стражей-бунтовщиков. На данный момент исполняет роль полицейских, контролирующих действия Братства. Люди Ордена имеют точно такой же дар, как стражи (т. е. видят души), но в большинстве своём их магические возможности гораздо слабее, и они не охотятся на тёмных сущностей.

Орденом управляют жрецы.

Первые — королевская династия Прогансу, потомки которой в той или иной степени в данный исторический период находятся на престолах множества других государств. Основателем династии Первых был император Константин.

При — небольшое морское государство южнее Фирвальдена.

Прогансу — крупное королевство на западе Центрального континента, одно из ведущих на политической арене. Известно тем, что не допускает стражей на свою территорию, где Братство находится вне закона.

Конфликт со стражами возник после того, как Братство отказалось (по

другим источникам — не смогло) помочь в спасении королевской династии Первых от тёмных душ. Из-за бездействия стражей все прямые потомки императора Константина были уничтожены, Братство объявлено преступниками и изгнано из страны. Большое количество стражей погибло там из-за того, что их объявили вне закона. С тех пор доступ стражей в Прогансу запрещён, их функции разделили между собой Церковь, Носители Чистоты и Орден Праведности, хотя справляются они с сильными душами из рук вон плохо, поэтому несколько юго-западных провинций государства считаются опасными для жизни, так как там развелось большое количество тёмных душ.

Псы Господни — отдел церковной инквизиции, владеющей магией и борющейся не только с обычной ересью, но и с колдунами, ведьмами и порождениями ада.

Пулу — столица При.

Ровалия — вторая страна на Центральном континенте, где стражи находятся вне закона в связи с тем, что государство не желает платить Братству за контроль над душами. Ровалия единственная страна, где по необъяснимой причине не появляются тёмные души.

Ругару — иное существо-получеловек. Порождение древнего проклятия, часто — плод ведьмы и демонической сущности. Порой ругару называют оборотнем, хотя к обычным вервольфам он имеет крайне отдалённое отношение и ближе к нечисти, адским псам и тёмным терьерам ночи.

Руже — столица Прогансу.

Савранский университет — старейший университет Центрального континента, главный конкурент Вашского университета. Был основан по приказу сына императора Константина. В число выпускников университета входит большое количество известнейших учёных, писателей, художников, философов и лекарей, изменивших представление о науке.

Садодд — библейский город на территории Арафеи, где жили солдаты императора Селестина. Город, погрязший в грехе и уничтоженный ангелами Господа за один час вместе со всем населением.

Сарон — княжество на юге Центрального материка, где большинство жителей — потомки хагжитов, смешавшиеся с местным населением. В Сароне правит султан, а не князь, но вместе с тем в государстве христианская религия. Сарон славится своей непримиримой позицией, противящейся истинной хагжитской вере, богатством, роскошью, дорогими дворцами и фейерверками. В княжестве уничтожаются любые иные существа и не запрещено рабство.

Саронский шёлк — производится в Сароне, единственной стране на Центральном континенте, обладающей секретом разведения шелкопрядов. Саронский шёлк является ценной роскошью, за которую в былые времена покупались целые графства.

Сигизия — часть некогда цельной страны (другая часть — Илиата), уничтоженной взрывом огромного вулкана. Остров до сих пор находится под властью хагжитов и является прибежищем для хагжитских пиратов.

Скирр — иное существо, внешне похожее на бородатого карлика, живущее под землёй, в пещерах, в горах. Обладает сильной магией земли, недружественен к людям.

Солезино — столица герцогства Каварзере.

Старга — иное существо. Кровопийца, охотящаяся на людей. Обладает сильной магией исцеления. Чтобы прожить, старге требуется пить кровь один раз в месяц, сельдерей является для неё смертельным растением.

Стражи — представители Братства, люди, обладающие способностью видеть души и одушевлённых. Охотники за тёмными душами.

Тёмные души — сущности, остающиеся после смерти некоторых грешников, способные перерождаться и изменять облик, который сильно отличается от человеческого. Остаются в этом мире, так как боятся суда и ада. Причиняют вред живым людям, за счёт которых и существуют в нашем мире.

Темнолесье — самый загадочный из лесов, занимает территорию,

равную целой стране, на острове, в море. Последний оплот иных существ.

Тинник — иное существо. Водяной.

Топлун — иное существо. Охотится на людей, утягивает в омут, где пожирает.

Тринс — второй по величине город Фирвальдена.

Удальн — герцогство, конкурирующее с Бьюргоном. За последние сто лет воевало с ним восемь раз.

Фалед — столица кантона Лис. Здесь добывают руду, из которой делают фаледскую сталь.

Фигура — одна из сторон магии стражей. *Фигура,* в отличие от *знака,* невидима обычным людям, гораздо менее разрушительна и в основном применяется не как атакующее заклинание, а как способ ослабить душу, вынудить её появиться, отступить и т. п. Впрочем, существуют и атакующие *фигуры,* но их мало.

Фирвальден — княжество, воюющее с Лезербергом. Известно в основном торговыми союзами и вольностями, а также тем, что когда-то поддержало идею создания Ордена Праведности, выделив стражам-бунтовщикам большие денежные кредиты.

Фрингбоу — небольшое государство, разделённое горной цепью на две половины.

Хагжиты — жители восточных стран, которым запрещён въезд в большинство христианских государств, если на то нет особых разрешений или распоряжений. Несколько общин хагжитов (в основном купцов) есть в южных странах Центрального континента.

Чергий — некогда одна страна с Ольским королевством, отколовшаяся от него после войны за престол. Чергий и Ольское королевство до сих пор спорят, какая из династий имеет большее право находиться на троне, и не могут решить вопросов независимости государств.

notes

Примечания

1

Душа Христа. Одна из молитв.

2

Еретик *(устар.)*.

З

Нона (девятый час) — молитва, читаемая приблизительно в три часа дня.

4

Муцет — длинный жилет серого или чёрного цвета, обшитый фиолетовым шнуром.

5

Особый закон *(лат.)*.

6

Закон возмездия *(лат.).*

7

Молитва святому Михаилу Архангелу.

8

«О, тот день слёз, когда восстанет из праха виновный грешный человек…» «Dies irae» («День Гнева») — церковный гимн.

9

Угроза гневным остриём (одна из стоек в фехтовании мечом).

10

То есть стать кардиналом.

11

Помни о смерти *(лат.)*.

12

Вечерняя католическая молитва.

13

«Кодекс теней» — ряд законов Братства стражей.

14

Арденау — столица королевства Альбаланд. Здесь имеется в виду Братство стражей, штаб-квартира которого находится в этом городе.

15

Булла — здесь «печать».

16

«О душах, их существовании и законах, к ним применяемых».

17

Конгрегация — совокупность монастырей, следующих одному и тому же уставу.

18

Ферберг — город в кантоне Южный Бранденбау, славящийся своими оружейниками.

19

Маленький, слабый, низкий *(лат).*

20

Белая стена — монастырь ордена валитов в Литавии, разорённый отрядом наёмников во время Сорокалетней войны. Псы Господни устроили охоту за убийцами монахов и уничтожили их в течение следующих пяти лет.

21

Псалтирь. 118:176.

22

Фараон — старое карточное название короля.

23

Псалтирь. 105:29.

24

Юстирский пот — болезнь, названная так по имени города Юстира, где она впервые появилась за пятьсот лет до Рождества Христова. Как говорят старые хроники, болезнь завезли по торговым путям с Востока, захваченного легионом демонов.

25

Шуко (цыг.) — красивый.

26

Вспомогательная часовня, пристраиваемая к основному храму.

27

Вельзевула также называют Повелителем мух. Мухи считаются грешными душами, которых собирает Вельзевул под своё знамя. Одним из его обликов является чудовищная муха.

28

Прошедшие полный курс обучения в медицинском университете (имели право на врачебную практику).

29

Митридат — опал.

30

В Средние века хирурги образовывали своё братство и считались гораздо ниже по регалиям и социальному положению, чем другие врачи, выступая в роли исполнителей или же слуг. Так, например, к братству хирургов также относились люди таких профессий, как костоправы, цирюльники (кровопускатели), банники (мозольные).

31

Сень над престолом, поддерживаемая колоннами.

32

Газир, он же *Азраил*, — демон смерти.

33

Савл (Саул, Шауль) — имя «апостола язычников» — Павла.

34

Здесь приводится неточная цитата из Книги Притчей. 26:11.

35

Здесь имена демонов.

36

«Догмы тьмы» — свод негласных законов сообщества ведьм и колдунов. Им следуют так называемые истинные ведьмы, не ставшие заключать союз с Церковью и преследуемые инквизицией.

37

Копняки (они же стожники) — иные существа, живущие по соседству с людьми, в основном — в полях. Предпочитают селиться в стогах. Обладают уникальными магическими способностями.

38

Наука о смерти.

39

Талеж — город на юге Альбаланда, славящийся своими белошвейками, кружевами и ткацким производством.

40

Старга (деревенск.) — упырь, пожиратель крови, принимающий вид пожилой женщины. Одна из иных существ.

41

Гримуар — книга, описывающая магические процедуры и заклинания для вызова духов (демонов) или содержащая ещё какие-либо колдовские рецепты. Марбас — один из демонов.

42

Карточная игра.

43

Н. З. 2-е Коринфянам. Глава 12, стих 10.

44

Рубус (от *лат*. rubus) — малина.

45

Название золотого дуката в Фрингбоу.

46

Узкая, обычно отлогая береговая полоса.

47

Ровалийская шпага — название широкого тесака длиной чуть больше локтя со шпажной гардой.

48

Каликвец — представитель монашеского ордена, основанного в честь святого Каликвия, непримиримого борца с ересью, новыми догматами и сатанинским отродьем. Монахи этого ордена обладают магией, свойственной Церкви.

49

Алгол (Алголь) — звезда бета Персея, также известная, как Глаз Медузы или звезда Сатаны. Переменная звезда, меняющая свою яркость с течением времени, отчего кажется, что она мигает.

50

Святая Агата отмечается 5 февраля.

51

Административно-территориальная единица в княжестве Фирвальден. Часто — маленький город или крупная деревня.

52

Ругару (Rougarou, Roux-Ga-Roux, Rugaroo, Rugaru) — оборотень.

53

День начала Великого поста.

54

В августе.